

ISSN 2221-3279 (print)

ISSN 2412-4990 (online)

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 Т.11 № 4

ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ
АРХИТЕКТониКИ И ПОИСК КИТАЕМ СВОЕГО МЕСТА (I)

THE LOGIC OF NEW WORLD ARCHITECTONICS:
PRAXIS AND THEORY OF RETHINKING MULTIDIMENSIONAL WORLD,
AND CHINA'S SEARCH OF ITS PLACE (I)

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2020 ● Т.11 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов, к.полит.н.

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледаев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунева, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Д. Богатуров, д.полит.н., проф., Москва, Россия

Элизабет Вишник, проф., Гос. у-тет Монклер, с.н.с.,
Колумбийский у-тет, США

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зебберс, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США

О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

Акичиро Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Гэй Кристоферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных
отношений и международного права, У-тет Тама, Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Махапатра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

В.П. Макаренко, д.полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-
Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГГУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрельцова, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва,
Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Ши Чиюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского
Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена,
заслуженный национальный проф.

Чжао Хуацзэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия

Дэвид Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж;
ассоциированный исследователь,
Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №39

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7

Тел.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,25

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная

Подписано в печать 06.10.2020

Выход из печати: 23.10.2020

ISSN – 2221-3279

ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2020

© Воскресенский А.Д., 2020

© Сравнительная политика, 2020

© Издательская группа «Юрист», 2020

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 ● Vol. 11 № 4

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*, Cand. of Political
Science

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr. of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayse Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Rela-
tions and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS

Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikhreev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyaev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Elizabeth Wishnick, Professor, Montclair State University;
Senior Research Scholar, Columbia University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No.39 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamiyanskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 26,25
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 06 October 2020
Printed: 23 October 2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2020
© Voskressenski A.D., 2020
© Comparative Politics, 2020
© Publishing Group "Yurist", 2020

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

А.Д. Воскресенский. Логика новой мироустроительной архитектуры: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Jui-Ling Hsieh. Capitalism or Socialism: A Comparative Analysis of Sun Yat-Sen and Lenin

И.Е. Денисов. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине

В.А. Скосырев. Идеологическая трансформация КНР: параллели с поздним социализмом в СССР

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Hriday Ch. Sarma. International Interdependence for Energy Security in Present Times

Р.С. Мухаметов. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств

В.С. Ягья, И.А. Антонова. Государства с ограниченным признанием во внешней политике Российской Федерации: сравнительный анализ основных черт

Е.И. Зеленов, М.А. Солощева. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Л.Э. Слуцкий, Е.А. Худоренко. ЕАЭС: уроки пандемии

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

А.Н. Карнеев, А.С. Пятчкова. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии

5 Alexei D. Voskressenski. The Logic of the New World Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China's Search of Its Place

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

27 Jui-Ling Hsieh. Capitalism or Socialism: A Comparative Analysis of Sun Yat-Sen and Lenin

42 Igor E. Denisov. The Concept of "Discursive Power" and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping

53 Vladimir A. Skosyrev. Ideological Transformation of the PRC: Parallels with Late Socialism in the USSR

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

61 Hriday Ch. Sarma. International Interdependence for Energy Security in Present Times

78 Ruslan S. Mukhametov. «Soft Power» of Russia and the EU in the «Common Neighborhood»: Comparative Analysis of the Programs of Political Parties in Post-Soviet States

92 Vatanyar S. Yagya, Irina A. Antonova. States with Limited Recognition in Russian Foreign Policy: Comparative Analysis of Key Features

106 Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. Chinese Rush to Africa: Comparative Historical Analysis

DISCUSSION

123 Leonid E. Slutsky, Elena A. Khudorenko. EAEU: Pandemic Takeaways

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

135 Andrey N. Karneev, Anastasia S. Pyatachkova. Analysis of Discussions within the Chinese Society on China's Position in World in the Context of Sino-American Relations Deterioration during the Pandemic Period

СОДЕРЖАНИЕ

С.В. Михневич. Сотрудничество Китая с многосторонними институтами международного сотрудничества по проблематике развития (на примере взаимодействия с институтами ООН)

И.В. Данилин. Американско-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора

А.В. Губин. Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ю.С. Медведев. Зачем автократам выборы? Политическая наука о роли выборов при авторитаризме

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.С. Неретина. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В.П. Макаренко

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENTS

148 **Sergey V. Mikhnevich.** China's Cooperation with Multilateral Institutions of International Cooperation on Development Issues (Example of Interactions with the UN Institutions)

160 **Ivan V. Danilin.** The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector

177 **Andrey V. Gubin.** Russian Far East in Chinese Belt and Road Initiative: Prospects and Problems

RESEARCHERS' NOTES

189 **Yuri S. Medvedev.** Why Do Autocrats Need Elections? Political Science about the Role of Elections in Authoritarianism

REVIEWS

201 **Svetlana S. Neretina.** Bureaucracy of Power and of the Power Bureaucracy: Review on the Collection of Essays by V.P. Makarenko

209 **GUIDE FOR AUTHORS**

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ: ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ МНОГОМЕРНОГО МИРА И ПОИСК КИТАЕМ СВОЕГО МЕСТА

Предисловие главного редактора к № 4, 2020 и №1, 2021

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> <i>Принята к печати:</i></p>	<p>Аннотация: В статье показана логика нарождающейся мироустроительной архитектуры постпандемического мира. Анализируются этапы становления в России теоретического знания о формировании многомерного, взаимозависимого и полицентричного мира. Уделено внимание практике поиска Китаем своего места в этом мире. Показываются преимущества мирового комплексного регионоведения как междисциплинарной методологической платформы анализа процессов многомерного и полицентричного мира и одновременно как этапа формирования мироустроительной теории многомерной и взаимосвязанной полицентричности. Объясняется как формируется взаимосвязанность в мире глобальных регионов, обосновываются концепции функциональности и трансрегионализма как инструменты взаимосвязанности. Уделено внимание дискуссиям о месте востоковедения в российской номенклатуре общественных наук и возможным будущим направлениям трансформации науки о международных отношениях.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор Кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: многомерный полицентричный мир; теория международных отношений; наука о международных отношениях; комплексное регионоведение; мировое комплексное регионоведение; Китай; функционализм; трансрегионализм</p>	

Постулирование стадильности осмысления и переосмысления процессов становления многомерного мира

Осмысление и переосмысление многомерного мира прошло ряд структурно-содержательных стадий становления. Поначалу это осмысление шло в основном в русле всеобщее-исторического осмысления мировых процессов, далее стали отчетливо намечаться две тенденции – мирополитическая и мироустроительная. Первая апелли-

ровала преимущественно к политическому пониманию составляющей национальных и международных процессов на основе осуществления властных функций и де-факто иерархизированной системы устройства мира, вторая – к мироустроительному, т.е. шире, чем политическому, включая в том числе и практическое, и управленческое

измерение и ориентированное на гармонизацию всех процессов с ориентацией на развитие. Каждая из этих тенденций имела свои последствия с точки зрения преодоления старого или трансформации, ведущей к какому-то новому качеству¹.

Сначала в Институте Дальнего Востока РАН, а затем уже и в самом МГИМО стала разрабатываться концепция многофакторного равновесия международных отношений². В основе работ на эту тему поначалу лежала проблематика, связанная с Китаем³, прежде

всего проблемы построения взаимовыгодных конструктивных отношений между двумя соседями – авторитарным государством, перешедшим от тоталитарности к открывающемуся, ограниченно конкурентному авторитаризму в области политики и динамично развивающейся рыночной экономики все более конкурентного типа и другим – стремительно трансформирующимся от тоталитаризма и авторитаризма к демократической форме правления на основе свободного и ничем не ограниченного рынка. Т.е. в основе теории многофакторного равновесия в международных отношениях многомерного мира лежала прежде всего не разработка проблем собственно китаеведения, хотя такая задача также ставилась, но проблем теории международных отношений и взаимоотношений государств в их ипостаси сложных и трансформирующихся двусторонних отношений, прежде всего государств, имеющих долгую, тесную и сложную историю международных контактов. Китай и Россия были взяты в качестве кейсов, которые позволяли выйти на обобщения макроисторического и политического характера, проверенные на достаточно протяженном историческом материале различных аспектов двусторонних отношений.

При разработке этой концепции очень быстро стало ясно, что одними теоретическими построениями в области международных отношений также не обойтись. В то же время кейсы России и Китая максимально удачно отвечали теоретической и практической необходимости разработки комплексных построений и конкретно проблеме соотношения национальных, государственных, общественных и личных интересов, решение которой позволяло проверять теоретические построения, в том числе и на практике современных трансформаций, а также позволяло строить расширительные интерпретации на основе конкретной концепции.

Конечно, теория многофакторного равновесия в международных отношениях была ориентирована на применение не только в

¹ Барановский В. Новый порядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, №5. С. 7-23. [Baranovsky, Vladimir G.. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? // *World Economy and Internal Relations*, 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 7-23.]; Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // *Политические исследования*. 2016. № 1. С. 29-43. [Alekseyeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // *Politicheskoye issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 29-43.]

² Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский; Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр «Россия-Китай». М.: 1999. 408 с. [Voskressenski, Alexei D. Rossiya i Kitai: Teoriya i Istoriya Mezhgosudarstvennikh Otnoshenii (Russia and China: Theory and History of Inter-State Relations). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / Moscow Public Science Foundation, 1999. 408 p.]; *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations* / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.; Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский; МГИМО(У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с. [Voskressenski, Alexei D. Kitai i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya Dinamika Politicheskikh Vzaimovliyaniy (China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Influences). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / East-Vest Publishers, 2004. 603 p.]

³ Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика / А.Д. Воскресенский; Никитский клуб. – М.: Восток-Запад, 2004. – 124 с. [Voskressenski, Alexei D. Rossiisko-kitayskoye Strategicheskoye Vzaimodeistviye i Mirovaya

Politika (Russian-Chinese Strategic Interaction and World Politics). Moscow: Nikitskii Club – Votok-Zapad Publishers, 2004. – 124 p.]

России и Китае и для России и Китая, но как минимум и для стран Центральной Азии, а в идеале и для всей Евразии в целом. Т.е. эта теория была ориентирована на объяснение и прогнозирование политики стран, в которых авторитарное начало и сложное историческое прошлое в отношениях оказывали большое влияние на практику построения отношений в целом, продолжают играть большое значение, или же которым пришлось «конструировать» прошлое по каким-то причинам заново, «нормализуя» или «повторно нормализуя» свои отношения.

Поскольку проверить эту теорию на всем огромном евразийском региональном сравнительном материале, который к тому же в 1990-ые и 2000-ые годы стал претерпевать стремительную трансформацию, было крайне сложно, если не невозможно, теория многофакторного равновесия была разработана и проверена на материале исторического полотна 400-летней истории русско-китайских, советско-китайских и российско-китайских отношений. Практическая сторона этой теории, разработанной в конце 1990-ых годов, для понимания, форматирования и прогнозирования взаимоотношений России и Китая, нормализации советско-китайских, а потом повторной нормализации российско-китайских отношений и установления партнерских отношений между двумя странами, была в достаточно высокой степени востребована, в то время представлялась новацией в объяснении, прогнозировании и форматировании двусторонних отношений и существенным приращением международной теории⁴, а общая теоретическая состав-

ляющая оказалась важна и для молодого поколения исследователей в последующие годы⁵. К слову, эвристический потенциал этой теории не исчерпан и сегодня, учитывая поворот к геополитическим противостояниям, конкуренции и переформатированию геополитического пространства.

Логика расширения фокуса анализа и создание теоретического аппарата для аналитики и исследований: Китай – Восток – Запад

Однако далее стало ясно, что движение вперед в области теории возможно, если в

⁵ Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития [Ananyina, K.A. The Influence of the Chinese Factor on Indian-American Relations in Modern World Politics. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)]; Конкин А.А. Структурные особенности трансрегионального партнерства стран БРИКС и его потенциал в системе глобального управления. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. [Konkin, A.A. Structural Features of the BRICS Countries' Transregional Partnership and Its Potential in the Global Governance system. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)]; Кузнецов Д.А. Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. [Kuznetsov, D.A. The phenomenon of International Transregionalism and Its Impact on Modern World Political Processes. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development. (in Russian)]

⁴ См. рецензии: «НГ-Экслибрис», сентябрь 2000; Е.Д. Степанов, Свободная мысль, 1996, No. 11, С. 125; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / П.М. Иванов, А.И. Салицкий, С.М. Труш, А.В. Ломанов и др. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность, 2000, № 5-6. [Voskresenskiy, A.D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezghosudarstvennykh otnosheniy (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations) / P.M. Ivanov, A.I. Salitskiy, S.M. Trush, A.V. Lomanov // Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost', 2000, No. 5-6.]

фокусе интересов будет не только Китай, но и весь Восток, и даже шире, чем Восток – Незапад в целом. Логика этого понятна – хотя Россия и вошла в состав ядра мировых демократических государств мира, однако уступала им по всем параметрам, а успешного быстрого политического и финансово-экономического транзита к новому качеству не происходило. Наоборот, последовала серия финансово-экономических кризисов конца 1990-ых гг., этап политической нестабильности, «семибанкирщины», олигархического капитализма и замедленной экономической трансформации. Такая ситуация вызвала нарастание напряжения отношений с западными странами и стимулировала поиск альтернативных путей повышения стабильности и успешности внешней политики. Параллельно процесс мировой демократизации (третья волна демократизации) по разного рода причинам стал встречать противодействие, поскольку приводил в отдельных региональных сегментах мира не к улучшению экономической ситуации, а к дальнейшим политическим и экономическим трудностям в построении практических моделей устойчивого развития. Для дальнейшего теоретического осмысления мирового процесса требовалось более глубокое понимание структурно-политических характеристик мира, в том числе и прежде всего – Востока, которые определялись историей, культурой и их международно-политическими составляющими. Для этого нужно было «достроить» сравнительную политологию⁶, которая

⁶ Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО(У) МИД России; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с. [Politieskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.]; Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с. [Vostok i politika: Politieskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and the Politics: Political Systems, Political Cultures and Political Processes). Moscow: Aspekt Press, 2011. 685 p.]; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с. [Vostok

была тогда, да и по сей день во многих отношениях все еще остается «западоцентрированной» дисциплиной, до «глобальной» или «мировой» сравнительной политологии «через» объяснения «незападной» / «восточной» структурной специфики, которая или была незнакома многим политологам в силу их западоцентричного, а подчас и непрофильного образования – или попросту игнорировалась из-за узкого, «зашоренного» понимания мирополитической проблематики⁷. Однако в мирополитической и сравнительно-политической проблематике ее макрорегиональная восточная часть, концептуально, содержательно и геополитически была чрезвычайно важной, в том числе и из-за неоднократных попыток силового трансформирования глобальных процессов, как со стороны Запада, так и со стороны Востока.

Другой стороной этого процесса была созидательная и конструктивная составляющая «восточного мира» – происходило усиление конструктивно-созидательной структурной роли Востока в мирополитических процессах. Важнейшей частью этого нового мирового тренда стали процессы в Восточноазиатском регионе, «Большой Восточной Азии» и, в частности, в связи с перспективами комплексной трансформации Китая⁸.

i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.]

⁷ Воскресенский А.Д., Белокреницкий В.Я., Лунев С.И., Стрельцов Д.В., Ефремова К.А. Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов. М.: Издательство «Юрист», 2010. 146 с.; Специальный выпуск журнала «Сравнительная политика». № 2, 2010; Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V.Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p. (Special Issue: *Sravnitel'naia politika (Comparative Politics)*, № 2, 2010.]

⁸ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет,

В этом процессе формулирования новых и переформулирования старых макрорегиональных мирополитических и структурных закономерностей концептуализация китайского и азиатского феноменов сыграла решающую роль.

Важно отметить, что перспективной площадкой для осмысления этих трансформаций стало интеллектуально «проявляющее» в то время направление «регионоведение». Направление это считалось малокреативным, неперспективным и консервативным. Однако неожиданно оказалось, что «оставленное умирать» и не имеющее никакой административной и финансовой поддержки направление стало динамично развиваться из-за своей внутренней содержательной конкурентности, которая позволяла не копировать чужие теории, а вполне в соответствии с международными стандартами развивать те креативные сегменты теории, которые по каким то причинам не были охвачены ни теорией международных отношений (ТМО), «внутри» которой стремительно развивалась такое направление, как мировая политика, ни классическим регионоведением (*Area Studies*), которое не могло найти для себя приемлемой методологической базы и которое справедливо критиковалось за эклектицизм подходов и субъективное отражение сиюминутных политических и внешнеполитических интересов великих держав. Регионоведение в то время считалось оплотом консерватизма и архаики в общественных науках. Далее ситуация начала быстро меняться – это направление получило конкурентное название – «зарубежное регионоведение», а затем, в ходе своего развития, стало все более комплексным и интегративным. Это потребовало создания содержательного стержня и учебной метадисциплины, которая получила название «мировое комплексное регионоведение»⁹.

2010. 443 с. [«Bol'shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i regional'nye transformacii ("The Greater East Asia": World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.]

⁹ Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 1, М.: МГИМО Университет, 2018. 597 с. [Mirovoye kompleksnoye

regionovideniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 1. Moscow: MGIMO University, 2018. 597 p.]; Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 2, М.: МГИМО Университет, 2018. 478 с. [Mirovoye kompleksnoye regionovideniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 478 p.]; Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса: сравнит. анализ междунар. опыта и авторская концепция модульной магистерской программы «Афро-азиатские исследования» по направлению «Зарубежное регионоведение» / А.Д. Воскресенский, К.А. Ефремова, С.И. Лунёв, С.Г. Лузянин; МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2007. 191 с. [Modul'nyi printsip obucheniia vostokoveda v usloviakh Bolonskogo protsesssa: sravnit. analiz mezhdunar. opyta i avtorskaia kontseptsia modul'noi masterskoi programmy «Afro-aziatskie issledovaniia» po napravleniiu «Zarubezhnoe regionovedenie» (Modular Approach for Asian Studies Students in Bologna Process: Comparative Analysis of International Practice and the Author's Conception of Modular Master Programme "Asian and African Studies" (World Regional Studies)) / A.D. Voskressenski, K.A. Efremova, S.I. Lunev, S.G. Luzianin; Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007. 191 .]. Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (1): Магистерская программа «Исследования регионов стран Азии и Африки» / МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 356 с. [Mirovoye kompleksnoye regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniia: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu. V 4 ch. Ch. 4. (1): Masterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-1): Master programme "Asian and African Studies" / Ed. and comp. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2005. 356 p.]; Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (2): Магистерская программа «Исследования регионов стран Азии и Африки». МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 355 с. [Mirovoye kompleksnoye regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniia: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu.

Эта дисциплина стала концентрироваться на теоретико-практическом осмыслении мироустроительных процессов.

Лежащие в основе «мирового комплексного регионоведения» оригинальная методология и теория основывались на «отсечении» методологических и теоретических крайностей, концентрации на практико-ориентированных инструментах анализа, на получении практических результатов синтетического и комплексного характера¹⁰. Это «отсечение» диктовалось прежде всего практической целесообразностью – необходима была не только и не столько концептуализация структурной специфики того, что условно называется «Западом», поскольку за этим направлением стояла вся мощь интеллектуального потенциала западного политического сообщества, но и особенно того, что условно называется «Незападом», частью которого является «Восток». Связано это было с практической необходимостью отражать в анализе и прогнозировании новейшие тенденции мироустроительного характера, связанные с Востоком, поскольку все то, что было ассоциировалось с политическими процессами в Западных странах в научной литературе и политической жизни, объяснениях и описаниях превалировало

V 4 ch. Ch. 4. (2): Magisterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-2): Master programme “Asian and African Studies”. Moscow: MGIMO University, 2005. 355 p.]

¹⁰ Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2015-2020. 448 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015-2020. 448 p.]; Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 416 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.]; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Praxis of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.].

стократным образом. Таким образом интерес к комплексному регионоведению не случаен, связан с глубоким профессиональным интересом к новому осмыслению всемирно-исторического процесса во всей реальной сложности и особенно с анализом практической политической и мироустроительных составляющих, а также с их теоретической и практической интерпретациями.

Логика вычленения регионального уровня анализа

С точки зрения теории, мировое комплексное регионоведение базируется на положении о том, что «между» глобальным подходом, реальной мировой политикой и международными отношениями конкретных государств есть региональный уровень, возникший на этапе перехода системы от биполярности / однополярности к полицентричности, которая находится в стадии постоянной трансформации. Именно на этом уровне формируется то, что потом может стать глобальным, а глобальное в конкретной политике, приобретает в практической действительности макрорегиональный и региональный характер. Региональный уровень – это полигон для национального, функция которого состоит в том, чтобы защищать и продвигать конкурентное национальное, а удачно обобщенное и не отторгаемое на этом уровне региональное становится макрорегиональным и глобальным.

Соответственно, важными для понимания логики новой мироустроительной архитектоники являются следующие проблемы: какую роль в формирующейся полицентричности может играть региональное распределение силы или мощи?¹¹ Играет ли влияние, мастерство решения национальных и региональных проблем, наконец – лидерство, большую роль в нынешних условиях, чем

¹¹ Дегтярев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: RuScience, 2020. [Degterev, D. Otsenka sovremennoi rasstanovki sil na mezhdunarodnoi arene b formirovaniye mnogopolyarnogo mira (Appraisals of the Contemporary Arrangements on International Arena and the Formation of Polycentric World). Moscow: RuScience, 2020. 213 p.]

сила? Как влияние, сила, мощь влияют на региональные нормы с точки зрения шансов для них стать универсальными в регионе и шире – на международном и глобальном уровне? Как региональный уровень может влиять на политики региональных держав, в том числе и с точки зрения превращения их в глобальные державы или в глобальных гегемонов? Как региональная интеграция может быть связана с региональным и глобальным лидерством? Какую роль региональные коалиции играют в продвижении к глобальной гегемонии или супер-державности? Или в торможении этого процесса? Что такое региональная держава и какую роль в многополярной международной системе может играть эта категория держав? При каких условиях региональная держава может стать глобальной? А глобальная держава возвратится на региональный уровень или восприниматься как де-факто региональная?

Главный результат этой интеллектуальной работы – формирование плюралистическо-ориентированной мировой теории международных отношений (ТМО) через ее частичную «национализацию» и расширение применения для более успешной практической деятельности и подготовки нового поколения исследователей и практиков уже на новом уровне познания мира. Естественно, что глубокого понимания этой проблематики невозможно добиться без знания сравнительной мировой истории и понимания политической составляющей международных процессов. Однако в настоящее время только лишь ориентация на абстрактные модели функционирования политических процессов также является недостаточной, поскольку конкретика истории и процессов функционирования государств и обществ в региональных сегментах мира может вносить в эти процессы существенные коррективы.

Надо хорошо понимать при этом, что термин «Незапад» и «незападное» носит инструментальный характер, преувеличивать конструктивистское значение этого термина не стоит¹² – речь идет не о радикальной и утопической задаче переустройства мира, а

¹² Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

о познании процессов функционирования сложных социальных систем незападного типа посредством методов кроссрегионального анализа, а также анализа на региональном уровне проблемы понимания механизмов различия и сочетания общего / особенного, универсального / специфического в теоретической и практической деятельности¹³, связанной прежде всего с макрорегиональной проблематикой, где выше степень взаимосвязанности, взаимных интересов, а значит и возможностей к формированию различного рода практикоориентированных компромиссов, нацеленных на сохранение политической и экономической стабильности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Мировое комплексное регионоведение как веха на пути новых объяснений эволюции многомерного полицентричного мира.

Мировое комплексное регионоведение в этом смысле можно рассматривать как веху на пути формулирования новых объяснений эволюции многомерного полицентричного мира и даже создания теории многомерной полицентричности в международной проблематике, которая смогла бы объяснить логику новой формирующейся архитектоники не через параллельно нарождающийся всеобщий глобальный универсализм системного характера, а через формирование трансрегиональных процессов усиления / ослабления взаимосвязанности иерархизированной и одновременно равноположенной, соположенной и основанной на взаимопроникновении системы регионов мира.

В одной из своих статей заведующий Кафедрой теории регионоведения МГЛУ В.В. Макаренко высказывает предположение, что мировое комплексное регионоведение, как дисциплина и направление,

¹³ Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Сравнительная политика. 2015. № 2. С. 13. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // *Comparative Politics Russia*, 2015, No 2, p. 13.]

находятся в процессе формирования, в то время как комплексное регионоведение уже давно оперирует географическими, геополитическими, историко-географическими, культурными и экономическими характеристиками региона¹⁴. Однако комплексное регионоведение не решает и даже не ставит задачу объяснения глобальной взаимосвязанности мира, связанной как с технологической, так и с духовной стороной развития человечества, сохраняя, и даже пестуя онтологический разрыв между региональным и глобальным.

Мировое комплексное регионоведение в свою очередь идет существенно дальше комплексного регионоведения, развивая его теоретическую сторону и выделяя такой тип регионов, как функциональный регион наряду с географическими и другими традиционными (исторический, международный, культурный, экономический и др.), которыми оперирует комплексное регионоведение и традиционное регионоведение. Функциональный регион не обязательно имеет какие-либо географические границы, хотя он имеет, конечно, свои географические координаты. Он может вообще не иметь точных географических границ, или может быть разделенным географическими континентами или океанами. Функциональные связи, на основе которых образуется функциональный регион, могут носить в том числе как транснациональный, так и трансрегиональный характер. Т.е. понятийный аппарат мирового комплексного регионоведения в его мироустроительной интерпретации шире, чем у «классического» регионоведения, и даже «комплексного регионоведения», включает мироустроительную составляющую и понятийный аппарат, включающий понятия «макрорегиона», «мезорегиона», «регионального комплекса», «региональной подсистемы», «функционального региона»

¹⁴ Макаренко. В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12-33. [Makarenko, Vadim V. Ob obyektнопредметном pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugikh nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.]

как особого типа регионов, и не исключает также такой его нарождающийся тип или вид (это еще предстоит установить в ходе дальнейших исследований) как «глобальный регион», а также такого понятия как «трансрегионализм», которое объясняет механизмы старой и новой взаимосвязанности сегментов мира в условиях формирования новой мироустроительной архитектоники¹⁵. Т.е. мировое комплексное регионоведение вопреки некоторым представлениям не постулирует необходимость анклавно-конгломеративного развития мира, но и не исключает полностью такой путь развития как, к примеру, глобализм, который основывается на том, что глобальность и глобальный порядок представляет собой в географическом аспекте единое нефрагментированное пространство, ограниченное геосферой. Мировое комплексное регионоведение объясняет взаимосвязанность и глобальность мира через понятия трансрегионализма (разных типов) и функциональности (разных типов и видов), т.е. рассматривает взаимосвязанность и глобальность как процесс формирования глобальных регионов с разной степенью плотности функциональных связей и взаимоотношений, соединенных разнопорядковыми, соположенными, равноположенными и взаимно переплетенными трансрегиональными связями разных типов. Мировое комплексное регионоведение вводит в научный оборот универсализированное (именно «универсализированное», а не «универсальное») понятие региона, которое признает наличие у региона изменяющихся и даже «текучих» границ, объясняет причины этого феномена, позволяет форматировать и управлять этим процессом, а также

¹⁵ Кузнецов Д.А. От региональной интеграции к трансрегиональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 94-103. [Kuznetsov, D.A. Ot regional'noy integratsii k transregional'noy: k postanovke teoreticheskoy problemy (From Regional to Transregional Integration: Theoretical Issue) // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2019, Vol. 5 (71), No. 1, pp. 94-103.]

заниматься прогнозированием и форматированием процессов мироустроительного характера на всех уровнях анализа – национальном, региональном и глобальном. Универсализированное понятие региона является онтологическим звеном взаимосвязи глобального и национального уровней в международных отношениях, которое позволяет концептуализировать сферу регионального как отдельный уровень анализа, управления и форматирования, показывая, как и на основе каких связей стягивается разрыв глобального и национального.

В соответствии с универсализированным определением региона «под *регионом* в широком смысле подразумевается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в специфической однородности географических, природных экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию»¹⁶.

Универсализированное понимание региона создает базу для понимания истинной методологической меж- и транс- и постдисциплинарности международной проблематики¹⁷, позволяет рассматривать процессы формирования и эволюции как территорий внутри государства, так и самих государств, а также региональных образований разного рода шире, чем территория национального государства. Понятно и практическое экономическое значение такой постановки вопроса. Мировое комплексное регионоведение (МКР) позволяет рассматривать глобальный мир как систему взаимосвязанных регионов

разного типа, в том числе в одной из его идеализированных ипостасей как глобальный мир сегментированных в пространстве, но особым образом взаимосвязанных, накладывающихся друг на друга, соположенных или равноположенных многомерных глобальных регионов, «глобальность» которых саморегулируется или регулируется (изнутри или извне) успешностью / неуспешностью комплексных моделей их существования в пространстве-времени мирового развития. С этой точки зрения глобальный мир в его идеализированном проявлении можно рассматривать как единый макро-регион плоскостной развертки глобальных связей, отвлекаясь от того факта, что 3D развертка этого глобального региона на всю свою глубину может быть сегментирована менее существенными различиями в конкретных сегментах политических, экономических или культурных связей, существенных для населения, к примеру, с точки зрения его привычного жизненного уклада, но унифицированного определенными правилами и нормами на глобальном уровне взаимодействия представителей отдельных государств.

Появление универсализированного определения региона носит далеко идущие последствия, поскольку оно позволяет переформулировать признаки и характеристики современного периода трансформации глобального порядка. В соответствии с этим определением:

1. Глобальное не обязательно нефрагментировано. Оно может быть фрагментировано особым образом на равноположенные или соположенные, взаимонакладывающиеся глобальные регионы или регионы других типов, границы которых относительно и изменяемы в соответствии с конкретными условиями, отраженными в универсализированном понятии региона. Т.е. определенные типы и виды особого, основанного не на географических принципах, фрагментирования мира не обязательно вступают в противоречие с глобальным, а могут даже вполне гармонично с ним сосуществовать на основе взаимопроникновения составных частей, функциональной взаимосвязанности интегративного типа и трансрегиональных

¹⁶ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность. М.: Магистр, 2020. С. 148. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye: vvedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: an Introduction to the Specialty). Moscow: Magistr, 2020. P. 148.]

¹⁷ Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр, 2020. С. 368-376. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies). Moscow: Magistr, 2020. Pp. 368-376.]

взаимодействий, отражая более сложное и комплексное понимание – согласование мироустроительных закономерностей на современном этапе развития человечества.

2. Глобальное фрагментированное и взаимосвязанное особым образом не обязательно предполагает только наличие иерархических структур, а может осуществляться на основе сетевых принципов взаимодействия, которые строятся на других основаниях, чем иерархические структуры.

3. Следствием сформулированных выше положений может быть не появление универсального глобального порядка, которое все никак не явится миру по многим причинам, а многофакторное равновесие взаимосвязанных и постоянно трансформирующихся и трансформируемых регионов мира, развивающееся на основе конкуренции, функциональных связей, трансрегионализма и сетевых принципов взаимодействия.

4. В международной системе такого типа становятся главными не только и не столько мирополитические принципы отчетливых моделей власти, иерархии и неравенства, принадлежность к тому или иному уровню иерархии, предполагающей особое влияние на принятие решений, сколько сетевые модели взаимосвязанности на основе функциональных принципов взаимодействия, трансрегиональных связей, консенсусности и соглашений разного рода.

5. Такая постановка вопроса не отрицает необходимость наличия механизмов регулирования / управления, но концентрирует внимание преимущественно не на механизмах власти и доминирования, а на консенсусном мироустроительном форматировании многомерного полицентричного будущего путем взаимоприемлемых соглашений консенсусного типа.

При анализе международной проблематики основная проблема как раз и заключается с одной стороны в сложности описания и прогнозирования развития сложности конкретной реальности, которая трудно поддается концептуализации и универсализации, а с другой – в сложности ее концептуализации в практическом мироустроительном, мирополитическом и кроссрегиональном анализе. Зачастую в ре-

альной политической жизни это приводит к формированию упрощенной картины мира и превалированию примитивизированных практических решений краткосрочного характера в ущерб разработке стратегического видения и его воплощения в жизнь.

Истинно конкурентное, значимое и приемлемое «национальное» может стать неотъемлемой частью «мирового», поскольку позволяет на основе собственного оригинального и мирового научного и передового знания форматировать в том числе и региональный, и мировой процесс, а не только переформатировать национальное, нередко даже насильственным образом, на основе глобального «универсального», возникшего изначально в других национальных культурах и, возможно, в совсем других исторических обстоятельствах, что может оказаться губительным для национальных государственных образований разной степени внутреннего устройства и внутренней конкурентности.

Своеобразие, в том числе и национальное, мирового комплексного регионоведения как национальной научной школы как раз и заключается в том, что превалирующая в международных отношениях и мировой политике парадигма реализма утверждает, что форматировать реальный мирополитический процесс могут только «великие» или «супер» державы в ходе униполяризации или биполярных противостояний, а все другие парадигмы (и другие типы держав) в практической внешнеполитической и международной деятельности играют вспомогательную, нормативную или идеалистическую роль. Мировое комплексное регионоведение доказывает, что понимание взаимосвязей национального, регионального и глобального уровней, внутренних и внешних факторов, позволяет на основе управления региональными и макрорегиональными процессами влиять в том числе и на мироустроительные тенденции, и даже их форматировать, способствуя формированию не просто, и не столько геополитических центров силы, сколько многомерного полицентричного мира равноположенных и соположенных креативных возможностей, основанного на международных компромиссах и соглашениях, а не на силовых преобразованиях разной степени жесткости.

Россия изменила свое место в мирополитической системе, сама очень сильно трансформировалась и изменилась по сравнению с СССР. Мирополитическая система также продолжает претерпевать большие изменения. Кажется, что Россия может решить задачу «возвращения» статуса истинно «великой державы» теми же способами, как и СССР в свое время. А следовало бы подумать «на упреждение» – какой будет мировая система через несколько лет, в каком направлении она может трансформироваться и какие государства, в каком качестве, на каких «ступеньках» мировой иерархической лестницы, если система мировой иерархии не трансформируется или вообще не уйдет в прошлое, будут находиться – и, исходя из этого, разрабатывать и реализовывать проекты таких уровней прогнозирования, которые станут инструментом решения поставленных задач в будущем.

Кстати, Б. Бузан и О. Уэвер (лидеры британской и скандинавской школ международных отношений) в своей ставшей классической книге “*Regions and Powers*”¹⁸, обосновавшие в англосаксонской традиции международных отношений необходимость вычленения регионального уровня международных отношений как самостоятельного уровня анализа, полемично утверждали, что понятие глобального уровня сконструировано искусственно, но анализ только лишь на уровне национального уже не позволяет решать насущные вопросы международных отношений, в том числе безопасности и развития. Смысл этой полемической аргументации как раз и заключался в необходимости концептуализации регионального уровня как фактически самостоятельного, но «увязанного» с другими в мировой ТМО в единой и непротиворечивой системе аргументации.

В российской национальной школе комплексного регионоведения многое уже было параллельно проработано и обосновано, но издание книги Б. Бузана и О. Уэвера в издательстве Кембриджского университета

в серии книг по ТМО интеллектуально «легализовало» это направление во всем мире, в том числе и в нашей стране, дав возможность открывать образовательные программы, публиковаться в высокорейтинговых отечественных и зарубежных издательствах. Б. Бузан, О. Уэвер сначала показали, как можно достроить ТМО, «легализовав» региональный уровень, отсекая крайности и концентрируясь на практически выполнимых задачах, но фактически как параллельно это происходило и в российской традиции, определили основу для нового направления в рамках международных исследований, и даже в такой ее специфической части, как ТМО.

Глобальные проблемы интернациональны, для их понимания и решения достаточно интернационального знания. Знание региональной и национальной специфики кажется избыточным, но мировое комплексное регионоведение убедительно вскрывает и объясняет не менее важное, имеющее глобальный и универсальный характер – проблему взаимосвязанности и сочетания «общего», «универсального» и «специфического», «частного» в реальной жизни, на теоретическом уровне обосновывая механизмы формирования «глокального» как нового феномена современного мира. Глокальное и есть новая форма практически осуществляемой взаимосвязанности, а трансрегионализм – ее инструментальное проявление, ориентирующее мир на развитие, а не на консервацию только архаики или только новаций в локально окупившихся «ядрах» национальной стабильности, которые, возможно, могут так и остаться в этом «окупившимся», но не раскрывшимся виде навсегда.

В идеале при развитии дальнейших теоретических положений в этом направлении нужно подняться над проблемой иллюзорной несовместимости глобального и национального уровней и выйти на уровень проблемного синтеза и интегрированного видения проблематики, показав, как региональное «перетекает» в макрорегиональное и глобальное, а глобальное становится глокальным, формируя в свою очередь новое качество регионального и глобального.

¹⁸ Buzan, B.; Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 с.

**Как оценивать «незападное»?
Почему Китай «ищет» свое место в новой
мировой системе?
Как оценивать «постколониальность»?**

Незападное – это не будущее, это часть прошлого и настоящего. Но и западного, как оно полемично формулируется сегодня противниками Запада, давно уже нет – Запад, как и весь мир в целом, меняется. Незапад же пока не может предложить ни более универсального, ни более привлекательного, возможно, что не «пока», а «вообще». Но постулировать свое отличие от Запада и отрицание Запада Восток продолжает и, во многих случаях, весьма убедительно. Это постулирование само по себе достойно научной рефлексии, иначе возможны неожиданные политические последствия, в некоторых конкретных случаях и очень опасного толка.

Китайцам удалось создать вторую экономику мира «со спецификой» – с китайской, т.е. незападной спецификой, во что никто не верил, и никто от них не ожидал. Теперь им надо решать новые проблемы – как сохранить уровень достигнутого и в политической, и в экономической областях, как не попасть в изоляцию, как развить и с какой повесткой вписаться в будущее. Это и есть «новая эпоха», провозглашенная Си Цзиньпином, именно это постулирует лидер Китая, а уж как это интерпретируется в политическом мире вовне с точки зрения конкретных интересов других стран, транснациональных политических и экономических кланов и конгломератов, совсем другое дело.

Китайцы проблемы мировых трансформаций ощущают теперь острее, чем другие в силу неожиданного американо-китайского торгового и научно-технологического противостояния. Финансовые ресурсы у китайцев есть, пользоваться с толком этими ресурсами они умеют, влияние их проблем на мир и на нас самих куда больше и куда масштабнее, чем многих других стран. Так что интерес к осмыслению нового у них должен быть из чисто прагматических соображений необходимости сохранения достигнутого, да и сама китайская культура это предполагает. Может помешать идеология и провозглашенная реидеологизация. Но

и это Китай, как мне кажется, уже понимает, во всяком случае, то новое поколение, с которым встречаются российские эксперты, абсолютно точно.

Глобальная универсализированная экономика американизированного типа действительно движется по миру как каток бульдозера. Универсализированным экономическим принципам трудно что-то реально противопоставить кроме автаркии, последствием которой могут быть перманентная стагнация или окончательное национальное угасание. Но Африка, к примеру, Америкой долго еще не станет, а может и не станет никогда. Как, впрочем, и Китай, который скопировал у Америки очень многое по отдельности и сумел составить из этого «по отдельности» свою успешную модель развития¹⁹.

При этом американский подход, в отличие от китайского, не решает многого – практически не оставляет места для полицентричности, т.е. в принципе даже какой-то степени независимости, предполагает стратегическую униполярность, не решает во многих аспектах проблему развития для других, поскольку невозможно Америку «скопировать» на другой национальной почве. Американская модель и американский подход сами нуждаются в переосмыслении и новом национальном консенсусе, поиск которого, собственно, и происходит в форме острых дискуссий, которые в ряде случаев даже вышли за рамки интеллектуальных дебатов²⁰. Однако, хотя Америка в ходе этого «переосмысления» накопила огромный опыт и на Западе как площадке интегрированного интеллекта появился новый колоссальный объем высококлассной информации, достойной осмысления, процесс выработки нового политического компромисса, новой страте-

¹⁹ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Стратегические исследования. 736 с. [Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (China's Development Model: Appraisals, Discussions, Prognostications). Moscow: Strategic Studies Publishing House, 2019. 736 p.]

²⁰ Андерсон, Перри. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 291 с. [Anderson, Perry. The H-World. The Peripeteia of Hegemony. N.Y.: Verso, 2018.]

гии и нового синтетического политического знания пока не закончен. Но и у Китая, и Запада в целом также нет внятной стратегии, кроме поиска своего места в новом мире и апеллирования к большей справедливости и большему равенству в отношениях.

Постколониальность, т.е. выход за рамки зависимости от западной, точнее англосаксонской теории международных отношений новых глобальных общественных наук и науки о международных отношениях в особенности можно постулировать, но так и остаться зависимым «внутри» этой системы координат²¹. Поэтому думать надо о качестве вопросов для размышления о будущем, то есть о «номенклатуре» проблем в «стратегическом» круге вопросов приближающегося будущего и необходимом научном инструментарии для ответа на эти вызовы. Это и теоретическая, и практическая проблема одновременно.

Незападное – это осмысление конкретного этапа развития международного и политического. На основе западного объединиться тоже непросто, практический мироустроительный смысл такого объединения может быть только в координации интересов, обеспечивающих собственное успешное развитие. Это неплохой инструмент, ресурс которого также не бесконечен. Нужен будет и другой, поскольку существующее сегодня западное универсальное тоже уже не становится, разве что в Африке. Кроме упомянутого проблема постколониальности тоже входит в новую объяснительную часть глобальных процессов. «Новую» глобальность все равно придется осмыслять заново. Как будет называться теоретическое объяснение этой новой глобальной архитектуры мира – второстепенный вопрос, а осмысление содержательной стороны этого осмысления и новое теоретизирование – вопрос первостепенной важности.

Дискуссия о национальных школах

²¹ Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60. [Ionov, I.N. Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyy diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // *Istoriya i sovremennost'*, 2009, No. 2 (10), pp. 33-60.]

международных отношений и судьбе востоковедения как еще одна веха осмысления многомерного полицентричного мира

Существенной вехой на очередном этапе объяснения логики трансформации мировой архитектуры оказалась постановка проблемы национальных школ международных отношений, особенно продуктивные усилия по формированию в Китае «китаезированной» школы МО, которая ориентирована на соединение глобального и национального в ТМО, прежде всего для решения утилитарной политической задачи – «смикшировать» процесс вписывания нового глобального Китая и уменьшить процессы его отторжения в том числе и в их конкретных проявлениях – санкции, гибридные, торговые, научно-технические войны и т.д. Мир неформально распался на два интеллектуальных крыла: одни ждут, когда коллективный интеллект Запада выработает какой-то консенсус и предложит практическую политику его воплощения в жизнь, другие пытаются экспериментировать с альтернативными подходами разной степени конструктивности. В Китае «национализация» ТМО происходит под влиянием западной ТМО, но на основе выявления своей философской и политической специфики²². Практической же задачей этих интеллектуальных усилий являлась гармонизация «вхождения» Китая в глобальный мир мирового сообщества на новых условиях при мировой турбулентности и транзите власти в самом Китае. Эта задача Китаем уже по большей части выполнена, механизм гарантирования социально-политической стабильности создан, хотя он и оспаривается извне, прежде всего странами с другими механизмами политического развития.

Существующее параллельно с международными отношениями китайское регионоведение за рамки национального и регионального в географическом и историко-культурном понимании этих терминов пока не выходило, теоретическая составляющая

²² Voskressenski, Alexei D. *Non-Western Theories of International Relations*. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

в нем пока не развивалась, системность не выходит за рамки понятия национального государства, а пути формирования комплексных подходов только нащупываются. В этой области, кстати, есть большие перспективы для российско-китайского сотрудничества, также и сотрудничества с некоторыми другими восточными странами, ставящими для себя похожие проблемы для решения практических задач схожего типа.

Сегодня становится вполне ясным, что теоретический аппарат «классических» ТМО нужно расширять в том числе и за счет понятийного аппарата и концепций комплексного регионоведения, которые разрабатываются в национальных школах международных отношений хотя бы потому, что никаких альтернативных внятных других путей расширения и совершенствования ТМО пока просто не наблюдается. Применение искусственного интеллекта и всеобщая мировая цифровизация не могут рассматриваться в качестве альтернативы, поскольку являются паллиативом, не исключаяющим частичное или даже полное исчезновение ТМО и самих международных отношений с их существенной, и все еще определяющей их содержательное развитие, гуманитарной компонентой. Не случайно, что в дополнение к научным дискуссиям социумами продуцируются и некоторые направления поп-культуры с ее «терминаторами» и «судным днем».

Если востоковедение действительно должно стать «востоковедением XXI в.», как многие провозглашают, то оно должно приобрести комплексный характер, а его методологическая база должна включать не только историко-филологический аппарат, но и научный аппарат общественных наук²³. Спор же в востоковедении пока идет о «характере» самого «востоковедения»²⁴.

²³ Ориентализм vs ориенталистика / Отв. ред. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. 440 с. [Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016. 440 p.]

²⁴ См. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные

Является ли оно аутентичным методологически и содержательно? Достаточно ли эклектичного сочетания «классического» востоковедения с новыми «дисциплинарными» направлениями – политическим, экономическим, социологическим, но все же с большей ориентацией на цивилизационные / интерпретационные особенности? Или же возможно сформулировать научные теоретические положения и теории «среднего» уровня, исходя из региональной и макро-региональной, т.е. как бы «усредненной», «универсализированной» специфики, т.е. признающие только наиболее важное, смыслообразующее в этой специфике. Последняя позиция как раз признает наличие вполне выпуклых закономерностей «глобального» характера и выявляет их на основе реальных тенденций – повышения роли Востока в мировой экономике и мировой политике, в том числе и при понимании его культурно-исторической специфики.

В «классическом» востоковедении повышение роли Востока часто трактуется как «возвышение», возможность простой «замены» в мировой системе Запада Востоком, полного изменения экономических, культурных и военных «командных позиций» в мире. Тем самым по большей части отрицается возможность Запада трансформироваться также быстро или даже быстрее, чем Восток. Но эти же проблемы могут трактоваться с точки зрения формулирования теорий «среднего» уровня – инструментария для решения практических задач (объяснять, сравнивать и прогнозировать) – думать, что и как из этих теорий могло бы быть востребовано в «глобальной» ТМО, сделав ее более универсализированной и восприимчивой к «незападным» новациям, уменьшая радикализм «проникновения» нового и, одновременно, помогая трансформировать-

отношения. 2020. № 2. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'yū s Alekseyem Dmitriyevichem Voskresenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with Alexei Dmitriyevich Voskresensky, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2020, No. 2.]

ся существующим на сегодня организационным формам мира, которые требуют необходимого изменения, но при сохранении преемственности и без угрозы распада или растворения во всеобщей глобальности.

Мировое комплексное регионоведение «не вмещается» в прокрустово ложе «правил» «западоцентричной» политологии и глобально-западоцентричной ТМО, которые видят в Востоке в основном только архаику и экзотику. При этом западоцентричные политические теории глобального толка испытывают явные трудности обоснования и построения на практике со странами Востока взаимовыгодных, равноправных политико-экономических отношений конструктивного типа и стратегического характера, загоня нашу страну в дальнейшую изоляцию и самоизоляцию. При этом общественные науки в силу объективных причин сложности осмысления трансформационных процессов переходных периодов перестали осмысливать динамику изменений структурно-исторической и структурно-политической специфики, выявлять характер связей «внутри» политической культуры разных стран, специфику протекания процессов модернизации и развития в разных национально-региональных условиях, которые бы объясняли «расхождение» реально успешных моделей существования и развития как западных, так и восточных стран с постулатами глобальных схем всеобщей универсализации, рецепты которых нередко противоречат реалиям успешного опыта и успешным моделям национального развития. Стандартизация и цифровизация могут упорядочить, но не могут обеспечить развития, а тем более расцвета, особенно в социокультурных, общественных и гуманитарных областях знания. При этом аргументация в этой дискуссии все также продолжает вращаться «вокруг» дихотомии «особой ментальности», «архаики специфики» и «необходимости универсализации» в «глобальном мире» и не выходит за рамки типизированных постулатов, препятствующих развитию дальнейшей дискуссии на этом направлении.

Опыт Китая – бедной страны с огромным населением – показывает, что «чудо» успешной модели национального развития де-факто уникально, но «чудо успешной

модели национального развития» осуществляется на основе глобальных, макрорегиональных или региональных рецептов развития, т.е. национального, которое может выйти на более широкий уровень и при этом не быть отторгнутым. Оно включает концепцию трансрегионализма, международной кооперации и передачи новых технологий на основе глубоко продуманной политики взаимовыгодной кооперации и сотрудничества. Пример «больших» стран, и особенно успешность китайской модели, только подтверждает эти умозаключения. Предыдущие же попытки выработать «метатеории» в рамках одного из вариантов западной теории – марксизма – на основе концепции коммунизма как «будущего всего человечества» и «азиатского» способа производства как «отклонения» от стадийности западного типа, или же в рамках «культурной теории» специфики на основе выявления «генома» Востока, не увенчались успехом.

Задача не просто поставить, но постараться решить эту проблему на уровне методологии и теории, обосновывая, развивая, показывая специфику применения общедисциплинарных инструментов в кроссрегиональном политико-экономическом анализе, т.е. в конкретных условиях, выявляя, объясняя и прогнозируя социокультурные процессы «совместно» с их политико-экономической составляющей.

Специфика мирового комплексного регионоведения (МКР) не в том, что это организационная форма конгломеративной или синтетической интеграции разных наук, междисциплинарное или полидисциплинарное знание, т.е. форма объединения разнородных знаний в учебно-синтетической дисциплине, а в том, что оно представляет собой удобную методологическую платформу для решения практических задач построения будущих теорий многомерного полицентричного мира, основанного на компромиссах и соглашениях, и в силу этого открывает возможность для практического решения вопросов построения многомерного и взаимосвязанного полицентричного мира.

В мировом комплексном регионоведении сегодня есть развитая теоретическая / конструктивная часть со своей спецификой.

Она основывается на:

1. опоре на структурообразующую категорию «пространство-время», которая увязывает обществоведческую и гуманитарную составляющую этого научного направления с общенаучной.

2. сочетание системного, комплексного и интегративного подходов, приближающиеся к созданию интегративного и синтетического знания.

3. понимание системности, в том числе и через объяснение особенностей функционирования сложных систем, и комплексности не только как конгломеративности, но и как формирования интегративных подходов и объяснений синтетического типа.

4. наличием универсализированного понятия «регион» и созданного на его основе развитого аутентичного понятийного аппарата, отличного от понятийного аппарата международных отношений, мировой политики и ТМО и пока не вошедших в полной мере в понятийный аппарат науки о международных отношениях.

5. признанием взаимосвязанности внешнего и внутреннего факторов развития регионов разного типа (включая национальные государства как вид региона), выявленных на основе метода кросс-регионального анализа.

6. признанием де-факто дифференцированности мирового пространства не как основы мировой иерархии, а как внутренней движущей силы развития мира.

7. концептуализацией глокального как новой формы практически осуществляемой взаимосвязанности, и трансрегионализма как ее инструментального воплощения, ориентирующего мир на развитие, а не на консервацию иерархизированной архаики или новаций в локально окупившихся «ядрах» национальной стабильности, которые, возможно, так и останутся в этом «окупившемся», но не раскрывшемся виде навсегда.

8. наличием методологического аппарата, разработанного на основе комплексных / интегральных методов, «ограниченных» сфокусированным структурированным сравнением и необходимостью построения теорий «открытого» типа, т.е. ориентирующих на применение практикоориентируе-

мой методологии конструктивного типа.

Таким образом мировое комплексное регионоведение видится не просто как пост-или транс-дисциплинарное направление, а как развитая методологическая платформа исследования процессов мирополитического характера на всех трех уровнях – глобальном, региональном и национальном в их реальной взаимосвязи и с объяснением причин и последствий этой взаимосвязанности. В этом своем качестве мировое комплексное регионоведение как методологическая платформа анализа международных процессов глокального типа представляет особый интерес для науки о международных отношениях, не отрицая наличия и других дисциплинарных / междисциплинарных направлений.

Мировое комплексное регионоведение сегодня оформлено в виде сегмента внутри образовательного направления «зарубежное регионоведение». Это учебное направление в реальности давно перешло с уровня учебной эклектики на научно-синтетический уровень, продуцирующий теоретическое знание синтетического типа, реализующееся во вполне конкретных успешных научно-практических исследованиях по региональным политическим, энергетическим и другим аспектам международных отношений и международной проблематики, кросс-региональному анализу моделей развития, анализу мирополитической составляющей макрорегиональных процессов, сравнительным исследованиям трансрегионализма и разных моделей регионализма и т.д.²⁵ Одно-

²⁵ См., к примеру, Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. 1040 с. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO University, 2007. 1040 p.]; The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.; Is Non-Western Democracy Possible? A Russian

временно ТМО в реальности так пока и не стала глобальной, опирается на все методы социальных наук и ищет объективность в применении количественных методов и обезличенного национального и международного управления на системном уровне. Если при этом «национализация» ТМО и происходит, то реальные результаты наблюдаются пока только на экспериментальном научном уровне и в ограниченных специфических сегментах. До внедрения этих экспериментальных исследований в область массового образования еще достаточно далеко.

Школы комплексного регионоведения де-факто существуют в разных странах, хотя называться они могут по-разному – где то комплексное регионоведение, а где то – международные исследования, англоязыч-

Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.; Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi JiZhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с. [Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.]; “Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. 443 с. [«Bol'shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i regional'nye transformacii (“The Greater East Asia”: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.]; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с. [Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye (Conflicts in the East: Ethnic and Religious). Moscow: Aspekt Press, 2008. 512 p.]; Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО (У) МИД России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с. [Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.] и др.

ных названий еще больше – World Regional Studies, Comprehensive Regional Studies, Regional Studies, International Studies и т.д. – т.е. реально существуют во многих странах, но над проблемой комплексности кроссрегионального анализа сложных социальных процессов в том числе и в международной сфере, проблемой различия и сочетания общего / особенного, универсального / специфического на региональном уровне международно-региональной и национальной проблематики работают в основном в России, Китае, Франции, Германии и США.

В России в ТМО неформально существует две ее версии, одна исходит из практики национально ориентированного политического анализа и международно-политического взаимодействия системного типа, а другая опирается «на всю интернациональную мощь» прежде всего «западной» ТМО. В реальной практической политике эти две версии могут вступить в противоречие. Это содержательное противоречие обострилось, когда в мировой экономике возникли явления кризисного порядка, а в глобальной международной сфере они выражаются в форме популизма и политических противостояний почти во всех странах. И даже в США, где на предыдущих президентских выборах неожиданно для всех победил Д. Трамп, теперь противостояние происходит в виде борьбы с трамповской парадигмой МО, приведшей к торговым войнам и необходимости решать проблемы «пандемии» в условиях международной разобщенности. В реальной политике оказалось, что уже фактически согласованные Б. Обамой более жесткие торговые соглашения с Китаем в рамках ТПП были деконструированы Д. Трампом, который в свою очередь не сумел заключить с Китаем новые, более успешные для США торговые соглашения, а привел страну к торговым войнам, которые поставили страну и мир на грань новой экономической рецессии. При таком парадигмальном объяснении остается только наблюдать, кто станет «победителем» в «глобальном» противостоянии США и Китая, кто скорее ослабнет, кто уступит, кто кого «утопит».

Однако противостояние это в конечном

счете искусственно, а всеобщая цифровизация не решает проблему ни спланированного, ни тем более спонтанного экономического роста и может носить губительные последствия для всей мировой экономики. Окончательных победителей в нынешнем уже сильно глобализованном мире не будет, да и не может быть. Проиграют в конечном счете все, каждый в своей какой-то конкретной области, и особенно другие страны, и даже целые региональные объединения. Правда, похоже, что понемногу все участники международных процессов начинают извлекать уроки из этих противостояний, и нащупывают пути к разумному компромиссу и консенсусу.

Заключение

Понимание логики переформатирования стран и регионов – это тоже часть проблематики мировых трансформаций, это процесс, у него всегда есть какая-то цель, но результаты могут быть промежуточными, а сам процесс – состояние постоянного переформатирования. В идеале цель – максимально универсальная, т.е. та, которая будет привлекательной для всех, для России в том числе. Ключ к пониманию сегодняшней формы протекания мироустроительных процессов – Китай, поскольку он неожиданно оказался на пике мировой политической и экономической конкуренции, определяющей ход, направление и скорость мирового развития, и, одновременно, он – главный участник одновременной трансформации на глобальном, региональном и локальном уровне. Фактически, именно Китай сегодня находится в процессе практического формирования новой крупномасштабной глокальности, которая фиксирует его изменяющееся положение в мироустроительной и мирополитической архитектонике. Одновременно он сам – стержень этого процесса крупномасштабной трансформации.

Китайская проблематика – ключ к пониманию большинства содержательных вопросов сегодняшней трансформации мира, поскольку Китай разделен и одновременно вписан в глобальный мир существенно больше, чем, к примеру, Россия, обладающая

феноменальным военным потенциалом и являющаяся военной супердержавой первого уровня. Однако в экономической области степень влияния России на мировые экономические и финансовые процессы стремится к нулю. Уменьшается по целому ряду причин и степень ее влияния на мир в культурной области. При этом проблем и ограничений у Китая не меньше, а больше, чем у России, а значение китайской проблематики для самой России имеет и глобальный, и региональный, и национальный характер.

В этом смысле суть сегодняшней мировой дискуссии о Китае – не только и не столько про проблематику Китая, Востока и не просто о Китае или Востоке. Эта дискуссия в действительности посвящена выявлению логики формирования интегрированного многообразия в полицентричном мире глобальной взаимозависимости, возможно, на каком-то новом этапе его развития. Одновременно, проблематика интегрированного многообразия во взаимозависимом мире шире и глубже, чем обозначенная дисциплинарными терминами «мировое комплексное регионоведение», «востоковедение», «мировая политика», «теория международных отношений». Правда, это также зависит от того как понимать направление «зарубежное регионоведение» и «международные отношения» – если только как инкорпорирование восточной и западной проблематики в ТМО, расширение и «расширение» «географических перекосов» в практической внешней политике, обоснование методологической базы востоковедения и определения параметров разработки западных теорий МО – это одно, и эта задача на сегодня в значительной степени уже практически выполнена. Если идти далее в направлении, обозначенном в мировой науке о международных отношениях как «постколониальность», то это будет означать нащупывание путей дальнейшего развития теории международных отношений и международного развития. «Постколониальность» в этом смысле даже, возможно, менее подходящий термин, чем «мировое комплексное регионоведение», который гораздо более «теоретически» нейтрален. «Постколониальность» подходит для констатации необходимости

двигаться в направлении теоретической концептуализации нового этапа действительно глобальной ТМО, в которой национальные компоненты теории, если они действительно появятся, смогут претендовать на равноположенное или соположенное «вхождение» в глобальную ТМО. Однако глобальная ТМО в опубликованной версии последней книги А. Ачарии²⁶ не решает обозначенных проблем – она написана до пандемии, а пандемия как раз выявила проблемы, на которые у А. Ачарии не было ответа.

Новая расстановка сил в архитектонике постпандемического мира обозначит эту задачу. Появление «глобального Китая» высветило только часть огромного массива проблематики, хотя «глобальный Китай» уже предложил некоторые свои пути решения общих проблем, которые, кстати, безусловно требуют дальнейшего изучения, в том числе и с точки зрения возможности или невозможности функционирования БРИКС как платформы взаимодействия крупнейших незападных региональных центров в постпандемическом мире. Существует и проблема инкорпорирования в глобальную систему новых поднимающихся государств, выработки их самостоятельной и независимой политики в новом постпандемическом мире, так чтобы не быть при этом под санкциями и иметь возможность развиваться без препон, угроз войн и разного рода вмешательств.

Теория систем решает только часть вопросов ТМО, точно также, как количественный подход. Искусственный интеллект и мир цифровых платформ не заменят человека, поскольку в противном случае исчезнет жизнь. Системность, и количественный анализ предполагают дальнейшую практико-ориентированную интерпретацию и выявление не только базовых, но и перспективных направлений эволюции многомерности и полицентричности мира в их перспективной консенсусной интерпретации. Без этого развитие видится затруднительным, затратным и конфликтным процессом, т.е. устойчивое развитие человечества будет не гарантировано.

²⁶ Acharya, Amitav. *Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics*. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Литература:

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43.

Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Андерсон, Перри. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 291 с.

Барановский В. Новый порядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, №5. С. 7-23.

«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. 443 с.

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с.

Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика / А.Д. Воскресенский; Никитский клуб. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский; Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр «Россия-Китай». М.: 1999. 408 с.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / П.М. Иванов, А.И. Салицкий, С.М. Труш, А.В. Ломанов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2000, № 5-6.

Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с.

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с.

Дегтярев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: RuScience, 2020.

Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60.

Конкин А.А. Структурные особенности трансрегионального партнерства стран БРИКС и его потенциал в системе глобального управления. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.

Кузнецов Д.А. От региональной интеграции к трансрегиональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 94-103.

Кузнецов Д.А. Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. МГИМО, 2020.

Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12-33.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 1, М.: МГИМО Университет, 2018. 478 с.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 2, М.: МГИМО Университет, 2018. 597 с.

Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (1): Магистерская программа “Исследования регионов стран Азии и Африки” / МГИМО(У) МИД России, каф. Востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 356 с.

Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 2.

Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2015-2020. 448 с.

Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 416 с.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Стратегические изыскания. 736 с.

Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса: сравнит. анализ междунар. опыта и авторская концепция модульной магистерской программы “Афро-азиатские исследования” по направлению “Зарубежное регионоведение” / А.Д. Воскресенский, К.А. Ефремова, С.И. Лунёв, С.Г. Лузянин; МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2007. 191 с.

Ориентализм vs ориенталистика / Отв. ред. В.О Бровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016. 440 с.

Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО(У) МИД России; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 560 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. 1040 с.

Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 с.

Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social

Science // Сравнительная политика. 2015. № 2. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Comparative Politics Russia, 2015, No. 2.]

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V. Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p.]

欧亚中心跨区域发展机制研究Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi JiZhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

References:

“Bol'shaja Vostochnaja Azija”: mirovaja politika i regional'nye transformacii (“The Greater East Asia”: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.

Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Alekseyeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // Politicheskiye issledovaniya, 2016, No. 1, pp. 29-43.

Ananyina, K.A. The influence of the Chinese factor on Indian-American relations in modern world politics. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)

Anderson, Perry. The H-World. The Peripeteia of Hegemony. N.Y.: Verso, 2018.

Baranovsky, Vladimir G. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? // World Economy and Internal Relations, 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 7-23.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 с.

Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

Degterev, D. Otsenka sovremennoi rasstanovki sil na mezhdunarodnoi arene b formirovaniye mnogopolyarnogo mira (Appraisals of the Contemporary Arrangements on International Arena and the Formation of Polycentric World). Moscow: RuScience, 2020. 213 p.

Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Сравнительная политика. 2015. № 2. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Comparative Politics Russia, 2015, No. 2.]

Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO University, 2007. 1040 p.

Ionov, I.N. Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyu diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // *Istoriya i sovremennost'*, 2009, No. 2 (10), pp. 33-60.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.

Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye (Conflicts in the East: Ethnic and Religious). Moscow: Aspekt Press, 2008. 512 p.

Konkin, A.A. Structural features of the BRICS countries' trans-regional partnership and its potential in the global governance system. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)

Kuznetsov, D.A. Ot regional'noy integratsii k transregional'noy: k postanovke teoreticheskoy problemy (From Regional to Transregional Integration: Theoretical Issue) // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2019, Vol. 5 (71), No. 1, pp. 94-103.

Kuznetsov, D.A. The phenomenon of International Transregionalism and Its Impact on Modern World Political Processes. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development. MGIMO, 2020. (in Russian)

Makarenko, Vadim V. Ob ob'yektnopredmetnom pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugikh nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniia: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu. V 4 ch. Ch. 4. (1): Magisterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-1): Master programme “Asian and African Studies”) / Ed. and comp. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2005. 356 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015-2020.

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'y u Alekseyem Dmitriyevichem Voskresenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with

Alexei Dmitrievich Voskresenskiy, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2020, No. 2.

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 478 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 597 p.

Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (China's Development Model: Appraisals, Discussions, Prognostications). Moscow: Strategic Studies Publishing House, 2019. 736 p.

Modul'nyi printsip obucheniia vostooveda v usloviakh Bolonskogo protsessa: sravnit. analiz mezhdunar. opyta i avtorskaia kontseptsiiia modul'noi magisterskoi programmy «Afro-aziatskie issledovaniia» po napravleniiu «Zarubezhnoe regionovedenie» (Modular Approach for Asian Studies Students in Bologna Process: Comparative Analysis of International Practice and the Author's Conception of Modular Master Programme “Asian and African Studies”) (World Regional Studies)) / A.D. Voskressenski, K.A. Efremova, S.I. Lunev, S.G. Luzianin; Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007. 191 p.

Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016. 440 p.

Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Praxis of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.

Voskressenskiy, A.D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezhdgosudarstvennykh otnosheniy (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations) / P.M. Ivanov, A.I. Salitskiy, S.M. Trush, A.V. Lomanov // *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2000, No. 5-6.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D. Rossiya i Kitay: Teoriya I Istoriya Mezhdgosudarstvennykh Otnosheniy (Russia and China: Theory and History of Inter-State Relations). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / Moscow Public Science Foundation, 1999. 408 p.

Voskressenski, Alexei D. Rossiisko-kitayskoye Strategicheskoye Vzaimodeistviye I Mirovaya Politika (Russian-Chinese Strategic Interaction and World Politics). Moscow: Nikitskii Club – Votok-Zapad Publishers, 2004. 124 p.

Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V.Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi

politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p.]

Voskressenski, Alexei D. Kitai i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya Dinamika Politicheskikh Vzaimovliyaniy (China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Influences). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / East-Vest Publishers, 2004. 603 p.

Vostok i politika: Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and the

Politics: Political Systems, Political Cultures and Political Processes). Moscow: Aspekt Press, 2011. 685 p.

Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.

欧亚中心跨区域发展机制研究Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi JiZhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

THE LOGIC OF THE NEW WORLD ARCHITECTONICS: PRAXIS AND THEORY OF RETHINKING MULTIDIMENSIONAL WORLD AND CHINA'S SEARCH OF ITS PLACE

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The arising logic of the formation of multilayer polycentric world in the post-pandemic world is shown in this article. Formation stages in Russia of a theoretical knowledge about formation of the multidimensional, interdependent and polycentric world are analyzed. The attention is paid to practice of China search of its place in this new world. Benefits of comprehensive world regional studies as cross-disciplinary methodology framework of the analysis of processes of the multidimensional and polycentric world and at the same time as a stage of formation of future theory of the multidimensional and interconnected polycentric world are shown. To help the explanation of the interconnectivity of the multilayer world of global regions the concepts of functionality and transregionalism are developed. Attention is paid to discussions about the place of Oriental (Asian and African) Studies in the Russian nomenclature of Social Sciences. Main directions of transforming International Relations as an academic discipline in Russia are shown.</p>
<p>About the author:</p> <p>Dr. of Political Science, PhD (The University of Manchester), Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Professor, Department of Asian and African Studies, School of International Relations, MGIMO University</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>multidimensional polycentric world; theory of the international relations; International Relations; Comprehensive Regional Studies; World Regional Studies; China; functionalism; transregionalism</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Логика новой мироустройственной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 5-26.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

For citation: Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svoego mesta. (The Logic of the New World Political Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China 's Search of Its Place) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 5-26.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

CAPITALISM OR SOCIALISM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SUN YAT-SEN AND LENIN

Jui-Ling Hsieh

National Taiwan University,
Taipei, Taiwan (R.O.C.)

<p>Article history: <i>Received:</i> 17.05.2020 <i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: This study aims to provide a deep perspective on the debate between two camps in the beginning of the 20th century: the Chinese bourgeois revolutionary ideology represented by Sun Yat-sen (孫中山) and Marxism represented by Lenin. By studying Sun Yat-sen's speech "Principles of People's Livelihood and Social Revolution" and Lenin's article "Democracy and Narodism in China," which is in response to Sun Yat-sen's speech, this research attempts to reassess the nature of the Chinese bourgeois revolutionary road represented by the thoughts of Sun Yat-sen and remind researchers of the difficult choices between capitalist and socialist development in China as a latecomer country. This study first explains how Sun Yat-sen's speech expressed his views on capitalism, the definition of the Principle of People's Livelihood, and his claim of the equalization of land rights. Then, Lenin's evaluation of Sun Yat-sen's speech is discussed. The different views of Sun Yat-sen and Lenin on the stage of capitalism, the means and power of social revolution, and the solution of the land problem are thus presented. This study argues that the split between the Chinese Nationalist Party (KMT) and the Communist Party of China (CPC) in 1927 came less from the KMT's betrayal of the revolutionary road than from the fundamental difference between Sun Yat-sen's thoughts and Marxism. Although the ideology of Sun Yat-sen has an anti-capitalist component, he paid attention to the use of the state, rather than the society as a tool, and reconciliation, rather than revolution to ease the gap between the rich and the poor brought by capitalism. This thinking compels us to reconsider the particularity of the development path of China.</p>
<p>About the author: PhD Candidate, Department of Political Science, National Taiwan University e-mail: hsiehjuiling@gmail.com</p>	
<p>Key words: capitalism; Marxism; Sun Yat-sen; Lenin; development; social revolution; equalization of land rights</p>	

After Sun Yat-sen's (孫中山) dismissal as provisional president on April 1, 1912, he attended the member farewell meeting of the Nanjing Tongmenghui (中國同盟會) and gave a speech on the "Principles of People's Livelihood and Social Revolution (民生主義與社會革命)."¹ The first half of Sun Yat-sen's speech was first translated into French and was published on the Brussels socialist newspaper, *Le Peuple*, on July 11 of the same year, and then translated from French into Russian and was published on the Russian "Neva Star (Невская Звезда)" the 17th issue, entitled "Social Significance of the Chinese Revolution (Социальное значение китайской революции)."²

¹ Sun Yat-sen, "Min sheng zhu yi yu she hui ge ming (Principles of People's Livelihood and Social Revolution)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 26-30.
² Sun Yat-sen, "Appendix: The Social Significance of the Chinese Revolution (Translation) (Fu lu: zhong guo ge ming de she hui yi yi (yi wen)," in

On July 15, Vladimir Lenin (Владимир Ильич Ленин) responded to Sun Yat-sen's speech with the article "Democracy and Narodism in China (Демократия и народничество в Китае)"³ and published it together with the newspaper on the same day,⁴ showing that the world's socialist camp was strongly focused on Sun Yat-sen and the modern bourgeois revolution in China.⁵

Qin, Xiao-yi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 30-32.
³ Lenin, "Democracy and Narodism in China," in Stepan Apresyan trans., *Lenin Collected Works*, vol. 18 (Moscow: Progress Publishers, 1978), pp. 163-169.
⁴ Li Yuzhen, *Guo min dang yu gong chan guo ji (1919-1927) (KMT and Comintern (1919-1927))* (Beijing: People's Publishing House, 2012), pp. 18-19.
⁵ In January 1912, The Sixth (Prague) All-Russia Conference of the R. S. D. L. P. had a resolution on "Chinese Revolution" stating: "... the conference recognises the worldwide importance of the revolutionary struggle of the Chinese people

Sun Yat-sen's speech showed his basic views on the Principle of People's Livelihood (民生主義) and represented the thinking of the Kuomintang (KMT, the Nationalist Party) on what kind of development path China should take after the bourgeois revolution when Western capitalism caused social problems; Lenin's evaluation of Sun Yat-sen then shaped the relationship between the KMT and the Chinese Communist Party (CPC) during the first period of cooperation between the KMT and the CPC and became the "ideological motive" of constant friction between the two sides. The evaluation also reflected the fierce debate about the revolutionary road in the world at that time.⁶ Concerning the KMT, when Chiang Kai-shek (蔣介石 Jiang Jieshi) combed the context of Chinese economics in the 1940s, he pointed out that Sun Yat-sen's Principle of People's Livelihood inherited the tradition of Chinese economics on the basis of human nature and focused on supporting the people.⁷ After the split of the KMT and the CPC, the China Research Institute, chaired by the Communist International (Comintern), systematically launched criticisms of the Three Principles of the People (三民主義) and successively published the "Discussion on Sun Yat-senism's

that is bringing emancipation to Asia and is undermining the rule of the European bourgeoisie. The conference hails Chinese revolutionary republicans, testifies to profound enthusiasm and completes sympathy with which the proletariat of Russia is following the successes of the revolutionary people of China, and condemns the behaviour of the Russian liberals who are supporting tsarism's policy of conquest." See "The Sixth (Prague) All-Russia Conference of the R. S. D. L. P." in Stepan Apresyan trans., Lenin Collected Works, vol. 17 (Moscow: Progress Publishers, 1978), p. 485.

⁶ Li Yuzhen, "Lie ning wei he yao yan li pi ping sun zhong shan - e luo si dang an zhong de guo min dang yu gong chan guo ji (zhi yi) (Why Lenin Severely Criticizes Sun Yat-sen - KMT and Comintern in Russian Archives (Part 1)," *Century* 1 (2012), pp. 43-44.

⁷ Chiang Kai-shek, "Zhong guo jing ji xue shuo (Theory of Chinese Economics)," in Qin Xiaoyi eds., *Zong tong jiang gong si xiang yan lun zong ji* (President Chiang Kai-shek's Thought and Speech Collection), vol. 5 (Taipei City: Party History Society of the Central Committee of the Chinese Kuomintang, 1984), p. 24.

Class Essence (К вопросу о классовой сущности суньятсенизма)" by Soviet history scholar Kara-Murza and *Sun Yat-senism and Chinese Revolution (Суньятсенизм и китайская революция)* by Soviet scholar K.V. Antonov. On the basis of Lenin's "Democracy and Narodism in China," both scholars conducted a class analysis of Sun Yat-senism, pointed out that Sun Yat-senism represented the interests of petite bourgeoisie, and criticized Sun Yat-sen for disapproving class struggle and violent revolution and advocating a reformist path.⁸ Sun Yat-sen's proposition of the Principle of People's Livelihood provided the KMT's ideological resources on the blueprint for the development of Chinese characteristics. In addition, Lenin's evaluation of the Principle of People's Livelihood became the theoretical basis for the class analysis of the Soviet Union and criticism of the KMT.

Past researchers either focused on the role of the CPC in the cooperation between the KMT and the CPC or emphasized the betrayal of the revolutionary line by KMT leaders after the death of Sun Yat-sen. Russian historian N. Mamaeva pointed out that when cooperation existed between the KMT and the CPC in the 1920s, the CPC was not only the main partner of the Comintern in China but also one of its members. Research on Chinese policy focuses on the interaction between the Comintern and the CPC, whereas the role of the KMT in the Comintern policy is mainly investigated through the interaction between the KMT and the CPC. Under the above research framework, studies on the interaction between the communist movement in China and abroad ignore the fact that the KMT is the main body of the National Revolution. Before 1927, the basic principles of Comintern's China policy were mainly from the KMT and the Comintern connection.⁹

Furthermore, Russian historian Mirovitskaya pointed out in the analysis of the role of the Soviet Union in the KMT policy in the

⁸ Кара-Мурза Г. К вопросу о классовой сущности суньятсенизма // Проблемы Китая 6, 7, 1931; Антонов К.В. Суньятсенизм и китайская революция. Москва: Изд-во Ком. Акад, 1931.

⁹ Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919-1929. Москва: Российская Академия Наук Институт Дальнего Востока, 1999. P. 4.

1920s and 1930s that after the death of Sun Yat-sen in 1925, the KMT leaders deviated from the revolutionary path and tended to the huge bourgeoisie and the landlord class interests in the 1930s.¹⁰ However, the above-mentioned revolutionary line during the period of the first KMT–Communist cooperation and the class nature of the party-state system in the 1930s can still be further investigated. First, for the KMT, the Soviet Union assisted the Chinese National Revolution led by Sun Yat-sen after Sun Yat-sen and Adolpf Joffe reached the Sun–Joffe Manifesto in 1923. According to the revolutionary procedure set by Sun Yat-sen, the national reunification would be completed during National Revolution.¹¹ For the Comintern, after the Second Congress of the Communist International, the proletariat in eastern and semi-colonial countries, such as China, could cooperate with bourgeois parties for a certain period from the perspective of the proletarian world revolution. The first step was to seek national independence and complete the bourgeois–democratic revolution. The second step was to wait for the proletariat to grow stronger before proceeding to a higher stage of the proletarian communist revolution. In the first stage, Sun Yat-sen and the KMT were available political forces.¹² Meanwhile, historian Shi Chunchun explained that the revolutionary goal of the cooperation between the KMT and the CPC in the first stage was only a class alliance of national revolutions in colonial countries under the guidance of the Comintern. Therefore, the difference between the KMT and the CPC is how to carry out the National Revolution, not whether China should realize

communism immediately: the KMT emphasizes the development of productive forces under the existing class structure through ideological changes and political and military actions, whereas the CPC highlights the comparison of class power during the revolution. The main revolutionary strategy is to promote class initiative.¹³ Therefore, when historian Li Yuzhen pursued the interactions between the KMT and the Comintern, she mentioned that the KMT and the Comintern were far away from each other. The Comintern compared the Chinese National Revolution to the Russian Revolution of 1905 which was only the first stage of the revolution. At this stage, the slogan of the Comintern was “from Sun Yat-senism to Leninism,” but Hu Hanmin (胡漢民) of the KMT advocated to change it to “Leninism to Sun Yat-senism.”¹⁴

Based on the above research, this study attempts to analyze that as the main social actor of the Chinese National Revolution, the KMT’s theory of judging revolutionary goals and roads mainly comes from Sun Yat-sen’s creation. The revolutionary goals and roads defined by Sun Yat-sen differed from those by Lenin from the beginning. The two speeches and responses of Sun Yat-sen and Lenin in 1912 are discussed in this study, that is, the view of Sun Yat-sen about the future development path of China is presented. Moreover, the reasons and patterns are foreseen from the response of Lenin to the future conflict between the KMT and the Comintern.

After the dismissal of Sun Yat-sen as provisional president, he tried his best to explain why China should carry out social revolution after the ethnic and political revolution in his speech. He also emphasized that because of the backwardness of capitalism in China, social revolution in the country may be different from the social revolution in Europe and North America. The equalization of land rights (平均地權) is a policy of social revolution that does

¹⁰ Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20-30-е годы). Москва: Академия Наук СССР Институт Дальнего Востока, 1990. Р. 4.

¹¹ Chiang Kai-shek, “Su e zai zhong guo (Soviet Russia in China),” in Qin Xiaoyi eds., *Zong tong jiang gong si xiang yan lun zong ji* (President Chiang Kai-shek’s Thought and Speech Collection), vol. 9 (Taipei City: Party History Society of the Central Committee of the Chinese Kuomintang, 1984), pp. 15-16.

¹² Кун Б., Короткий Е., Пятницкий О. (ред.). Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919 г. Москва: Партийное издательство, 1933.

¹³ Shi Chunchun, *Ge ming yi fan ge ming? Jiang zhong zheng ge ming dao lu de qi yuan* (Revolution or counter-revolution? The Origin of Chiang Kai-shek’s Revolutionary Road) (Taipei City: Administration Office of National Chiang Kai-shek Memorial Hall, 2017) pp. 6, 13-14.

¹⁴ Li Yuzhen, *Guo min dang yu gong chan guo ji* (1919-1927).

not bleed. This study first explains how Sun Yat-sen's speech expressed his views on capitalism, the definition of the Principle of People's Livelihood, and the claim of the equalization of land rights. Then, Lenin's evaluation of Sun Yat-sen's speech is discussed. The different views of Sun Yat-sen and Lenin on the stage of capitalism, the means and power of social revolution, and on the solution of the land problem are thus presented.

Sun Yat-sen's speech and Lenin's response

When the Tongmenghui was established in 1905, it set three major doctrines: nationalist, republican, and socialist objectives; however, unlike nationalist and republican issues, socialist problems were ignored.¹⁵ Nationalist and republican objectives have been realized from the overthrow of the Qing Dynasty to the establishment of the Republic of China. At this time, Sun Yat-sen's resignation as provisional president was to commit to the Principle of People's Livelihood.¹⁶ For Sun Yat-sen, this principle can motivate history and this principle is to study people's livelihood issues.¹⁷

In Sun Yat-sen's speech "Principles of People's Livelihood and Social Revolution" after his dismissal as provisional president in 1912, he explained that in the global tide of social revolution, his blueprint for the development in China after the 1911 Revolution was not capitalism in Europe and North

America:¹⁸ "That is to say, many people today think of transforming China, but they want to make China an extremely powerful country and keep pace with European and American countries. Today, the United Kingdom and the United States are the richest and most powerful, and France is the most civilized. The United Kingdom is a constitutional monarchy, and the United States and France are democratic and republican. However, there are still many socialist parties in these countries who want to revolutionize. Without social revolution, people cannot enjoy all the happiness. Only a few capitalists enjoy happiness, and most workers still suffer."¹⁹

Compared with many people who are concerned about the prosperity and civilization of the United Kingdom, the United States, and France, Sun Yat-sen noticed that only a few capitalists lived happily in these European and American countries due to the absence of social revolution.

Can China carry out social revolution? Sun Yat-sen opposed that social revolution should be postponed until the Chinese people have a high degree of development in the future. European and American countries have many capitalists because of the development of industry and commerce, and breaking them through social revolution is difficult.²⁰ Social revolution requires the use of force in the United Kingdom and the United States, but not in China. Sun Yat-sen explained: "... When these national and republican revolutions succeed, if we do not think about prevention, then the capitalists will appear, and their means of suppression may be even more than that of authoritarian monarchs."²¹

That is, compared with European and American countries where capitalism is prosperous, China precisely benefits from the low degree of capitalism development, and

¹⁵ Sun Yat-sen, "San min zhu yi yu zhong guo min zu zhi qian tu (The Three Principles of the People and the Future of the Chinese Nation)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 10.

¹⁶ Sun Yat-sen, "Min sheng zhu yi yu she hui ge ming (Principles of People's Livelihood and Social Revolution)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 26.

¹⁷ Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di yi jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood First Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 129, 131, 136.

¹⁸ Sun Yat-sen, "Min sheng zhu yi yu she hui ge ming (Principles of People's Livelihood and Social Revolution)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 26.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 27.

²¹ Ibid. P. 27.

China can plan for precautions before the differentiation of the rich and the poor.

Regarding the ability of China to adopt social revolution, Sun Yat-sen put forward the idea of the equalization of land rights. In the past, taxes were collected according to the area of land owned by the people. Now, tax collection should be based on land price, and such basis is reasonable. With the development of industry and commerce, the price of land has risen. Today, land price is at least 10,000 times more expensive than it was a hundred years ago. "Dozens of Shanghai will appear 50 years later."²² However, land price appreciation is probably due to the opening of railways and the development of other industries, not made by the labor of landlords.²³ Accordingly, given that the gains from land price appreciation come from people's efforts, these gains should belong to the people, not to individual landlords.

After the first half of Sun Yat-sen's speech was translated into Russian, Lenin responded to Sun Yat-sen in July 1912 with the article "Democracy and Narodism in China," analyzing the Chinese revolutionary democratic ideas represented by Sun Yat-sen and their relationship with Russian Narodism.

Lenin first explained that Sun Yat-sen is a progressive Chinese bourgeois democrat, which is different from the bourgeoisie rotten to the core in Europe and North America. Lenin pointed out that Sun Yat-sen thoroughly understood the inadequacy of a "racial" revolution. Sun Yat-sen did not ignore "social reform" in China and posed the question of the condition of the masses, of the mass struggle. He expressed warm sympathy for the toiling and exploited people and faith in their strength and in the justice of their cause.²⁴ By contrast, the presidents of various republics in Europe and North America are all businessmen, agents, or puppets of the bourgeoisie, which long ago renounced all the ideals of its youth, rotten to the core. That is, Lenin distinguished between two kinds of bourgeoisie: one is rising and fighting for the future selflessly, such as Sun Yat-sen;

the other is declining, maintaining and restoring the past to safeguard its privileges, such as the Western bourgeoisie. However, this difference does not indicate that the West hopelessly decays and that light shines only from the East; it means that the East has definitely taken the Western path.²⁵

However, Lenin immediately claimed that the ideology of Sun Yat-sen on militant democracy is distinct from democracy and is a supplement to democracy, constituting the element which forms Narodism: first, this ideology has socialist dreams and hopes of China avoiding the capitalist path; second, this ideology advocates radical agrarian reform.²⁶

Lenin explained that the origin of these trends are: first, the Chinese democracy was able to overthrow the old order because of the immense spiritual and revolutionary upsurge of the masses. Such an increase presupposes and evokes the most sincere sympathy for the condition of the working masses. Democracy in China borrowed liberal ideas from Europe and North America, but these ideas were emancipation from the bourgeoisie, that is, socialism is the immediate task. Sympathy for socialism is bound to rise among Chinese democrats and is the source of their subjective socialism. They are subjectively socialists because they are opposed to the oppression and exploitation of the masses. However, the objective condition of China is an agricultural and semi-feudal country.²⁷ Therefore, the program proposed by Chinese democrats for "changing all the juridical foundations" of "immovable property" abolishes feudal exploitation alone for the development of capitalism; that is, the essence of the Narodism, bourgeois democracy, and quasi-socialist theory of Sun Yat-sen.²⁸ From the point of view of doctrine, this theory is that of a petty-bourgeois "socialist" reactionary. For the idea that capitalism can be "prevented" in China and that "social revolution" can be made easy by the country's backwardness is reactionary, but Sun Yat-sen admitted that "China is on the eve of a gigantic industrial [i.e., capitalist]

²² Ibid. P. 28.

²³ Ibid. P. 28.

²⁴ Lenin, "Democracy and Narodism in China," in Stepan Apresyan trans., *Lenin Collected Works*, vol. 18 (Moscow: Progress Publishers, 1978), p. 164.

²⁵ Ibid. Pp. 164-165.

²⁶ Ibid. Pp. 165-166.

²⁷ Ibid. P. 166.

²⁸ Ibid. P. 166.

development;” “trade [i.e., capitalism] in China can develop to an enormous extent;” and “in 50 years, many Shanghais (i.e., huge centers of capitalist wealth and proletarian need and poverty) will appear.”²⁹ Lenin believed that Sun Yat-sen wanted to prevent capitalism with social revolution but predicted that China will develop capitalism in the future, exposing the contradiction between Narodism and bourgeois democracy in his thoughts.

Second, Lenin explained that although Chinese democrats sympathized with socialism in Europe, they championed a capitalist agrarian program in an attempt to “prevent” capitalism.³⁰ The economic revolution proposed by Sun Yat-sen was to transfer rent to the state through single tax along Henry George lines. This transfer is a manner of capitalism because land nationalization means “a maximum elimination of medieval monopolies and relations in agriculture, maximum freedom in buying and selling land, and maximum facilities for agriculture to adapt itself to the market.”³¹ Lenin regarded it as “the irony of history” because “Narodism, under the guise of ‘combating capitalism’ in agriculture champions and agrarian programs, indicates the most rapid development of capitalism in agriculture.”³² That is, Lenin believed that Sun Yat-sen wanted to prevent capitalism through land nationalization whose realization cannot prevent capitalism. On the contrary, the realization of land nationalization precisely leads to that of capitalism.

Good results of capitalism

Lenin’s evaluation of Narodism in Sun Yat-sen’s thoughts reflected the background of the Russian debate on Narodism and socialism. The so-called Narodism began in Russia in the 1860s; the Narodnik believe that Russian social economy is backward, and the bourgeoisie is weak; this view is conducive to the realization of socialism: Russia can play the nature of peasant collectivization on the basis of Obschina and directly transition into a socialist society, thereby avoiding the

²⁹ Ibid. Pp. 166-167.

³⁰ Ibid. P. 167.

³¹ Ibid. Pp. 167-168.

³² Ibid. P. 168.

development stage of capitalism.³³ However, Lenin argued that according to Marxism, Russian society is based on commodity production and has commercial intercourse with civilized capitalist nations. Thus, Russia must inevitably take the road of capitalism. Marxism has irrevocably broken with the Narodnik and anarchist gibberish that Russia can bypass capitalist development or escape from capitalism.³⁴ Even in accordance with the wishes of Socialists-Revolutionaries, the redistribution of the whole of the land in favor of the peasants and in accordance with their desires and the establishment of consistent and full democracy are the eradication of all the oppressive features of Asiatic bondage in rural life; this eradication lays the foundation for a thorough improvement of living conditions and for a rise in living standards, giving an impetus to the development and hastening the class disintegration of the peasantry itself; as a result, the Socialists-Revolutionaries become unconscious ideologists of petite bourgeoisie.³⁵ That is, Lenin believed that Russia inevitably embarks on the path of developing capitalism. The claim that Russia can avoid capitalism and directly develop socialism and other Narodism is almost fantasy.

Does the ideology of Sun Yat-sen have Narodism elements as Lenin claimed? The answer must be discriminated from Sun Yat-sen’s thoughts on capitalism and socialism. First, Sun Yat-sen’s concern for socialism has a long history. In 1905, Sun Yat-sen visited the International Socialist Party Executive Board of the Second International in Brussels, Belgium; he met with the president, Emile Vandervelde, and secretary, Camille Huysmans, to express his intention to cooperate with each other in the organization.³⁶ According to reports at the time,

³³ Meisner, Maurice. *Li Ta-Chao and the Origins of Chinese Marxism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. Pp. 75-76.

³⁴ Lenin, V. *Two Tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution* / in Abraham Fineburg and Julius Katzer trans., *Lenin Collected Works*, vol. 9. Moscow: Progress Publishers, 1977. P. 49.

³⁵ Ibid. Pp. 48, 56-57.

³⁶ Li Yuzhen, “Lie ning wei he yao yan li pi ping sun zhong shan - e luo si dang an zhong de guo min dang yu gong chan guo ji (zhi yi) (Why Lenin Severely Criticizes Sun Yat-sen - KMT and Comintern in Russian Archives (Part 1)),” *Century 1* (2012). P. 46.

Sun Yat-sen explained that the so-called Chinese socialist program does not involve any landlord, land is publicly owned and leased to farmers by the commune, and each person collects taxes according to the property. Chinese socialists must adopt European production methods and use machines, but they must avoid the various drawbacks of such machines and methods. Chinese socialists will build a new society without any transition in the future. They will absorb the essence of European civilization “and will never become its victim.” That is, in China, “the production methods of the middle ages will directly transition to the production stage of socialism, and the workers do not have to suffer the exploitation of capitalists.”³⁷ At this time, the blueprint proposed by Sun Yat-sen had the idea of China directly transitioning to the socialist stage.

After the establishment of the Tongmenghui, Sun Yat-sen declared in his *Minbao* (民報) speech that the Principle of People’s Livelihood is one of the three major revolutionary principles, and that people’s livelihood will become an important topic in the 20th century, which must be its era.”³⁸ Sun Yat-sen realized that although European and American countries are strong, the people are living hard. Therefore, the social revolution of Europe and North America will not be far away.³⁹ Before the Revolution of 1911, Sun Yat-sen was aware of the shortcomings of Western capitalism and attempted to find the possibility of China embarking on a non-Western modernization path.

In a speech on the first anniversary of the *Minbao* in 1906, Sun Yat-sen explained that in view of the inequality between the rich and the poor brought about by the progress of civilization, the following social problems were formed: “The good fruits of the United Kingdom and the United States are enjoyed by the rich, and the poor fight against the evil. The minority of people always controls civilization and happiness, so this world is unequal. Our revolution this time will not only be a national country but also a socialist country, which is beyond the reach of the United Kingdom and the United States.”⁴⁰

That is, Sun Yat-sen did not advocate a retro approach to avoid the evils brought about by the progress of civilization but advocated an equal manner to distribute the good results of civilization to most people.

After Sun Yat-sen’s dismissal as provisional president in April 1912, he began to speak and promote the Principle of People’s Livelihood throughout China. In Shanghai, he pointed out that “China is a very poor country, and poverty can only be saved by rejuvenating its industry.” The method of rejuvenating industry is to implement the Principle of People’s Livelihood;⁴¹ Sun Yat-sen added that a bloodless social revolution would be launched in China.⁴² The Principle of People’s Livelihood is Sun Yat-sen’s belief and ideal. Even though the Revolution of 1911 succeeded, he still regarded the Principle of People’s Livelihood as a necessary strategy for China to become equally rich.

³⁷ “Fu: Fang wen guo ji she hui dang zhi hang ju de tan hua bao dao (Attachment: Report from a visit to the Executive Committee of the International Socialist Party)” in History Research Office of Guangdong Academy of Social Sciences, Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences, Sun Yat-sen Research Office, Department of History, Sun Yat-sen University eds., *Sun zhong shan quan ji* (The Complete Works of Sun Yat-sen), vol. 1 (Beijing: Zhonghua Book Company, 1981), pp. 272-273.

³⁸ Sun Yat-sen, “Min bao fa kan ci (Published by the People’s Daily),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 2 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 256.

³⁹ *Ibid.* P. 257.

⁴⁰ Sun Yat-sen, “San min zhu yi yu zhong guo min zu zhi qian tu (The Three Principles of the People and the Future of the Chinese Nation),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 11.

⁴¹ Sun Yat-sen, “Ti chang shi ye zai shi hang min sheng zhu yi (Advocating Industry in the Practice of the Principle of People’s Livelihood),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 40.

⁴² Sun Yat-sen, “Zhong guo zhi di er bu (China Second Step),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 273-275.

In his speech in 1912, Sun Yat-sen responded to the opposition to the Principle of People's Livelihood that China must promote capitalists, develop industries, and use the power of capital to establish itself in the world of economic competition. Sun Yat-sen "opposed that few people occupy the power of the economy and monopolize the wealth of society."⁴³ If the railway is controlled by a few capitalists, then it can monopolize the traffic and control passengers, cargo dealers, and railway workers; if the land is owned by a few rich people, then land price and ownership can hinder public construction.⁴⁴ Sun Yat-sen did not oppose capitalists but guarded against ills caused by capitalists; he also did not advocate equality between the rich and the poor but thought that "the rich cannot exploit private wealth by autocracy, but the poor can share their interests through competition."⁴⁵ That is, the capitalism that Sun Yat-sen pursued is the one where the monopoly of capitalists is eliminated, so that most people can have an equal foothold for competition, rather than capitalism in which capitalists monopolize capital.

Although Sun Yat-sen said that "the Principle of People's Livelihood is socialism, also known as communism," he had other ideas.⁴⁶ For Sun Yat-sen, compared with socialism or communism, the Principle of People's Livelihood can effectively explain the Principle of Social Evolution. Sun Yat-sen cited the work of Russian-American socialist Maurice William, *The Social Interpretation of History*, and criticized the historical materialism of Karl Marx,⁴⁷ stating that "people's livelihood is social evolution, social evolution is the center of history, and the center of history comes down to people's livelihood." Sun Yat-sen opposed Marx who claimed that material is the center of history, and changes in material

determine human behavior and the operation of the world.⁴⁸ Furthermore, the driving force for social evolution comes from humans seeking to solve their own survival problems, rather than the class struggle advocated by Marx.⁴⁹ Class struggle that occurs when humans cannot survive during social evolution. Therefore, the research of Marx on social issues "only sees the problems of social evolution and does not see the Principle of Social Evolution." Therefore, Sun Yat-sen believed that Marx is a "social pathologist," not a "social physiologist."⁵⁰

Improvement or revolution

Sun Yat-sen once divided European socialist ideas into two groups, one is the Marxist approach and advocates the realization of the dictatorship of peasants and workers by means of social revolution; the other is represented by the German social democrat Eduard Bernstein. The Socialist Party advocates the use of social reforms, such as political movements, and compromises to seek the current interests of the working class.⁵¹ The argument between the two parties is different in terms of the strategy that favors proportion; but if the means selected by the two parties are to carry out their purpose and the doctrine on which the purpose is based, then the differences between both parties not only lies in strategy but also in the doctrine itself.⁵²

Marx and Friedrich Engels argued that in modern bourgeois society, society is divided into two hostile classes: the bourgeoisie and the proletariat. The interests between the two classes are mutually contradictory, and

⁴⁸ Ibid. P. 136.

⁴⁹ Ibid. Pp. 129-145.

⁵⁰ Ibid. P. 139.

⁵¹ Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di er jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood Second Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father), vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 145.

⁵² Socialist research society trans., Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan (Marxism and Social Historical View) (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), pp. 1-2.

⁴³ Sun Yat-sen, "Ti chang min sheng zhu yi zhi zhen yi (The True Meaning of Advocating the Principle of People's Livelihood)," in Qin Xiaoyi eds., Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 32-33.

⁴⁴ Ibid. P. 33.

⁴⁵ Ibid. P. 40.

⁴⁶ Ibid. P. 129.

⁴⁷ Ibid. P. 136.

coordination is impossible; only a fundamental change can eliminate the huge gap between the two classes.⁵³

Marx and Engels once pointed out: “Owing to the extensive use of machinery and to the division of labour, the work of the proletarian has lost all individual characters and consequently, all charms for the workman. He becomes an appendage of the machine, and it is only the most simple, most monotonous, and most easily acquired knack that is required of him. Hence, the cost of production of a workman is restricted, almost entirely, to the means of subsistence that he requires for maintenance and for the propagation of his race.”⁵⁴

Nevertheless, at the beginning of the 20th century, Western countries, including the state socialism initiated by Otto von Bismarck, successively implemented a set of social programs. Do these social welfare policies appear because of the fear of the capitalists against the working class resistance, or are these social policies in the interests of the capitalist society? Socialists should regard the implementation of social programs as the loss of the capitalist class and the victory of the working class, as a way to “the road to socialism,” or whether the capitalists are still the advocates and practitioners of this trend. Socialists still have different opinions about the above issues.⁵⁵

According to Maurice Williams, social programs are still made by capitalists for the benefit of the capitalist society, not by the fear of the working class.⁵⁶ For example, although the capitalist class once opposed the burden of socializing the cost and responsibility of educating children, the loss of the capitalist

class caused by the lack of knowledge of the mass is greater than the cost of the compulsory education budget. When children without knowledge become adults, they can only do the most superficial work. The crimes and illnesses caused by the lack of knowledge of the people must be borne by the capitalist society.⁵⁷ The loss caused by the lack of knowledge contributed to education becoming “socialized by adapting to the needs of the capitalist system.”⁵⁸ Modern countries have also launched public health undertakings. The relationship between public health and society is profound; given that the occurrence of the plague has no boundaries, the capitalist class must protect the entire society, and only a healthy working class can cope with the work required by modern industry. Therefore, the capitalist society “should take the socialized public healthcare to meet the needs of the capitalist class.”⁵⁹

Williams explained that if social programs shake the nature of deprivation in production, then such an occurrence can be regarded as a concession of the capitalist class. However, historically, social programs did not reduce the surplus value that capitalists can obtain; instead, it gradually increased and advocated all kinds of improved power. German all-encompassing social programs brought the benefits obtained by German capitalists and the enhanced effectiveness of German workers beyond the reach of all countries. The monopolistic market of German capitalism precisely comes from the effect of social improvement on the increase of production and surplus value rates. To compete with Germany, capitalists in other countries, such as the United Kingdom and the United States, have also adopted social programs to increase their production and surplus value rates. Therefore, if the purpose of Marxism is to abolish the deprivation of capitalists and the pursuit of the happiness of producers, then the Socialist Party, which uses social programs as a means, can increase the deprivation of capitalists. This party advocates social programs which have departed from Marx.

Compared with the time when *Manifesto of the Communist Party* was published, the

⁵³ Ibid. Pp, 11, 70.

⁵⁴ Samuel Moore in cooperation with Frederick Engels trans., *Manifesto of the Communist Party* in Marx/Engels Selected Works, vol. 1 (Mosow: Progress Publishers, 1969), pp. 98–137. (as cited in Marx/Engels Internet Archive (marxists.org) 1987, 2000. Updated May 16, 2020. Mode of access: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Manifesto.pdf>, p. 18).

⁵⁵ Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan* (Marxism and Social Historical View) (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), pp. 14-22.

⁵⁶ Ibid. P. 29.

⁵⁷ Ibid. Pp. 26-27.

⁵⁸ Ibid. P. 28.

⁵⁹ Ibid. P. 28.

development of social productive forces was insufficient. Therefore, the bourgeoisie mainly relied on prolonging the working hours to squeeze the surplus value of workers, resulting in huge oppression of the proletariat and sharp conflicts between the two classes. With the further development of social productive forces and changes in social production conditions, the bourgeoisie changed its policy of treating workers and borrowed from the achievements of socialism.⁶⁰ The rise of social programs suggests that the speed and extent of bourgeois reform and progress may be so great that the interests of deprived persons are even promoted,⁶¹ leading to theoretical differences within the proletariat.⁶²

Protecting society from the pain of economic class oppression

Sun Yat-sen pointed out that in recent years, the United Kingdom and the United States have adopted four ways to promote social evolution through improvement, rather than revolution: the first is the improvement of society and industry, the second is that transportation undertakings are publicly owned, the third is direct taxation, and the fourth is the socialization of distribution. The first is to use the power of the government to improve the education and health of workers, including the machinery and equipment of factories to increase the effectiveness of workers' production; the second is to hand over the postal and transportation services to the government to facilitate transportation and increase various economic undertakings throughout the country. The third is where the

income tax and inheritance tax of capitalists are levied at progressive tax rates. Doing so increases the financial resources of countries as the incomes of capitalists increase. Countries can also have additional financial resources to improve social undertakings. The fourth is where social groups or governments, not merchants, distribute goods to save the commission earned by merchants. The above measures eliminate the monopoly of businessmen and increase the wealth of countries with capitalist taxes; states use this wealth to nationalize transportation and improve the education and health of workers and the equipment of factories to increase social productivity. As social productivity increases, capitalists' wealth increases, and workers can receive increased wages. This social progress suggests that the interests of capitalists and workers are reconciled, not conflicted.⁶³

Sun Yat-sen illustrated that Bismarck used state power to relieve workers' pain.⁶⁴ Although Sun Yat-sen mentioned socialism many times, his blueprint for development reveals that his so-called socialism is close to the state socialism advocated by Bismarck. Sun Yat-sen explained that only socialism can make China prosperous and strong and prevent capitalists from monopolizing the country; he added that the Principle of People's Livelihood "is also state socialism,"⁶⁵ that is, "few capitalists are excluded, and people share freedom in production."⁶⁶ State socialism is used by Germany to nationalize all its major industries, such as railways and electrics, for allowing private individuals to enjoy their own benefits. This policy could not be adopted by the United Kingdom and the United States at the beginning of their establishment. At present, the railway

⁶⁰ Zhang Hongfeng, "Gong chan dang xuan yan de shi dai xing fen xi ji qi dang dai jia zhi (Analysis of the Times of Manifesto of the Communist Party and Its Contemporary Value)," *Journal of Changchun University* 24: 1 (2014), pp. 89-90.

⁶¹ Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan (Marxism and Social Historical View)* (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), pp. 29-30, 35, 44, 53.

⁶² Zhang Hongfeng, "Gong chan dang xuan yan de shi dai xing fen xi ji qi dang dai jia zhi (Analysis of the Times of Manifesto of the Communist Party and Its Contemporary Value)," *Journal of Changchun University* 24: 1 (2014), p. 90.

⁶³ Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di yi jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood First Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 136-138.

⁶⁴ *Ibid.* P. 141.

⁶⁵ *Ibid.* Pp. 29-30.

⁶⁶ Sun Yat-sen, "Ti chang min sheng zhu yi zhi zhen yi (The True Meaning of Advocating the Principle of People's Livelihood)" in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 33.

may now be state-owned, but both countries have no financial resources to do so. Germany is a latecomer country; it can take precautions first and nationalize all national railways later. China should follow the example of Germany. In addition to railway income, the state can also collect land taxes and mine rents, assuming compulsory education, pension, and social welfare expenses, “so that society will not suffer from the oppression of the economic class.” The achievements of Chinese civilization in the future will not only keep pace with the United Kingdom and the United States but also reach the realm of national interests and people’s welfare.⁶⁷ That is, the national development capital and the national interests are still the welfare of the people; private development capital “only improves the private economy and increases the hardships of the poor.”⁶⁸ The political platform for state socialism includes state-owned enterprises, such as railways, mines, and hydropower.⁶⁹ Considering that Bismarck invented state socialism, in addition to conflicts between labor and capitalist, a buffer method is used. The state is neither capitalist nor labor, but it surpasses the two. On the one hand, the state limits the excessive development of capital; on the one hand, it protects the interests of workers.⁷⁰

Sun Yat-sen clarified the difference between socialism and state socialism. He once explained that the Principle of People’s

Livelihood is not “the doctrine of equalizing the rich and the poor,” but “the power of the state, the development of natural benefits, and the prevention of capitalist dictatorship.” Bismarck of Germany “opposed socialism and advocated state socialism,” which has swept the world. Ten years later, huge capitalists exist in China. To spare China from the tyranny of capitalists, similar to the case in the United Kingdom and the United States, state socialism must be advocated as the foundation of the prosperity of the Republic.⁷¹

Sun Yat-sen believed that communism and the Principle of People’s Livelihood are interrelated. “Communism is the ideal of the Principle of People’s Livelihood, and this principle is the practice of communism.” The main difference between the two is the method.⁷² According to the above analysis, Sun Yat-sen’s Principle of People’s Livelihood is close to state socialism. The difference between people’s livelihood and communism can be understood as the difference between statism and socialism: statism is the socialist labor organized by the state and the government, whereas socialism is the combination of social labor and public. The former can be realized without any major changes among classes; the latter must eliminate the boundary between the two classes of labor and capital, and revolution is the only way to do so.⁷³

If Sun Yat-sen’s Principle of People’s Livelihood is embodied as a method, it can be divided into two points: the control of capital and the equalization of land rights. Controlled capital refers to the control of private capital

⁶⁷ Sun Yat-sen, “Min sheng zhu yi yu she hui ge ming (Principles of People’s Livelihood and Social Revolution),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 29-30.

⁶⁸ Sun Yat-sen, “Ti chang min sheng zhu yi zhi zhen yi (The True Meaning of Advocating the Principle of People’s Livelihood),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 33.

⁶⁹ Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan (Marxism and Social Historical View)* (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), p. 26.

⁷⁰ Chang Yansheng, “San min zhu yi pi pan (Criticism of the Three Principles of the People),” in Chang Yansheng, *Forgotten Scholars: Essays on Educational Politics by Chang Yansheng* (Taipei City: Independent Writer, 2016), p. 290.

⁷¹ Sun Yat-sen, “Ti chang guo jia she hui zhu yi (Advocating State Socialism),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 74.

⁷² Sun Yat-sen, “San min zhu yi: Min sheng zhu yi di er jiang (The Three Principles of the People: Principle of People’s Livelihood Second Lecture),” in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji (Complete Works of Founding Father)*, vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 145.

⁷³ Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan (Marxism and Social Historical View)* (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), pp. 92-93.

mainly on the basis of income tax selection; however, compared with the overproduction in foreign countries, productivity in China is insufficient. Therefore, China needs the capital of developed countries, such as that for transportation and minerals, in addition to the control of private capital. If such industries are allowed to operate privately, then private capital can be developed, and a huge gap between the rich and the poor may be promoted. Therefore, operation with state power is necessary. The state manages capital and developed capital, and the benefits are owned by the people. Conducive to capital, without being damaged by capital, can resolve the class war. Sun Yat-sen revealed that after the 1917 Revolution in Russia, the country switched to a new economic policy because its socio-economic level was less developed than that in the United Kingdom and the United States and could not realize communism according to Marxist theory; By contrast, the socio-economic level in China is far behind that in the United Kingdom and the United States. Moreover, realizing Marxist theory is impossible.⁷⁴ Sun Yat-sen believed: "... China is suffering from poverty, not unevenness. In an uneven society, of course, Marxist method can be used to promote class wars, but as long as the Chinese industry is not yet developed, Marxist class war proletarian dictatorship is unnecessary. Therefore, we can learn Marxist intention today, but not practice it. We advocate a solution to the problem of people's livelihood, instead of first proposing an untimely and violent method, and then waiting for the development of the industry to apply it. The solution we advocate is to prevent large private capital and future social poverty."⁷⁵

⁷⁴ Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di er jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood Second Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), pp. 145-157.

⁷⁵ Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di er jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood Second Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989), p. 156.

In sum, Sun Yat-sen advocated to use the state as a tool for controlling the class disparity caused by capitalism; Marxism suggests to eliminate capitalism by class struggle after capitalism deepens class opposition.

The idea of the equalization of land rights was raised as early as when Sun Yat-sen led the revolution. In 1903, he mentioned in a letter that his claim to the equalization of land rights is a policy that China can implement today. Although countries such as the United Kingdom and the United States have experimented such an equalization, their landlord power is almost equal to that of China, and reform is difficult. However, China still mainly relies on human production and has not produced industrial owners with machinery. Therefore, if China adopts the policy regarding the equalization of land rights, then the implementation is easier than that in countries such as the United Kingdom and the United States.⁷⁶

Although Sun Yat-sen believed that the Principle of People's Livelihood is close to socialism, is this principle considered socialism? The definition of socialism differs from person to person, but two basic principles are considered: first, private capital is unrecognized; second, the right to produce is distributed to the whole people, not to the organs of the state. The measures adopted by the Principle of People's Livelihood are "control capital" and "equalization of land rights." The existence of the private capital system and private land rights is still recognized because of "control capital" and the "equalization of land rights," respectively. Therefore, Sun Yat-sen advocated a social policy which aims to reconcile the phenomenon of class inequality with the power of the state. This policy is completely different the proletarian standpoint of socialists.⁷⁷ Compared with Lenin, Sun Yat-

⁷⁶ Sun Yat-Sen, "Fu mou you ren han (Reply to a Letter from a Friend)," in History Research Office of Guangdong Academy of Social Sciences, Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences, Sun Yat-sen Research Office, Department of History, Sun Yat-sen University eds., *Sun zhong shan quan ji* (The Complete Works of Sun Yat-sen), vol. 1 (Beijing: Zhonghua Book Company, 1981), p. 228.

⁷⁷ Chang Yansheng, "San min zhu yi pi pan (Criticism of the Three Principles of the People),"

sen paid more attention to productivity that can solve people's survival problems.⁷⁸

Conclusion

The purpose of this paper is to attempt to address Sun Yat-sen through his speech "Principles of People's Livelihood and Social Revolution" after his dismissal as provisional president on April 1, 1912. The paper also discussed Lenin's "Democracy and Narodism in China" published in July that is in response to Sun Yat-sen's speech. A preliminary exploration of the differences between the views of Sun Yat-sen and Lenin on the socialist movement at the historical, revolutionary, and national levels is conducted.

Since the establishment of the Tongmenghui in 1905, Sun Yat-sen has regarded the Principle of People's Livelihood as an important issue. After his dismissal as provisional president in 1912, he explained in his speech that although people in European and American countries lived wealthy lives without social revolution, only a few capitalists enjoyed happiness due to its absence. However, European and American countries already have capitalists, and breaking them down through social revolution is quite difficult. China lacks powerful capitalists and vested interests. Therefore, social revolution can be easily carried out in the country. That is, compared with European and American countries where capitalism is prosperous, China benefits from low-level advantages of capitalism development and can take measures to prevent the class division of the rich and the poor in advance. Sun Yat-sen put forward the idea of the equalization of land rights, which can benefit from land price appreciation and benefit the people. After the first half of Sun Yat-sen's speech was translated into Russian, Lenin responded in July with the article "Democracy and Narodism in China." Lenin explained that Sun Yat-sen is an advanced Chinese bourgeois democrat, but his ideas

have a Narodnik factor because of his socialist fantasy characteristics and he hopes that China can avoid the road to capitalism. However, a close look at Sun Yat-sen's account reveals that he opposed capitalism that monopolizes capital and supported capitalism that enables many people to have equal foothold competition. As for the means of socialism, Marxism insists that coordinating the interests of the bourgeoisie and the proletariat is impossible. However, Western countries, including Germany (state socialism), carried out social reforms one after another at the beginning of the 20th century. Sun Yat-sen stated that his proposed Principle of People's Livelihood is close to the state socialism of Bismarck in Germany. The aim is to use the state as the arbiter, on the one hand, to restrict the excessive development of capital, and on the other hand, to protect the interests of laborers.

Sun Yat-sen's speech and Lenin's response reflected the differences in the views of the two sides in history, revolution, and state. First, as far as history is concerned, Lenin upheld Marxist historical materialism and advocated that history focuses on the changes in economic production. He believed that after the feudal society, people must first go through the bourgeois revolution, enter the capitalist society, and then enter the communism through the communist revolution. Therefore, China, which has only ended its feudal autocracy, should develop capitalism first. However, Sun Yat-sen put forward the concept of the history of people's livelihood, thinking that human beings seek to solve their survival problems before economic production, which is the focus of history. Sun Yat-sen also believed that after feudal autocracy, based on the experience of Western capitalism, China can pursue "good" capitalism in which capitalist monopoly is nonexistent, enabling the equal distribution of the development of capitalist productivity to most people, unlike the capitalism that is monopolized by capitalists in the West.

Regarding the means of socialist revolution, Lenin and other Marxists believed that the interests between the bourgeoisie and the proletariat in capitalist society run counter to each other, and the bourgeoisie gains benefits by squeezing the surplus value of the

in Chang Yansheng, *Forgotten Scholars: Essays on Educational Politics* by Chang Yansheng (Taipei City: Independent Writer, 2016), pp. 286-287.

⁷⁸ Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan* (Marxism and Social Historical View) (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927), p. 2.

proletariat. However, at the beginning of the 20th century, German state socialism and even Western countries adopted social programs. Such an adoption not only increased capitalists' deprivation but also eased the contradictions among classes. Sun Yat-sen explained that his Principle of People's Livelihood is inspired by Germany (state socialism), aiming to restrict the excessive development of capital by the state and protect the interests of laborers, rather than to eliminate the boundary between labor and capital in a revolutionary way.

In sum, Lenin advocated a bourgeois revolution first and a communist revolution later, but Sun Yat-sen believed that Marxist revolutions are out of date. Based on the Western experience of developing capitalism, China can focus on the state, which is partially involved in wealth distribution to ease the contradiction between labor and capital, so that many people in China can enjoy the good results of capitalism, avoid its evil results, and the disparity between the rich and the poor brought about by capitalists. The differences between the views of Sun Yat-sen and Lenin herald differences in future cooperation between the KMT and the CCP.

References:

- Chang Yansheng*, "San min zhu yi pi pan (Criticism of the Three Principles of the People)," in *Chang Yansheng, Forgotten Scholars: Essays on Educational Politics by Chang Yansheng* (Taipei City: Independent Writer, 2016).
- Chiang Kai-shek*, "Su e zai zhong guo (Soviet Russia in China)," in Qin Xiaoyi eds., *Zong tong jiang gong si xiang yan lun zong ji* (President Chiang Kai-shek's Thought and Speech Collection), vol. 9 (Taipei City: Party History Society of the Central Committee of the Chinese Kuomintang, 1984).
- Chiang Kai-shek*, "Zhong guo jing ji xue shuo (Theory of Chinese Economics)," in Qin Xiaoyi eds., *Zong tong jiang gong si xiang yan lun zong ji* (President Chiang Kai-shek's Thought and Speech Collection), vol. 5 (Taipei City: Party History Society of the Central Committee of the Chinese Kuomintang, 1984).
- Lenin, V.* "Democracy and Narodism in China," in Stepan Apresyan trans., *Lenin Collected Works*, vol. 18 (Moscow: Progress Publishers, 1978).
- Lenin, V.* *Two Tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution* / in Abraham Fineburg and Julius Katzer trans., *Lenin Collected Works*, vol. 9. Moscow: Progress Publishers, 1977.
- Li Yuzhen*, "Lie ning wei he yao yan li pi ping sun zhong shan - e luo si dang an zhong de guo min dang yu gong chan guo ji (zhi yi) (Why Lenin Severely Criticizes Sun Yat-sen - KMT and Comintern in Russian Archives (Part 1)), Century 1 (2012).

Li Yuzhen, *Guo min dang yu gong chan guo ji* (1919-1927) (KMT and Comintern (1919-1927)) (Beijing: People's Publishing House, 2012).

Meisner, Maurice. *Li Ta-Chao and the Origins of Chinese Marxism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967.

Shi Chunchun, *Ge ming yi fan ge ming? Jiang zhong zheng ge ming dao lu de qi yuan* (Revolution or counter-revolution? The Origin of Chiang Kai-shek's Revolutionary Road) (Taipei City: Administration Office of National Chiang Kai-shek Memorial Hall, 2017).

Socialist research society trans., *Ma ke si zhu yi yu she hui shi guan* (Marxism and Social Historical View) (Shanghai: Minzhi Bookstore, 1927).

Sun Yat-sen, "Appendix: The Social Significance of the Chinese Revolution (Translation) (Fu lu: zhong guo ge ming de she hui yi yi (yi wen)," in Qin, Xiao-yi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "Fu mou you ren han (Reply to a Letter from a Friend)," in History Research Office of Guangdong Academy of Social Sciences, Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences, Sun Yat-sen Research Office, Department of History, Sun Yat-sen University eds., *Sun zhong shan quan ji* (The Complete Works of Sun Yat-sen), vol. 1 (Beijing: Zhonghua Book Company, 1981).

Sun Yat-sen, "Min bao fa kan ci (Published by the People's Daily)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 2 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "Min sheng zhu yi yu she hui ge ming (Principles of People's Livelihood and Social Revolution)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "San min zhu yi yu zhong guo min zu zhi qian tu (The Three Principles of the People and the Future of the Chinese Nation)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "San min zhu yi: Min sheng zhu yi di er jiang (The Three Principles of the People: Principle of People's Livelihood Second Lecture)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 1 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "Ti chang guo jia she hui zhu yi (Advocating State Socialism)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "Ti chang min sheng zhu yi zhi zhen yi (The True Meaning of Advocating the Principle of People's Livelihood)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Sun Yat-sen, "Zhong guo zhi di er bu (China Second Step)," in Qin Xiaoyi eds., *Guo fu quan ji* (Complete Works of Founding Father), vol. 3 (Taipei City: Modern China Publishing House, 1989).

Zhang Hongfeng, "Gong chan dang xuan yan de shi dai xing fen xi ji qi dang dai jia zhi (Analysis of the Times of Manifesto of the Communist Party and Its Contemporary Value)," *Journal of Changchun University* 24: 1 (2014).

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10046

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ СУНЬ ЯТСЕНА И ЛЕНИНА

Хуэй-Лин Шувэй

*Национальный Тайваньский университет,
Тайбэй, Тайвань (Китайская Республика)*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 мая 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Исследование направлено на то, чтобы представить глубокую перспективу дебатов между двумя лагерями в начале 20-го века: китайской буржуазной революционной идеологией, представленной Сунь Ятсеном (孫中山), и марксизмом, представленным Лениным. Исследуя речь Сунь Ят-сена «Принципы жизни народа и социальная революция» и статью Ленина «Демократия и народничество в Китае», которая является ответом на речь Сунь Ятсена, данное исследование пытается переосмыслить природу воззрений китайского буржуазного революционера. В исследовании сначала показано, как в речи Сунь Ятсена выражены его взгляды на капитализм, дано определение принципа жизнеобеспечения людей и обосновано появление его требования равенства прав на землю. Затем обсуждается оценка Лениным выступления Сунь Ятсена. Таким образом, представлены различные взгляды Сунь Ятсена и Ленина на стадии капитализма, средства и силы социальной революции и решение земельной проблемы. В исследовании показывается, что раскол между Китайской Национальной Партии (Гоминьдан) и Коммунистической партией Китая (КПК) в 1927 году был вызван не столько «предательством» Гоминьдана революционного пути, сколько фундаментальным различием между идеями Сунь Ятсена и марксизмом. Хотя идеология Сунь Ятсена имеет антикапиталистический компонент, он обращал внимание на использование механизма государства, а не общества в качестве инструмента, и примирение, а не революцию для уменьшения разрыва между богатыми и бедными. Такой подход позволяет пересмотреть особенности развития Китая в настоящее время.</p>
<p>Об авторе: аспирант, Факультет политологии, Национальный университет Тайваня e-mail: hsiehjuiling@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: капитализм; Марксизм; Сунь Ятсен; Ленин; развитие; социальная революция; уравнивание земельных прав</p>	

Для цитирования: Hsieh, Jui-Ling. Capitalism or Socialism: A Comparative Analysis of Sun Yat-Sen and Lenin // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 27-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10046

For citation: Hsieh, Jui-Ling. Capitalism or Socialism: A Comparative Analysis of Sun Yat-Sen and Lenin // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 27-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10046

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

КОНЦЕПЦИЯ «ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЫ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Игорь Евгеньевич Денисов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 27 июня 2020 Принята к печати: 1 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Укрепление международной дискурсивной силы (<i>гоцзи хуаюйцюань</i>) Китая объявлено одним из приоритетов внешней политики при Си Цзиньпине. Китайские теоретики и практики, обращаясь к работам Мишеля Фуко о дискурсе, видоизменяют их содержание, адаптируя западный концепт дискурса к реалиям возвышающегося Китая. Настоящая статья посвящена анализу содержания понятия «международная дискурсивная сила» в контексте научных дискуссий о трансформации китайской внешней политики. В первую очередь автор рассматривает вопрос, почему этот концепт носит стратегический характер, и почему именно он, а не мягкая сила, выходит на первый план в описании взаимодействия Китая с миром. Показано, как вопрос о дискурсивной силе связан с планами Пекина по реформе глобального управления и интернационализации китайских стандартов. В качестве примера в статье рассматривается дискурсивное наполнение китайской политики в Арктике, где Китай обеспечивает свои интересы не только на материальном и практическом, но и на идейном уровне. Автор приходит к выводу, что выдвигание задачи усиления «дискурсивной силы» отражает новое качество китайской внешней политики, реагирующей на усложнившуюся внешнюю среду. В китайском понимании усиление дискурсивной силы представляет собой набор инструментов, способствующих продвижению Китая в центр мировой сцены, формирующих повестку международных институтов и новые «правила игры».</p>
<p>Об авторе: старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: iedenisov@yahoo.com</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; внешняя политика; дискурсивная сила; Си Цзиньпин; трансформация; глобальное управление; Арктика; Фуко</p>	

Среди множества концепций, инициатив и новых внешнеполитических нарративов, которые вошли в оборот при Си Цзиньпине, «международная дискурсивная сила» (*гоцзи хуаюйцюань*) выделяется особо. Как и в случае с инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП), этот термин носит зонтичный характер, подразумевая разнородный набор механизмов, инструментов и практик. Как и «сообщество единой судьбы человечества» (*жэньлэй миньюнь гунтунти*) или «международные отношения нового типа» (синьсин гоцзи гуаньси), международная дискурсивная сила – признак нового качества китайской внешней политики. Это свидетельство более широкой и глубокой вовлеченности Китая в мировые процессы, что серьезно отличает нынешний период

«новой эпохи»¹ от времени старта политики реформ и открытости, и даже периодов Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао.

Однако у задачи укрепления международной дискурсивной силы есть особенность, отличающая ее от ОПОП и строительства сообщества единой судьбы человечества: она носит «внутренний», а не «экспортный» характер, не является частью открытого «китайского плана» глобально-

¹ На XIX съезде КПК в Устав внесено положение, включившее в идейно-теоретическую базу китайизированного марксизма идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». См.: Full text of Resolution on Amendment to CPC Constitution // *Xinhua*, 24.10.2017. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/24/c_136702726.htm

го управления. Иными словами, концепция усиления дискурсивной силы не преследует цель объяснить миру китайские намерения. Это скорее внутренняя инструкция внешнеполитическому аппарату, чем очередная «Белая книга» для зарубежной аудитории.

Как представляется, комплекс мер по усилению международной дискурсивной силы – это программная установка, которую китайский политический класс адресует исключительно себе – всей партийно-государственной системе, а также транслирует по вертикали государственным и негосударственным акторам, задействованным в развитии внешних связей страны. Это обстоятельство определяет актуальность анализа концепции «международной дискурсивной силы», которая в современной китайской внешнеполитической мысли и практике занимает одно из центральных мест. Для России, развивающей с Китаем тесное сотрудничество на международной арене, крайне важно разобраться в особенностях дискурсивной стратегии Пекина, определить, с помощью каких инструментов и механизмов китайская дипломатия намерена продвигать интересы своей страны в условиях нынешней мировой турбулентности.

Укрепление дискурсивной силы как стратегическая задача

Понятие «дискурсивная сила» широко использовалось в китайском политическом лексиконе еще при Ху Цзиньтао. Однако после смены поколений в руководстве партии и государства в 2012-2013 гг. и прихода к власти Си Цзиньпина сама концепция усиления международной дискурсивной силы, как и другие составные части политического наследия предшественников, была серьезно обновлена. При этом формальной отправной точкой для пересмотра прежних установок стали западные теории, правда, сведенные к привычной для партийного дискурса «лозунговой» форме, и часто (в препарированном виде) весьма далекие от оригинала.

В китайских текстах на тему усиления дискурсивной силы (без точных ссылок, иногда даже просто с упоминанием безымянного «западного ученого»), а не самого Мишеля

Фуко²⁾ чаще всего приводится тезис о том, что «дискурс – это и есть власть» (*хуаюй цзи цюаньли*). Как пишет Шэнь Сяньчжи, ставя эту фразу в кавычки и указывая авторство М. Фуко: «Дискурс – это власть, за которую людям необходимо бороться» (*хуаюй ши жэньмэнь бичжэн дэ цюаньли*)³⁾. Проведенный автором данной статьи сравнительный анализ показал, что, здесь речь идет о сильно урезанной цитате из «Порядка дискурса» М. Фуко⁴⁾. Приведем ее в более полном виде. «...дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть»⁵⁾.

Очень часто в китайских интерпретациях дискурса встречается упоминание о том, что его важная функция состоит в «упорядочивании мирового порядка» (*дуй шицзе чэнсюй дэ чжэнли*). Несмотря на приложенные усилия, нам так и не удалось установить точный источник этой цитаты в работах Фуко, хотя китайские авторы ссылаются именно на него. Похоже, что, как и в примере выше, речь идет о творческом (или точнее утилитарном) использовании трудов

²⁾ Тун Бин. Цзяцян синьвэньсюэ хуаюй тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // Жэньминь Жибао, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening Construction of Journalism Discursive System) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

³⁾ Шэнь Сяньчжи. Лунь чжунго дуйвай хуаюй тиси дэ гоуцзянь (О построении внешней дискурсивной системы Китая) // Синьвэнь чжаньсянь. 2018. № 17. [Shen, Xianzhi. Lun zhongguo duiwai huayu tixi de goujian (On the Construction of China's Foreign Discursive System) // *Xinwen zhanxian*. 2018. No. 17.]

⁴⁾ Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.

⁵⁾ Цит. по: Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996. С. 52 [Foucault, M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti (The Will for Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality). Translation from French, comments and afterword by S. Tabachnikova. Moscow, 1996. P. 52.]

французского философа. Как откровенно заметил еще до полавной моды на цитирование Фуко Чжан Гоцзо, «взгляды Фуко относительно близки к нашему сегодняшнему пониманию функций и содержания дискурсивной силы»⁶.

Причины близости очевидны. Обращаясь к работам Мишеля Фуко о дискурсе, китайские теоретики и практики видоизменяют и упрощают их содержание, «приближая» к сегодняшней эпохе, то есть, адаптируя западный концепт к реалиям возвышающегося Китая, при этом исходя из своего понимания сути и конечного предназначения возросшей дискурсивной власти.

Руководство КПК действует в соответствии с традиционным для китайской политической практики подходом – сочетать китайское и западное по формуле *чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн* (использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения)⁷.

Из теории западных постструктуралистов выделяется актуальная для Китая сторона дискурса – возможность переустройства миропорядка, того самого «упорядочивания». При этом контроль над дискурсом рассматривается как контроль над миром. Достаточно типично следующее китайское толкование «дискурсивной силы»: «В определенном смысле, тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет «право организовывать» мировой порядок, тот и обладает ключевой властью»⁸.

Впервые о дискурсивной силе загово-

рили в связи с концепцией мирного подъема (или мирного развития) Китая, которая должна была снять опасения внешнего мира по поводу роста экономических, политических и военных возможностей «державы номер два». Дискурсивная сила 2.0 (вариант Си Цзиньпина) призвана не бороться с антикитайскими предрассудками, бытующими за рубежом, не маскировать «возможности», а наоборот создавать их, добиваться заметного присутствия Китая, как в позитивной повестке отдельных государств, так и в нормотворчестве и практике институтов глобального управления.

Качественный скачок в трактовке понятия «дискурсивная сила» безусловно связан с новой внешнеполитической парадигмой Китая, с переходом от скромной внешней политики к дипломатии «большого государства», которое уже не считает нужным «держаться в тени», а намерено активно защищать свои интересы.

Этот скачок стал результатом рефлексии о новой глобальной роли Китая и связанных с этим рисков. Процесс осмысления вызовов, стоящих перед Китаем в XXI веке, был достаточно драматичен. Однако он позволил китайской элите избавиться от романтизма концепции «мирного подъема», согласно которой укрепление внешних позиций страны виделось линейным (и преимущественно бесконфликтным). Теперь такой уверенности в относительном спокойствии внешней среды уже нет.

Еще одной стартовой точкой для дальнейших поисков ответа на вопрос, каким образом сохранить устойчивость китайской политической системы и динамику экономического роста, становится нынешняя эскалация китайско-американских противоречий и процессы деглобализации, что у многих вызвало аналогии с периодом холодной войны. Юань Пэн пишет о необходимости после нынешнего кризиса «подвести важные итоги, основательно переосмыслить и критически оценить глобализацию и глобальное управление»⁹.

⁹ Юань Пэн Синьгуань ицин юй байнянь бяньцзюй (Эпидемия нового коронавируса и столетние перемены) // Ай Сысян, 17.06.2020. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/121742>.

⁶ Чжан Гоцзо. Гуаньюй «хуаюй цюань» дэ цзидянь сыкао (Некоторые мысли о «дискурсивной силе») // Чжэнгун яньцзо вэньчжай. 2009. № 3. Pp. 43-44. [Zhang, Guozuo. Guanyu “huayu quan” de jidian sikao (Some Reflections on the «Discursive Power»)] // *Zhengong wyanjiu wenzhai*, 2009, No. 3, Pp. 43-44.]

⁷ Denisov, I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2, p. 74.

⁸ Тун Бин. Цзяцян синьвэньсюэ хуаюй тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // Жэньминь Жибао, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening construction of journalism discursive system) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

В концепте усиления международной дискурсивной силы зафиксирована новая реальность, которая состоит в сочетании возросших возможностей Китая, с одной стороны, и усилившихся вызовов и угроз китайскому росту, с другой стороны. Данная задача теперь понимается как центральная идея великого возрождения китайской нации применительно к международному аспекту «подъема Китая». Как отмечает Тун Бин, «великое возрождение китайской нации в определенной степени является возрождением дискурсивной силы»¹⁰. Включение термина в основополагающие партийные документы, а также его тесная увязка с выдвинутой Си Цзиньпином идеологией «китайской мечты», означает, что задача наращивания дискурсивной силы носит стратегический характер.

Почему не «мягкая сила»?

Закономерен вопрос, почему, не забывая на словах о «мягкой силе», продолжая подчеркивать важность распространения культурного влияния Китая в мире, руководители КНР в «новую эпоху» будто заговорили на другом политическом языке, в котором ключевые установки для дипломатии концентрируются вокруг иного понятия – «дискурсивной силы». Такой поворот может выглядеть сюрпризом, ведь китайской «мягкой силе» были посвящены буквально тонны научной литературы и огромный корпус официальных текстов. Кроме того, китайскую «мягкую силу» действительно трудно не заметить – телеканал *CGTN*, сеть Институтов Конфуция, образовательные и культурные обмены, многоязычные пропагандистские интернет-сайты. Наконец, о значении инструментов «мягкой силы» неоднократно

высказывались представители китайской политической и интеллектуальной элиты.

Стоит вспомнить, что одной из пионерских работ, заложивших основы анализа феномена *soft power* в Китае, стала статья «Культура как национальная сила: мягкая сила»¹¹ нынешнего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунина. В третьем номере вестника «*Фудань сюэбао*» за 1993 год 38-летний декан факультета международной политики Фуданьского университета Ван Хунин, который через 24 года поднимется на вершину партийной иерархии, ссылаясь не только на ставшую потом классической статью Джозефа Ная «*Soft Power*» в «*Foreign Policy*». Чаше чем классиков марксизма автор цитировал труд американского футуролога Элвина Тоффлера¹², вышедший в переводе на китайский язык в Издательстве ЦК КПК через год после публикации в Нью-Йорке. Мы перечислили эти работы сознательно, поскольку их выбор и внимание к ним со стороны профессора одного из ведущих университетов, безусловно, отражают интеллектуальную жизнь того времени.

Китай, только начавший выход из изоляции после западных санкций в связи событиями на Тяньаньмэнь 1989 г., пытался заглянуть в будущее, представить, какое место может занять страна в уже не далеком XXI веке. Ключевой вопрос для размышлений: каким образом Китай, не решивший до конца задачи реформ, не имеющий оформленные военные альянсы, и пока являющийся игроком «средней лиги» на международной арене, может в грядущем веке гарантировать себе «место под солнцем». Наконец, важно было понять, что Китай противопоставит западной гегемонии, которая в полной силе проявилась в период после Тяньаньмэнь.

Ван Хунину оказалась близка идея Тоффлера о ведущей роли знаний (а не бо-

html [Yuan, Peng. Xinguan yiqing yu bainian bianju (The New Coronavirus Epidemic and a Century of Change) // *Ai Sixiang*, 17.06.2020. Mode of access: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html>]

¹⁰ Тун Бин. Цзяцянь синьвэнсюэ хуаюй тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // *Жэньминь Жибао*, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening Construction of Journalism Discursive System) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

¹¹ Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шили дэ вэнхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // *Фудань сюэбао*. 1993. № 3. Pp. 91-96. [Wang Hongying. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a National Strength: Soft Power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No 3, pp. 91-96.]

¹² Toffler, Alvin. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

гатства и насилия) в трансформации глобальной власти. Китайский автор разделяет вывод Тоффлера о том, что в центре глобальной борьбы за власть будет контроль над знанием. При этом от себя он замечает, что в «современной модели международных отношений культурный фактор (более широкая категория, чем знание) является фактором мировой мобильности, представляет собой опору “мягкой силы”, которую трудно монополизировать»¹³.

Механизм действия «культурного фактора» Ван Хунин видит так: когда культура, распространяясь за пределы национальных границ, становится основополагающей ценностью или приобретает характер мейнстрима, общество-источник этой культуры естественным образом приобретает большую «мягкую силу». Иными словами, чем шире распространена культура страны, тем больше ее потенциальная «мягкая сила».

Доступность данного инструмента влияния Ван Хунин объясняет тем, что культура распространяется свободно и носит трансграничный всепроникающий характер, ее невозможно монополизировать, в отличие от материальных или военных ресурсов (ресурсов насилия), которые отдельные страны и группы стран концентрируют в своих руках. Преимущества Китая автор видит в том, что Китай является тысячелетней цивилизацией, а также имеет многочисленную диаспору в мире.

Подчеркнем, что в работе Ван Хунина заметен концептуальный «ребрендинг» как «мягкой силы» Дж. Ная, так и «знания» в понимании Э. Тоффлера. С позиции сегодняшнего дня видно, что два момента делали предложения Ван Хунина несколько утопическими: во-первых, уверенность в том, что культурный фактор глобальной власти (как и мягкую силу) нельзя монополизировать, и при свободном распространении культуры, гегемония и барьеры в этой области

невозможны; во-вторых, представление о «знании» как об узкой и потенциально более слабой категории, а о культуре как более широкой и сильной.

На такое восприятие западных концепций, видимо, серьезно повлияла доминирующая в определенных политологических кругах идея о Китае как «государстве-цивилизации», обладающем имманентно присущими ему моральными и культурными преимуществами. Сыграло роль и то, что в середине 1990-х гг. трудно было себе представить, что страна, уже ставшая к тому моменту мировым сборочным цехом, в перспективе сможет заявить о себе как о глобальном технологическом лидере, и именно с этой позиции станет контролировать «мировое знание». В конкретной исторической ситуации, по логике Ван Хунина, для поднимавшегося Китая, отвергающего насильственный путь и пока достаточно слабого с точки зрения «богатства», продвижение национальных интересов через культуру оставалось единственным разумным выбором.

Сегодня и международная система, и набор ресурсов и инструментов, которыми располагает Китай, уже другие. Мир оказался гораздо более жестким и хаотичным, чем представлялось китайским теоретиком в 1990-е гг. Настолько ли актуален тот вариант мягкой культурной силы, о котором говорили все эти годы? Дискурсивная сила, выходящая сейчас на первый план, не дополняет китаизированную «мягкую силу» (в том варианте политики «государства-цивилизации», который с легкой руки Ван Хунина утвердился на многие годы), а наоборот опровергает ее. В определенной степени сейчас идет постепенное, но знаковое, прощание с теми сценарными разработками подъема Китая, которые были сформированы в руководстве КНР и приняты на вооружение в 1990-е и 2000-е гг. Язык китайской дипломатии становится гораздо жестче, что также говорит о том, что мы в начале некоего перелома.

Исследователи все-таки пытаются установить, есть ли связь между «мягкой силой» и наращиванием «международной дискурсивной силы». Так, Чжао Кэцзинь полагает, что потенциал, накопленный в прошлые

¹³ Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. P. 91. [Wang Hongying. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a National Strength: Soft Power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No 3, p. 91.]

годы в результате реализации культурной мягкой силы, сегодня может трансформироваться в рост дискурсивной силы, для чего необходимы концентрированные усилия государства (по выражению Чжао – стратегический поворот (*strategic pivot*))¹⁴.

Нынешняя трансформация китайской внешней политики носит стратегический характер, но, как нам представляется, дискурсивная сила (сосоставная часть этих изменений) все-таки существенным образом отличается от «мягкой силы». По сравнению с прежним вспомогательным инструментом, с не очень четко определенной аудиторией воздействия и «размытым» целеполаганием (рассказывать «хорошие истории» про Китай, его культуру, философию и мораль), дискурсивная сила призвана изменить не представления абстрактных иностранцев о Китае, но саму внешнюю среду, институциональные рамки, в которых действует растущая держава. В этом отношении она явно и гораздо теснее, чем «мягкая сила» культуры, связана с глобальным управлением, а в конечном итоге, и с глобальным трансфером власти.

Кроме того, само образное восприятие эффекта действия дискурсивной силы иное. Это уже не субстанция, автоматически заполняющая некую емкость (трансграничная культурная экспансия – большее культурное присутствие – большее влияние). Это в числе прочего построение и самого «сосуда», то есть инициативное создание институциональных и нормативных рамок, действуя в которых Китай будет максимизировать собственную выгоду, взаимодействуя с другими игроками. Дискурсивная сила не случайно сопровождается определением «международная», указывая на то, что круг интересов КНР постоянно расширяется. Речь идет о создании механизмов влияния на решения по широкому кругу международных проблем – от регулирования Интернета до космоса, от обеспечения интересов Китая в мировой финансово-экономической системе до создания технологических платформ, ориентированных на китайскую вы-

сокотехнологичную продукцию и китайские стандарты.

Институциональная дискурсивная сила и интернационализация стандартов

Самым заметным изменением, свидетельствующим о том, что дискурсивная сила сегодня уже не сводится к обеспечению «права голоса», стало появление в китайских официальных документах понятия «институциональная дискурсивная сила» (*чжидусин хуаюйцюань*). Причем это происходит уже безо всяких отсылок к западному постструктурализму: знак того, что дискурсивная сила прочно укоренилась на китайской политической почве, и еще сильнее отделилась от источника заимствования этого концепта. Исследователи Фуко наверняка удивились бы, узнав, какой широкий круг понятий в современном Китае относят к дискурсу.

В решении 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) по 13-му пятилетнему плану говорилось о необходимости «повышения институциональной дискурсивной силы Китая в глобальном экономическом управлении и формировании широкого сообщества интересов»¹⁵. В самом 13-м плане формулировку расширили за счет включения в перечень китайских интересов и системы глобального финансового управления.

Эту новацию можно расценить, как твердое намерение Пекина активно продвигать свой план реформы глобального управления – и в рамках традиционных институтов, и с помощью создаваемых Китаем параллельных структур и платформ, например, в рамках Азиатского банка ин-

¹⁴ Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3, P. 543.

¹⁵ Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин “шисань” гуйхуа дэ цзяньи (Предложения ЦК КПК по разработке 13-го пятилетнего плана) // Чжунъян чжэнфу мэнху ванчжань, 03.11.2015. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959432.htm. [Zhonggong zhongyang guanyu zhiding “shisanwu” guihua de jianyi (Recommendations of the Central Committee of the Communist Party of China on the Thirteenth Five-Year Plan) // Zhongyang zhengfu menhu wangzhan, 03.11.2015. Mode of access: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959432.htm]

фраструктурных инвестиций (АБИИ), или через механизмы инициативы «Один пояс, один путь», которая с началом проведения международных форумов высокого уровня также развивается по модели «мягкой институционализации». Это пока не отвоеванный навсегда плацдарм, но, безусловно, испытательная площадка для китайских управленческих решений.

Политика унилатерализма Трампа и выход США из ряда международных организаций, как считают в Пекине, создает для Китая дополнительные возможности для наращивания дискурсивной силы. Как отмечает Юань Пэн, «что касается глобального управления, которое когда-то было любимой темой Запада, но сейчас либо игнорируется, либо на нее не хватает сил, то Китай может “налить новое вино в старые мехи” и обогатить глобальное управление, как с теоретической, так и с практической точки зрения, чтобы усилить свою международную дискурсивную силу и влияние»¹⁶. Это заявка на лидерство, но пока без детального плана, и требуется время, чтобы эти желания воплотились в жизнь. В любом случае, такие оценки подпитывают доминирующий в США нарратив о «широком ревизионистском вызове порядку, основанному на правилах», который, как пишет А. Джонстон, пока не подтверждается драматическими изменениями в китайской внешней политике¹⁷.

Тем не менее, как замечает Шон Бреслин, Китай постепенно становится одним из лидеров (если не единственным лидером) в области международного развития, предоставляя не только финансирование, но также постепенно продвигая собственное представление о том, что такое развитие, и

каким оно должно быть. Причем китайская концепция, обращает внимание Бреслин, отличается от западного «*good governance*», поскольку очищена от элементов демократизации и либерализации¹⁸.

Однако под институциональной дискурсивной силой в первую очередь имеется в виду не столько пропаганда социализма с китайской спецификой и распространение опыта внутренних реформ на международных площадках (хотя об этом и пишут некоторые китайские ученые и журналисты), сколько постепенное внедрение в работу наднациональных институтов и в принимаемые ими документы специально подготовленных норм, стандартов и протоколов, которые отражают китайское понимание тех или иных базовых идей и понятий (скажем, китайские трактовки кибербезопасности и суверенитета в Интернете, или интерпретацию прав человека с приоритетом коллективных прав над правами индивидуума).

Западный мир часто критикует Китай с позиций морали. В ответ на это директор Департамента информации и печати МИД Китая Хуа Чуньин призывает создать новую теорию морали с китайской спецификой, которая бы пользовалась международным консенсусом. При этом предлагается «использовать моральные преимущества, глубоко укоренившиеся в традиционной китайской культуре»¹⁹.

Источником институциональной дискурсивной силы становится не только Китаизация международных «политических стандартов», но и стандартизация в исконном техническом смысле этого слова. 13-й пятилетний план определил, что Китай бу-

¹⁶ Юань Пэн Синьгуань ицин юй байнянь бяньцзюй (Эпидемия нового коронавируса и столетние перемены) // Ай Сысян, 17.06.2020. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html> [Yuan, Peng. Xinguan yiqing yu bainian bianju (The New Coronavirus Epidemic and a Century of Change) // *Ai Sixiang*, 17.06.2020. Mode of access: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html>]

¹⁷ Johnston, A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2, P. 10.

¹⁸ Breslin, S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, p. 67.

¹⁹ Хуа Чуньин. Чжаньцзюй даои чжигаодянь, тшэн гоцзи хуаюй цюань (Занимать высокие моральные позиции, повышать международную дискурсивную силу) // Цюши, 12.07.2019. Режим доступа: http://www.qstheory.cn/llwx/2019-07/12/c_1124745528.htm [Hua, Chunying. Zhanju daoyi zhigao dian, tisheng guoji huayu quan (Take the Moral High Ground, Increase Discursive Power) // *Qiushi*, 12.07.2019. Mode of access: http://www.qstheory.cn/llwx/2019-07/12/c_1124745528.htm]

дет наращивать дискурсивную силу в определении международных стандартов. Интернационализация технических стандартов КНР (а именно сфера высоких технологий становится главной площадкой американо-китайского противостояния) также понимается как наращивание институциональной дискурсивной силы, то есть возможностей Пекина влиять на будущий технологический уклад. Китай постоянно наращивает представительство своих граждан на руководящих постах в международных организациях, разрабатывающий стандарты и спецификации. Усилия по широкому распространению китайских стандартов мобильной связи 5G (как и других прорывных технологий), если они увенчаются успехом, на многие годы вперед создадут глобальную китаецентричную структуру – сеть технологических партнерств, замкнутых на китайские разработки, сервис и модернизацию. Разумеется, этот шаг будет иметь и политические последствия.

Планами на 13-ю пятилетку предусмотрено, что Китай будет активно участвовать в определении международных правил в Интернете, открытых морях, полярных регионах и космическом пространстве. Растущая вовлеченность Китая в арктические дела сопровождается планомерным выстраиванием дискурсивной системы, которая могла бы служить поддержкой китайских планов освоения Арктики.

«Дискурсивное наступление» в Арктике

26 января 2018 г. правительство КНР опубликовало Белую книгу «Политика Китая в Арктике»²⁰. Документ появился через пять лет после получения Китаем статуса наблюдателя в Арктическом совете и через 11 после того, как Пекин впервые высказал намерение присоединиться к работе этого органа. Хотя Китай давно активно действовал в полярных широтах, внятного официального объяснения планов страны в Арктике долго не было. Сложно было понять, видит

ли себя Китай лишь исследователем арктических пространств, либо требовательной, и даже ревизионистской державой, чьи интересы не ограничиваются изучением «фабрики мировой погоды». В арктических государствах, в том числе и в России, понятную настороженность вызвали высказывания контр-адмирала ВМС НОАК Инь Чжо о том, что Арктика принадлежит всем народам мира, а Китай, имеющий пятую часть населения планеты, должен получить свою долю при разработке арктических ресурсов²¹.

Казалось, что Пекин сознательно выбрал тактику «пробных шаров», чтобы обкатать идею китайского лидерства в «общей Арктике» сначала на неофициальном уровне. В Арктике виделось еще одно локальное пространство в глобальной системе, где Китай должен непременно присутствовать. Однако определять границы такого присутствия Пекин не спешил, чтобы раньше времени не навлечь на себя огонь критики других игроков. Между тем, китайские эксперты по Арктике постоянно подчеркивали необходимость четкого артикулирования национальных интересов²², а выдвижение на первый план концепции укрепления дискурсивной силы, как представляется, способствовало публикации Белой книги.

²¹ Хайцзюнь шаоцзян: кайфа Бэйбиньян Чжунго букэ цюэвэй (Контр-адмирал ВМС: Китай не может оставаться в стороне от освоения Северного Ледовитого океана) // Чжунго синьвэнь ван, 05.03.2010. Режим доступа: <http://www.chinanews.com/gn/news/2010/03-05/2154039.shtml> [Haijun shaojiang: kaifa Beibingyang Zhongguo buke quewei (Naval Rear Admiral: China Can't Afford to Be Absent from the Exploration of the Arctic Ocean) // *Zhongguo zhinwen wang*, 05.03.2010. Mode of access: <http://www.chinanews.com/gn/news/2010/03-05/2154039.shtml>]

²² Сунь Кай, Ван Чэньгуан. Говай дуй Чжунго цаньюй бэйцзи шиу дэ бутун цзеду цзи ци индуй (Различные иностранные интерпретации участия Китая в арктических делах и ответ на них) // Гоцзи гуаньси яньцзю. 2014. № 1. Pp. 31-39. [Sun, Kai; Wang, Chenguang. Guowai dui Zhongguo canyu beiji shiwu de butong jiedu ji qi yingdui (Various Foreign Interpretations of China's Involvement in Arctic Affairs and Response to Them) // *Guoji guanxi yanjiu*, 2014, No. 1, pp. 31-39.]

²⁰ China's Arctic Policy / The State Council of the People's Republic of China, 26.01.2018. Mode of access: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

Два ключевых понятия, которыми Китай сегодня описывает свой статус в Арктике – «близоарктическое государство» (*цзинь бэйцзи гоцзя*) и «важный стейкхолдер в арктических делах» (*бэйцзи шиу да чжун'яо лии югуаньфан*). После включения в текст Белой книги оба термина приобрели официальный характер, хотя задолго до этого употреблялись экспертами²³.

Среди принципов, определяющих в документе политику в Арктике, на первом месте стоит принцип уважения, что должно снимать настороженность других стран. Согласно китайским взглядам, действующие в Арктике игроки представляются неким сообществом, между членами которого должно существовать взаимное уважение. При этом говорится, что все государства должны следовать международным договорам, а также общему морскому праву. К этому как раз возникают вопросы. Как отмечает П. Гудев, «Пекин в Белой книге упускает из виду (вероятно, абсолютно осознанно), что помимо международного и регионального существует еще и страновой уровень, базирующийся на национальном законодательстве прежде всего СССР/России и Канады, как государств с наиболее протяженной береговой линией в Арктике»²⁴.

Расплывчатой выглядит формулировка о необходимости уважения «общих интересов международного сообщества в Арктике», при этом, не вполне понятно, какая правовая база имеется в виду, когда провозглашается «свобода неарктических государств осуществлять деятельность в этом регионе в соответствии с законом». По сути, в завуалированной форме здесь повторяется тезис об «общем достоянии».

²³ China Defines Itself as a 'Near-Arctic State', Says SIPRI / SIPRI, 10.05.2012. Mode of access: <https://www.sipri.org/media/press-release/2012/china-defines-itself-near-arctic-state-says-sipri>

²⁴ Гудев П. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике, 20.08.2018. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambiczii-podnebesnoj> [Gudev, P. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoi (Arctic ambitions of the Celestial Empire) // *Rossiiia v global'noi politike*, 20.08.2018. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambiczii-podnebesnoj>]

Термин «важный стейкхолдер» также вызывает вопросы. Если определение «близоарктическая» вводит страну в круг арктических игроков, то упоминание о роли стейкхолдера определяет логику и направленность китайских действий, а также наделяет Китай особым статусом. «Фактически это амбициозная попытка возглавить процесс активизации внерегиональных игроков, закамouflированное желание играть среди них одну из лидирующих ролей в формировании повестки дня», – полагает П. Гудев²⁵.

Появление Белой книги символизирует новое качество проекции «дискурсивной силы» Китая. «Пощупать» это невозможно, однако в битве за Арктику Пекин пытается последовательно проводить долгосрочную дискурсивную стратегию, вести игру не только на практическом, но и на идейном уровне, выстраивая вокруг своего присутствия в Арктике определенную систему образов. Официальный нарратив призван корректировать негативный образ Китая, как слишком амбициозного чужака, и в тоже время, влиять на формирование повестки и правил игры с учетом китайских интересов.

Заключение

Задача укрепления дискурсивной силы в «новую эпоху» самым тесным образом связана не столько с гармоничным встраиванием Китая в мир, сколько с «организацией» мирового порядка с учетом китайских интересов. Дискурсивная сила до Си Цзиньпина мыслилась как эффективный канал коммуникации с другими государствами, как средство формирования положительного образа Китая, прежде всего с помощью СМИ, культурных и образовательных обменов и т.д. Сегодня усиление дискурсивной силы превратилось в одну из ключевых внешнеполитических задач, и в условиях высококонкурентной внешней среды по многим признакам ближе к классической «жесткой», а не «мягкой» силе.

Концепция дискурсивной силы динамично видоизменяется и дополняется за счет усиления важных для глобального управления институциональных аспектов, что подтверж-

²⁵ Ibid.

дает ее гибкость и высокую востребованность. Кроме того, можно сделать вывод, что концепция находится в центре внимания высшего партийно-государственного руководства КНР и является политикоформирующей.

Выдвижение задачи усиления «дискурсивной силы» отражает усложнение внешней среды и новое качество дипломатии КНР, которая становится более напористой. В китайском понимании усиление дискурсивной силы представляет собой набор инструментов, способствующих продвижению Китая в центр мировой сцены, формирующих повестку международных институтов и новые «правила игры», воздействующих на ценности мировых акторов и их мировоззрение, а через это на политический выбор и политические решения.

Развитие международной ситуации подсказывает китайскому руководству, что ни экономическое богатство, ни морально-культурное превосходство не гарантируют Китаю достойную долю в глобальном управлении, адекватную растущей комплексной национальной мощи. Внимание к дискурсивной силе, как и в свое время увлечение теорией мягкой силы Дж. Ная, стало результатом внутренних обсуждений о путях национального возрождения, о том, каким образом будет проходить подъем Китая. Эти дискуссии еще не закончены, и траектория китайского развития не видится простой и линейной никому – ни внешним наблюдателям, ни лицам, принимающим решения в Пекине. Там говорят о беспрецедентных за столетие переменах, которые конечно отражаются и на положении Китая.

Сегодня растут и риски, и возможности для китайского развития. Однако принципиально не изменился один момент – как и «мягкая сила», так и дискурсивная сила, будучи встроенными в глобальный контекст, неизбежно теряют свое положение свободно от любых влияний и монопольного агента, таковыми они выступают только во внутрикитайском контексте (кстати, оба термина используются КПК во внутренней политике).

Единство внутренней и внешней повестки постоянно провозглашается в китайских политических документах, но по ряду признаков, такое единство пока трудности-

жимо. Это, в частности чувствуется на концептуальном уровне, на уровне нарративов, когда предлагаемые миру формулы с трудом воспринимаются зарубежной аудиторией. Внешняя дискурсивная сила, которая должна обеспечить реализацию глобальных амбиций Китая, сама нуждается в обеспечении – но уже внутреннем. Успех китайского дискурсивного «упорядочивания» мира во многом будет зависеть от того, насколько тщательно Китай упорядочит собственные представления о себе и своем будущем, насколько успешно будет «переводить» свои планы на понятный мировому сообществу политический язык, и, немаловажно, – насколько оперативно и адекватно будут восприниматься обратные сигналы. Тонкий вопрос – кто имеет право на «интерпретацию Китая»? Если дискурсивная сила будет направлена и на то, чтобы унифицировать мировой нарратив о Китае, оставив лишь за Пекином единственно правильные оценки собственных планов и действий, то система обратной связи будет неизбежно выдавать ложные сигналы.

Литература:

- Ван Хунин.* Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. Рр. 91-96.
- Гудев П.* Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике, 20.08.2018. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambiczi-podnebesnoj>
- Сунь Кай, Ван Чэньгуан.* Говай дуй Чжунго цаньюй бэйци шиу дэ бутун цзеду цзи ци индуй (Различные иностранные интерпретации участия Китая в арктических делах и ответ на них) // Гоцзи гуаньси яньцзю. 2014. № 1. Рр. 31-39.
- Фуко Мишель.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996.
- Чжан Гоцзо.* Гуаньюй «хуаюй цюань» дэ цзидянь сыкао (Некоторые мысли о «дискурсивной силе») // Чжэнгун яньцзю вэньжэй. 2009. № 3. Рр. 43-44.
- Breslin, S.* Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1.
- Denisov, I.* Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2.
- Foucault, M.* L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
- Johnston, A.I.* China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2.
- Toffler, Alvin.* Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3.

References:

Breslin, S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1.

Denisov, I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2.

Foucault, M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti (The Will for Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality). Translation from French, comments and afterword by S. Tabachnikova. Moscow, 1996.

Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.

Gudev, P. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoi (Arctic ambitions of the Celestial Empire) // *Rossiiia v global'noi politike*, 20.08.2018. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambiczii-podnebesnoj>

<https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambiczii-podnebesnoj>

Johnston, A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2.

Sun, Kai; Wang, Chenguang. Guowai dui Zhongguo canyu beiji shiwu de butong jiedu ji qi yingdui (Various Foreign Interpretations of China's Involvement in Arctic Affairs and Response to Them) // *Guoji guanxi yanjiu*, 2014, No. 1, pp. 31-39.

Toffler, Alvin. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

Wang Hongying. Zuwei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a national strength : soft power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No. 3, pp. 1-96.

Zhang, Guozuo. Guanyu "huayu quan" de jidian sikao (Some reflections on the «discursive power») // *Zhenggong wyanjiu wenzhai*, 2009, No. 3, Pp. 43-44.

Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

THE CONCEPT OF 'DISCURSIVE POWER' AND THE TRANSFORMATION OF CHINESE FOREIGN POLICY UNDER XI JINPING

Igor E. Denisov

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 27.06.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 01.09.2020</p> <p>About the author: Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: iedenisov@yahoo.com</p> <p>Key words: China; Foreign Policy; Discursive Power; Xi Jinping; Transformation; Global Governance; Arctic; Foucault</p>	<p>Abstract: Increasing China's international discursive power (<i>guoji huayuquan</i>) has been declared one of the foreign policy priorities under Xi Jinping. Drawing on Michel Foucault's works on discourse, Chinese theorists and practitioners have substantially modified their content, adapting Western concept of discourse to rising China's realities. This article analyzes the content of 'international discursive power' in the context of the academic debate on China's foreign policy transformation. The author focuses primarily on why this concept is of a strategic nature and why it, rather than soft power, now comes to the fore in describing China's interaction with the world. The article goes on to show how the issue of discursive power is linked to Beijing's plans for global governance reform and the internationalization of Chinese standards. As an example, the article looks at the discursive content of Chinese policy in the Arctic, which demonstrates how China is pursuing its interests not only on a material and practical level but also on an ideational level. The author concludes that the task of increasing 'discursive power' not only reflects the new quality of China's foreign policy but also responds to the increasingly complex external environment. In China's view, increasing 'discursive power' is a set of tools to help China move into the center of the world stage, actively shaping the agenda of international institutions and setting new "rules of the game."</p>
---	---

Для цитирования: Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 42-52.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

For citation: Denisov, Igor E. Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Tszin'pine (The Concept of 'Discursive Power' and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 42-52.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КНР: ПАРАЛЛЕЛИ С ПОЗДНИМ СОЦИАЛИЗМОМ В СССР

Владимир Алексеевич Скосырев

*Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 28 июня 2020 Принята к печати: 1 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Как правило, китаеведы, изучающие идейную сферу КНР, уделяют основное внимание буквальному смыслу идеологических концепций. Некоторые синологи применяют иной подход и исследуют идеологические высказывания не на уровне их смысла, а на уровне эффекта, который они производят. Такой подход используется и в данной статье. Автор опирается на монографию Алексея Юрчак о периоде позднего социализма в СССР и проводит параллели в развитии советской и китайской идеологии. Как и в Советском Союзе, в КНР наблюдаются признаки «перформативного сдвига» – использование правильной формы идеологического языка важнее, чем смысл, который в него вкладывается. В этом отношении примечательна эпоха Ху Цзиньтао (2002-2012). Для идеологического дискурса этого периода характерно «застывание» языковой формы. При этом в Китае наблюдался относительный идейный плюрализм. Китайские интеллектуалы достаточно свободно интерпретировали официальные концепции и привносили в них новый смысл. В период Си Цзиньпина наблюдается обратный процесс - партийный язык становится более «живым», а в идеологическом пространстве появляются комментарии китайского руководителя о буквальном смысле различных концепций. При этом существенно уменьшается пространство для свободных дискуссий. Автор статьи приходит к выводу, что в настоящее время система китайского социализма претерпевает процесс «реидеологизации». Это отличает ее от советской системы, которая перед обвалом прошла процесс деидеологизации.</p>
<p>Об авторе: аспирант, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: mr.Skosyrev@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; идеология; Си Цзиньпин; китайский социализм; перформативный сдвиг; СССР; Алексей Юрчак; реидеологизация</p>	

Устав Коммунистической партии Китая (КПК) гласит: «Высшим идеалом и конечной целью партии является построение коммунизма»¹. Идеология марксизма-ленинизма остается системообразующим звеном китайского партийного государства, несмотря на рыночные реформы. Без изучения идеологической трансформации Китая невозможно исследовать и прогнозировать его политические процессы.

Проблема идеологической трансформации КНР после начала политики реформ и открытости в 1978 г. актуальна для России не только с точки зрения понимания того, как устроен китайский социализм и в каком направлении он будет развиваться. Эта проблема важна с точки зрения осмысления советской истории. Исторические модели, применяемые для изучения идеологии Со-

ветского Союза, могут быть использованы для исследования процессов, протекающих в современном Китае.

В западной историографии утвердилась точка зрения о том, что идеология КНР в своем развитии прошла через два основных этапа. До 1978 г. она была дедуктивной – политика Компартии следовала из идеологических положений. После 1978 г. идеология стала индуктивной, т.е. обобщающей практический опыт решений, которые принимались на неидеологической основе².

Китаеведы, анализирующие идейную сферу КНР с этой точки зрения, исходят из того, что идеология – это систематический и всесторонний комплекс ценностей и убеждений, которые дают определенное видение и понимание мира³. Исследуется буквальный

¹ Constitution of the Communist Party of China // *QiuShi Journal*, January-March 2018, Vol. 10, No. 1, Issue 34. Mode of access: http://english.qstheory.cn/2018-02/11/c_1122395578.htm

² Shambaugh, D. *China's Communist Party. Atrophy and Adaptation*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2008. P. 105.

³ Joseph, William A. *Ideology and China's Political Development*. Politics in China: An Introduction.

смысл идеологических высказываний. Вместе с тем, еще в 1966 г. американский историк Франц Шурманн в работе «Идеология и организация в коммунистическом Китае» заметил, что идеология – это не только идеи (*pure ideology*), но и их практическая реализация (*practical ideology*)⁴. Мы исходим из того, что идеология – не только совокупность убеждений, отражающих реальность, но и социальные практики, которые могут изменять действительность. Эффект идеологических высказываний зачастую важнее их буквального смысла.

Для раскрытия этого тезиса обратимся к работе Алексея Юрчак «Это было навсегда, пока не кончилось»⁵. Автор исследует поздний социализм в СССР – период, который начинается после смерти Сталина в 1953 г. и заканчивается распадом Советского Союза.

По мнению Юрчак, поздний социализм характеризуется «перформативным сдвигом». Автор вводит это понятие, основываясь на концепции речевых актов Джона Остина. Остин разделил высказывания на «констатирующие» и «перформативные». Констатирующие высказывания описывают уже существующую реальность, а перформативные – создают ее. Пример перформативного высказывания – фраза «Виновен!», произнесенная в зале суда. Констатирующие высказывания могут быть истинными или ложными. Перформативные фразы бывают успешными и неуспешными. В разные исторические периоды идеологические высказывания обладают различной пропорцией констатирующих и перформативных составляющих⁶.

Как отмечает Юрчак, «в последние десятилетия советской истории перформа-

тивная составляющая смысла [идеологического] дискурса в большинстве контекстов становилась все важнее, а констатирующая составляющая, напротив, постепенно уменьшалась или становилась неопределенной, открываясь для все новых, ранее непредсказуемых интерпретаций»⁷. Этот процесс и назван перформативным сдвигом.

Автор приводит в пример голосования на комсомольских собраниях в 1970-х – 1980-х гг. Во время подобных мероприятий рядовые комсомольцы занимались своими делами и не вникали в суть происходящего. Когда требовалось проголосовать, все автоматически поднимали руку. Подобные акты голосования неверно интерпретировать на уровне буквального смысла. Их смысл – «не только в констатации фактов или высказывании мнений, но и в выполнении действий, которые дают новые возможности»⁸.

Перформативный сдвиг привел к стандартизации формы партийного языка. Идеология потеряла задачу более или менее верного описания реальности. Вместо этого позднесоветский идеологический дискурс приобрел иную задачу – «создавать впечатление, что возможен только такой, и никакой другой вид репрезентации»⁹. Партийные работники и идеологи не описывали действительность, а воспроизводили «норму» идеологического языка. Для этого они копировали тексты и высказывания, которые уже были произнесены и написаны ранее. Буквальное содержание официального языка ушло на второй план. Основное внимание уделялось форме¹⁰. В результате идеологические тексты писались «дубовым» языком, «который многим хорошо знаком по бесконечным речам Брежнева, передовицам

NY: Oxford University Press, 2019. P. 157.

⁴ Schurmann, F. *Ideology and Organization in Communist China*. Berkeley: University of California Press, 1966. P. 22.

⁵ Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye*. (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

⁶ Ibid. Pp. 62-70.

⁷ Ibid. P. 73.

⁸ Ibid. P. 74.

⁹ Ibid. P. 91.

¹⁰ Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye*. (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

газет и выступлениям местных партийных руководителей»¹¹.

Как представляется, методология, предлагаемая Алексеем Юрчаком, применима для исследования китайского социализма. В своей работе 1992 г. шведский синолог Майкл Шёнхальс использовал похожий подход для изучения политических процессов в КНР¹². По замечанию автора, большинство китаеведов исходит из того, что «язык – это проводник», который отражает тот или иной аспект действительности. Однако зачастую китайские руководители используют слова, чтобы достигать определенных целей, а не для того, чтобы описывать реальность.

Китаевед Перри Линк приводит пример такого использования языка. В 2001 г. он участвовал в редактировании Документов Тяньаньмэнь¹³ – сборника материалов о событиях 1989 г. На совещании Политбюро 8 февраля 2001 г. председатель КНР Цзян Цзэминь назвал публикацию Документов утечкой государственной тайны и заявил, что редакторы материалов – Эндрю Натан, Перри Линк и Орвилл Шелл – работают на ЦРУ. Однако, как отмечает Перри Линк, он не был связан с американской разведкой. Китаеведа заинтересовало, о чем думал Цзян Цзэминь, когда говорил об этом. Считал ли китайский лидер свои слова правдивыми? Могли ли китайские спецслужбы сделать ошибочные выводы о статусе Перри Линка и доложить высшему руководству ложную информацию? После консультаций со своими китайскими знакомыми американский китаевед пришел к выводу, что Цзян Цзэминь не задавался вопросами о правдивости своих слов. Его речь должна была производить нужный эффект¹⁴.

Американский писатель Марк Сальцман, учившийся в Китае в 1980-х гг., в сво-

их мемуарах отмечает, как проходили официальные мероприятия в китайских учебных заведениях: «Во время собраний китайцы разговаривают друг с другом, спят, встают и растягиваются или ходят. В целом, они не притворяются, будто слушают. Это несколько не обижает говорящего. Он не притворяется, будто его интересует собственная речь»¹⁵. Очевидно, участники собраний не вдаются в буквальный смысл официальных речей. Подобные мероприятия несут ритуальную функцию. С их помощью китайцы поддерживают существующие нормы и социальные конвенции.

Китаевед Эндрю Натан приводит отрывок разговора с молодым китайским крестьянином, который сказал: «Я стал полным циником. Я не знаю, что такое социализм, но знаю, как о нем говорить»¹⁶. Беседа происходила через несколько лет после смерти Мао Цзэдуна. Уже к началу 1980-х гг. китайцы использовали официальный язык для достижения своих целей, т.е. в перформативном ключе.

Как и в советском партийном языке, в китайских официальных текстах и выступлениях наблюдается нагромождение штампов и устойчивых метафор речи. Китайский идеологический язык отличается от разговорного. Люди подсознательно отличают два типа речи. Использование партийного языка в бытовых ситуациях уместно разве что в шуточном контексте¹⁷.

Датский синолог Стиг Тогерсен называет обычный разговорный язык «байсинским» (*baixingese*, от китайского 老百姓), а официальный чиновничий – «ганьбунийским» (*ganbunese*, от китайского 干部). Ганьбунийский язык содержится в документах, газетах и объявлениях. Он переходит в устную речь чиновников и граждан из официальных текстов. Использование этого языка – признак принадлежности к партийному государству или, как минимум, демон-

¹¹ Ibid. P. 556.

¹² Schoenhals, M. *Doing Things with Words in Chinese Politics: Five Studies*. Berkeley: University of California Press, 1992.

¹³ Zhang, Liang. *The Tiananmen Papers*. Edited by Andrew J. Nathan and Perry Link. NY: PublicAffairs, 2001.

¹⁴ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

¹⁵ Salzman, M. *Iron and Silk*. NY: Vintage Books, 1986. P. 162.

¹⁶ Nathan, A. *Chinese Democracy*. NY: Alfred A. Knopf, 1985.

¹⁷ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

страция понимания того, по каким правилам оно функционирует. Байсинский язык имеет много разновидностей – от местных диалектов крестьян в деревнях до интеллектуальных бесед с цитатами из классических текстов. Многие китайцы знают, как пользоваться и тем, и другим языком¹⁸.

Перри Линк приводит пример того, как китайцы используют чиновничий язык для достижения своих целей. В 1980-х гг. его знакомый – китайский профессор из университета Сунь Ятсена в Гуанжоу – хотел получить более просторную квартиру для семьи. В то время государство призывало университеты лучше относиться к профессорам, которые пострадали в эпоху Культурной революции. Знакомый Перри Линка знал об этой политике. Когда он пришел к партийному секретарю он не сказал: «Могу ли я получить более просторную квартиру?». Он спросил: «Можем ли мы конкретизировать партийную политику в отношении интеллектуалов?»¹⁹.

В период советского позднего социализма было важно, чтобы идеологические речи звучали «правильно». Для этого из языка убирались глаголы, а короткие фразы объединялись в длинные²⁰. В предложениях китайского партийного языка тоже много существительных. В основном они пришли из западных языков. Такие слова, как политика (政治), экономика (经济), общество (社会) – заимствования, которые японцы переработали с использованием иероглифов в эпоху Мэйдзи (1868-1912 гг.). Затем эти термины проникли в китайский язык. Сегодня они активно используются в официальных речах и пу-

бликациях²¹. Термины «обстановка» (形式), «условия» (局面), «ситуация» (情况), «меры» (措施) или «тренд» (动向) звучат «правильно»²².

Идеологический язык цитируем – он содержит шаблонные структуры и клише. Как отмечает Юрчак, «высказывания в авторитетном жанре часто не воспринимаются аудиторией на уровне констатирующего (референциального) смысла (как некое описание окружающей реальности), функционируя скорее как языковой ритуал, главной ролью которого является постоянное повторение знакомой фразы»²³. Китайский партийный язык – не исключение. Линк пишет, что к 1980-м гг. китайцы повторяли слова, «которые уже не несли в себе идеалов и принципов, некогда в них заложенных»²⁴.

В период позднего социализма в СССР одни и те же стандартные формулировки могли использоваться для выражения различных политических тезисов. Юрчак приводит пример того, как член Политбюро ЦК КПСС М.А. Сулов обосновывал противоположные политические решения одними и теми же цитатами из работ Ленина²⁵. Китайские чиновники похожим образом пользуются абстрактностью официального языка. Так, политическая установка 1991 г. гласила: «Придерживаться четырех базовых принципов,

¹⁸ Thogersen, S. *Beyond Official Chinese: Language Codes and Strategies. Doing Fieldwork in China.* Copenhagen: NIAS Press, 2006. Pp. 110-126.

¹⁹ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics.* Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

²⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye.* (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

²¹ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics.* Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

²² Ibid. P. 14.

²³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye.* (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

²⁴ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics.* Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

²⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye.* (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

продолжать политику реформ и открытости» (坚持四项原则, 继续改革开放). Лозунг звучит «правильно», однако он неоднозначен. Им можно обосновать как прогрессивные, так и консервативные меры²⁶.

Таким образом, китайская и советская идеологии прошли схожий путь развития и могут быть охарактеризованы понятием перформативного сдвига. Означает ли это, что КНР идет по пути СССР, и система китайского социализма движется к своему краху? На наш взгляд, такое заключение преждевременно.

Во-первых, развал советского социализма следует рассматривать не как историческую закономерность, а как случайность. Вслед за Никласом Луманом Юрчак определяет случайность как «все то, что не является неизбежным и не является невозможным»²⁷. Для обвала советской системы сложились определенные условия, которые не обязательно повторятся в КНР. Распад китайского социализма нельзя исключать, однако он не обязательно будет проходить по советскому сценарию.

Во-вторых, проводя параллели между идеологиями в КНР и СССР, следует отмечать их различия. Одно из таких различий – соотношение перформативной и констатирующей составляющих в идеологическом дискурсе. Как представляется, с приходом к власти Си Цзиньпина в китайской идеологии возросла роль констатирующей составляющей.

В эпоху Ху Цзиньгао (2002 – 2012) китайские идеологи обратили внимание на «закоснение» партийного языка. Так, в 2005 г. глава отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань (刘云山) отметил, что язык КПК стал косным (固定) и шаблонным (老套). В результате «некоторые кадровые работники,

особенно молодежь, потеряли желание читать [партийные] новостные доклады, теоретические статьи и слушать [партийные] речи»²⁸. Для идеологического дискурса Ху Цзиньгао характерно застывание языковой формы. Китайский лидер не ссылаясь на личный опыт и предпочтения. Его речи почти полностью состояли из терминов китайского марксизма²⁹. Не случайно, время правления Ху Цзиньгао иногда сравнивают с брежневской эпохой. Отношение людей к речам китайского руководителя отражено в шутке. Ху жалуется своему помощнику, что его выступление оказалось в три раза длиннее, чем планировалось. Советник отвечает: «Дело в том, что я передал вам три копии»³⁰.

Выступления Си Цзиньпина в китайских СМИ называются новым официальным языком (新官话) – его речи и статьи «отличаются от старого официального языка, в котором изобиловали пустословие (空话), протокольные фразы (套话) и лишние слова (废话)»³¹.

²⁸ Лю Юньшань: аньчжао гоуцзянь хэсе шэухуэй яоюй шэньхуа тоужань чуансинь сюаньчуань сысян гунцзо (Лю Юньшань: углублять, расширять и обновлять пропагандистскую работу в соответствии с требованиями построения гармоничного общества) // Сибэй Чжэнфа Дасюэ, 23.08.2005. Режим доступа: <https://xcb.nwupl.edu.cn/llhx/sztd/43672.htm> [Liu Yunshan: anzhaogoujianhexieshehuiyaoqiu shenhua tuozhan chuangxin xuanchuan sixiang gongzuo (Liu Yunshan: Deepen, Expand and Innovate Propaganda Work According to the Requirements of Constructing Socialist Harmonious Society) // Northwest University of Political Science and Law, 23.08.2005. Mode of access: <https://xcb.nwupl.edu.cn/llhx/sztd/43672.htm>]

²⁹ Brown, K.; Bērziņa-Čerenkova, U.A. Ideology in the Era of Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 2018, Vol. 23, P. 331.

³⁰ Gilley, B. Deng Xiaoping and His Successors (1976 to the Present). *Politics in China: An Introduction*. NY: Oxford University Press, 2019. P. 143.

³¹ Си Цзиньпин иньдао чжэян дэ «синь гуаньхуа» фэнци (Си Цзиньпин прокладывает дорогу «новому официальному языку») // Жэньминь Жибао, 12.01.2015. Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0112/c1001-26366347.html> [Xi Jinping yindao zheyang de «xin guanghua» fengqi (Xi Jinping Leads this New Trend of New Official Language) // *Renmin Ribao*, 12.01.2015. Mode of access: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0112/c1001-26366347.html>]

²⁶ Link, P. *An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

²⁷ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, пока не konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye*. (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

Отмечается, что выступления нынешнего руководителя «богаты индивидуальным стилем и наполнены речевой харизмой». Си Цзиньпин искусно рассказывает истории, приводит примеры и факты; использует разговорный язык; подчеркивает главное³².

Степень шаблонности партийного языка в эпоху Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина – предмет отдельного лингвистического исследования. Наш поверхностный анализ позволяет сделать предварительный вывод о том, что при нынешнем китайском руководителе наблюдается оживление официального языка.

Этому процессу сопутствует появление комментариев о буквальном смысле идеологических лозунгов. Си Цзиньпин не просто воспроизводит однажды сформулированные концепции, но активно их комментирует и объясняет, что они должны означать.

Так, после появления в китайском идейном пространстве различных трактовок «китайской мечты», Си Цзиньпин объявил, что это – коллективная общенациональная концепция, не связанная с индивидуализмом и конституционным управлением. Журналистам пришлось переписать «проблемные» новостные статьи³³.

В 2014 г. в китайском академическом пространстве резко возросло число упоминаний так называемой новой нормальности. Эта идеологическая концепция призвана убедить население Китая и международное сообщество в том, что китайская экономика остается здоровой, несмотря на замедление темпов экономического роста. С распространением цитируемости «новой нормальности» появились вольные трактовки концепции. Возникли понятия «ан-

тикоррупционной новой нормальности», «новой нормальности управления партией», «политической новой нормальности», «дипломатической новой нормальности», «культурной новой нормальности» и даже «туристической новой нормальности». Чтобы определить «верное» понимание концепции, потребовалось личное вмешательство Си Цзиньпина. Китайский лидер заявил, что «новая нормальность» отражает объективное положение вещей в экономике, и запретил использовать термин применительно к другим сферам³⁴.

В современных партийных документах присутствует характерная критика приспособленчества и «поддельной лояльности» (伪忠诚) – члены партии не должны использовать партийные лозунги, хвалить руководство Компартии и Си Цзиньпина для достижения карьерных целей³⁵. Лояльность должна быть искренней – т.е. проявляться на констатирующем, а не перформативном уровне идеологического языка.

В КНР всегда присутствовала жесткая цензура. Однако в данном случае вопрос в том, насколько свободно китайские интеллектуалы могут интерпретировать официальные идеологические установки. Для эпохи Ху Цзиньтао характерно относительный идейный плюрализм. Так, при предыдущем руководителе в результате распространения лозунга «внутрипартийной демократии» в Китае появились дискуссии о том, как совместить демократию и однопартийное правление Компартии. Свое видение предложили бывший заместитель директора Бюро переводов ЦК КПК Юй Кэпин

³² Вэн Сю. Си Цзиньпин цзянхуа дэ юйянь фэнгэ цзи тэдянь (Языковой стиль и особенности выступлений Си Цзиньпина) // Сюэси Шибао, 09.12.2013. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0801/c40531-29442471.html> [Wen Xiu. Xi Jinping jianghua de yuyan fengge ji tedian (Style and Features of Xi Jinping's Language) // Xuexi Shibao, 09.12.2013. Mode of access: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0801/c40531-29442471.html>]

³³ Karmazin, A. Slogans as an Organizational Feature of Chinese Politics // *Journal of Chinese Political Science*, 7 January 2020.

³⁴ Holbig, H. Whose New Normal: Framing the Economic Slowdown Under Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 26 February 2018.

³⁵ Чжунгун чжунян гуаньюй цзянцян дан дэ чжэньчи цзяньшэ дэ ицзянь (ЦК КПК об усилении политического строительства партии) // Синьхуа, 27.02.2019. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-02/27/c_1124171974.htm [Zhonggong zhongyang guanyu jiaqiang dang de zhengzhi jianshe de yijian (Central Committee of the Communist Party of China Opinion on Strengthening the Political Party Construction) // *Xinhua*, 27.02.2019. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-02/27/c_1124171974.htm]

(俞可平) и представитель «новых левых» Ван Шаогуан (王绍光)³⁶. В отличие от Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао не вмешивался в подобные обсуждения и не объяснял, какой буквальный смысл скрывается за той или иной идеологической концепцией.

Конец советского можно описать термином «деидеологизация». Вовремя «Перестройки» М.С. Горбачев дал населению понять, что КПСС не знает, как изменить ситуацию и решить проблемы, стоящие перед страной. Советский руководитель призвал искать ответы на эти вопросы вне идеологического дискурса³⁷. Сегодня социалистическая система КНР претерпевает процесс, который можно назвать «реидеологизацией». Ответы на вопросы дают не специалисты и даже не «коллективное руководство», а лично Си Цзиньпин, идеи которого уже называют «марксизмом 21 века»³⁸.

Литература:

Скосырев В.А. Восприятие концепции демократии современными китайскими мыслителями // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 1. С. 94-109.

36 Скосырев В.А. Восприятие концепции демократии современными китайскими мыслителями // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 1. С. 94-109. [Skosyrev, V.A. Vospriatie kontseptsii demokratii sovremennymi kitaiskimi mysliteliami (How Modern Chinese Political Thinkers View Democracy) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedeniye*, 2017, No. 1, pp. 94-109.]

37 Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. [Yurchak, A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos: posledneye sovetskoye pokoleniye. (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.]

38 Си Цзиньпин синь шидай чжунго тэсэ шэжуэй чжуи сысян ши 21 шицзи макэсы чжуи (Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи – это марксизм 21 века). // Сюэси Шибао, 15.06.2020. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0615/c40531-31746437.html> [Xi Jinping xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi sixiang shi 21 shiji makesizhuyi (Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era is Marxism of the 21 Century) // *Xuexi Shibao*, 15.06.2020. Mode of access: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0615/c40531-31746437.html>]

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

Brown, K.; Bērziņa-Čerenkova, U.A. Ideology in the Era of Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 2018, Vol. 23.

Gilley, B. Deng Xiaoping and His Successors (1976 to the Present). Politics in China: An Introduction. NY: Oxford University Press, 2019.

Holbig, H. Whose New Normal: Framing the Economic Slowdown Under Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 26 February 2018.

Joseph, William A. Ideology and China's Political Development. Politics in China: An Introduction. NY: Oxford University Press, 2019.

Karmazin, A. Slogans as an Organizational Feature of Chinese Politics // *Journal of Chinese Political Science*, 7 January 2020.

Link, P. An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics. Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

Nathan, A. Chinese Democracy. NY: Alfred A. Knopf, 1985.

Salzman, M. Iron and Silk. NY: Vintage Books, 1986.

Schoenhals, M. Doing Things with Words in Chinese Politics: Five Studies. Berkeley: University of California Press, 1992.

Schurmann, F. Ideology and Organization in Communist China. Berkeley: University of California Press, 1966.

Shambaugh, D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Thøgersen, S. Beyond Official Chinese: Language Codes and Strategies. Doing Fieldwork in China. Copenhagen: NIAS Press, 2006. Pp. 110-126.

Zhang, Liang. The Tiananmen Papers. Edited by Andrew J. Nathan and Perry Link. NY: PublicAffairs, 2001.

References:

Brown, K.; Bērziņa-Čerenkova, U.A. Ideology in the Era of Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 2018, Vol. 23.

Gilley, B. Deng Xiaoping and His Successors (1976 to the Present). Politics in China: An Introduction. NY: Oxford University Press, 2019.

Holbig, H. Whose New Normal: Framing the Economic Slowdown Under Xi Jinping // *Journal of Chinese Political Science*, 26 February 2018.

Joseph, William A. Ideology and China's Political Development. Politics in China: An Introduction. NY: Oxford University Press, 2019.

Karmazin, A. Slogans as an Organizational Feature of Chinese Politics // *Journal of Chinese Political Science*, 7 January 2020.

Link, P. An Anatomy of Chinese. Rhythm, Metaphor, Politics. Cambridge: Harvard University Press, 2013. Pp. 282-285.

Nathan, A. Chinese Democracy. NY: Alfred A. Knopf, 1985.

Salzman, M. Iron and Silk. NY: Vintage Books, 1986.

Schoenhals, M. Doing Things with Words in Chinese Politics: Five Studies. Berkeley: University of California Press, 1992.

Schurmann, F. Ideology and Organization in Communist China. Berkeley: University of California Press, 1966.

Shambaugh, D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Skosyrev, V.A. Vospriatie kontseptsii demokrati ssovremennymi kitaiskimi mysliteliami (How Modern Chinese Political Thinkers View Democracy) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedeniye*, 2017, No. 1, Pp. 94-109.

Thøgersen, S. Beyond Official Chinese: Language Codes and Strategies. Doing Fieldwork in China. Copenhagen: NIAS Press, 2006. Pp. 110-126.

Yurchak, A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos: posledneye sovetsoyey pokoleniye. (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 664 p.

Zhang, Liang. The Tiananmen Papers. Edited by Andrew J. Nathan and Perry Link. NY: PublicAffairs, 2001.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10048

IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE PRC: PARALLELS WITH LATE SOCIALISM IN THE USSR

Vladimir A. Skosyrev

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.06.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 01.09.2020</p>	<p>Abstract: Most sinologists assume that ideology is a set of values and ideas which reflect reality in a more or less precise way. While studying ideology of PRC they focus on the literal sense of ideological narratives. Some scholars take another approach and study practical implications of ideological utterances, rather than their literal meaning. This is the approach adopted in this study. The author draws basic assumptions from Alexey Yurchak's work on late socialism in USSR and then proceed to find parallels between Soviet and Chinese ideologies. He discovers that some aspects of "performative shift" can be found in PRC. Like in late Soviet Union, in China it is more import to reproduce the proper form of ideological language, rather than its literal meaning. In this respect Hu Jintao era (2002-2012) is remarkable. In this period language of the official discourse became ossified. At the same time Hu Jintao era is marked with a certain degree of ideological pluralism. Chinese intellectuals were relatively free in interpreting official narratives and in bringing in new ideas into the ideological discourse. Xi Jinping era is characterized by a reversed process. Party language has become more vivid, and the Chinese leader has started to give comments on the literal meaning of various ideological conceptions. Meanwhile there are fewer opportunities for free interpretation of the official discourse. We come to the conclusion that today Chinese socialism is going through the process of re-ideologization unlike the Soviet system which underwent de-ideologization before its eventual collapse.</p>
<p>About the author: Postgraduate student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: mr.Skosyrev@gmail.com</p>	
<p>Key words: PRC; ideology; Xi Jinping; Chinese socialism; performative shift; USSR; Alexey Yurchak; re-ideologization</p>	

Для цитирования: Скосырев В.А. Идеологическая трансформация КНР: параллели с поздним социализмом в СССР // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 53-60.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10048

For citation: Skosyrev, Vladimir A. Ideologicheskaya transformatsiya KNR: paralleli s pozdnim sotsializmom v SSSR (Ideological Transformation of the PRC: Parallels with Late Socialism in the USSR) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 53-60.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10048

INTERNATIONAL INTERDEPENDENCE FOR ENERGY SECURITY IN PRESENT TIMES

Hriday Ch. Sarma

*South Asia Democratic Forum, Polar Research and Policy Initiative,
India*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.07.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: Energy remains the backbone of the global economy in present times, and competition is most closely associated with achieving energy security. States, whether big or small, have been involved in a race to achieve energy security for national development; however, in the process, they have foregone the need and opportunity to accumulate the benefits coming from greater interdependence and cooperation between them. The paper proposes that states under prevailing circumstances, when climate change is manifesting in new forms and volatility in global oil markets is at an all-time high, need to overhaul their understanding and application of energy security according with the ground realities. Energy security at the world level can be achieved through cooperative adjustments along the supply chain, involving supply, transit and consuming states, to build enhanced mutual dependence. These adjustments would enable states to re-position themselves and optimally operate in the global energy trade; thus, altering the dynamics of global energy system and embedding sustainability in it. All of that will come with the dedication of national governments, along with a sense of urgency and participation in decision-making among end consumers (i.e. people) and advocacy of international climate-energy forums, to revamp the existing energy system to meet the changing energy needs of mankind both at present and in coming time.</p>
<p>About the author:</p> <p>Fellow, South Asia Democratic Forum, Brussels based think tank; Fellow, Polar Research and Policy Initiative, London based think tank</p> <p>e-mail: hridayarma@yahoo.co.in</p>	
<p>Key words:</p> <p>energy security; energy interdependence; energy sustainability; fossil fuels; energy geopolitics</p>	

In present times, the world is witnessing a whirlwind of events, both in man-made environment and natural environment. In the man-made environment, some events are continuing processes that have lately gained pace, like inter-state and multi-state conflicts (U.S.-China trade war and South China Sea dispute)¹. Whilst, other events have occurred

completely unexpected, like Uberisation – breakthrough technologies capturing global/national markets and revolutionizing the way humans have traditionally operated and a new pandemic and economic crisis sparked by human interferences in the environment (i.e. COVID-19,² Furthermore, there are events that existed relatively calm in the past decades, but they have now fully erupted, like environmental movements and application of

¹ Partington, R. Global Markets Recoil as Trump Threatens US-China Trade War // *Guardian*, May 1, 2020. Mode of access: <https://www.theguardian.com/business/2020/may/01/global-markets-donald-trump-us-china-trade-war-coronavirus-covid-19>; Bowden, E. China's Military Expels US Navy Warship from South China Sea // *New York Post*. May 1, 2020. Mode of access: <https://nypost.com/2020/05/01/chinas-military-expels-us-navy-warship-from-south-china-sea/>; Wong, C. Vietnam Accuses China of 'Seriously Violating' Sovereignty // *South China Morning Post*. April 20, 2020. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3080756/vietnam-accuses-beijing-seriously-violating-sovereignty-south>

² Nicolas, G. The Uberization of Work / Medium, June 28, 2017. Mode of access: <https://medium.com/@NicolasTalenteum/the-uberization-of-work-4c7666018058>; Babali, B. What is Uberization? // *The Business Year*, August 6, 2019. Mode of access: <https://www.thebusinessyear.com/what-is-uberization-and-how-will-5g-technology-change-work/focus>; Chakraborty, I.; Maity, P. COVID-19 Outbreak: Migration, Effects on Society, Global Environment and Prevention // *Science of The Total Environment*, 2020, Iss. 728.

renewable energy for power generation.³ These diverging trends and events cannot be placed in a specific time frame or held to have a particular start year, which is normally an essence of any research study.

This paper, on the other hands, considers the present times as the present distinctive period that encapsulates the aforementioned dynamics. In this period, all human activities, including in the areas of science and technology, finances, manufacturing, etc., are fully dependent on energy; hence, a sense of continuing insecurity gets attached to energy. There is another dimension of gauging the present realities, i.e. effects of burning fossil energy on the environment or the sustainability dimension. So much so has been the impact of burning fossil energy from the time of industrial revolution, which started in latter half of the 18th century, and has continued till at present that the naturally occurring balances in the global ecosystem have been fractured to a point of frequent climate disasters and irreversible changes in geographic landscapes.⁴

The use of fossil energy particularly escalated in the second half of 20th century, marked by relative peace and economic growths in most countries worldwide. This brought with it negative environmental impacts, and

high emission of Green House Gases (GHG) and other poisonous discharges.⁵ It is in the 1980s that Natural Gas, a derivative of crude oil and considered as relatively clean,⁶ started to become popular due to its cheaper costs in terms of extraction and transportation. Ever since then, the consumption of natural gas has significantly grown in the global energy markets, and especially in major energy consuming countries (like US, China and India).⁷

In 1990s, the international climate forums, like 1992 United Nations Climate Change Convention, Biodiversity Convention, etc., drew considerable attention to the problem of global climate change. However, only in recent years, there has emerged a general consensus in the international community that fossils are highly polluting in nature and there is a pressing need to harness renewable energies sooner than later.⁸ Despite of the growing clamour against fossil energy, its overall use has continued to rise, save in 2020 that is experiencing a global lockdown state and a global oil price crash

³ Watts, J.; Taylor, M.; Bartlett, J. Climate Crisis: 6 Million People Join Latest Wave of Global Protests // *Guardian*, September 27, 2019. Mode of access: <https://www.theguardian.com/environment/2019/sep/27/climate-crisis-6-million-people-join-latest-wave-of-worldwide-protests>; International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Energy Now Accounts for a Third of Global Power Capacity. Abu Dhabi United Arab Emirates: IRENA, 2019. Mode of access: <https://www.irena.org/newsroom/pressreleases/2019/Apr/Renewable-Energy-Now-Accounts-for-a-Third-of-Global-Power-Capacity>

⁴ Watts, J.; Taylor, M.; Bartlett, J. Climate Crisis: 6 Million People Join Latest Wave of Global Protests // *Guardian*, September 27, 2019. Mode of access: <https://www.theguardian.com/environment/2019/sep/27/climate-crisis-6-million-people-join-latest-wave-of-worldwide-protests>; Albrich, K.; Rammer, W.; Seidl, R. Climate Change Causes Critical Transitions and Irreversible Alterations of Mountain Forests / *Global Change Biology*, 2020.

⁵ Nunez, C. Carbon Dioxide Levels Are at a Record High. Here's What You Need to Know / *National Geographic*, May 13, 2019. Mode of access: <https://www.nationalgeographic.com/environment/global-warming/greenhouse-gases/>; Lal, R. Vulnerability of Agroecosystems to Environmental Factors // *Climate Vulnerability*, 2013, No. 4, pp. 109-116. Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123847034004147>

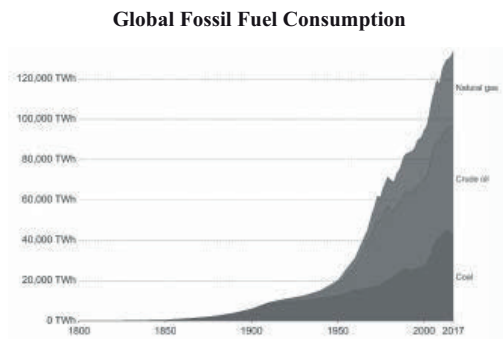
⁶ United States National Research Council. Committee to Review the Gas Research Institute's Research, Development and Demonstration Program, Gas Research Institute. A review of the management of the Gas Research Institute. National Academies, 1989.

⁷ Global Energy Statistical Yearbook. Natural Gas Production, Grenoble, France: Enerdata, 2019. Mode of access: <https://yearbook.enerdata.net/natural-gas/world-natural-gas-production-statistics.html>

⁸ Casper, Julie K. Fossil Fuels and Pollution: The Future of Air Quality. New York, USA: Infobase Publishing, 2010; Perera, F. Pollution from Fossil-fuel Combustion Is the Leading Environmental Threat to Global Pediatric Health and Equity // *Solutions Exist // International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, Iss. 15(1).

due to the prevailing pandemic.⁹ That has intensified the level of global warming, thus causing higher degree of anthropogenic climate change in present times (See Fig. 1).

Figure 1

Source: Vaclav Smil. *Energy Transitions: Global and National Perspectives & BP Statistical Review of World Energy*.
 Mode of access: [OurWorldInData.org/fossil-fuels/](https://www.ourworldindata.org/fossil-fuels/)

Renewable energy, in its multiple and variegated forms, has gained worldwide acceptance as an alternate and cleaner form vis-à-vis fossils. It offers the promise of clean energy gathered from self-renewing resources such as the sun (solar), wind (onshore and offshore), water (hydropower), earth (geothermal), and biofuels (biomass based sources). This form of energy, which by nature is decentralized, has the technical potential to replace fossil fuels.¹⁰

However, it has a significant disadvantage to compete against Big Oil companies and large National Oil Companies (NOC). The fossil industry has state support, whether direct or indirect, and has significant resources at its disposal, including finances, technologies, expert manpower and ‘lock-in’ advantage (infrastructures in place and designed for exclusive fossil use).¹¹ Thus, renewable energy will have to overcome both technical and non-technical hurdles before it can replace fossil fuels on a global scale.

At present, it is difficult to fathom life without energy, and today, the use of fossil fuels is so deeply entrenched in our societies, both in developed and developing countries, that without energy the pillars of modern human civilization will most likely collapse.¹² While this exclusive dependence on fossil fuels is relatively slowing in recent years (See Fig. 2); however, the world is far away from transitioning to a complete or even majority percentage of renewable based energies. Therefore, in the present circumstances, stakeholders are competing and cooperating to meet their national energy demands from the finite hydrocarbon reserves around the world, while ensuring their environmental impacts are brought down and higher shares of renewable energy become progressively integrated in their national energy mix.

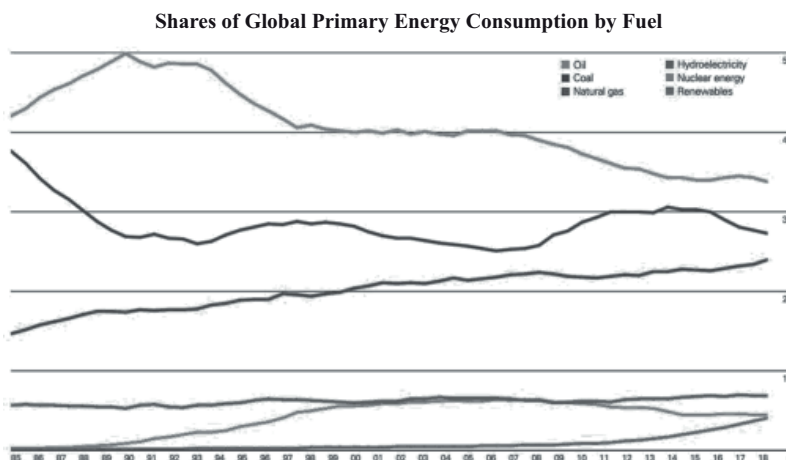
⁹ Saefong, Myra P.; Watts, W. Oil Prices Mark Lowest Finish in 2 Weeks as COVID-19 Outbreak Rattles Demand Expectations / MarketWatch, February 25, 2020. Mode of access: <https://www.marketwatch.com/story/oil-edges-lower-sees-additional-selling-after-monday-drop-2020-02-25>; Reuters News Agency. Power Down: China Energy Demand Falls as Virus Hits Factories // *Al Jazeera*. February 14, 2020. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/ajimpact/power-china-energy-demand-falls-virus-hits-factories-202014061808709.html>

¹⁰ Crosby, Alfred W. Answering to ProCon.org. *Alternative Energy – ProCon.org*, July 6, 2018. Mode of access: <https://alternativeenergy.procon.org/source-biographies/alfred-w-crosby/>; Stocks, M.; Blakers A. Solar PV and Wind Are on Track to Replace All Coal, Oil and Gas within Two Decades / *The Conversation*. April 6, 2018. <https://theconversation.com/solar-pv-and-wind-are-on-track-to-replace-all-coal-oil-and-gas-within-two-decades-94033>

¹¹ REN21. *Renewables 2019 Global Status Report*. Paris: REN21 Secretariat, 2019. Mode of access: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2019_full_report_en.pdf; Stevens, P. Tech and Energy Are Teaming up, Creating a Market That Could Grow 500% in the Next 5 Years / *CNBC*, February 22, 2020. Mode of access: <https://www.cnbc.com/2020/02/22/tech-and-energy-are-teaming-up-creating-a-market-that-could-grow-500percent-in-the-next-5-years.html>; Burton, J.; Lott, T.; Rennkamp, B. *Sustaining Carbon Lock*. In: Skovgaard, Jakob and van Asselt, Harro van. *The Politics of Fossil Fuel Subsidies and Their Reform: Implications for Climate Change Mitigation*. Cambridge U.K.: Cambridge University Press, 2019.

¹² Caplan, B. *The Moral Case for Fossil Fuels: We Owe Civilization to Fossil Fuels*. The Library of Economics and Library, 2014. Mode of access: https://www.econlib.org/archives/2014/12/the_moral_case_2.html

Figure 2

Source: BP Statistical Review of World Energy 2019

This paper makes a case for interdependency between actors, primarily states, to achieve energy security under prevailing circumstances, which it deems as possible through planned cooperation at the world stage. It commences with an attempt to gauge the multifarious interpretations of energy security, which includes energy sustainability within its ambit, and contextualizes that in the evolving scenario. It then discusses emerging challenges to energy security from the perspective of energy importers, exporters and transit countries. It argues that in today's globalised world, energy interdependence triumphs energy independence. Finally, it outlines various mechanisms to bolster energy security before concluding that international cooperation is essential for achieving energy security.

Energy security and its interpretations

Energy is one of the key drivers of the economy. Availability of cheap, reliable and clean energy is therefore crucial for any country to survive and develop. This applies not just to energy importing and transit countries, but also to energy exporting countries. The International Energy Agency (IEA) puts forth a simple definition for energy security as “the uninterrupted availability of energy sources at an affordable price”.¹³ It distinguishes between

long-term energy security that is primarily concerned with timely investments to continue the supply of energy while conforming to economic developments. On the other hand, short-term energy security mainly focuses on the ability and the capacity of the energy system to promptly react to any unprecedented changes, so as to restore the supply-demand balance within the energy system. Hence, IEA's interpretation of energy security is related to physical unavailability of energy that may result in negative economic and social impacts, or energy prices that are not competitive or are overly volatile. Further, it is reflective of the interests of IEA's founding and constituting members, which mainly are the net energy importing countries in Europe (and the US, which until December 2018 had similar energy interests of importing more oil than it started exporting and further went on to become a net energy exporter in November 2019).¹⁴

¹⁴ IEA has restricted its membership to advanced economies of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), which requires them to demonstrate their net oil importer status, have reserves equivalent to 90 days' average of crude oil and/or oil products imports in the prior years, and have a demand restraint program for reducing national oil consumption by up to 10 percent. Gaffen, D. In Major Shift, U.S. Now Exports more Oil Than It Ships in. Reuters, December 6, 2018. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-oil-eia/in-major-shift-us-now-exports-more-oil-than-it-ships-in-idUSKBN1O51X7>; Cunningham,

¹³ International Energy Agency (IEA). World Energy Outlook, Paris, France: IEA Publications, 2006.

The Energy and the Challenge of Sustainability defines energy security as, “the continuous availability of energy in varied forms, in sufficient quantities, and at reasonable prices”. This definition has been associated as being synonymous with energy supply security.¹⁵ Asia Pacific Energy Research Institute, an energy unit under aegis of Asia-Pacific Economic Cooperation, has characterised energy security using the four dimensions – Availability, Accessibility, Affordability and Acceptability (APERC) – to give it a credible framework. Various authors have expanded this definition for the assessment of energy security to include other dimensions such as efficiency, governance, institutions etc.

Going beyond the four A's assessment framework, Cherp and Jewell interpret energy security as ‘low vulnerability of vital energy systems.’¹⁶ The authors define vital energy systems as those energy systems (energy resources, technologies etc.) that support critical social functions and can be segregated into geographic and sectoral boundaries, whereas vulnerability is looked upon as a combination of exposure to risks and resilience capacities.

According to Gal Luft & Anne Korin, energy security means different things to different countries based on their geographical location, their international relations, their political system and their economic disposition.¹⁷ They contend that any country's definition of energy security depends on how it views its vulnerabilities to energy supply disruptions, which are external to the energy

system. As things are in a state of constant flux, i.e. both domestic and global realities keep changing, energy security for any country is to be contextualised against a specific situation and depends on the circumstances.

Literature on energy security further reveals that energy security is a dynamic concept and can be characterised as a set of complex interrelated issues that have an inter-temporal nature. Energy security is multidimensional in nature, has a broader conceptual meaning and the interpretations are different for various stakeholders. Further, it is also acknowledged that energy security is a slippery term and it has no universally accepted definition, as it is often interpreted according to the perspective of the user.¹⁸ In fact, energy security has often been used as an umbrella term as it covers a large set of issues.

The existing interpretations of energy security have been critiqued noting that the ‘supply-side’ approach to energy security, does not acknowledge the ‘demand-side’ aspect. Demand-side aspect of energy security can be interpreted as universal provisioning of modern energy services, which is affordable and accessible to consumers.¹⁹ It also supports the perspective of viewing energy security as “the continuity of energy supplies relative to demand”.²⁰

Although the interpretation of energy security has evolved slightly over the years but, ‘uninterrupted availability of energy’ and ‘affordability’ of energy remain as the core concern for countries. The issue of environmental sustainability and lowering GHG emissions from energy use has been added to the concept in present times that broadens as well as deepens its scope.²¹ In the

S. U.S. Posts First Month in 70 Years as a Net Petroleum Exporter. Bloomberg. November 29, 2019. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-29/u-s-posts-first-month-in-70-years-as-a-net-petroleum-exporter>

¹⁵ Later, the United does mention that energy exporters are anxious about energy security of demand, but their definition of energy security largely remains the same as defined in (UNDP, UNDESA, WEC. World Energy Assessment: Energy and the Challenge of Sustainability. New York: UNDP, 2000).

¹⁶ Cherp, A.; Jewell, J. The Concept of Energy Security: Beyond the Four As // *Energy Policy*, 2014, No. 75, pp. 415-421.

¹⁷ Luft, G.; Korin, A. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook. California, U.S.A: ABC-CLIO, 2009.

¹⁸ Chester, L. Conceptualising Energy Security and Making Explicit Its Polysemic Nature // *Energy Policy*, 2010, No. 38(2), pp. 887-895.

¹⁹ Reddy, S.; Nathan, H.S.K. Emerging Energy Insecurity: The Indian Dimension. Chapter. In: Dilip M. Nachane (Ed.) India Development Report (IDR). New Delhi: Oxford University Press, 2011.

²⁰ Winzer, C. Conceptualizing Energy Security // *Energy Policy*, 2012, Iss. 46, pp. 36-48.

²¹ Dalby, S. Environmental Security. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002; Chow, E.; Elkind, J. Where East Meets West: European Gas and Ukrainian Reality // *Washington Quarterly*, 2009, vol. 32 (1), pp. 77-92.

last few years, international momentum for acting towards mitigating climate change has ensured that environmental aspects of energy now find an important place in the concept of energy security.

Considering this changing landscape and the growing importance of both energy security and energy sustainability, the concept of Sustainable Energy Security (SES) has come into vogue. It is defined as “provisioning of uninterrupted energy services in an affordable, equitable, efficient and environmentally benign manner”.²² Further, envisaging an SES index in context of developing countries, the approach “goes beyond the concept of sustainable and secure energy ‘sources’ and implies a sustainable and a secure energy ‘system’.”²³ The authors hold that the approach includes sustainability in an ‘end-to-end’ conception where production, conversion and distribution and supply all forms of all energy, such as electricity, in various sectors of a national economy. The paper will stretch this categorization of energy security, which includes sustainability at all levels and layers, to gauge energy dynamics at the world level.

Present challenges for energy security

Energy security is a property of the energy system²⁴ and it is most commonly understood in the context of a national energy system. In fact, energy security is one of the most important non-military component of national security²⁵ and countries include energy security as a major objective of their foreign policy. Energy security may be devolved to the level

of individual states, counties, companies or even at the level of households. On the other hand, it can be up-scaled geographically from a national level to regional, continental and global level.

As the most common understanding of energy security is at the level of countries, global energy security can be rationally supposed to be a condition when all countries are energy secure. Broadly, the world can be divided into energy deficit and energy surplus countries. Energy trade is vital to achieve energy security as an energy deficit country can import various forms of energy to meet the demand of its industrial based economy. This gives rise to two categories of countries: energy importing countries and energy exporting countries and a dynamic equilibrium between energy supply and demand is essential for achieving global energy security.

As can be expected, the interests of energy importing countries and energy exporting countries are different. While energy importing countries look for ‘security of supply’ and affordable prices, energy exporting countries seek ‘security of demand’ which implies a steady demand of energy as well as reasonable prices in the future which justify the investments made in energy infrastructure. Excessive volatility in energy prices impact both energy importers and exporters and are a common cause of concern, like has been the case since late 2018.²⁶ Whilst, stable and predictable energy prices are in the interest of both parties.

As the economic centre of the world shifts from western industrialised countries to Asia,²⁷ energy trading patterns have continuously changed over the last two decade and even at present the trend continues. It is being held that the global flow of energy will now be from Middle East to new demand centres in emerging economies such as India and other developing countries in Asia, like Bangladesh

²² Narula, K. Is Sustainable Energy Security of India Increasing or Decreasing? // *Int. J. Sustain. Energy*, 2014, Iss. 33, pp. 1054-1075.

²³ Narula, K.; Reddy, S. A SES (Sustainable Energy Security) Index for Developing Countries // *Energ*, 2016, Iss. 94, pp. 326-343.

²⁴ Mitchell, C.; Watson, J. New Challenges in Energy Security. In: Mitchell, C., J. Watson, J. Whiting and J. Britton. (Eds.). *New Challenges in Energy Security. Energy, Climate and the Environment Series*. Palgrave Macmillan, London, 2013.

²⁵ Cooley, K. *Energy Security: Neglected Dimension of National Security?* Washington, DC: National Strategic Studies, 2011.

²⁶ Whipple, T.; Andrews, S. *Peak Oil Review / Resilience*. December 26, 2018. Mode of access: <https://www.resilience.org/stories/2018-12-26/peak-oil-review-26-december-2018-2/>

²⁷ Mahubani, K. *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. New York, U.S.A.: Public Affairs, 2008;

and Indonesia.²⁸ However, despite this shift, the nature of energy security concerns would be more or less unchanged.

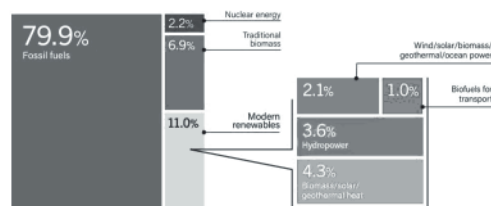
The exponential growth of renewable energy has added new energy sources on the supply side. Renewable energy primarily from solar and wind has the potential to overcome the traditional divide between energy rich and energy poor countries as renewable energy sources are spread fairly evenly.²⁹ Decentralised generation of electricity from renewable energy may also change the pattern of large scale electricity generation along with the way electricity is distributed within countries as well as at the global level thereby altering the quantum of flow from energy exporting to importing countries.³⁰

Renewables are gradually becoming a part of the national energy mix as there is a push, both on the policy as well as on the technology front,³¹ which has enabled large scale production and has made solar PV and wind cost competitive with conventional fired coal plants in some regions of the world.³²

Notwithstanding the (media) glorified growth of renewable energy, the total share of renewable energy in global energy basket has remained low. In 2018, share of renewable in terms of total final energy consumption (TFEC) accounted for 17.9%, and within EU that was 18%,³³ which grew slightly from around 16.5% in 2008.³⁴ In the power sector the growth of renewable energy was more significant as the global renewable capacity totalled 2,378 GW in 2018,³⁵ which was just 197 GW in 2008. The figures still speak volume about the prevalence of fossil fuel in the global energy system (See Fig. 3).

Figure 3

Estimated Renewable Share of Total Final Energy Consumption, 2018

Source: based on IEA data

Moreover, the latest developments that have come up from outbreak of COVID-19, such as sharp restrictions on movement of people and vehicles of all kinds in all countries, negative economic growths in many countries and brakes on market innovations (including in renewable energy sector), will slowed down renewable energy transition towards cheap oil. As Fatih Birol, executive-director of the International Energy Agency, says, “The combination of coronavirus and volatile market conditions will distract the attention of policymakers,

²⁸ Asia House. The Middle East’s Asian Pivot: Trade Growth and Opportunities. London: Asia House, 2019. Mode of access: <https://asiahouse.org/wp-content/uploads/2019/03/ME-Asian-Pivot-full.pdf>

²⁹ Elliott, D. Balancing the demands of renewable energy self-sufficiency / Physics world. October 25, 2019. Mode of access: <https://physicsworld.com/a/balancing-the-demands-of-renewable-energy-self-sufficiency/>; Decker, Kris D. How (Not) to Run a Modern Society on Solar and Wind Power Alone / Low Tech. September 13, 2017. Mode of access: <https://www.lowtechmagazine.com/2017/09/how-to-run-modern-society-on-solar-and-wind-powe.html>

³⁰ Yang, Z.; Liu, J.; Baskaran, S.; Imhoff, C.H.; Holladay, J.D. Enabling Renewable Energy-and the Future Grid-with Advanced Electricity Storage // *Journal of the Minerals, Metals & Materials Society*, 2010, No. 62 (9), pp. 14-23.

³¹ REN21. The First Decade (2004-2014): 10 Years of Renewable Energy Progress. Paris, France: Ren21 Secretariat, 2014. Mode of access: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/activities/Topical%20Reports/REN21_10yr.pdf

³² Dudley, D. Renewable Energy Costs Take Another Tumble, Making Fossil Fuels Look more Expensive than Ever // *Forbes*. May 29, 2019. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/domicududley/2019/05/29/renewable-energy-costs-tumble/#3226bd81e8ce>

³³ European Environment Agency (EEA). Share of Renewable Energy in Gross Final Energy Consumption in Europe. København, Denmark: EEA, 2019.

³⁴ Tracking SDG7. The Energy Progress Report 2018. New York, U.S.A.: World Health Organization, 2018.

³⁵ REN21. Renewables 2019 Global Status Report. Paris: REN21 Secretariat, 2019. Mode of access: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2019_full_report_en.pdf

business leaders and investors away from clean energy transitions.”³⁶

Thus, it can be concluded that fossil fuels would continue to form a major part of the global energy mix even in the future and energy security in its traditional form would continue to drive energy policies of various countries. The use of renewables will supplement the efforts to achieve energy security as it will reduce consumption of fossil energy and may insulate national energy systems from both supply chain disruptions and commodity price fluctuations. However, there are certain limitations due to the intermittency of renewable energy which need to be overcome before a large-scale integration of renewable energy can be undertaken.

Traditional concerns for energy importing countries

The world energy system has a complex and dynamic structure. A country's energy system is governed by national administration and can be viewed as sub-parts of the world energy system. A country's energy system is an open system which is characterised by the import and export of primary energy such as coal, crude oil and natural gas as well as trading of secondary energy carriers such as petroleum products, LNG and electricity and is hence intertwined with the global energy system.

For the ease of analysis, energy security can be divided into two components, the 'physical' availability of energy and the 'price' aspect of energy. Corresponding to these components, energy importing countries aim to have 'resource security' as well as 'price security'. Energy security can be assessed separately for different energy sources and the assessment can then be integrated to provide a complete picture of the country's energy security.

There are several vulnerabilities in the global energy system and in its accompanying supply chains. A large number of threats, like climate change can exert pressure on it and can exploit these inherent vulnerabilities during

³⁶ European Environment Agency (EEA). Share of Renewable Energy in Gross Final Energy Consumption in Europe. København, Denmark: EEA, 2019.

the stages of production, transportation or distribution of energy.

Dwindling energy resources, its physical concentration in specific areas, and growing energy demand has led to competition over resources and exuberate energy security concerns. Further, there are various factors which can lead to the disruption of energy supply chains and therefore these can threaten energy supply security. For energy importing countries threats, like political and economic instability of several energy producing countries, disruptions from interstate conflict as well as attacks on supply infrastructure, accidents, natural disasters, terrorism, sabotage and strikes in energy industry leading to a breakdown in energy supply chains.³⁷

Energy importing countries are also threatened by the power of energy exporters to manipulate prices by forming cartels, e.g. the hard control exercised by Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) on oil production by virtue of it owning more than 80 percent of world crude oil reserves and having spare production capacity.³⁸ The ability of certain countries to cut energy supplies, e.g. the oil embargo imposed by Arab members of OPEC against the US and many European countries in 1973 that triggered the first oil shock³⁹ and Ukraine committing transit defaults on natural gas supplies from Russia for

³⁷ Toke, D.; Vezirgiannidou, S.E. The Relationship Between Climate Change and Energy Security: Key Issues and Conclusions // *Environmental Politics*, 2013, Iss. 22 (4), pp. 537-552; Pronińska, K. Energy and Security: Regional and Global Dimensions / SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security, 2017, pp. 215-240.

³⁸ Salem, El-Badri. OPEC's Capacity & Commitment to Meeting World Oil Demand in the Medium-term. London: U.K. Chatham House, 2009. Mode of access: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/812.htm

³⁹ United States Office of the Historian. Oil Embargo, 1973-1974. Washington, D.C., U.S.A.; Office of the Historian. Mode of access: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/oil-embargo#:~:text=NOTE%20TO%20READERS-,Oil%20Embargo%2C%201973%E2%80%931974,the%20post%2Dwar%20peace%20negotiations>

European clients in 2009⁴⁰ and, are two relevant examples which highlight the vulnerability of energy importing countries. Hence energy importers are concerned that energy supplying countries may exploit this energy dependency as a tool to increase their political influence or for price bargaining.

In order to enhance energy security, energy importing countries resort to ownership of resources (e.g. oil assets abroad), often exercise political influence on energy exporting countries, and may use the option of military control of energy resources.⁴¹ Further, in order to protect energy supply chains from disruptions and from the impact of geopolitical upheavals, oil importing countries attempt to decrease their reliance on foreign countries for energy resources. Economic, geopolitical and military power of a country are other factors which contribute to energy security of a country.

There are other concerns on energy security during the transportation of energy. Presence of chokepoints at sea is a major source of risk and oil tankers are likely targets for terrorists, piracy and attacks by non-state

actors at sea.⁴² Ensuring maritime security is therefore important along with the ability of energy importing as well as exporting countries to transport resources by sea. Ownership of fleets and control of sea routes are some of the measures which countries use to overcome the risk of disruption of energy supplies during energy transportation.⁴³ Pipeline infrastructure, both transnational and inside a country is also susceptible to sabotage or targeted attack.

During the distribution stage, energy infrastructure is especially prone to physical breakdown due to ageing, overloading etc. Cyber-attacks on electricity grid networks, electricity plants, offshore oil platforms and other installations are also an increasing cause of concern in recent times.⁴⁴

Growing concerns for energy exporting countries

Energy exporting countries enjoyed a good run over the last half a century with a largely increasing trend in prices. However, over the past couple of years there has been a general reversal of energy commodity prices leading to increasing concerns for energy exporters. The trend of falling energy prices started to accelerate by the end of 2018 when US shale

⁴⁰ In 2009, Gazprom officially claimed that Ukraine was stealing Russian supplied gas for clients in Europe, which prompted Russia to temporarily stop gas supplies to prevent Ukraine from further perpetuating the act. In 2015, Ukraine's state energy firm Naftogaz made a unilateral declaration of prohibiting gas purchases from Russia after a deal on gas pricing could not be reached in EU-brokered talks between them. This in the process affected downstream countries in EU that bought Russian gas supplies transiting through Ukraine. Gazprom. Za proshlye sutki evropeiskie potrebiteli / Gazprom website, 4 January 2009; BBC. Russia Halts Gas Supplies to Ukraine after Talks Breakdown. July 1, 2015. Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-33341322>

⁴¹ Ross, M. How the 1973 Oil Embargo Saved the Planet // *Foreign Affairs*, October 15, 2013. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2013-10-15/how-1973-oil-embargo-saved-planet>; Li, Z.; Gallagher, K.; Mauzerall, D.L. China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector // *Energy Policy*, 2020, Iss. 136. Mode of access: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/mauzerall/files/chinas_global_power_energypolicy_2019.pdf

⁴² Guzansky, Y.; Lindenstrauss, G.; Schachter, J. Power, Pirates, and Petroleum: Maritime Choke Points in the Middle East // *Strategic Assessment*, 2011, No. 14(2), pp. 85-98. Mode of access: <https://www.offiziere.ch/wp-content/uploads/file1311767315.pdf>; Whittington, M. Identifying and Assessing Emerging Risks in Marine Transportation. Masters Thesis, School of Marine and Environmental Affairs, University of Washington, U.S.A., 2016. Mode of access: https://www.itopf.org/fileadmin/data/Documents/Papers/Emerging_Risks.pdf

⁴³ UNCTAD. Structure, Ownership and Registration of the World Fleet. UN Symbol: UNCTAD/RMT/2013, Geneva: UNCTAD, 2017. Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationChapters/rmt2017ch2_en.pdf

⁴⁴ Offshore Technology. Fighting Cyber Crime in the Offshore Oil and Gas Industry." December 13, 2016. Mode of access: <https://www.offshore-technology.com/features/default/files/mauzerall/files/5692000/>

oil started capturing global markets.⁴⁵ This was followed by heightening of the US-China trade war by mid-2019 that raised concerns of an impending global recession, further leading to a OPEC+ agreement in December 2019 to tackle that decelerating economic growth trend.⁴⁶ However, the agreement between the two largest oil producers, i.e. Saudi Arabia and Russia, was ruptured by the latter at the outbreak of COVID-19 pandemic in 2020,⁴⁷ prompting the former to ramp up oil production in a price war between the two,⁴⁸ thereby, the global markets getting flooded with dirt cheap oil.⁴⁹

Reeling under such volatilities, all exporting countries have sought for predictability of energy demand and for stable flow of energy exports. Fair and reasonable prices are essential in the long run as it would attract further investment in energy exploration and infrastructure.

Energy revenues aid the development of these states as tax revenues from oil production fund governments. A steady and reliable stream of revenues is also essential for balancing the budgets of these countries, which rely heavily on revenues from energy imports. As a result of the global fall in the prices of energy, many

countries are running current account deficits and are struggling to balance their annual budget.⁵⁰ This has also led to depleting foreign currency reserves and bleeding sovereign oil reserves which is a cause of concern for these countries. The large slide in the value of currency of Russia (Rouble), Venezuela (Bolivar) and Nigeria (Naira) provide ample evidence of the importance of energy revenues and the impact that the fall in international energy prices can have on the macroeconomic environment of a country.⁵¹ It also leads to a decrease in consumption as well as investment and adds to other factors which contribute to a shrinking economy and may lead to a recession.

With the demand of energy falling in China energy exporters are keen to protect their market share and are also looking at diversification of their energy exports. Some of these countries also face the risk of sanctions and are increasingly concerned about their security of demand. The case of international sanctions on Iran imposed by the U.S. led coalition to limit its nuclear programme, capped the production of crude oil and allowed only eight countries to import oil from Iran, is a case in point.⁵² Similarly, Qatar has been facing a blockade from Gulf countries after five of them severed diplomatic ties with it in June 2017, accusing it of supporting terrorism.⁵³ This may impact on the security of demand of liquefied natural gas of which Qatar is the largest exporter in the world, and hence it is a major cause of concern for the state.

⁴⁵ Whipple, T.; Andrews, S. Peak Oil Review / Resilience. December 26, 2018. Mode of access: <https://www.resilience.org/stories/2018-12-26/peak-oil-review-26-december-2018-2/>

⁴⁶ Financial Times. Oil Prices Plunge on New Trade War Fears 2019. August 1, 2019. Mode of access: <https://www.ft.com/content/097d4878-b487-11e9-8cb2-799a3a8cf37b>; Ellyatt, H., Meredith, S.; Stevens, P. OPEC Meeting Ends with Market Expecting Deep Production Cut. CNBC, 5 December, 2019. Mode of access: <https://www.cnbc.com/2019/12/05/opec-december-meeting-opec-production-cuts-in-question.html>

⁴⁷ Thompson, M.; Deferios, J. Oil Prices Crash 9% as OPEC and Russia Fall out Over the Coronavirus Crisis // *CNN Business*. March 6, 2020, Mode of access: <https://edition.cnn.com/2020/03/06/business/oil-prices-opec-disarray/index.html>

⁴⁸ Yagova, O.; Gorodyankin, G. Saudi Arabia Floods Market with Cheap Oil to Squeeze out Russia / Reuters, March 12, 2020. Mode of access: <https://gcaptain.com/saudi-arabia-floods-market-with-cheap-oil-to-squeeze-out-russia/>

⁴⁹ Bhaskar, U. Oil Is Dirt Cheap, WTI Falls to \$11 per barrel / Livemint, April 20, 2020. Mode of access: <https://www.livemint.com/industry/energy/oil-is-dirt-cheap-wti-falls-to-11-per-barrel-11587405969092.html>

⁵⁰ Financial Times. Oil-producing Nations Grapple with Latest Price Fall. April 22, 2020, Mode of access: <https://www.ft.com/content/8e1fd8dc-e45d-4cee-b671-bae767f93e3b>

⁵¹ Strohecker, K. Currency Pegs in Nigeria, Oman in Peril After Oil Price Plunge // *Reuters*, March 14, 2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-emerging-markets-pegs-analysis/currency-pegs-in-nigeria-oman-in-peril-after-oil-price-plunge-idUSKBN210327>

⁵² Manson, K. US Exempts Eight Countries from Iran Oil Sanctions // *Financial Times*. November 5, 2018. Mode of access: <https://www.ft.com/content/90adb102-e101-11e8-8e70-5e22a430c1ad>

⁵³ Al Jazeera. Qatar-gulf Crisis: Your Questions Answered. December 6, 2017. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/06/qatar-gulf-crisis-questions-answered-170606103033599.html#blockading-countries>

Dilemma for energy transit states

An energy transit state is one that allows for the passage of energy resources, usually oil and natural gas, through its sovereign territory from an energy exporting country to an energy importing country. Such a state geographically lies along the route of an oil or gas pipeline, while both the source and the destination lie outside its own territory. A transit state voluntarily lets its land and sea territories (if it's a coastal state) to be used for constructing a pipeline in return of a levy charged to both upstream and downstream parties. At present, there are many energy transit states around the world, some of which also act as energy importers in the process of transporting these commodities. Ukraine, Georgia, Turkey and eastern European countries are prominent examples of states that fall in this category and are strategically important for both energy suppliers and energy consumers as they facilitate import and export of energy.⁵⁴

These states, assert control over the physical infrastructures, such as natural gas or oil pipelines, which pass through their territories and the pipelines becomes a valuable political and economic 'asset' for them. Hence, they rise to a position of a strategic significance where they may shape energy dynamics at the regional and global level. In order to limit the derived powers for transit states, international law has various provisions: some prescribing rules relating exports, imports and transit in general⁵⁵; whereas others focusing on particular pipeline that delineates obligations for all participating states.⁵⁶ In essence, the privileges and powers at disposal for transit states come

along with an array of responsibilities, both codified and customary.

The transportation of hydrocarbons via fixed infrastructures implies a long-term commitment for transit states. Transit states are bound for long duration by various legal provisions concerning to pipeline(s) to which they have officially given their consent. Some transit states that invest in cross country pipelines have to continually bear the risk of supply disruption and demand fluctuation, which affects the annual income which is derived from transit. Moreover, existing international treaties for energy transit do not guarantee a return on an investment for building a pipeline and does not spell out any entitlement as transit rent, unlike energy-endowed states that receive a rent for depletion of their national resources (WTO GATT 1994, Article 5).⁵⁷ All transit states therefore use their own discretion to avoid making a risky investment before building a pipeline passing through its territory. However, they have no reason to prevent a private investor from shouldering the costs of construction.

Approximately 70-75 per cent of Russian natural gas which ends in European Union countries transits through Ukraine.⁵⁸ The dispute between Russia and Ukraine has often resulted in the disruptions of gas shipments originating from Russia and transiting from Ukraine to European countries such as Bulgaria, Greece, Macedonia, Romania, Croatia and Turkey, even in the peak of winters.⁵⁹

Transit states act as a physical bridge, and at times even barriers, between energy exporting and importing countries. These states therefore hold no less significance as energy

⁵⁴ Energy Charter Secretariat (ECS). International Energy Security: Common Concept for Energy Producing, Consuming and Transit Countries." Brussels, Belgium: ECS, 2015. Mode of access: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Presentations/CBP-KZ-CN.pdf>

⁵⁵ Article V of the GATT 1994 allows only reasonable transportation charges that includes opportunity costs of invested capital or a reasonable profit, but nothing more. In principle, it prohibits customs duties, transit duties and other transit-related charges.

⁵⁶ Embassy of the Republic in Turkey (ERT). Energy Issues. Washington, DC, USA: ERT, 1999.

⁵⁷ World Trade Organization. The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947), Geneva, Switzerland: WTO. Mode of access: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm#articleV

⁵⁸ RadioFreeEurope/RadioLiberty. Fresh EU-Russia-Ukraine Gas Talks to Take Place in Brussels. October 28, 2019. Mode of access: <https://www.rferl.org/a/fresh-eu-russia-ukraine-gas-talks-to-take-place-in-brussels-as-winter-approaches/30239786.html>

⁵⁹ Kovacevic, A. The Impact of the Russia-Ukraine Gas Crisis in South Eastern Europe. Oxford Institute for Energy Studies, 2009. Mode of access: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:6647d112-afaf-4d26-9ca6-afd90db56dad>

exporting and importing states as they are vital components of the global energy supply chains. Therefore, these states need to be put at a level-playing-field with other states in the 21st century energy game.

Apart from the security of physical infrastructures, these states need to ensure a favourable domestic political environment which would enable unhindered flow of energy. However, there are no clear and detailed globally accepted standard rules for negotiating transit fees and the terms of the agreement and these are negotiated across the table with each side attempting to extract the maximum benefit. This puts the transit state in a complex and sometimes (dis)-advantageous position to independently tackle both energy importing and exporting state so as to maintain the security of supply as well as demand, while extracting the maximum rent from the transit service.

Hence, global energy security challenges also need to be viewed from the prism of transit states, and not only through the lens of energy importing or energy exporting countries. Such a holistic view, which takes into account the security concerns and interests of energy transit states, is likely to enhance global energy security.

Prioritising energy interdependence over energy independence

Energy independence was a norm till the 19th century and most countries were primarily dependent on locally available biomass and coal for meeting their energy needs. With industrialisation kicking in, there was a sharp increase in the demand for energy and countries began to look outward to meet their burgeoning requirement for energy. As oil gained importance as an energy source, mainly due to a lack of suitable energy alternatives in the transportation sector,⁶⁰ the demand for imported oil grew at a faster pace than other commodities. In recent times, natural gas, a cleaner fuel, has begun to be widely used as a fuel in electricity generation as well as in industry and for residential heating.⁶¹ This has led to an increase in the use

of natural gas, further increasing the countries' energy import dependency. In present times, energy markets for trade for these commodities have further got developed and economics of demand and supply have dictated their floating prices, except on limited occasions when the markets became dysfunctional due to specific external factors.

Spot market transactions and long term (future) contracts backed by legal tenders are becoming the new order of the day. Such arrangements have led to liquid commodity markets where the security of financial transactions is provided by the global financial system. However, there have been instances when the financial system has been jolted due to different reasons, such as financial (or associated) irregularities in any one or more sectors of the global economy or in the national economy of a major country. E.g., the present lockdown of national economies arising due to the COVID-19 pandemic has resulted in a closure of travel, manufacturing and other activities in the supply chain leading to a global oil price crash.⁶² On the other hand, the crisis in real estate/ housing sector in the US, which started by mid-2007, led to the global financial crisis (GFC), considered to be one of the biggest crises since the Great Depression of the 1930s.⁶³

Under such unsustainable market conditions, all states face an urgent need to build effective and coordinated international cooperation for achieving national energy security. They need to work towards creating a security arrangement, both at the world level and within their national territories, which incorporates sustainability along the entire

2014. Mode of access: <https://www.ucsusa.org/resources/uses-natural-gas>

⁶² Saefong, Myra P.; Watts, W. Oil Prices Mark Lowest Finish in 2 Weeks as COVID-19 Outbreak Rattles Demand Expectations / MarketWatch, February 25, 2020. Mode of access: <https://www.marketwatch.com/story/oil-edges-lower-sees-additional-selling-after-monday-drop-2020-02-25>

⁶³ Eigner, P.; Umlauf, T.S. The Great Depression (s) of 1929-1933 and 2007-2009? Parallels, Differences and Policy Lessons. Parallels, Differences and Policy Lessons. Hungarian Academy of Science MTA-ELTE Crisis History Working Paper, 2015, No. 2, Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2612243

⁶⁰ EKT Interactive. History of oil. Mode of access: <https://www.ektinteractive.com/history-of-oil/>

⁶¹ Union of Concerned Scientists (UCS). Uses of natural gas." Cambridge, MA, U.S.A.: UCS,

length of the supply chain, starting from where energy is produced and processed (stored and refined) to transporting through large areas and being consumed by end-users, both small and large utilities. Furthermore, at a time when damages to the environment caused by human activities have resulted in a previously unexpected crisis of the range of COVID-19 pandemic,⁶⁴ states need to work towards embedding sustainability in all sectors of their national economies connected to energy.

Energy interdependence can, therefore, be considered as a key to global energy security and its advantages overshadow those gained by following a policy of energy independence. These can be summed up as follows:

(i) Energy trade is an enabler of stability

Energy trade leads to economic dependence which strengthens political relationship as all participating countries benefit. Increasing dependence leads to a series of confidence building measures. This further leads to an alignment of national interests and often results in formal and informal security arrangements between the partner countries leading to stability. E.g. SIEPAC (Central American Electrical Interconnection System), complimenting and clearing the way for realizing of the 'Central American Peace Accord' in late 1980s.⁶⁵

⁶⁴ International Union for Conservation of Nature (IUCN). IUCN statement on the COVID-19 pandemic. Gland, Switzerland: IUCN, 2020. Mode of access: <https://www.iucn.org/news/secretariat/202004/iucn-statement-covid-19-pandemic>

⁶⁵ In 1987, SIEPAC (Central American Electrical Interconnection System), an interconnection of the power grids of six Central American countries- Costa Rica, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua and Panama- was conceptualized as an initiative of Central America Electrification Committee (CECA), one of the founder institution created in 1979 for driving up regional integration in region. SIEPAC was designed to bring the benefits of electricity market integration to the member countries and to improve their national power systems. Due to the relatively small size of the power system in each of the region's nations, the opening of the regional market was seen as a means for creating a larger market to enhance competition among power producers and for providing a secure supply of power to all individual countries at the same time. Lopez, Humberto J.; Shankar, R.

(ii) Energy interdependence is a harbinger of prosperity

In a dynamic environment where technology has the potential to bring disruptive changes, energy trade leads to prosperity. Such an example can be vividly seen in the case of the Nordic region, where the countries, namely Sweden, Norway, Finland, and Denmark, have shared electricity pooling (Nord Pool) and close cooperation on energy policy.⁶⁶ This has resulted in improving operational efficiency and reduction in overall cost of energy trading among the countries.

(iii) Energy imports lowers the cost of energy for energy deficit countries

Energy interdependence is beneficial for both energy producers and consumers. Energy deficit countries get energy at a price which is significantly lower than it would cost if they would have relied on domestic energy sources, including harnessing renewable energies which also carbon footprint.⁶⁷ Similarly, for energy exporters, the produce is sold at prices which are higher than what it would have fetched in the domestic market.

(iv) Energy interdependence is essential for sustainable development

Energy is a prerequisite for sustainable development and providing energy access is critical for meeting the global development

Getting the Most out of Free Trade Agreements in Central America. Washington DC, U.S.A., 2011. In August 1987, the presidents of 6 Central American countries - Costa Rica, El Salvador, Guatemala, Honduras and Nicaragua- signed the Central American Peace Accord, known as Esquipulas II. It was designed to promote national reconciliation and negotiate with guerrilla groups to end all fighting. Hence, an evident link comes up between electricity market integration initiative and the political peace agreement.

⁶⁶ Amundsen, Eirik S.; Bergman, L. Why Has the Nordic Electricity Market Worked so Well? // *Utilities policy*, 2006, No. 14(3), pp. 148-157; Nordic Council of Ministers (NCM). Nordic programme for co-operation on energy policy 2018-2021. Riga, Latvia: NCM, 2017. Mode of access: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1164558/FULLTEXT01.pdf>

⁶⁷ Adams, S.; Nsiah, C. Reducing Carbon Dioxide Emissions; Does Renewable Energy Matter? // *Science of The Total Environment*, 2019, Iss. 693.

agenda. Energy has been called as the golden thread which binds all other goals and therefore UN Sustainable Development Goal (SDG) 7: “Ensure access to affordable, reliable, sustainable and modern energy for all” is considered vital to meet other SDGs.

(v) Global integrated markets lead to discovery of the right price for energy

Functional energy markets tend to provide market clearing prices which are pareto-optimal and an energy market with a large number of buyers and sellers lead to a deep and liquid market. In such a situation market clearing prices are discovered based on the economics of supply and demand and right price signals drive further investments into energy exploration and production.

(vi) Energy interdependence increases resilience to energy supply and demand disruptions

Energy disruptions are inevitable as uncertainties of various kinds and nature, including but not limited to political, economic and natural/environmental, increase globally. Energy interdependence increases resilience of participating stakeholders to energy supply and demand disruptions. This prevents one single disruption within a territory or sector to morph into a global energy shock, thereby enhancing energy security.

Mechanism to strengthen energy security

The framework to provide global energy security needs to be comprehensive and compact, and not fragmented and distinctive as it stands at present. This means that energy security needs to be premised on international cooperation at all levels and in different sectors of the global economy which fosters interdependence between all states. Such an approach is important as the world has witnessed an exponential rise in energy supply in recent years and yet large section of humanity have not been able to meet their basic energy needs. Further, energy contestation between states has neither been able to provide global energy security nor it could transform any niche development (energy technology related) as a breakthrough success in the global markets, thus altering the nature of its entrenched

characteristics.⁶⁸ Energy cooperation among states therefore need to be prioritised and sustained to provide energy security, whilst ensuring energy sustainability remains a part of that. This will ensure that the global energy system is able to respond to various challenges so as to produce and provide reliable, clean and affordable energy to all.

While there are many contradictory interests of stakeholders such as energy suppliers, energy consumers and the transit countries, there are some convergences of interests. Stability in prices in the long run, functional energy markets without major price distortions, minimising the risk of disruption of energy supply and timely clearing of financial transactions are some of the factors which are in the interest of all parties and lead to an increase in global energy security. A diversification of energy mix to have a larger share of renewable energy also increases energy security while having significant co-benefits such as lowering air pollution and GHG emissions. Some of the actions which can be taken by individual states for increasing global energy security are mentioned below. These suggested measures are desirable and beneficial for a sustainable future, but not exclusive.

Supply side measures:

(i) Diversification of types of energy sources, including within fossil energy, origin and transportation routes.

(ii) Ensuring security of energy supply through resource ownership and political partnership/ engagement, both within national territories and in other countries.

⁶⁸ The regime in the multi-lateral perspective (MLP), a middle-range theory for analysing socio-technical transitions to sustainability, is characterised by competition and contestation between states (actors in the regime) for achieving national energy security. MLP recognizes the interests and the role power of the regime's actors (e.g. by examining contestation between vested interests). The contestation and prevalence of regime's actors has prevented the uptake of new technologies (niche developments) that may offer additional benefits to the people and global markets. Geels, Frank W. Regime Resistance against Low-carbon Transitions: Introducing Politics and Power into the Multi-level Perspective // *Theory, Culture & Society*, 2014, No. 31(5), pp 1-40.

(iii) Increasing the ability to transport energy through modern ships and advanced pipelines.

(iv) Protecting critical cross border energy infrastructures.

(v) Developing infrastructures for additional capacity for energy imports, that includes advanced energy storage systems (AESS).

(vi) Increasing use of alternate energy sources.

(vii) Integration of renewable energy in national electricity mix.

(viii) Decentralized electricity grids (both at locale and provincial level) and increasing cross border electricity exchange.

(ix) Stockpiling of emergency reserves in form of strategic oil reserves.

(x) Bilateral and regional arrangements for sharing strategic oil reserves.

Demand side measures:

(xi) Providing access to cheap, clean and modern energy to all consumers.

(xii) Controlling the demand of energy by appropriate disincentives for excessive energy use.

(xiii) Improving energy efficiency of appliances through application of new technologies and encouraging best energy practices.

(xiv) Mandatory standards as well as incentives for improvement in energy efficiency.

(xv) Promoting energy competitiveness in national as well as global firms and industries.

Measures internal to the system:

(xvi) Improving energy conversion efficiency and grid distribution efficiency.

(xvii) Stable regulatory framework backed by territorial and international law which exist as complimenting to one another.

(xviii) Grid management and smart forecasting of energy supply, demand and transit flow.

(xix) Empowering end consumers, both private and commercial, to rise to a position of making conscious decisions related to energy, including consumption, re-distribution of saved energy and participation in energy policy legislation and execution.

(xx) Building independent institutions for providing oversight, advisory and governance on energy cooperation matters.

(xxi) Sharing of best practices and global standardization of applied technologies.

Pricing measures:

(xxii) Encourage deep and global energy markets with minimal price distortions

(xxiii) Stable energy pricing policy determined consensually with participation by all states

(xxiv) Climate-energy forums, such as United Nations Conference of Parties (CoP), Montreal Protocol, etc., play a greater role in determining the pricing of energy and mandatory carbon reporting and emission reduction performance.

(xxv) Consolidated regional markets and free trade arrangements for unchecked energy trade.

Conclusion

Till at present, states have viewed energy security from the narrow prism of satisfying national energy security needs, and especially so from the viewpoint of uninterrupted energy consumption at an affordable price. However, changing circumstances call for an overhaul of this strategy towards ensuing due care to meet the energy security needs of other states, both neighbouring and faraway that they are connected in the global supply chain (including energy suppliers). It is through coordinated international cooperation that all states can address the concerns and interests related to their national energy security and strengthening global energy security at the same time. This inclusive approach will drive up the economic development of all states within the existing framework of SDGs. Such a transformed arrangement will not come up unless all states committedly work towards meeting the present and future energy needs of mankind, whilst keeping aside their political differences and economic interests. Also, the people at large, i.e. the end consumers of energy who are also the physical extension of the states, will need to play an active role in participating as well as advocating towards building energy cooperation for achieving sustainable energy security under changing global circumstances.

References:

- Adams, S.; Nsiah, C.* Reducing Carbon Dioxide Emissions; Does Renewable Energy Matter? // *Science of The Total Environment*, 2019, Iss. 693.
- Albrich, K.; Rammer, W.; Seidl, R.* Climate Change Causes Critical Transitions and Irreversible Alterations of Mountain Forests / *Global Change Biology*, 2020.
- Amundsen, Eirik S.; Bergman, L.* Why Has the Nordic Electricity Market Worked so Well? // *Utilities policy*, 2006, No. 14(3), pp. 148-157.
- Burton, J.; Lott, T.; Rennkamp, B.* Sustaining Carbon Lock. In: Skovgaard, Jakob and van Asselt, Harro van. *The Politics of Fossil Fuel Subsidies and Their Reform: Implications for Climate Change Mitigation*. Cambridge U.K.: Cambridge University Press, 2019.
- Casper, Julie K.* Fossil Fuels and Pollution: The Future of Air Quality. New York, USA: Infobase Publishing, 2010.
- Chakraborty, I.; Maity, P.* COVID-19 Outbreak: Migration, Effects on Society, Global Environment and Prevention // *Science of The Total Environment*, 2020, Iss. 728.
- Cherp, A.; Jewell, J.* The Concept of Energy Security: Beyond the Four As // *Energy Policy*, 2014, No. 75, pp. 415-421.
- Chester, L.* Conceptualising Energy Security and Making Explicit Its Polysemic Nature // *Energy Policy*, 2010, No. 38(2), pp. 887-895.
- Chow, E.; Elkind, J.* Where East Meets West: European Gas and Ukrainian Reality // *Washington Quarterly*, 2009, vol. 32 (1), pp. 77-92.
- Clowes, E.* Goodbye Renewable Energy. Hello Cheap Oil // *The Telegraph*, April 3, 2020. Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/business/2020/04/03/goodbye-renewables-enter-cheap-oil/>
- Cooley, K.* Energy Security: Neglected Dimension of National Security? Washington, DC: National Strategic Studies, 2011.
- Dalby, S.* Environmental Security. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
- Geels, Frank W.* Regime Resistance against Low-carbon Transitions: Introducing Politics and Power into the Multi-level Perspective // *Theory, Culture & Society*, 2014, No. 31(5), pp. 21-40.
- Guzansky, Y.; Lindenstrauss, G.; Schachter, J.* Power, Pirates, and Petroleum: Maritime Choke Points in the Middle East // *Strategic Assessment*, 2011, No. 14(2), pp. 85-98. Mode of access: <https://www.offiziere.ch/wp-content/uploads/file1311767315.pdf>
- Herzog, T.; Pershing, J.; Baumert, K.A.* Navigating the Numbers: Greenhouse Gas Data and International Climate Policy. Washington, DC, USA: World Resources Institute, 2005.
- Kohli, Harinder S.; Sharma, A.; Sood, A.* (Eds). *Asia 2050: Realizing the Asian Century*. SAGE Publications. India, 2011.
- Li, Z.; Gallagher, K.; Mauzerall, D.L.* China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector // *Energy Policy*, 2020, Iss. 136. Mode of access: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/mauzerall/files/chinas_global_power_energypolicy_2019.pdf
- Lopez, Humberto J.; Shankar, R.* Getting the Most out of Free Trade Agreements in Central America. Washington DC, U.S.A., 2011.
- Luft, G.; Korin, A.* Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook. California, U.S.A: ABC-CLIO, 2009.
- Mahbubani, K.* The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East. New York, U.S.A.: Public Affairs, 2008.
- Mitchell, C.; Watson, J.* New Challenges in Energy Security. In: Mitchell, C., J. Watson, J. Whiting and J. Britton. (Eds.). *New Challenges in Energy Security. Energy, Climate and the Environment Series*. Palgrave Macmillan, London, 2013.
- Narula, K.* Is Sustainable Energy Security of India Increasing or Decreasing? // *Int. J. Sustain. Energy*, 2014, Iss. 33, pp. 1054-1075.
- Narula, K.; Reddy, S.* SES (Sustainable Energy Security) Index for Developing Countries // *Energy*, 2016, Iss. 94, pp. 326-343.
- Pascoli, Stefano D.; Femia, A.; Luzzati, T.* Natural Gas, Cars and the Environment. A (relatively) 'Clean' and Cheap Fuel Looking for Users // *Ecological Economics*, 2001, No. 38 (2), pp. 179-189. Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800901001744>
- Perera, F.* Pollution from Fossil-fuel Combustion Is the Leading Environmental Threat to Global Pediatric Health and Equity: Solutions Exist // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, Iss. 15(1).
- Promińska, K.* Energy and Security: Regional and Global Dimensions / SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security, 2017, pp. 215-240.
- Reddy, S.; Nathan, H.S.K.* Emerging Energy Insecurity: The Indian Dimension. Chapter. In: Dilip M. Nachane (Ed.) *India Development Report (IDR)*. New Delhi: Oxford University Press, 2011.
- Ross, M.* How the 1973 Oil Embargo Saved the Planet // *Foreign Affairs*, October 15, 2013. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2013-10-15/how-1973-oil-embargo-saved-planet>
- Toke, D.; Vezirgiannidou, S.E.* The Relationship Between Climate Change and Energy Security: Key Issues and Conclusions // *Environmental Politics*, 2013, Iss. 22 (4), pp. 537-552.
- Winzer, C.* Conceptualizing Energy Security // *Energy Policy*, 2012, Iss. 46, pp. 36-48.
- Yang, Z.; Liu, J.; Baskaran, S.; Imhoff, C.H.; Holladay, J.D.* Enabling Renewable Energy-and the Future Grid-with Advanced Electricity Storage // *Journal of the Minerals, Metals & Materials Society*, 2010, No. 62 (9), pp. 14-23.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10049

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Хридай Ч. Сарма

*Южноазиатский демократический форум,
Инициатива полярных исследований и политики,
Индия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 июля 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Энергетика остается основной мировой экономики в настоящее время, и конкуренция в данной области тесно связана с проблемой энергетической безопасности. Государства, крупные и малые, участвуют в гонке за энергетическую безопасность для национального развития; однако они упускают возможность накапливать выгоды от большей взаимозависимости и сотрудничества между ними. В статье обосновывается тезис о том, что государства, когда изменение климата проявляется в новых формах, а волатильность на мировых нефтяных рынках находится на рекордно высоком уровне, должны пересмотреть свое понимание и применение энергетической безопасности в соответствии с реалиями. Энергетическая безопасность на международном уровне может быть достигнута за счет совместных корректировок в цепочке поставок, включая государства-поставщиков, транзитеров и стран-потребителей, для усиления взаимозависимости. Эти корректировки позволяют государствам изменить свое положение и оптимально действовать в мировой торговле энергоносителями.</p>
<p>Об авторе: сотрудник Демократического форума Южной Азии; сотрудник Инициативы полярных исследований и политики e-mail: hridayarma@yahoo.co.in</p>	
<p>Ключевые слова: энергетическая безопасность; энергетическая взаимозависимость; энергетическая устойчивость; ископаемое топливо; энергетическая геополитика</p>	

Для цитирования: Sarma, Hriday Ch. International Interdependence for Energy Security in Present Times // *Сравнительная политика.* – 2020. – № 4. – С. 61-77.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10049

For citation: Sarma, Hriday Ch. International Interdependence for Energy Security in Present Times // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 61-77.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10049

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ И ЕС НА ПРОСТРАНСТВЕ «ОБЩЕГО СОСЕДСТВА»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Руслан Салихович Мухаметов

*Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 5 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена оценке состояния российской мягкой силы. Автора подтолкнуло обратиться к этой теме противоречие. С одной стороны, обзор научной литературы показывает, что эксперты достаточно высоко оценивают уровень развитости мягкой силы России в ближнем зарубежье. С другой, политологи-международники констатируют, что государства СНГ выбрали ту или иную форму многовекторности на международной арене, влияние Москвы на постсоветском пространстве снижается в последние несколько лет. Опираясь на обоснованную теорию, разработанную А. Страус и Дж. Корбин, в рамках которой были проанализированы программные документы политических партий, прошедших в общенациональные парламенты, автор приходит к ряду выводов. Отношение партийно-политических элит к России отличается в зависимости от одной страны к другой и находится в обратной зависимости от отношения к ЕС. При оценивании воздействия мягкой силы России необходимо придерживаться индивидуального («странового») подхода, а не общерегионального.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мягкая сила; постсоветское пространство; Россия; Евросоюз; внешняя политика.</p>	

В настоящее время главным территориальным направлением во внешнеполитических приоритетах России являются страны СНГ. Москва придаёт развитию отношений с государствами региона первоочередное внимание, что отражено в российских внешнеполитических доктринальных документах¹. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, считается, что для большинства государств их основные внешнеполитические задачи сосредоточены в том географическом регионе, где они расположены. В российском внешнеполитическом лексиконе существует термин для обозначения

государств, расположенных по периметру границ России, как «ближнее зарубежье».

Вторая причина – историческая, связанная с общим историческим прошлым. Совместное проживание народов происходило в рамках Российской империи и Союза ССР. В середине XVII в. Левобережная Украина вошла в состав Московского царства, во второй половине XVIII в. Правобережная Украина и территории, составляющие на данный момент Белоруссию, были включены в состав Российской империи. С начала XIX столетия территории Закавказья постепенно присоединяются к Российской империи.

Наконец, национально-этнический фактор, т.е. наличие в этих государствах русскоязычного / русскоговорящего населения и потребность защиты их прав и интере-

¹ Foreign Policy Concept of the Russian Federation. 30.11.2016. Mode of access: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248

сов. Это обусловлено тем, что Москва считает эту задачу, как написано в Концепции поддержки соотечественников за рубежом, «своим моральным долгом»².

Все вышесказанное определяет отнесение государств СНГ в зону «жизненно важных интересов», сферу влияния России.

Важность обеспечения национальных интересов России на постсоветском пространстве предполагает использование Москвой разнообразных внешнеполитических инструментов. В политологической литературе развернулась дискуссия о том, каким средствам и методам Москва должна отдавать предпочтения при реализации своего внешнеполитического курса на пространстве СНГ. Одни эксперты призывают привлекать для повышения эффективности российской внешней политики институты гражданского общества (некоммерческие неправительственные организации), что нашло отражение в существовании теории и практики общественной дипломатии. Другие выступают за усиление информационно-коммуникационной составляющей в отечественной внешней политике. Данная компонента нашла свое выражение в таких понятиях, как публичная и цифровая дипломатия. Часть экспертов-международников предлагает уделять больше внимания культурной дипломатии, т.е. распространению и популяризации национальной (отечественной) культуры за рубежом. Ряд экспертов полагают, что для решения внешнеполитических задач можно и нужно использовать энергетические ресурсы. Наконец, для кого-то представляется целесообразным обращение к теории и практики экономической дипломатии.

Несмотря на имеющийся в распоряжении России солидный внешнеполитический инструментарий, российские эксперты говорят о том, что государства СНГ выбрали

² Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе. Утверждена Президентом Российской Федерации 30 августа 2001 г. (The Concept of the Russian Federation's Support of Compatriots abroad at the Present Stage). Режим доступа: <http://www.rusinkg.ru/sootchestvenniki/article/15-rabota-s-sootchestvennikami/40-kontsepsiya-podderzhki-na-sovremennom-etape>

ту или иную форму многовекторности на международной арене, влияние Москвы на постсоветском пространстве в целом снижается³. В условиях важности для Москвы постсоветского пространства, а также потребности в сохранении и расширении сферы влияния представляется целесообразным обратиться к «мягкой силе».

Целью настоящей статьи является оценка уровня развития мягкой силы России. Структурно работа представлена следующим образом. В первом разделе мы вкратце осветим степень научной разработанности проблемы. Второй раздел посвящен концептуальным рамкам исследования. Методы и данные представлены в третьем разделе. Наконец, в четвертом разделе приводится анализ, а также обсуждаются полученные результаты работы.

* * *

Понятие «мягкая сила» за три десятилетия достигло мирового признания, оно вышло за рамки академической науки и стало популярным среди аналитиков, журналистов, политиков и гос. деятелей. Обращение российского политического руководства страны к концепции «мягкой силы» датировано концом 2011 – началом 2012

³ Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75. [Degterev, D., Vasiliuk, I., Baum V. Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz (Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, № 1, pp. 63-75]; Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 94-112. [Petrovich-Belkin, O.K., Eremin, A.A., Bokeriia, S.A. Problema snizheniia vlianiia Rossii na postsovetском prostranstve: chem vyzvan dreif gosudarstv SNG v storonu mnogovektornosti? (The Problem of Reducing Russia's Influence in the Post-Soviet Space: What Caused the Drift of the CIS States towards Multi-Vector Nature?) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2019, No. 1, pp. 94-112].

года⁴. Как отмечают эксперты, фактически Россия стала интересоваться мягкой силой после «оранжевой революции» на Украине, которую в Москве рассматривали как «специальную операцию западных неправительственных некоммерческих организаций»⁵. Поворот Москвы к данной теории не случаен. Это связано с необходимостью переформатировать внешнеполитическую доктрину в соответствии с современными стандартами для укрепления международного имиджа и укрепления глобального престижа России (особенно на постсоветском пространстве)⁶ или потребностью российских элит ответить на «подъем» дискурса мягкой силы на Западе⁷.

Несмотря на относительно продолжительный срок ее использования / употребления, Россия в различных рейтингах мягкой силы не входит в топ-10 (см. Таб. 1).

Таблица 1

Позиция России в рейтингах мягкой силы

The Soft Power 30	Anholt-GfK Roper Nation Brands Index	Country Brand Index	Good Country Index
30	23	27	41

Table 1. Russia's position in the soft power ratings
Source: The Soft Power 30. Mode of access: https://softpower30.com/?country_years=2019

Эксперты называют разные варианты объяснения такого положения дел. Российской концепции мягкой силы свойственно отсутствие четко определенной терминологии

и использование дублирующих понятий⁸. Подход Москвы к реализации «мягкой силы», как правило, носит скорее декларативный характер, формулируя широкие цели без конкретных шагов и сроков их реализации, либо предполагая мероприятия, проводимые без оценки их эффективности в достижении заявленных целей⁹.

Российское понимание мягкой силы несколько отклоняется от «классического», разработанное Дж. Наем. Национальная интерпретация является инструменталистской, прагматичной и ориентированной на интересы¹⁰. Российский дискурс мягкой силы называют «гегемонистским», т.к. желание ее использования продиктовано чувством собственного права как великой державы и усилиями, направленными на необходимость «догнать» другие (мировые) державы¹¹. Москва воспринимает государство в качестве главного субъекта в процессе выработки и проводника мягкой силы¹², в то время как Дж. Най в большей степени делал акцент на институтах гражданского общества¹³. Другой особенностью российской мягкой силы называют ее консервативный характер. У России есть ценности, которые обеспечивают поддержку внешнеполитических целей: моральный консерватизм, нелиберальное правление, а также сильное

⁴ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии заседания «круглого стола» на тему: «Общественная дипломатия как инструмент внешней политики и развития гражданского общества», Москва, 12.12.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/88EDE46B7ED6659044257964005D6EB9; Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

⁵ Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // Problems of Post-Communism, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

⁶ Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s)' // *European Journal of International Relations*, 2016, No. 4, pp. 773-796.

⁷ Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4, pp. 316-329.

⁸ Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

⁹ Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // *Assessing Russia's Power: A Report* / Kührt N. Feklyunina V. (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.

¹⁰ Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 1, pp. 1-13.

¹¹ Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4, pp. 316-329.

¹² Wilson, J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations / 2013 Annual Meeting of the American Political Science Association, August 29 – September 1, 2013.

¹³ Nye, J. What Russia and China Don't Get about SOFT power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

руководство. Эти идеологические ценности дополняются антиамериканизмом и концепцией суверенитета во внешней политике. Данные ценности и принципы привлекательны сами по себе, являются источником вдохновения и порождают последователей (популистские и правые партии в европейских государствах)¹⁴. Россия воспринимается как альтернативный геополитический полюс с антилиберальным уклоном и социальным мировоззрением («консервативный Интернационал»)¹⁵. Как отмечают эксперты, продвигание Кремлем имиджа России как источника традиционных консервативных ценностей ставит ее в качестве идеологической альтернативы господствующей западной либеральной гегемонии. Руководство страны пытается добиться успеха у консервативных сил на Западе. Обращение России к таким ценностям находит поддержку у членов европейского правого крыла, а также противников Европейского союза¹⁶. Исследователи отмечают, что на международном уровне, используя левую и антиколониальную риторику, российская дипломатия находит понимание и у государств, которые нельзя отнести к западным: Куба, Сирия, Вьетнам, Иран, Венесуэла и т.д.¹⁷.

Стратегия мягкой силы России ориентирована не столько на международную аудиторию в целом, сколько на свое «ближнее зарубежье»¹⁸. У Москвы на региональ-

ном уровне (в странах бывшего Советского Союза) больше возможностей для проецирования ориентированных на будущее российских нарративов и ценностей. Мягкая сила России не в состоянии конкурировать с западными странами в мировом масштабе, но на постсоветском пространстве она более чем конкурента¹⁹. О.В. Шишкина, проведя сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства», пришла к выводу, что стороны обладают приблизительно равными возможностями и средствами воздействия и влияния²⁰. Что касается исключительно мягкой силы, то уровень ее развития на постсоветском пространстве по сравнению с Евросоюзом выше, благодаря грамотному политико-идеологическому позиционированию (отстаивание принципа невмешательства во внутренние дела государств, отсутствие приоритетности защиты прав человека в теории и практике российской внешней политики и др.)²¹.

Подводя итог обзору научной литературы, можно сделать вывод, что эксперты-международники достаточно высоко оценивают уровень развитости мягкой силы России в ближнем зарубежье в целом. Но так ли все благополучно обстоит? Усомниться нас заставляют два момента. Первый – ближнее зарубежье России состоит из трех субрегионов (Центральная Азия, Южный Кавказ и восточно-европейские страны), которые географически отделены друг от друга, имеют

¹⁴ Keatinga, V.C., Kaczmarzskab, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*, 2017, Vol. 22. Mode of access: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41268-017-0100-6.pdf>

¹⁵ Tafuro, E. Fatal Attraction? Russia's Soft Power in Its Neighbourhood // *Policy Brief*, 2014, № 181. Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/180660/Fatal%20attraction_%20Russia%E2%80%99s%20soft%20power%20in%20its%20neighbourhood.pdf

¹⁶ Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

¹⁷ Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

¹⁸ Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

¹⁹ Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

²⁰ Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 1. С. 59-60. [Shishkina, O.V. Vneshnepoliticheskie resursy Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosedstva»: sravnitel'nyi analiz (Foreign Policy Resources of Russia and the EU in the Space of «Common Neighborhood»: Comparative Analysis) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 1, pp. 59-60.]

²¹ Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // *Comparative Politics Russia*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

отчасти разных государств-соседей. Отсюда следует, что необходимо конкретизировать географические рамки исследования. Второй момент состоит в наличии противоречия: если тезис о силе российского мягкого влияния на региональном уровне верен, то почему постсоветские государства проводят многовекторную политику, Москва имеет с некоторыми из них непростые межгосударственные отношения. В дальнейших разделах работы мы проверим данное утверждение на других эмпирических данных.

Прежде чем перейти к эмпирической части работы, представляется целесообразным обратиться к теоретическому осмыслению понятия «мягкая сила». Эта концепция рассматривается как альтернатива традиционной («жесткой») власти, основанной на использовании военных и экономических средств. Термин «мягкая сила» введен в оборот Дж. Наем-младшим. Если собрать в одном месте все определения мягкой силы, которые принадлежат американскому ученому, то получится следующий перечень:

- возможность получить то, что вы хотите;
- способность заставить других хотеть результаты, которые вы хотите;
- способность устанавливать политическую повестку дня для формирования предпочтений у других;
- способность навязывать свою волю или получать желаемые результаты;
- способность притягивать других²².

С точки зрения Дж. Наея, эта способность и возможность обеспечивается только через привлечение и сотрудничество, а не принуждение или платежи. Ресурсы мягкой силы – это активы, которые производят такое притяжение. Джозеф Наея указывает на три ресурса, на которых базируется мягкая сила:

- 1) культура (когда она нравится другим);
- 2) политические идеалы (когда они привлекательны и последовательно практикуются дома и за границей);
- 3) внешняя политика (когда она рассматривается как законная, легитимная и имеющая моральный авторитет).

Сам Наея признавал, что хотя понятие мягкой силы является относительно новым, поведение, которое оно обозначает, так же старо, как человеческая история.

В силу абстрактности самой концепции она подверглась критике, особенно в части механизмов реализации. Одним из главных слабостей данной концепции выступает природа притяжения в мировой политике. Притяжение как социальный механизм в межгосударственных отношениях трудно определить из-за неясной природы причин и следствий²³. Кроме того, притяжение – это довольно субъективное переживание, которое вызывает вопрос о том, что делает что-то или кого-то привлекательным для одних, но не для других²⁴.

Необходимо отметить, что понятие мягкой силы в классическом понимании обладает рядом характеристик и свойств. Во-первых, она обладает мощным нормативным потенциалом, основанным на внутренних стандартах и нормах общественно-политической жизни, которые практикуются в государстве, стремящемся усилить свое влияние за рубежом. Во-вторых, мягкая сила не контролируется правительством или какой-то одной организацией. Она приходит из различных источников, принадлежащих, как правило, негосударственным субъектам. Наконец, по своему содержанию мягкая сила направлена на либерализацию экономики и демократизацию политической системы²⁵.

²² Наея Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с. [Nye, J. *Gibkaia sila. Kak dobit'sia uspekha v mirovoi politike* (Soft Power: The Means to Success in World Politics). M.: Trend, 2006. 397 p.]; Наея Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 33-41. [Nye, J. «*Miagkaia sila*» i amerikano-evropeiskie otnosheniia («Soft Power» and American-European relations) // *Svobodnaia mysl'*, 2004, No. 10, pp. 33-41.]

²³ Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4, pp. 316-329.

²⁴ Mattern, J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium - Journal of International Studies*, 2005, Vol. 33, p. 583.

²⁵ Ćwiek-Karpowicz, J. Limits to Russian Soft Power in the Post-Soviet Area // *DGAP Analise*, 2012, No. 8. Mode of access: https://pism.pl/files/?id_plik=11129

Эмпирической базой исследования послужили программные документы (программы, предвыборные платформы) политических партий государств «общего соседства». Эти документы представляют собой квинтэссенцию идеологии партий, выражают образы будущего и пути развития государства и общества, за которые голосуют избиратели. Необходимо отметить, что в литературе достаточно широко представлены обзоры теорий, объясняющие мотивы голосования избирателей, в том числе и те, которые имеют отличное от нас понимание электорального поведения²⁶. Тем не менее ряд современных исследований подтверждает действия «рационального» фактора²⁷.

В основе исследования находится такой метод анализа документов, как обоснованная теория (*grounded theory*), которую разработали А. Страус и Дж. Корбин²⁸. Данный инструмент

²⁶ Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 44-56. [Golosov, G.V. Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov (Voter's Behavior in Russia: Theoretical Prospects and the Results of Regional Elections) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1997, No. 4, pp. 44-56.]; Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Зарубежная политология в XX столетии: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН, 2001. С. 190-215. [Meleshkina, E.Iu. Issledovaniia elektoral'nogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia (Research of electoral behavior: theoretical models and problems of their application) / in: *Zarubezhnaia politologiia v XX stoletii: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: INION, 2001. pp. 190-215.]

²⁷ Downs, A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p; Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. № 3. С. 47-58. [Farmer, M. Ratsional'nyi vybor: teoriia i praktika (Rational choice: theory and practice) // *Politicheskie issledovaniia*, 1994, No. 3, pp. 47-58.]

²⁸ Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. [Strause, A., Korbin, Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki* (Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques). Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.]

исследования позволяет выявлять и концептуализировать скрытые структуры в процессе постоянного сравнения. Она обеспечивает возможность для сбора, синтеза, анализа и концептуализации качественных данных. В нашем случае обоснованная теория позволила проанализировать программы политических партий ряда государств и определить уровень «мягкой силы» России, тем самым, достигнув цели исследования. Для этого нам необходимо определить индикаторы, по которым мы будем судить о степени развития российского «мягкого» влияния. В *Таблице 2* представлены наши индикаторы.

Таблица 2

Показатели влияния «мягкой силы»

Критерии	РФ	ЕС
Внутренняя политика	Европейский выбор или «особый» путь	Европейский выбор, переход на стандарты ЕС и НАТО в политической, военной, экономической, социальной, культурно-гуманитарной сферах.
Внешне-политический курс	многовекторность, развитие отношений со всеми соседями, отсутствие курса на вступление страны в НАТО и ЕС, военно-политический нейтралитет	провозглашение курса на членство в ЕС и НАТО, евроинтеграцию.

Ключевым показателем российского «мягкого» влияния является внешнеполитический фактор по двум причинам. Во-первых, в отечественных документах, посвященных национальной безопасности, четко прописана отрицательная позиция Москвы относительно расширения НАТО на восток. Во-вторых, политическое руководство России имеет дела с правительствами государств, невзирая на особенности их политической системы.

Географические рамки исследования ограничены территорией, в которую входят государства «общего соседства» РФ и ЕС. Данное понятие возникло после расширения Евросоюза в 2004-2007 гг. Этими странами являются в восточно-европейском регионе Украина, Белоруссия и Молдавия, на Южном Кавказе – Армения, Азербайджан и Грузия.

Из перечисленных государств нам подходят только четыре (Украина, Молдова, Армения и Грузия). Белоруссия и Азербайджан исключаются из нашего анализа по двум причинам. Первая – выборы в национальные парламенты этих государств проходят только по мажоритарной избирательной системе, которая не предусматривает прямого участия политических партий. Вторая – формирование исполнительной власти происхо-

дит фактически без участия парламента, что для нас является принципиальным.

Стоит сказать о хронологических рамках исследования. В силу того, что мягкая сила имеет такую характеристику, как динамичность, свойство со временем меняться, мы рассмотрим крайние на данный момент общенациональные парламентские выборы (см. Таб. 3).

Таблица 3

Общая характеристика политической и избирательной систем государств «общего соседства»

Государства	Дата парламентских выборов	Избирательная система	Форма правления по Мэттью Шугарту и Джону Кэри)
Беларусь	17 ноября 2019 года	мажоритарная	Президентско-парламентская система
Украина	21 июля 2019 года	смешанная	Премьер-президентская система
Молдова	24 февраля 2019 года	смешанная	Премьер-президентская система
Армении	9 декабря 2018	пропорциональная	Парламентская
Грузии	8 и 30 октября 2016	Смешанная	Премьер-президентская система
Азербайджан	9 февраля 2020	мажоритарная	Президентская система

Table 3. General characteristics of the political and electoral systems of the «common neighborhood States»

Таблица 4

Результаты общенациональных парламентских выборов

Страны	Партии	Результаты голосования (в %)	РФ	ЕС
Украина	Слуга народа	43,16		+
	Оппозиционная платформа – За жизнь	13,05	+	
	Батькивщина	8,18		+
	Европейская солидарность	8,10		+
	Голос	5,82		+
			13,05%	65,26%
Молдова	Демократическая партия Молдовы	23,62	+	
	Избирательный блок «ACUM Platforma DA și PAS»	26,84		+
	Партия коммунистов Республики Молдова	3,75	+	
	Партия социалистов Республики Молдова	31,15	+	
	Политическая партия «ШОР»	8,32	+	
			66,42%	26,84%
Армения	Альянс «Мой шаг»	70,43	+	
	Прорывающая Армения	8,27	+	
	Светлая Армения	6,37		+
			78,7%	6,37%
Грузия	Грузинская мечта	48,67		+
	Единое национальное движение	27,11		+
	Альянс патриотов Грузии	5,01		+
			0%	80,82%

Table 4. Results of national parliamentary elections
Source: Official data of Election commissions

Данные об итогах выборов, внешнеполитических ориентациях политических партий, прошедших в национальные парламенты, представлены в *Таблице 4*.

Как видно из Таблицы 4, государства «общего соседства» в целом и политические партии в частности можно дифференцировать в зависимости от их отношения к России. Так, украинские и грузинские избиратели однозначно проголосовали за партии, которые выступали за европейский / западный путь развития. В двух других государствах «пророссийское» голосование было более явно выражено. Наш анализ не будет полным, если мы не объясним существующее положение с уровнем развития «мягкой силы» России. Можно обозначить как сильные, так и слабые стороны российской мягкой силы. Начнем с последних.

Первое, что мы можем отметить, – это использование Москвой «жесткой силы» в отношении государств своего ближнего зарубежья, в том числе и военной. Здесь можно упомянуть «Пятидневную войну на Кавказе» 2008 г. и «гибридную войну» на Украине 2014-2015 гг. (участие «вежливых людей» / «зеленых человечков» в процессе присоединения Крыма к России, вооруженный конфликт на востоке Украины). К «жестким» методам относятся и российские экономические санкции (в качестве примера можно привести введение запрета на импорт отдельных товаров и продукции из Грузии и Молдавии в 2006 г.) и энергетические конфликты (приостановка поставок углеводородов или угроза их прекратить) с Украиной и Белоруссией во второй половине 2010-х годов.

Эти и другие внешнеполитические действия Москвы укрепляют негативные стереотипы о России как о стороннике «жесткой силы» и нивелируют успехи «мягкой». Украинский кризис 2014-2015 гг. усилил в государствах-членах ЕС восприятие России как источника военной угрозы. Москву рассматривают как потенциально представляющую экзистенциальную угрозу и считают, что эту угрозу можно и нужно устранить путем дополнительного развертывания войск США и усиления военного сотрудничества в рамках НАТО. Соседи (близкие и дальние) России увидели в ее действиях готовность

применить силу для изменения существующих территориальных границ²⁹.

В то же время за Евросоюзом закрепилось понятие «гражданская сила» или держава, а не военная. Данное понятие было введено в научный оборот в начале 1970-х годов Франсуа Дюшеном³⁰. Он утверждал, что ЕС превращается в международного актора иного типа, чем две сверхдержавы, и ввел данное понятие, чтобы охарактеризовать уникальное положение ЕС в мире. Существуют две основные характеристики «гражданской силы»: во-первых, отсутствие военных средств (как обычных, так и ядерных) и наличие экономических и финансовых ресурсов. Другими словами, гражданская держава – сильное по экономической мощи и относительно слабое по вооруженным силам государство. Для Ханнса Мауллы быть гражданской державой означает:

1) признавать необходимость сотрудничества с другими в достижении международных целей;

2) концентрироваться на невоенных, прежде всего экономических, средствах обеспечения национальных целей, при этом военная мощь остается в качестве остаточного инструмента, служащего главным образом для защиты других средств международного взаимодействия;

3) выражать готовность развивать наднациональные структуры для решения важнейших вопросов международного управления³¹.

Позднее концепция гражданской силы или державы была использована в отношении Японии и Западной Германии³².

²⁹ Pezard, S.; Radin, A.; Szayna, T.; Larrabee, S. *European Relations with Russia Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis*. Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1579.html

³⁰ Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

³¹ Maull, H.W. *Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign Affairs*, 1990, Vol. 69, No. 5, pp. 92-93.

³² Ibid. pp. 91-106.

Второй недостаток российской мягкой силы связан с отсутствием или недостаточным развитием привлекательной модели для общих с ЕС государств-соседей.

Таблица 5

Уровень развития демократии в ряде государств постсоветского пространства

Страны	Democracy Index 2019	Nations in Transit 2018
Украина	Гибридный режим	Гибридный режим
Молдова	Гибридный режим	Гибридный режим
Грузия	Гибридный режим	Гибридный режим
Армения	Гибридный режим	Полуконсолидированный авторитарный режим
Россия	Авторитарный режим	Консолидированный авторитарный режим

Table 5. The level of development of democracy in the countries of the CIS

Source: The Economist Intelligence Unit. Democracy Index. Mode of access: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

Нормативная составляющая российской модели мягкой силы состоит из двух частей. Во-первых, продвижение консервативных ценностей на международной арене, но они рассчитаны не для ближнего, а дальнего зарубежья (целевой аудиторией является европейская общественность, о которой шла речь выше). Во-вторых, концепция «суверенной демократии», т.е. политическая модель, которая подчеркивает необходимость построения демократии в стране, политического институционального устройства, опираясь на историко-культурные особенности общества³³. Иными словами, речь идет об обосновании невозможности строительства или развития именно либеральной демократии. Адресной группой, которой импонирует такая риторика и практика, являются государства с авторитарными режимами (например, страны центрально-азиатского региона, за исключением Киргизии).

Рассматриваемые нами государства относят к странам с гибридным режимом

³³ Popescu, N., Wilson A. The Limits of Enlargement Lite: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood. Policy Report.

(см. Таб. 5), нынешние правительства которых стремятся в области внутренней политики развивать демократические институты и практики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что российская модель мягкой силы, а также российский политический режим, в отношении которого в политологической литературе ведется дискуссия на предмет его сущностного определения («соревновательный авторитаризм», «электоральный авторитаризм», «дефектная демократия», «управляемая демократия», «гибридный режим»), не являются привлекательными.

Что касается Евросоюза, то с момента своего создания он был концептуализирован как отчетливо «другой» тип международного актора. На протяжении десятилетий он был описан как «гражданская»³⁴ и совсем недавно «нормативная» держава. Данная концепция появилась в начале 2000-х годов благодаря Яну Мэннерсу³⁵. Он определил ее как силу, которая не является ни военной, ни чисто экономической, а действует через идеи и мнения. «Нормативная – это такая сила, которая способна «формировать представления о «нормальном», т.е. то, что считается целесообразным поведением акторов на международной арене»³⁶. Другими словами, это способность формировать и определять международные нормы. Нормы и ценности пронизывают европейские внешнеполитические документы и декларации³⁷. «Копенгагенские критерии» требуют от кандидатов продемонстрировать принципы либеральной демократии, рыночной

³⁴ Duchêne, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence' // Kohnstamm M., Hager W. (eds). A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community. London: Macmillan, 1973. P. 19.

³⁵ Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, p. 239.

³⁶ Ibid.

³⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security. Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdfPolicy

экономики, верховенства права³⁸. Брюссель гордится тем, что является мировым законодателем норм в области прав человека, а также крупнейший поставщик официальной помощи в целях развития. Кроме того, ЕС рассматривается как модель региональной интеграции и наиболее успешная международная организация. За свой вклад в дело мира и стабильности в Европе Брюссель был удостоен Нобелевской премии мира в 2012 году. Можно сказать, что притягательная сила Европы была продемонстрирована в то время, когда в Украине разворачивался «Евромайдан», а люди в Киеве с ноября 2013 по февраль 2014 года были готовы пожертвовать многим ради европейского будущего страны (после отказа президента В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС).

Наконец, третий минус российской мягкой силы состоит в той модели межгосударственного сотрудничества, которую Москва предлагает другим постсоветским государствам. Ее можно назвать гегемонистской. Модель отношений с теми государствами, которые зависят от военной защиты России и не имеют альтернативных партнеров, и регионального порядка, сторонниками которых является Россия, основана не на сотрудничестве между коллегами, а на принятии российской гегемонии, что соответствует концепции российской зоны влияния. Притязания Москвы на лидерство на постсоветском пространстве включают в себя право определять действующие там правила игры и ограничивать пространство для маневра. Это означает, что Москва безоговорочно отвергает право постсоветских государств на свободный выбор альянсов и требует себе вето на любое военное сотрудничество с третьими странами, которое может быть воспринято как угроза для России. Москва не в состоянии предложить им привлекательного видения интеграции без выстраивания моделей сильной зависимости. Такой вариант сотрудничества представляется правящим элитам соседних государств опасным для

³⁸ Conditions for membership. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en

суверенитета. Так, например, государства-члены ОДКБ могут разместить на своих территориях военные базы и объекты вне-региональных держав после консультации (согласования) с другими членами³⁹.

С другой стороны, ЕС позиционируется как организация, которая берет на себя международные обязательства. Брюссель – крупнейший мировой донор гуманитарной помощи в целях развития. Он находится в авангарде международной борьбы с климатическими изменениями. По сравнению с США (при Д. Трампе) Евросоюз выступает за снятие барьеров, которые препятствуют свободной международной торговле. Большое внимание Брюссель уделяет урегулированию локальных и региональных конфликтов политико-дипломатическими методами⁴⁰.

Что касается преимуществ российской мягкой силы, то первым выступает модель против конкретных выгод, которые обещает Россия. Москва предлагает соседним государствам прямые, конкретные выгоды, такие как открытые рынки труда, поставки энергоресурсов по льготным ценам. В теоретическом плане данная модель описывается понятием «липкая сила». Данный термин был введен в оборот американским исследователем Уолтером Мидом в 2004 г.⁴¹ С его точки зрения, все внешнеполитические инструменты государства могут быть разделены на три группы – острая (использование военной силы, применение вооруженных сил), притягательная (сила тяготения к идеалам, культуре и ценностям) и липкая сила. Под последней он понимает сеть экономических

³⁹ Устав ОДКБ от 07.10.2002 (в посл. ред). Mode of access: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/

⁴⁰ Энтин М.Л. Европейский союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций. 2009. № 2. С. 29-47. [Entin, M.L. Evropeiskii soiuz kak odin iz vedushchikh mezhdunarodnykh igrokov (The European Union as one of the leading international players) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2009, No. 2, pp. 29-47.]

⁴¹ Mead, W. America's Sticky Power // *Foreign Policy*, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

институтов и стратегий, которые вовлекают в экономическую систему другие государства и создают для них такие условия, которые становятся трудно покинуть. В качестве примеров стран, которые обладают липкой силой, У. Мид называет Британскую империю и сегодняшние США. Он называет следующие инструменты липкой силы:

1) предоставление права и возможности вести свободную торговлю, открытие внутреннего рынка для иностранных конкурентов;

2) приток иностранных инвестиций, что приводит к формированию группы заинтересованных лиц (стейкхолдеров) из коммерсантов, банкиров и торговцев;

3) зависимость от импортных поставок сырья;

4) наличие национальной денежной единицы в качестве резервной валюты⁴².

Если мы говорим о предоставлении права и возможности вести свободную торговлю, открытии внутреннего рынка для иностранных производителей, то это обеспечивается через членство в ЕАЭС. Из рассматриваемых государств входит только Армения. Для сравнения: соглашения с ЕС о свободной торговле подписали Грузия, Молдавия и Украина.

Вторым преимуществом является деятельность РПЦ за рубежом. Московский Патриархат активно обеспокоен событиями за пределами России. Эта озабоченность не ограничивается ближним зарубежьем или канонической территорией Московского Патриархата. Она распространяется на все другие государства, где могут проживать русские / православные христиане. Патриарх сегодня пользуется вниманием МИД России и играет ключевую роль как в формулировании, так и в продвижении российских интересов за рубежом. Для государства РПЦ – инструмент расширения культурного и политического влия-

ния России. РПЦ продвигает русскую культуру и язык за рубежом. Она поддерживает и продвигает идею «Русского мира», т.е. единого культурного, духовного и цивилизационного пространства. Сегодня РПЦ имеет большое влияние в Украине и пользуется авторитетом у значительной части населения (особенно в восточных и южных частях страны, где верующие сохраняют тесную связь с Московским патриархатом). РПЦ остается важным фактором русификации этого региона Украины и сохранения идеи славянского единства. Это же верно и для Молдовы, православная церковь которой (Молдавско-Кишиневская митрополия) является самоуправляемой частью РПЦ. Московский патриархат выступает в этом плане оплотом российского влияния и источником «мягкой силы»⁴³.

Заключение

Целью нашего исследования было изучение уровня мягкой силы России в государствах «общего соседства». Нас побудило обратиться к этой теме существующее в научной литературе мнение о том, что на постсоветском пространстве Москва обладает значительным влиянием. Как показало наше исследование, ее степень отличается в зависимости от рассматриваемых субрегионов ближнего зарубежья. В нашем случае это были страны, входящие в пространство «общего соседства» РФ и ЕС, т.е. по факту граничащие с обоими из них. В этой части постсоветского пространства отношение к России варьируется от негативного (Грузия и Украина) до нейтрального (Армения и Молдова), а к Евросоюзу – от нейтрального (Армения и Молдова) до позитивного (Грузия и Украина). Получается, что ресурсы российской мягкой силы имеют разный эффект: в одних государствах и субрегионах они достаточно сильные и приводят к какому-то результату, а в других – нет. Следовательно,

⁴² Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 25-35. [Measd, U.R. Vlast', terror, mir i voina. Bol'shaia strategiia Ameriki v obshchestve riska (Power, Terror, Peace and War. Great Strategy of America in the Society of Risk). Moscow: Progress-Traditsiia, 2006. Pp. 25-35.]

⁴³ Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 57-68. [Kasatkin, P.I. Russkaia pravoslavnaia tserkov' na postsovetskom prostranstve (Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Space) // *Regional'nye issledovaniia*, 2010, No. 2, pp. 57-68.]

при разработке внешнеполитического курса относительно той или иной страны необходимо учитывать такие нюансы.

Литература:

Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 4. С. 44-56.

Дегтерев Д., Василиук И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75.

Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве // *Региональные исследования*. 2010. № 2. С. 57-68.

Мелешикина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // *Зарубежная политология в XX столетии: Сборник научных трудов*. М.: ИНИОН, 2001. С. 190-215.

Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 25-35.

Най Джс. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 33-41.

Най Джс. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.

Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 94-112.

Страусе А., Корбин Джс. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // *Политические исследования*. 1994. № 3. С. 47-58.

Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 1. С. 59-60.

Энтин М.Л. Европейский союз как один из ведущих международных игроков // *Вестник международных организаций*. 2009. № 2. С. 29-47.

Downs, A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p.

Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s)' // *European Journal of International Relations*, 2016, No. 4, pp. 773-796.

Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // *Assessing Russia's Power: A Report / Kuhr N. Feklyunina V.* (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.

Keatinga, V.C., Kaczmarzskab, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*, 2017, Vol. 22.

Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4. pp. 316-329.

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40.

Mattern, J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium - Journal of International Studies*, 2005, Vol. 33.

Maull, H.W. Germany and Japan: The New Civilian Powers // *Foreign Affairs*, 1990, Vol. 69, No. 5.

Mead, W. America's Sticky Power // *Foreign Policy*, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // *Comparative Politics Russia*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

Nye, J. What Russia and China Don't Get about Soft power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // *Problems of Post-Communism*, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 1, pp. 1-13.

Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

References:

Degterev, D., Vasiliuk, I., Baum V. Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz (Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, № 1, pp. 63-75.

Downs, A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p.

Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

Entin, M.L. Evropeiskii soiuz kak odin iz vedushchikh mezhdunarodnykh igrokov (The European Union as one of the leading international players) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2009, No. 2, pp. 29-47.

Farmer, M. Ratsional'nyi vybor: teoriia i praktika (Rational choice: theory and practice) // *Politicheskie issledovaniia*, 1994, No. 3, pp. 47-58.

Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s)' // *European Journal of International Relations*, 2016, No. 4, pp. 773-796.

Golosov, G.V. Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov (Voter's Behavior in Russia: Theoretical Prospects

and the Results of Regional Elections) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1997, No. 4, pp. 44-56.

Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // Assessing Russia's Power: A Report / Kuhrt N. Feklyunina V. (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.

Kasatkin, P.I. Russkaia pravoslavnaia tserkov' na postsovetском prostranstve (Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Space) // *Regional'nye issledovaniia*, 2010, No. 2, pp. 57-68.

Keatinga, V.C., Kaczmarek, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*, 2017, Vol. 22.

Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4. pp. 316-329.

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40.

Mattern, J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium - Journal of International Studies*, 2005, Vol. 33.

Maull, H.W. Germany and Japan: The New Civilian Powers // *Foreign Affairs*, 1990, Vol. 69, No. 5.

Mead, U.R. Vlast', terror, mir i voina. Bol'shaia strategii Ameriki v obshchestve riska (Power, Terror, Peace and War. Great Strategy of America in the Society of Risk). Moscow: Progress-Traditsiia, 2006. Pp. 25-35.

Mead, W. America's Sticky Power // *Foreign Policy*, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

Meleshkina, E.Iu. Issledovaniia elektoral'nogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia (Research of electoral behavior: theoretical models and problems of their application) / in: Zarubezhnaia politologiia v XX stoletii: Sbornik nauchnykh trudov. Moscow: INION, 2001. pp. 190-215.

Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // *Comparative Politics Russia*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otosheniia («Soft Power» and American-European relations) // *Svobodnaia mysl'*, 2004, No. 10, pp. 33-41.

Nye, J. Gibkaia sila. Kak dobit'sia uspekha v mirovoi politike (Soft Power: The Means to Success in World Politics). M.: Trend, 2006. 397 p.

Nye, J. What Russia and China Don't Get about Soft power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

Petrovich-Belkin, O.K., Eremin, A.A., Bokeriia, S.A. Problema snizheniia vliianiia Rossii na postsovetском prostranstve: chem vyzvan dreif gosudarstv SNG v storonu mnogovektornosti? (The Problem of Reducing Russia's Influence in the Post-Soviet Space: What Caused the Drift of the CIS States towards Multi-Vector Nature?) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2019, No. 1, pp. 94-112.

Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // *Problems of Post-Communism*, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

Shishkina, O.V. Vneshnepoliticheskie resursy Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosiedstva»: sravnitel'nyi analiz (Foreign Policy Resources of Russia and the EU in the Space of "Common Neighborhood": Comparative Analysis) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 1, pp. 59-60.

Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 1, pp. 1-13.

Strause, A., Korbin, Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki (Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques). Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.

Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

«SOFT POWER» OF RUSSIA AND THE EU IN THE «COMMON NEIGHBORHOOD»: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES IN POST-SOVIET STATES

Ruslan S. Mukhametov

Ural Federal University named after the first President Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 05.08.2020</p>	<p>Abstract: The article is devoted to assessing the state of Russian soft power. The author was prompted to address this topic by a contradiction. On the one hand, a review of the scientific literature shows that experts appreciate the level of development of Russia's soft power in the near abroad. On the other hand, international political analysts state that the CIS States have chosen one or another form of multi-vector activity in the international arena, and Moscow's influence in the post-Soviet space has been declining in the past few years. Based on a Grounded theory developed by A. Strauss and J. Corbin, which analyzed the policy documents of political parties that passed national parliaments, the author comes to a number of conclusions. The attitude of party and political elites to Russia differs from one country to another and is inversely dependent on the attitude to the EU. When assessing the impact of Russia's soft power, it is necessary to follow an «individual» (country) approach rather than a region-wide one.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science, Ural Federal University named after the first President Boris Yeltsin</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Key words: soft power; post-Soviet space; Russia; European Union; foreign policy</p>	

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 78-91.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

For citation: Mukhametov, Ruslan S. Myagkaya sila Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosedstva»: sravnitel'nyy analiz programm politicheskikh partiy postsovetских gosudarstv («Soft Power» of Russia and the EU in the «Common Neighborhood»: a Comparative Analysis of the Programs of Political Parties in Post-Soviet States) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 78-91.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051

ГОСУДАРСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМ ПРИЗНАНИЕМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ

Ватаняр Саидович Ягья

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Ирина Александровна Антонова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 26 июля 2018 <i>Принята к печати:</i> 3 июля 2020</p>	<p>Аннотация: Для полноценного участия в мирополитических процессах, в том числе, в мирном урегулировании конфликтов, российской дипломатии необходимы собственные критерии взаимодействия с государствами, имеющими ограниченное признание. В данной статье выявляются основные российские подходы к данному феномену, выясняется, означает ли признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии при одновременном непризнании Косово трансформацию российской внешнеполитической позиции, или же ее можно рассматривать как уникальную в каждом отдельном случае. Выделяя два типа реализуемых на практике членами мирового сообщества подхода к сепаратистским образованиям, правовой и геополитический, авторы приходят к выводу о преобладании в российской внешней политике второго из них. В отношении Косово, Палестины, Южной Осетии и Абхазии Москва придерживается первого подхода. Учитывается также приоритетность того или иного сепаратистского образования в политике Кремля. Официальные внешнеполитические документы и заявления свидетельствуют о строгой приверженности Москвы принципу территориальной целостности и нерушимости государственных границ. В заключении авторы приходят к выводу о необходимости гибкого рассмотрения Москвой каждого сепаратистского образования в индивидуальном порядке как наиболее продуктивного варианта.</p>
<p>Об авторах: <u>Ягья В.С.</u>, профессор, заведующий кафедрой мировой политики СПбГУ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации e-mail: v.yagya@spbu.ru <i>Антонова И.А.</i>, доцент кафедры мировой политики СПбГУ, Факультет международных отношений e-mail: ira-antonova@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: государства с ограниченным признанием; непризнанные государства; сепаратистские образования; внешняя политика России; самоопределение; территориальная целостность; дипломатическое признание</p>	

В мировой политике в конце второго десятилетия XXI века происходят глобальные изменения. Они касаются как процесса формирования многополярного мира, так и важнейших сдвигов в межгосударственных отношениях и появления большого числа неправительственных акторов, чье влияние неуклонно растет. Одновременно происходят события, которые все больше убеждают наблюдателей, экспертов и ученых в том, что

к концу текущего столетия число независимых государств на политической карте мира увеличится: есть даже предположение, что их станет не менее пятисот против нынешних почти двухсот¹. Многие страны борются

¹ Никонов В.А. Россия в поиске места в мире // Вестник РАМИ. 2001. № 2. С. 21. [Nikonov, V.A. Rossiia v poiske mesta v mire (Russia in a Search of its World Status) // *Vestnik RAMI*, 2001, No. 2, p. 21.]

за повышение своего статуса в мире. Яркий пример тому Россия, которая в результате активной самостоятельной внешней политики и внутреннего небывалого развития вновь выдвинулась в число великих государств, играющих одну из самых выдающихся ролей на Земном шаре.

В текущее время выяснилось, что процессы глобального выхода той или иной страны на ведущие позиции в мире сопровождаются серьезными угрозами. Это, как верно говорит академик А. Арбатов, «прежде всего, международный терроризм, этнический и религиозный экстремизм, который вылился сейчас в региональные войны, причем достаточно масштабные, с огромными жертвами»². В этих условиях рождаются идеи новых государственных формирований, особую опасность среди которых некоторое время назад представляло «Исламское государство», которое создало трансграничное и транснациональное образование со всеми атрибутами современного государства³.

Вблизи российских границ на данный момент, по крайней мере, шесть образований, независимость и суверенитет которых оспаривается мировым сообществом (Нагорно-Карабахская Республика, Республика Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика, Луганская и Донецкая Народные Республики). Кроме того, Российская Федерация в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН непосредственно вовлечена

в процесс урегулирования конфликтов на Кипре, в Косово, в Палестине и т.д. Все это обуславливает необходимость выработки Москвой политической позиции в отношении территориальных образований, претендующих на суверенный статус, в глобальном и внутривосточном контексте. Исходя из практических внешнеполитических шагов, предпринимаемых российскими властями, можно сделать вывод о том, что феномен государств, независимость которых оспаривается, представляется важным и актуальным с точки зрения российских национальных интересов и государственной, региональной и глобальной безопасности. В то же время, вырисовывается необходимость построения особой стратегии, основанной на серьезных научных исследованиях. Тем более, Москва признает суверенитет Южной Осетии и Абхазии, вступая с ними в юридически оформленные договорные отношения, и в то же самое время касательно судьбы Нагорного Карабаха выступает за достижение соответствующих договоренностей Азербайджана и Армении и их одобрение, поддержку и признание. Разнообразие подходов наблюдается и в отношении и других «непризнанных». Так, например, православный фактор играет немаловажную роль в поддержке Россией Республики Кипр в отношении фактически отколовшейся от нее Турецкой Республики Северного Кипра.

Понятие «непризнанное государство» широко распространено в политическом и академическом дискурсе. Оно служит неким общим знаменателем для суждений об этом феномене в современном мироустройстве. Использование данного термина, отражающего аспект значительной ограниченности в признании (например, Турецкой Республики Северного Кипра) или абсолютного непризнания (например, Луганской и Донецкой республик) в мировом сообществе, позволяет освещать все многообразие подходов к понятию государственного образования, независимость и суверенитет которого оспаривается ООН или большинством стран мира. Однако с точки зрения внешней политики любого признанного государства в отношении признания не может быть полумер: независимость нового образования либо при-

² Цит. по: Соломонова Ю. Интервью с Алексеем Арбатовым. Кому снова нужна холодная война // Независимая газета. 2018, 27 февраля. [Cit. ex: Solomonova, I. Interv'iu s Alekseem Arbatovym. Komu snova nuzhna kholodnaia voina (Interview with Alexey Arbatov. Who Wants the Cold War Again) // *Nezavisimaya gazeta*, 2018, February 27.]

³ Шлыков П.В. «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 3. С. 16-17. [Shlykov, P.V. «Islamskoe gosudarstvo» kak vyzov normativnosti zapadnoi modeli obshchestvennogo i gosudarstvennogo ustroistva (The Islamic State as a Challenge to the Western Model of Social and Political Order) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2016, No. 3, pp. 16-17.]

знается, либо нет. В то же время, в научном контексте данный феномен может быть исследован многоаспектно, поэтому, чтобы не фокусироваться лишь на факте признания, применительно к официальной позиции России далее будет использоваться более нейтральный термин “сецессионистское образование”, который означает, что территория в одностороннем порядке вышла из-под суверенитета признанного государства.

В международном праве нет конкретных критериев и условий, необходимых для создания нового государства и численных показателей для отнесения его к признанным. Так, в научной среде существует две теории относительно вопроса признания независимости государств – конститутивная и декларативная. Согласно первой, государства не существуют без формального признания его другими государствами. Сторонники декларативной теории полагают, что для правосубъектности государства не требуется международного признания⁴. Не дает однозначного ответа на вопрос о конкретных критериях для создания новых государств и необходимости их признания и принцип международного права о самоопределении народов, поскольку он не учитывает возможности возникновения нового государства не на этнической основе, а на лингвистической, идеологической, конфессиональной и т.п.

На практике окончательное признание государства подтверждается его принятием в состав ООН в качестве полноправного члена. Другими словами, если ни один из постоянных членов Совета Безопасности ООН не выступает против независимости нового государства, а затем Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию хотя бы простым большинством, то моло-

дое государство с этого момента формально считается признанным вне зависимости от того, сколько именно дипломатических признаний оно получило со стороны членов мирового сообщества. Так, Н.А. Добронравин предлагает в качестве критериев для отличия признанного государства от непризнанного выбрать скорость их признания и членство в ООН, а признание со стороны бывшей метрополии считает важным условием перехода непризнанных государств в группу суверенных⁵. В то же время, не исключено, что остальные члены ООН, не поддержавшие независимость нового государства, так и будут считать его непризнанным.

Таким образом, ввиду отсутствия в современном международном праве систематизированного нормативного института и каких-либо четких критериев признания, признанные государства в каждой отдельной ситуации вынуждены прорабатывать позиции с нуля, опираясь на свои национальные интересы. В случае, когда новое государство является результатом одностороннего провозглашения независимости, любой признанный член ООН сталкивается с дилеммой, каким из основополагающих принципов международного права придется пренебречь: принципами территориальной целостности и нерушимости государственных границ или же правом народов на самоопределение. На практике, когда новое государство провозглашает независимость на двусторонней основе (то есть с согласия государства, от которого отделяется), то мировое сообщество признает его беспрепятственно (примеры Черногории, Южного Судана и т.д.). Проблемы с признанием возникают в случае односторонних действий со стороны отделяющейся части

⁴ Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. 2011. № 2. С. 8. [Skvoznikov, A.N. Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosub»ektnosti (Phenomenon of Unrecognized and Partially Recognizes States and Main Features of Their Legal Capacity) // Vestnik Samarской гуманитарной akademii. Seriya: pravo, 2011, No. 2, p. 8.]

⁵ См.: Добронравин Н.А. Непризнанные государства в “серой зоне”: основы выживания и правила суверенизации. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с. [Dobronravin, N.A. Nepriznannye gosudarstva v “seroi zone”: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii (Unrecognized States in the Shadow: Survival and Sovereignization). St.Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. 56 p.]

(Косово, Приднестровье и т.д.). При этом центральная власть распадающегося государства апеллирует к приоритету принципа территориальной целостности по отношению к праву на самоопределение⁶. В этой ситуации речь уже заходит о потенциально непризнанном или частично признанном государстве, и каждый член мирового сообщества должен выбрать, кого поддержать: центральные власти или сепаратистов. В большинстве случаев выбор делается в пользу первых, поскольку признанные государства стремятся избежать сепаратизма на своей территории, санкций, обвинений в поддержке терроризма и экстремизма. Все это и приводит к тому, что институт признания фактически базируется на отдельных прецедентах, а не на совокупности юридических норм.

Именно поэтому комплексный подход к изучению проблем сепаратистских образований крайне важен для понимания и формулирования национальных интересов России, а также в целях повышения ее политического престижа и авторитета на мировой арене, в том числе, ввиду вовлеченности в процессы урегулирования многих межэтнических конфликтов.

Ранее было выяснено, что, в политическом и правовом ракурсе непризнанным государством можно назвать, во-первых, если его независимость провозглашена в одностороннем порядке, во-вторых, если оно не может быть принято в ООН на правах полноправного члена. Кроме того, каждое признанное государство решает для себя, признавать или не признавать такое образование. Так, Турецкая Республика Северного Кипра является признанным государством с позиции Турции, в то время как все остальные члены мирового сообщества рассматри-

вают его как непризнанное (именно в таких ситуациях видится более уместным использование термина “сепаратистское образование”).

В большинстве исследований, в которых даются определения феномену непризнанного государства, встречается его трактовка сквозь призму позитивного и негативного суверенитета. Напомним, что под позитивным суверенитетом принято понимать способность государства контролировать свою территорию и удовлетворять нужды населения, а под негативным – номинальное признание со стороны других государств и свободу от вмешательства извне⁷. Таким образом, любые государства можно условно разделить на две группы: обладающие обоими видами суверенитета (признанные мировым сообществом государства) и обладающие либо только позитивным, либо только негативным суверенитетом (собственно, сепаратистские образования: Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Косово и т.д.).

Наибольший интерес непризнанные государства вызывают в подавляющем большинстве случаев у американских исследователей. При этом они рассматривают подобные образования не в контексте признания, а в контексте управляемости. Интересно также, что в США данное понятие изучается, вне зависимости от географического расположения территории, с точки зрения национальной безопасности США. Так, Р. Ротберг⁸,

⁶ Климашевская О.В. Столкновение политических феноменов: право на самоопределение народа и территориальная целостность государства // *Власть*. 2018. № 2. С. 57. [Klimashevskaja, O.V. Stolknovenie politicheskikh fenomenov: pravo na samoopredelenie naroda i territorial'naja tselostnost' gosudarstva (The Clash of Political Phenomena: the Self-Determination of the People and the Territorial Integrity of the State) // *Vlast'*, 2018, No. 2, p. 57.]

⁷ Кузнецов А.С. “Надкушенный суверенитет”: проблема категории “суверенитет” // *ПОЛИТЭК*. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/264/30/> [Kuznetsov, A.S. “Nadkushennyi suverenitet”: problema kategorii “suverenitet” (Limited Sovereignty: an Issue of the Categorization). *POLITEKS*, 2006, No. 3. Mode of access: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>]

⁸ См.: Rotberg, R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Р.Д. Лэм⁹, Т. Говард¹⁰, А. Кланен¹¹, Б. Станиславски¹², А. Рабаса¹³ используют термин “неуправляемые территории” (ungoverned territories), “квази-государства” (*quasi states*), “несостоявшиеся государства” (*failed states*) и т.п., акцентируясь на потере центральными властями контроля над частью своей территории. Таким образом, непризнанные государства выступают лишь частным случаем несостоявшихся, а значит, опасных и неконтролируемых. Во внимание не принимается вероятность того, что сепционистское образование может успешно (или относительно успешно) управляться и контролироваться местными самопровозглашенными властями, а также поддерживаться местным населением. Например, Южная Осетия и Абхазия могут приравниваться к Сомалиленду¹⁴. Такой подход объясняется самой сущностью не контролируемой центральными властями территории, а, следовательно, потенциально нездоровой и несущей угрозу безопасности.

В то же время, можно выделить груп-

пу западных исследователей, чьи подходы к понятию непризнанного государства значительно ближе к российским. Так, например, С. Пегг¹⁵, Н. Касперсен¹⁶, Д. Линч¹⁷ прибегают к термину “де факто государство” (*de facto state*), под которым подразумевают отделившуюся часть какого-либо признанного государства, желающую получить признание со стороны мирового сообщества, имеющую эффективное местное руководство и поддерживаемую местным населением. Румынский политолог Н. Попеску использует похожие определения¹⁸ и подчеркивает, что подобные образования, будучи не признанными и изолированными, не могут существовать без поддержки извне и, провозгласив свою независимость от метрополии, вновь становятся зависимыми, но уже от “спонсора”¹⁹ (как, например, Косово зависит от ЕС и НАТО, а Южная Осетия и Абхазия – от России). Таким образом, упомянутая выше группа американских и европейских исследователей апеллирует уже к проблеме самоуправления сепционистского образования. Тем не менее, оба указанных подхода характеризуют феномен непризнанного государства только с одного ракурса – управляемости (управляемости со стороны метрополии либо самоуправления), что делает их неполными. Таким обра-

⁹ См.: Lamb, R.D. *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy*, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>

¹⁰ См.: Howard, T. *The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War*. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.

¹¹ См.: Clunen, A.; Trinkunas, H. *Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty*. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.

¹² См.: Stanislawsky, B.H. *Mapping Global Insecurity // The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4. Mode of access: <http://nationalstrategy.com/Portals/0/documents/Fall%202010%20NSFR/B.%20Stanislawski-Black%20Spots.pdf>

¹³ См.: Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

¹⁴ Stanislawsky, B.H. *Mapping Global Insecurity // The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4. Mode of access: <http://nationalstrategy.com/Portals/0/documents/Fall%202010%20NSFR/B.%20Stanislawski-Black%20Spots.pdf>

¹⁵ См.: Pegg, S. *The Impact of De Facto States on International Law and the International Community*. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

¹⁶ См.: Caspersen, N.; Stansfield, G., eds. *Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System*. New York, Routledge, 2011. 253 p.

¹⁷ См.: Lynch, D. *Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States*. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

¹⁸ См.: Popescu, N. *Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia*. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

¹⁹ Popescu, N. ‘Outsourcing’ de facto Statehood. Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/outsourcing-de-facto-statehood-russia-and-secessionist-entities-georgia-and-moldova>

зом, различий между успешными сецессионистскими образованиями, обладающими всеми признаками государственности за исключением признания, и криминальными республиками не делается.

Наконец, ключевым отличием российского академического подхода является характеристика сецессионистского образования, основанная на трех индикаторах – самоуправляемости, устойчивости или успешности как потенциального государства, признании со стороны мирового сообщества. Так, С.М. Маркедонов использует термин “государство де-факто”, под которым подразумевает образования, существующие в течение длительного времени и демонстрирующие внутри- и внешнеполитическую динамику²⁰. Аналогичного подхода придерживается Ф. Попов, называя де-факто государством наиболее развитую, устойчивую и политически активную форму фактической сецессии²¹. Н.А. Добронравин обращается к наиболее распространенному термину “непризнанное/частично признанное государство”, давая феномену следующее определение: политические образования, претендующие на статус суверенного государства, имеющие определенный объем международной деятельности, не признанные или частично признанные государствами-членами ООН²².

²⁰ Маркедонов С. Государства de facto / Агентство политических новостей, 2006-11-14. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article10896.htm>. [Markedonov, S. Gosudarstva de facto (De Facto States) / Agentstvo politicheskikh novostei, 2006-11-14. Mode of access: <http://www.apn.ru/publications/article10896.htm>]

²¹ Попов Ф. От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // Международные процессы. 2011. № 2 Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>. [Popov, F. Ot “bezgosudarstvennoi territorii” k “gosudarstvu de-fakto” (From Ungoverned Stated to De Facto State) // *Mezhdunarodnye protsessy* // 2011, No. 2. Mode of access: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>]

²² Добронравин Н.А. Новые регионы и внешняя политика непризнанных государств / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной. СПб.: СПбГУ, 2011. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 5. С. 62-71. [Dobronravin, N.A. Novye regiony i vneshnyaya

Важно отметить, что в российской академической среде этот феномен еще мало изучен, причем большинство исследователей фокусируются либо на конкретных примерах непризнанных государств, особенно на постсоветском пространстве и Косово, либо на проблеме коллизии принципов территориальной целостности, нерушимости государственных границ и права народов на самоопределение. В гораздо меньшей степени исследуется феномен в целом.

Обращаясь к политике признанных государств в отношении Приднестровья, Северного Кипра, Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Абхазии, Косово и т.п., применительно к ним целесообразно использовать термин “государства с ограниченным признанием”, дабы разграничить их с другими сецессионистскими образованиями наподобие Сомалиленда, Джубаленда и т.п. Под данным термином здесь и далее подразумевается следующее: политические образования, провозгласившие независимость в одностороннем порядке и претендующие на статус суверенного государства, по возможности осуществляющие международную деятельность, признанные некоторыми государствами-членами ООН или не признанные вовсе, обладающие относительно эффективной и устойчивой системой управления и полностью или почти полностью контролирующими свою территорию. Само понятие “государство с ограниченным признанием” видится, “во-первых, указывающим на значительную долю фактической самостоятельности и эффективности местных властей, а во-вторых, – нейтральным в отношении вопроса признания, поскольку, как уже было отмечено выше, правовых или количественных параметров признания в современном мире не существует, и этот аспект вовсе не является единственной характеристикой изучаемого феномена и не отражает его жизнеспособность”²³. Так, на-

politika nepriznannykh gosudarstv (New Regions and Foreign Policy of Unrecognized States) // *Aktual'nye problemy mirovoi politiki*. Ed. by V.S. Yagya, M.L. Lagutina. St.Petersburg: Saint Petersburg State University, 2011, pp. 62-71.]

²³ См.: Антонова И.А. Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении

пример, Приднестровье вот уже 27 лет демонстрирует миру эффективность управления, организованную политическую власть, контроль государственной границы и т.д.²⁴. Говоря о Луганской и Донецкой Народных Республиках, важно отметить, что, хотя период их существования еще слишком короток для отнесения их к группе устойчивых политических образований с ограниченным признанием, тем не менее, каждое из них находится в стадии серьезных политических трансформаций и преобразований на пути к самостоятельно функционирующему государству. Особым случаем также видится Палестина, которая, несмотря на широкое признание со стороны мирового сообщества, на практике все еще далека от государства с ограниченным признанием.

Члены мирового сообщества во внешней политике по отношению к сецессионистским образованиям придерживаются двух подходов:

1. правовой подход, согласно которому государство, провозгласившее свою независимость в одностороннем порядке, либо не признается, и отрицается его де-факто существование (как, например, Китай отрицает фактическую независимость своей провинции Тайвань), либо, наоборот, происходит де-юре и де-факто признание (Россия и Южная Осетия, Абхазия);

2. геополитический подход, согласно которому сецессионистское образование юридически не признается, но допускается сам факт его существования, что может включать в себя как понимание и даже по-

пытку содействия решению проблем, с которыми образование сталкивается (например, изоляция), так и неформальные контакты (США и Тайвань).

Государства с ограниченным признанием в векторе внешней политики России можно условно разделить на три группы: группу высокой значимости, группу особой значимости и группу обычной значимости.

В первую группу входят образования на постсоветском пространстве (Приднестровская Молдавская Республика²⁵, Нагорно-Карабахская Республика, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия, Луганская и Донецкая Народные Республики). Состав этой группы объясняется приоритетностью постсоветского пространства во внешней политике России и непосредственной близостью данных образований к российским границам. Эти сецессионистские образования постоянно находятся в фокусе внимания Москвы, их проблемы регулярно обсуждаются на различных уровнях, само их существование отражается в официальных заявлениях и документах и оказывает влияние на формирование официальной внешнеполитической линии. Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье и Нагорный Карабах не представляют какой-либо угрозы для российской национальной безопасности (за исключением потенциальной возможности осуществления силовых попыток восстановления метрополиями контроля над ними), поскольку представляют собой де-факто государства с ограниченным признанием.

Вторая группа включает в себя Палестину, Косово и Турецкую Республику Северного Кипра ввиду особой традиционной геополитической значимости Ближневосточного и Балканского регионов, а также Восточного Средиземноморья.

²⁵ См.: Лару Дм., Забродин А. Мягкая интеграция // Известия. – 2018 – 28 февраля – С. 3. [Laru, Dm.; Zabrodin, A. Miagkaia integratsiia (The Soft Integration) // Izvestiia, 2018, February 28, p. 3.]; Гамова С. Гагаузы достают из подвалов автоматы // Независимая газета. 2018. 28 февраля. С. 1, 5. [Gamova, S. Gagauzy dostaiut iz podvalov avtomaty (The Gagauzes Pull Guns) // Nezavisimaia gazeta, 2018, February 28, pp. 1, 5.]

конфликтов в Косово и на Кипре. Дисс. канд. полит. наук. СПб. 2013. 208 с. [Antonova, I.A. Politologicheskij analiz pozicii Rossijskoj Federacii v otnoshenii konfliktov v Kosovo i na Kipre. Diss. kand. polit. nauk (Russian Federation Stance towards Conflicts in Kosovo and Cyprus. Political Analysis. PhD Diss. (Political Science)). St.Petersburg, 2013, 208 p.]

²⁴ Галинский Я.О. Политический статус Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов // Власть. 2018. № 2. С. 125. [Galinskii, I.O. Politicheskii status Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki i ee politicheskikh institutov (Political Status of the Pridnestrovian Moldavian Republic and Its Political Institutions) // *Vlast*, 2018, No. 2, p. 125.]

Остальные современные государства с ограниченным признанием (Сахарская Арабская Демократическая Республика, Китайская Республика Тайвань и т.д.) можно отнести к третьей группе. Существование этих непризнанных государств в меньшей степени влияет на формирование российской внешней политики, чем образований из первой и второй групп.

Россия официально признает лишь три из ныне существующих государств с ограниченным признанием – Палестину, Южную Осетию и Абхазию, в отношении статусов остальных она придерживается жесткой позиции непризнания. Тщательный анализ текстов российских официальных документов и внешнеполитических заявлений демонстрирует широкий спектр обозначений в отношении сепаратистских образований, не признанных Москвой: “провозглашенное в одностороннем порядке”²⁶, “квазигосударство”²⁷, “квазине-зависимое государство”²⁸, “так называемое

государство”²⁹ (преимущественно, в отношении «Исламского государства»); “незаконно провозглашенное государство”³⁰; “самопровозглашенное государство”³¹ (преимуще-

Meeting on Kosovo Settlement, New York, July 25, 2008. Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/329784

²⁶ Заявление МИД России по Косово 216-17-02-2008 / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/348618. [Zaiavlenie MID Rossii po Kosovo 216-17-02-2008 (Russian Ministry of Foreign Affairs Statement on Kosovo 216-17-02-2008) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/348618]

²⁷ Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году» / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 [Obzor MID Rossii «Vneshnepoliticheskaia i diplomaticheskaja deiatel'nost' Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu» (Russia's Foreign Policy and Diplomatic Activity. The Official Survey by The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624]

²⁸ Statement by Vitaly Churkin, Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations, at the UN Security Council

²⁹ Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на встрече министров иностранных дел стран-участниц Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Пекин, 28 апреля 2016 года / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256996. [Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na vstreche ministrov inostrannykh del stran-uchastnits Soveshchaniia po vzaimodeistviu i meram doveriia v Azii, Pekin, 28 apreliia 2016 goda (Foreign Minister Sergey Lavrov's speech at a meeting of foreign ministers of countries that are parties to the Conference for Interaction and Confidence Building Measures in Asia, Beijing, April 28, 2016) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256996]

³⁰ Transcript of Remarks and Replies to Media Questions by Russian Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov at Joint Press Conference with Israeli Minister of Foreign Affairs Tzipi Livni, Tel Aviv, March 20, 2008 / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/344806

³¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на второй международной конференции «Средиземноморье: римский диалог», Рим, 2 декабря 2016 года / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2544495 [Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova na vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii «Sredizemnomor'e: rimskii dialog», Rim, 2 dekabria 2016 goda (Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions at the Mediterranean Dialogues Conference, Rome, December 2, 2016) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

ственно, в отношении Луганской и Донецкой Народных Республик) и т.п. Подобные характеристики лишь подтверждают жесткую позицию России в отношении непризнания независимости подобных сецессий и отражают приверженность уважению территориальной целостности соответствующих дезинтегрировавшихся исходных государств.

Заявления российских властей и официальных представителей демонстрируют разнообразие “терминов”, применяемых по отношению к Косово, и в то же время весьма сдержанный их набор применительно к большинству остальных образований (Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровье и др.). Эта особенность отражает особую непримиримую позицию в отношении односторонней независимости Косово, что может быть объяснено специфичностью косовской проблемы в целом. Во-первых, США и их союзники, оказывая поддержку Косово при провозглашении его односторонней независимости, апеллировали к “уникальности” этого случая, ссылаясь, как известно, на общий контекст распада Югославии, этнические чистки и религиозные преступления в отношении косовских албанцев, а также длительный период нахождения территории под управлением администрации ООН. Подобная ситуация вокруг Косово сложилась отчасти из-за продолжающегося противостояния между США и Россией в геополитически важном Балканском регионе. Во-вторых, помощь и поддержка православных сербов стала своеобразной исторической традицией в рамках политики России с очень давних времен. Таким образом, даже если Косово, согласно российской официальной позиции, не уникально в контексте провозглашения независимости, то оно уникально с точки зрения его влияния на внешнюю политику Москвы ввиду геополитического соперничества и столкновения российских и американских интересов.

Еще одним “особым случаем” в российской внешней политике в отношении сецессионистских образований являются Южная Осетия и Абхазия, содействие становлению ко-

торых в качестве демократических государств, а также укреплению их международных позиций стало одним из фиксированных приоритетов во внешнеполитических концепциях Российской Федерации 2013³² и 2016 годов³³. Некоторые отечественные исследователи (П.Е. Кандель³⁴, С.А. Караганов³⁵, П.А. Цы-

³² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyam 12 fevralia 2013 g.) (utratila silu) (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) (terminated)] / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186

³³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyam 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248]

³⁴ См.: Кандель П.Е. Косовский прецедент и постсоветские конфликты // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 19-38. [Kandel, P.E. Kosovskii pretsedent i postsovetskie konflikty. (Kosovo Precedent and Conflicts at Postsoviet Area) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, No. 3, pp. 19-38.]

³⁵ См.: Караганов С. России везет // Россия в глобальной политике. 7 марта, 2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132> [Karaganov, S. Rossii vezet (Russia is Lucky) // *Rossiya v global'noi politike*, 7.03.2011. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>]

Mode of access: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2544495

ганков³⁶) рассматривают признание Москвой независимости данных республик как закономерный ответ на политику Запада относительно одностороннего провозглашения независимости Косово. Среди других объективных причин – обоснование права двух народов на самоопределение вследствие карательной военной операции грузинских властей в Осетии, а также желание России продемонстрировать свою способность быть глобальным игроком и существовать влиять на мировой порядок. С другой стороны, Москва упрекала Вашингтон в двойных стандартах в случае с Косово, при этом воспользовалась им же как прецедентом для южнокавказских республик.

Кроме того, “особым случаем” в российской внешней политике следует назвать и Палестину, независимость которой была признана Советским Союзом в 1988 году. При этом, данное образование суверенным государством фактически не является, а в Концепции внешней политики России в редакции 2013 года отмечалась необходимость “создания независимого палестинского государства”³⁷.

Таким образом, вырисовывается первая отличительная черта российской политики в

отношении сепаратистских образований, определяемая, прежде всего, геополитическими и геостратегическими интересами и вопросами глобальной и региональной безопасности: особые позиции в отношении Косово, Южной Осетии, Абхазии, Палестины.

В качестве второй особенности выступает приоритетность постсоветского пространства. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года, сотрудничество со странами СНГ является приоритетным региональным направлением для Москвы³⁸ и приобретает еще большую ценность сегодня в контексте ЕАЭС. Другими словами, постсоветскому пространству принадлежит ключевая роль в определении российских внешнеполитических позиций. Понимая проблемы, с которыми сталкиваются государства с ограниченным признанием, и, уделяя особое внимание сложному периоду преобразований в Новороссии, Москва пытается сохранить баланс в отношениях с государствами постсоветского пространства. Так, она может усилить свое влияние на постсоветском пространстве за счет пророссийски настроенных сепаратистских образований (Приднестровье, Луганская и Донецкая Народные Республики и т.д.), но в то же время Москве необходимо сохранять влияние и на региональных партнеров в лице признанных членов мирового сообщества, которые как раз и сталкиваются с проблемой сепаратизма, поэтому любые шаги в данном направлении должны тщательно обдумываться, особенно, учитывая тот факт, что ни один из них не

³⁶ См.: Цыганков П.А. После кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. 2009. No. 1. С. 29-32. [Tsygankov, P.A. Posle kavkazskogo krizisa: mirovoi poryadok i vneshnyaya politika Rossii (World Order and Russian Foreign Policy after the Crisis in August 2008) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: sotsiologiya i politologiya*, 2009, No. 1, pp. 29-32.]

³⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyim 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/2542248]

³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyim 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013). Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/2542248]

одобрил позицию России по Южной Осетии и Абхазии.

Здесь очевидна третья особенность российской политики: осторожность и относительная сдержанность в отношении государств с ограниченным признанием. Она выступает подтверждением заявленной последовательности и прагматичности российской внешней политики в целом, что может быть объяснено следующими причинами. Во-первых, и весьма хрупкое СНГ может быть разрушено любым опрочечивым политическим действием; во-вторых, – особой значимостью двусторонних отношений с Азербайджаном, Молдовой, Турцией и т.п., которые могут быть омрачены неосторожными мерами или высказываниями; в-третьих, нежеланием России усложнять и без того противоречивые отношения с Западом; в-четвертых, потенциальной возможностью активизации сепаратизма на территории России; в-пятых, сохраняющейся приверженностью Москвы верховенству международного права и недопустимости ревизии его основополагающих принципов или их ситуационного толкования.

Такая последовательность и осторожность во внешней политике, однако, имеет уже три исключения в лице Южной Осетии и Абхазии.

Четвертая особенность российской политики в отношении сепаратистских образований заключается в поиске баланса между позицией жесткого непризнания и попытками побудить мировое сообщество оказать помощь и содействие жителям непризнанных государств, которые сталкиваются с экономической изоляцией, нарушением их прав и т.д. Кроме того, Россия призывает в обязательном порядке учитывать интересы всего местного населения при принятии решений в рамках конфликтного урегулирования, поощряет вывод из изоляции (например, в отношении Кипра³⁹).

³⁹ О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Республику Кипр. 10.12.2007 / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cy/-/asset_publisher/wslw4pBwxwex/content/id/354782. [О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Республику Кипр 10.12.2007 (Visit to the Republic

Summiруя выше сказанное, можно прийти к выводу, что Россия в целом в своих позициях придерживается, скорее, геополитического подхода в отношении большинства сепаратистских образований, однако в случае с Косово, Палестиной и южнокавказскими республиками ее подход можно назвать правовым, хотя, безусловно, в каждом конкретном случае учитываются исторические традиции, особенности межгосударственных отношений и специфика конфигурации мирополитических обстоятельств и процессов.

Прогнозы и выводы

Исходя из выявленных особенностей внешней политики Москвы в отношении государств с ограниченным признанием, можно предложить два возможных сценария дальнейшего развития событий в рамках изучаемой проблемы.

Первый сценарий предполагает сохранение Россией приверженности принципам территориальной целостности и нерушимости государственных границ согласно Хельсинскому Заключительному акту СБСЕ и, таким образом, отказа от территориальных перемен. Тем самым сохранялись бы конфликтные ситуации с сепаратистскими образованиями на Балканах, Кавказе и в других регионах мира, если бы, конечно, участники территориальных споров не договорились сами, а мировое сообщество, включая Россию, одобрило бы эти договоренности. Выжидательная позиция Москвы, формулируемая словосочетанием “договоритесь сами, а мы поддержим”, в условиях, когда найти компромисс в “играх с нулевой суммой” практически невозможно, еще надолго законсервировала бы многие конфликтные ситуации.

Согласно второму возможному варианту развития событий хотя бы одно из сепаратистских образований постсоветского

of Cyprus of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov 10.12.2007). Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/cy/-/asset_publisher/wslw4pBwxwex/content/id/354782.]

пространства может стать частью России вслед за Крымом. Подобная мера могла бы неизбежно привести к новой волне санкций и обвинений Москвы в империализме и агрессивности, росту антироссийских настроений, а мировое сообщество вряд ли единодушно одобрило бы такую акцию. Не исключено, что она спровоцировала бы и новый виток сепаратизма в мире.

На практике универсальная реализация лишь одного из двух предложенных сценариев в отношении всех сепаратистских образований не продуктивна и не учитывает их специфичности и сопряженных интересов. Таким образом, России было бы логично продолжать политику рассмотрения каждого случая государства с ограниченным признанием в индивидуальном порядке. Такой подход видится более гибким, последовательным и плодотворным. Более того, Россия, как никто иной, имеет богатейший опыт в области сдерживания сепаратизма и восстановления легитимной власти на территории сепаратистских образований. Также, признание независимости южнокавказских республик едва ли можно трактовать как начало некой трансформации позиции России в отношении фактических сепаратизмов, поскольку на практике Москва продолжает демонстрировать последовательность и политику непризнания, в том числе, в отношении пророссийски настроенных Новороссии и Приднестровья, сохраняя приверженность принципам территориальной целостности и нерушимости государственных границ Украины и Молдовы соответственно. Кроме того, в отношении Южной Осетии и Абхазии Кремль долгие годы придерживался тех же принципов до тех пор, пока Тбилиси не предпринял меры, поставившие под угрозу жизнь российских граждан. Устойчивую последовательность в непризнании Россия сохраняет и в отношении образований в иных регионах в силу тех или иных особенностей.

Другими словами, в действенном размораживании этнотерриториальных конфликтов посредством эффективной индивидуализации каждого из них, видится путь устранения из жизни мирового сообщества постоянного ожидания тревожных событий, чреватых новыми кровопролитиями.

Литература:

- Антонова И.А.* Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении конфликтов в Косово и на Кипре. Дисс. канд. полит. наук. СПб. 2013. 208 с.
- Галинский Я.О.* Политический статус Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов // *Власть*. 2018. № 2.
- Добронравин Н.А.* Непризнанные государства в “серой зоне”: основы выживания и правила суверенизации. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с.
- Добронравин Н.А.* Новые регионы и внешняя политика непризнанных государств / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной. СПб.: СПбГУ, 2011. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 5. С. 62-71.
- Кандель П.Е.* Косовский прецедент и постсоветские конфликты // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 3. С. 19-38.
- Караганов С.* России везет // *Россия в глобальной политике*. 7 марта, 2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>
- Климашевская О.В.* Столкновение политических феноменов: право на самоопределение народа и территориальная целостность государства // *Власть*. 2018. № 2.
- Кузнецов А.С.* “Надкусенный суверенитет”: проблема категории “суверенитет” // *ПОЛИТЭКС*. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>
- Никонов В.А.* Россия в поиске места в мире // *Вестник РАМИ*. 2001. № 2.
- Попов Ф.* От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // *Международные процессы*. 2011. № 2. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>
- Сквозников А.Н.* Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право*. 2011. № 2.
- Цыганков П.А.* После кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // *Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология*. 2009. No. 1. С. 29-32.
- Шлыков П.В.* «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 3.
- Caspersen, N.; Stansfield, G., eds.* Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System. New York, Routledge, 2011. 253 p.
- Clunen, A.; Trinkunas, H.* Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.
- Howard, T.* The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.
- Lamb, R.D.* Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>
- Lynch, D.* Engaging Eurasia’s Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

Pegg, S. The Impact of De Facto States on International Law and the International Community. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

Popescu, N. Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

Rotberg R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Stanislavsky, B.H. Mapping Global Insecurity // *The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4.

References:

Antonova, I.A. Politologicheskij analiz pozicii Rossijskoj Federacii v otnoshenii konfliktov v Kosovo i na Kipre. Diss. kand. polit. nauk (Russian Federation Stance towards Conflicts in Kosovo and Cyprus. Political Analysis. PhD Diss. (Political Science)). St.Petersburg, 2013, 208 p.

Caspersen, N.; Stansfield, G., eds. Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System. New York, Routledge, 2011. 253 p.

Chunen, A.; Trinkunas, H. Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.

Dobronravina, N.A. Nepriznannye gosudarstva v "seroi zone": osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii (Unrecognized States in the Shadow: Survival and Sovereignization). St.Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. 56 p.

Dobronravina, N.A. Novye regiony i vneshnyaya politika nepriznannykh gosudarstv (New Regions and Foreign Policy of Unrecognized States) // *Aktual'nye problemy mirovoj politiki*. Ed. by V.S. Yagya, M.L. Lagutina. St.Petersburg: Saint Petersburg State University, 2011, pp. 62-71.

Galinskii, I.O. Politicheskii status Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki i ee politicheskikh institutov (Political Status of the Pridnestrovian Moldavian Republic and Its Political Institutions) // *Vlast'*, 2018, No. 2.

Howard, T. The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.

Kandel, P.E. Kosovskii pretsedent i postsovetkie konflikty. (Kosovo Precedent and Conflicts at Postsoviet Area) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, No. 3, pp. 19-38.

Karaganov, S. Rossii vezet (Russia is Lucky) // *Rossiya v global'noi politike*, 7.03.2011. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>

Klimashevskaja, O.V. Stolkновение politicheskikh fenomenov: pravo na samoopredelenie naroda i territorial'naja tselostnost' gosudarstva (The Clash of Political Phenomena: the Self-Determination of the People and the Territorial Integrity of the State) // *Vlast'*, 2018, No. 2.

Kuznetsov, A.S. "Nadkushennyi suverenitet": problema kategorii "suverenitet" (Limited Sovereignty: an Issue of

the Categorization). *POLITEKS*, 2006, No. 3. Mode of access: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>

Lamb, R.D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>

Lynch, D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

Nikonov, V.A. Rossiia v poiske mesta v mire (Russia in a Search of its World Status) // *Vestnik RAMI*, 2001, No. 2.

Pegg, S. The Impact of De Facto States on International Law and the International Community. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

Popescu, N. Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

Popov, F. Ot "bezgosudarstvennoi territorii" k "gosudarstvu de-fakto" (From Ungoverned State to De Facto State) // *Mezhdunarodnye protsessy* // 2011, No. 2. Mode of access: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>

Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

Rotberg R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Shlykov, P.V. «Islamskoe gosudarstvo» kak vyzov normativnosti zapadnoi modeli obshchestvennogo i gosudarstvennogo ustroistva (The Islamic State as a Challenge to the Western Model of Social and Political Order) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2016, No. 3.

Skvoznikov, A.N. Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosub'ektnosti (Phenomenon of Unrecognized and Partially Recognized States and Main Features of Their Legal Capacity) // *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: pravo*, 2011, No. 2.

Stanislavsky, B.H. Mapping Global Insecurity // *The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4.

Tsygankov, P.A. Posle kavkazskogo krizisa: mirovoi poryadok i vneshnyaya politika Rossii (World Order and Russian Foreign Policy after the Crisis in August 2008) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: sotsiologiya i politologiya*, 2009, No. 1, pp. 29-32.

STATES WITH LIMITED RECOGNITION IN RUSSIAN
FOREIGN POLICY: COMPARATIVE ANALYSIS OF KEY FEATURES

Vatanyar S. Yagya

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Irina A. Antonova

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 26.07.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: The main goal of the paper is to reveal, to compare and to summarize the essence of Russian political approaches toward particular cases of states with limited recognition and also to define in global scale whether the stance undergoes transformation or it could be considered as an attitude unique in each special matter when Moscow simultaneously supports independence of South Caucasian Republics and does not recognize Kosovo. The authors believe that there is strong need for Russia of an elaborated strategy based on a robust academic research. The authors outline two de-facto approaches to secessionist formations practically applied by contemporary members of international society: international law approach and geopolitical approach. Summing up all the peculiarities of Russian position they assert that Moscow mostly keeps to geopolitical approach towards factual secessions rather international law approach, but in case of Kosovo, Palestine, South Ossetia and Abkhazia it resorts to international law approach. The authors also provisionally divide all contemporary secessionist formations in Russian policy into three groups according to priority ranking and provide results of a detailed content-analysis of Russian foreign policy formal documents and politicians statements that reveal a wide range of appellations concerning secessionist formations. The characteristics testify the fact that Russia strictly keeps to the position of territorial integrity principle respect. Finally, the authors produce two forecasts of further Russian policy towards factual secessions and conclude that Russian policy of consideration each factual secession should continue being individual as fruitful, consistent, deliberate and ensuring more profitable conditions in the context of international cooperation and security.</p>
<p>About the authors:</p> <p><u>Vatanyar S. Yagya</u> Professor, Head of the Department of World Politics, St. Petersburg State University, Honored Scientist of the Russian Federation</p> <p>e-mail: v.yagya@spbu.ru</p> <p>Anastasia S. Pyatachkova, Associate Professor, Department of World Politics, St. Petersburg State University, Faculty of International Relations</p> <p>e-mail: ira-antonova@mail.ru</p>	
<p>Key words: states with limited recognition; unrecognized states; diplomatic recognition; secessionist formations; Russian foreign policy; territorial integrity; right to self-determination</p>	

Для цитирования: Ягья В.С., Антонова И.А. Государства с ограниченным признанием во внешней политике Российской Федерации: сравнительный анализ основных черт // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 92-105.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051

For citation: Yagya, Vatanyar S.; Pyatachkova, Anastasia S. Gosudarstva s ogranichennym priznaniem vo vneshney politike Rossiyskoy Federatsii: sravnitelny analiz osnovnyh chert (States with Limited Recognition in Russian Foreign Policy: Comparative Analysis of Key Features)// *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 92-105.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

КИТАЙСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В АФРИКУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Евгений Ильич Зеленев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Мария Алексеевна Солощева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 28 апреля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 12 августа 2020</p>	<p>Аннотация: В данной статье авторы проводят сравнительно-исторический анализ этапов китайского проникновения в Африку, концепциях, целях, средствах, методах и последствиях этого проникновения для самого Китая и для отдельных африканских стран в диахронической ретроспективе. Авторы делают выводы, что по сравнению с периодом двадцатилетней давности, когда Китай начал проявлять повышенный интерес к Африке, к настоящему времени возникла качественно новая ситуация. Китаем создана бинарная конструкция: Форум сотрудничества Китай-Африка запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем Китая, а программа «Один пояс - один путь» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически.</p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Зеленев Е.И.</i>, д.и.н., профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</p> <p>e-mail: evzelenev@gmail.com</p> <p><i>Солощева М.А.</i>, к.и.н., доцент Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</p> <p>e-mail: mary1685@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>КНР; Африка; Форум сотрудничества Китай-Африка; Китайско-африканские отношения; «Один пояс – один путь»; «Морской Шелковый путь XXI века»; концепция «Нить жемчуга»</p>	

Обоснованием китайской экономической и политической активности в Африке служат два проекта, инициированные Китаем в начале XXI в. Первый проект – «Форум сотрудничества Китай-Африка» (ФСКА, ФОСАС, кит. 中非合作论坛)¹, второй – «Мор-

ской Шелковый путь XXI века» (кит. 海上丝绸之路), разработанный в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (кит. 一带一路) – уникальной программы продвижения мультимодальных транспортных интересов КНР не только в страны Европы, но также Африки и Южной Америки (см. Рис. 1).

¹ Значительная часть того, что КНР делает в Африке, происходит в формате Форума сотрудничества Китай-Африка, который проходит раз в три года, поочередно в Пекине и в одной из африканских столиц, в нем участвует абсолютное большинство африканских лидеров

и высшее руководство КНР. См. Официальный сайт Форума 中非合作论坛 [Форум сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: www.focac.org

Пространство, которое занимают страны, подписавшие соглашения
в рамках инициативы «Пояса и Пути»

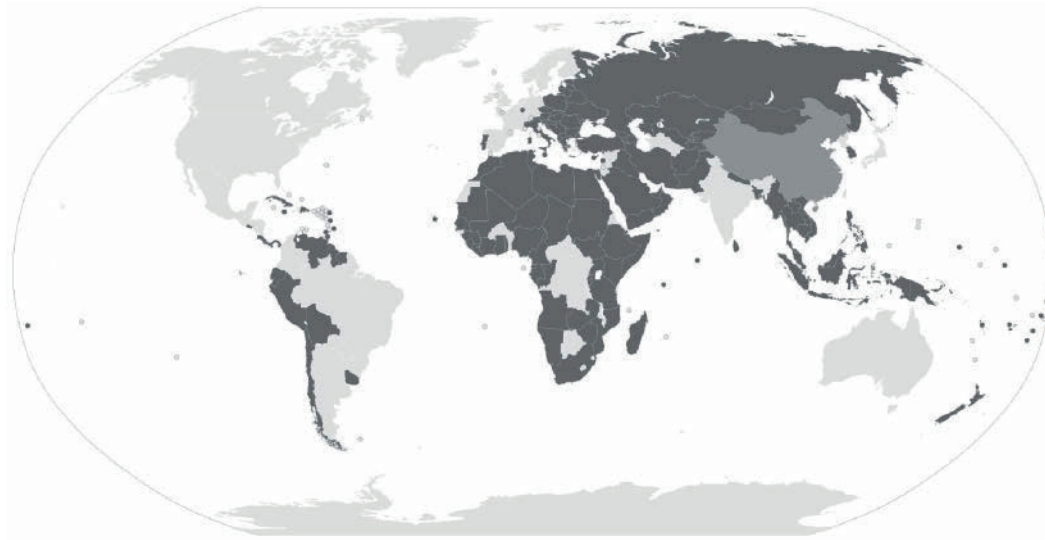

Fig. 1. The space occupied by countries that have signed agreements under the Belt and Road Initiative

Уникальность программы состоит в ее органичности условиям различных регионов мира, включая Африку. Так, министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связывает инициативу «Один пояс – один путь» с принятой Африканским Союзом в 2015 г. «Повесткой дня – 2063», заявив, что китайская инициатива перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (*Program for Infrastructure Development in Africa*)².

Согласно англоязычным источникам информации и англоязычной терминологии, в КНР существует еще одна геополитическая программа для развития контактов с Африкой, она названа «Нитка жемчуга» (англ. *String of Pearls*, кит. 珍珠链战略, дословно – «Стратегия цепочки жемчужин») и непосредственно связана программой «Морского Шелкового пути». Ее суть в том, чтобы создать два десятка китайских береговых опорных пунктов – военно-морских баз на южно-азиатском и африканском побережьях

Индийского океана с целью, во-первых, обеспечить защиту морских торговых путей, во-вторых, создать геополитические базы для торгового проникновения вглубь африканского континента на всем протяжении его океанского побережья³. Официальные китайские источники категорически отрицают военный характер китайской морской политики в Индийском океане, а концепцию «Нитка жемчуга» и вовсе называют «инсинуацией заинтересованных западных СМИ». Китайские официальные лица и проофициальные СМИ определяют «Нитку

² Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. MODE OF ACCESS: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let>

³ Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020; Ли Гуаньцзюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестник московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162-174. [Li, Guan'tsiun'. Strategiiia «Nitki zhemchuga» v kontekste morskoi politiki KNR (The "String Of Pearls" Strategy in The Context of China's Maritime Policy) // *Moscow State University Bulletin, Ser.25 International Relations And World Politics*, 2011, No. 4, pp. 162-174.]

жемчуга» как пропагандистский «термин, введенный в Америке в 2004 г. для обвинения китайской политики в Индийском океане в агрессивности», этот термин китайские власти считают столь же оскорбительным и лживым, как и термин «желтая угроза»⁴. Однако, объективности ради, следует заметить, что пункты базирования гражданских судов, о которых идет речь в программе Морского Шелкового пути, вполне могут иметь двойное назначение.

Говоря об Африке, подчеркнем, что пока КНР осваивает преимущественно африканское побережье Индийского океана, но в актуальной перспективе рассматриваются планы проникновения вглубь Африки и со стороны атлантического побережья, где пока геополитически господствуют США и их союзники по НАТО. Попытка Китая повторить восточноафриканский опыт и создать в Атлантике в Кабо-Верде военную базу наподобие той, что функционирует в Джибути, была решительно сорвана США. Неудачи не влияют на стратегические цели африканского геополитического проекта Китая, поскольку он носит векторный характер и представляет собой череду действий по достижению успеха методом проб и ошибок⁵.

Возможно, есть и другие программы китайского освоения Африки, но они либо строго засекречены, либо упакованы в рамках административных ведомственных инструкций и правительственных поручений, недоступных для широкой общественности.

⁴ 王媛, “季风计划”: 印度对“一带一路”在文化外交领域的围堵 2018-03-22 [Ван Юань, «Проект муссон»: Индия препятствует развитию культурных и дипломатических отношений в рамках «Одного пояса и Одного пути»]. Mode of access: http://news.china.com.cn/world/2018-03/22/content_50737408_2.htm; 珍珠链战略 [Стратегия Нитка жемчуга]. Mode of access: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8F%8D%E7%8F%A0%E9%93%BE%E6%88%98%E7%95%A5>

⁵ China's Built a Railroad to Nowhere in Kenya. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-07-19/china-s-belt-and-road-leaves-kenya-with-a-railroad-to-nowhere>

Генезис механизмов взаимодействия

После распада СССР в 1991 г. и прекращения острого соперничества между СССР и США африканское направление примерно на 10 лет стало маргинальной сферой глобальной внешней политики. В самом начале XXI в. у Китая пробудился интерес к Африке. Это произошло на фоне быстрого роста китайской экономики, вызвавшего потребность в новых рынках сбыта и диверсификации источников сырья.

В 2000 г. была предложена новая форма китайско-африканского сотрудничества в виде вышеназванного Форума сотрудничества Китая и Африки (далее – ФСКА), целью которого объявлялось создание путей достижения, обратите внимание, «нового международного политического и экономического порядка»⁶. По итогам Форума 2000 г. появился документ, известный под названием «Пекинская декларация Форума китайско-африканского сотрудничества» – первый официальный программный документ, определяющий региональную стратегию китайско-африканских отношений⁷.

Развитие китайско-африканских отношений оказалось под началом двух китайских министерств – Министерства иностранных дел (МИД), курировавшего работу ФСКА, и Министерства коммерции (МК), располагавшего штатом – Канцеляриями по торгово-экономическим вопросам во главе с Советниками, функционировавшими под крышами абсолютного большинства более чем 50-ти китайских посольств в странах Африки. Началу китайского политико-экономического проникновения в Африку способствовало официальное анонсирование в 2002 г. стратегии «Выхода во вне» (кит. “走出去” 战略)⁸.

⁶ Zeng, A.; Shu, Zh. Origin, Achievements, and Prospects of the Forum on China-Africa Cooperation. Mode of access: https://www.focac.org/eng/lhyj_1/yjcg/P020181026382446204313.pdf

⁷ 中非合作论坛北京宣言 [Пекинская декларация Форума сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm>

⁸ 更好地实施“走出去”战略 [Лучше реализовывать стратегию «Выхода вовне»]. Mode of access: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm

На втором Форуме сотрудничества Китай-Африка в 2003 г. для части африканской продукции было предоставлено право беспошлинного ввоза, а в отношении более 190 африканских компаний были сняты все таможенные тарифы, что, наряду со стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена⁹. КНР в данном вопросе действует по аналогии с США, которые еще в 2000 г. предоставили право беспошлинного ввоза в США товаров ряду стран Африки, в соответствии с подписанным президентом Биллом Клинтонем «Актом о росте и возможностях для Африки»¹⁰.

Тандем двух китайских министерств – МИД и МК, принес впечатляющие результаты. Уже в 2009 г. КНР вышла на первое место в мире по объему товарооборота со странами Африки¹¹, с тех пор стабильно закрепив за собой первую строчку в мировом рейтинге по этому показателю¹². Главным условием установления экономических и

иных связей африканских стран с КНР стало наличие между ними дипломатических отношений, тогда как главным условием установления дипломатических отношений был и остается принцип «одного Китая». На сегодняшний день у КНР в Африке нет никаких дипломатических отношений только со Эсватини (Свазиленд) и не признанным ООН государством Западная Сахара. С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений являются регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными странами. Уже на конец 2012 г. Китай заявил о том, что механизмы взаимодействия на уровне торгово-экономических комиссий были установлены с 45 африканскими странами¹³, а план взаимодействия на 2019-2021 гг., утверждённый по итогам ФСКА 2018 г., включает пункт 2.2.1 о необходимости развития механизма межправительственных комиссий¹⁴. Эта политика обеспечивает Китаю практически 100% распространения своего экономического и политического влияния в африканском ареале¹⁵. Речь идет не о избирательном подходе к выбору партнеров, а о сетевой модели контроля и управления, когда решается задача тотального охвата всех африканских стран с последующим ранжированием их по особой шкале их значимости для Китая. Неохваченные китайским проектом африканские страны выглядят на общем фоне статистической погрешностью (см. Рис. 2).

⁹ Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia torgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

¹⁰ African Growth and Opportunity Act. Mode of access: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa>

¹¹ Китайско-африканский товарооборот составляет менее 5% от общего товарооборота КНР, то есть имеет далеко не первостепенное значение для современной китайской экономики. Более того, Китай не спешит форсировать экономическое сотрудничество с Африкой, удовлетворяясь имеющимся уровнем и постепенно наращивая инфраструктурный потенциал. См. Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia torgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

¹² В соответствии с последней доступной официальной информацией, суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$204 млрд. (2018 г.). 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

¹³ 中国与非洲的贸易合作(2013)[Торгово-экономическое сотрудничество Китая и Африки (2013)]. Mode of access: www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm

¹⁴ 中非合作论坛 - 北京行动计划 (2019-2021年) [Пекинский план действий стран-участниц Форума Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t1592247.htm>

¹⁵ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

Рисунок 2

Страны Африки, подписавшие соглашения с КНР в рамках проекта «Один пояс – один путь»

Fig. 2. African countries that signed agreements with the PRC within the framework of the "One Belt – One Road" project

По итогам Форума сотрудничества Китай-Африка в 2006 г. был издан документ «Политика Китая в Африке» (кит. 中国对非洲政策文件)¹⁶, который стал одним из первых программных документов, отражающих официальную стратегию Китая по отношению к одному из макрорегионов мира¹⁷. С этого момента китайско-африканский проект вошел в принципиально новую стадию, положив начало масштабным китайским инвестициям в африканский регион. Рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) КНР в Африку, начавшийся с середины нулевых третьего тысячелетия, имел достаточно понятную природу: китайская модель развития, госкапиталистическая по сути с надстройкой в виде «общенародного государства», осуществляющего плановое социалистическое управление экономикой, была выстроена как инвестиционная. Именно с этого времени китайская экономика фактически начинает формировать цены на сырье на мировом рынке, а внешнеторговый про-

¹⁶ 中国对非洲政策文件 [Политика Китая в Африке]. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1321556.shtml

¹⁷ В 2003 г. Правительством КНР был опубликован аналогичный документ о политике в отношении ЕС, в 2008 г. – о Латинской Америке и Карибах, в 2016 г. – об арабских странах. См.: 政策文件 //中华人民共和国外交部 [Политические документы // Министерство иностранных дел КНР]. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/

фицит Китая и его золотовалютные резервы, благодаря своим гигантским размерам, гарантируют стране свободный доступ к мировым природным ресурсам методом инвестиционных интервенций. Государственные предприятия, получающие инвестиционную поддержку китайского правительства, ориентировались и ориентируются, прежде всего, на ресурсные отрасли. Они выбирают для сотрудничества страны с высокими политическими рисками, но низкой конкуренцией. Тогда как мотивы частных китайских инвесторов продиктованы сугубо рыночными факторами, демонстрируя всеядность от инвестирования в легальную и полунелегальную золотодобычу до кредитования оптовой торговли товарами ширпотреба.

Из 100% китайских предприятий, действующих сегодня в Африке, 90% – частные компании, и лишь в Анголе и Кении доля государственных предприятий из всех действующих китайских компаний достигает 30%¹⁸. Мнение о том, что движущей силой китайского экономического проникновения в Африку являются государственными компаниями, – заблуждение. Основную массу китайской экономической активности в Африке обеспечивает частный капитал, тогда как государство определяет векторы экономического развития и, в определенной мере, обеспечивает частный капитал государственными экономическими гарантиями в форме кредитов, займов и ссуд.

Политические векторы китайских отношений с Африкой рождаются в недрах Центрального Комитета 90-миллионной Коммунистической Партии Китая, точнее внутри двух его руководящих органов – Президиума

¹⁸ 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>. Подробнее о китайских ПИИ в странах Африки см.: Сизых Е.Ю., Шерстянкина Н.П. Китайские ПИИ в странах Африки: динамика, структура, факторы влияния // Глобализация и мирохозяйственные процессы. Иркутск. 2019. С. 25-31. [Sizykh, E.Yu.; Sherstiankina, N.P. Kitaiskie PII v stranakh Afriki: dinamika, struktura, faktory vliianiia (Chinese FDI in Africa: Dynamics, Structure, Influence Factors) // *Globalization and World Economic Processes*. Irkutsk, 2019. Pp. 25-31.]

Политбюро (7 человек, включая Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина) и собственно Политбюро (25 человек), а также в Центральной комиссии по иностранным делам ЦК КПК. На принятие важнейших международных политических и экономических решений КНР оказывают влияние соответствующие управления администрации Председателя КНР Си Цзиньпина и Председателя Госсовета КНР Ли Кэцзяна, а также комиссии по международным делам Всекитайского собрания народных представителей¹⁹. Претворение в жизнь выработанных ими решений по китайско-африканским отношениям находятся под патронажем двух департаментов МИД (Департамента по делам Западной Азии и Северной Африки и созданного в 2017 г. специального Департамента Африки) и четырех департаментов МК, прежде всего, Департамента по делам Западной Азии и Африки²⁰. Наряду с ними ряд вопросов специального характера курируют Министерство национальной обороны и Министерство общественной безопасности²¹.

МИД и МК участвуют в подготовке Форумов сотрудничества Китай-Африка, которые остаются важнейшими механизмами политического обеспечения китайско-африканского взаимодействия. Форумы включают Саммит²² и Министерскую кон-

ференцию. В Форуме на регулярной основе участвуют около 45 стран Африки южнее Сахары и 6 арабских стран – Марокко, Мавритания, Алжир, Египет, Судан, Тунис, т.е. почти все африканские страны. По итогам Форума принимается Программа действий на три года с указанием на конкретные меры по совершенствованию китайско-африканского сотрудничества, а также совместные коммюнике или декларации, провозглашающие принципы совместной деятельности. Существует мнение, что ФСКА «задает векторы развития сотрудничества» между Китаем и африканскими странами практически во всех сферах жизнедеятельности, корректируя их каждые три года и внося в сотрудничество новые формы²³.

Первоначально главное внимание Китай уделял развитию торговых отношений со странами Африки, чему в немалой степени способствовало повышение в 2005 г. уровня требующих утверждения валютных операций с \$3 до 10 млн, отмена квот на объем иностранной валюты для зарубежных инвестиций, а также снятие правила об обязательном возврате прибыли в национальную экономику²⁴. С 2007 г. значительную роль стали играть инвестиционные проекты: по итогам ФСКА 2006 г. был создан Фонд развития Китай-Африка (кит. 中非发展基金) – ведущий оператор в сфере прямых иностранных инвестиций в Африканские страны²⁵.

¹⁹ He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.

²⁰ Дейч Т. «Китайский век» для Африки // *Международная жизнь*, 2013. № 10. [Deich, T. «Kitaiskii vek» dlia Afriki ("Chinese century" for Africa) // *International affairs*, 2013. No. 10]. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953>

²¹ 国防部为非洲百名青年军官代表团访华举行招待会 [Министерство провело приём для посетивших Китай ста молодых офицеров из Африки]. Mode of access: http://www.mod.gov.cn/diplomacy/2019-04/21/content_4839968.htm; 开拔！自贡交警赴非洲“维和” [Выступаем! Транспортная полиция Цзыгуна направляется в Африку для «поддержания мира»]. Mode of access: <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n2255181/n2255188/c4014823/content.html>

²² Считается, что первый официальный полномасштабный Саммит «Китай-Африка» прошел в 2009 г.

²³ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

²⁴ Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // *Известия Байкальского государственного университета*. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China) // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

²⁵ 中非发展基金 [Фонд развития Китай-Африка]. Mode of access: <http://www.cadfund.com>

С приходом к власти Си Цзиньпина китайская внешняя политика, в целом, и в Африке, в частности, дополнилась рядом инициатив, самой масштабной и значительной из которых была идея «Один пояс – один путь». Она была озвучена Председателем КНР во время его визита в Казахстан в сентябре 2013 г. на форуме «Экономического пояса Шелкового пути», где имелся ввиду сухопутный транзит из Азии в Европу. В октябре того же года в Индонезии эта же идея была обнародована уже в виде «Морского Шелкового пути XXI века», который начинался в Китае и проходил через Индийский океан до Восточной Африки, а затем в Европу²⁶.

С 2013 г. ФСКА оказался увязан с повесткой программы «Пояса и Пути», что в глазах африканцев делало оба проекта политически и экономически привлекательными, а политику КНР в Африке последовательной и комплексной.

Началом нового этапа китайско-африканских отношений стал 2015 г., когда в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялся ФСКА, прошедший под лозунгом «Продвижение к взаимному выигрышу и совместному развитию». Итогом Форума стал план действий стран-участниц на 2016-2018 гг., предусматривавший 6 главных принципов китайско-африканского сотрудничества:

1. Доверие и равенство в политике.
2. Взаимный выигрыш в экономике.
3. Сотрудничество в области социального развития.
4. Сотрудничество и обмены в сфере культуры.
5. Взаимодействие в сфере безопасности.
6. Сотрудничество в международных отношениях²⁷.

В ходе работы Форума были выделены приоритетные сферы и разработаны пла-

ны сотрудничества в области инфраструктурных проектов, финансов и инвестиций, здравоохранения, торговли, модернизации и индустриализации, экологии и др.²⁸

Вышеприведенные принципы, созвучные 10 принципам мирного сосуществования и международных отношений Движения неприсоединения²⁹, вызвали неподдельный энтузиазм у африканских лидеров. Предлагавшиеся КНР конкретные проекты сотрудничества существенно отличались от «пакетных предложений» помощи, исходящих от стран условного Запада. Неслучайно по итогам Форума в 2015 г. между КНР и Африканским Союзом был подписан Меморандум о взаимопонимании в области объединения 54 государств Африки транспортными и другими средствами коммуникации. Это сразу привело к строительству при китайском участии железных дорог «Абуджа-Кадуна», «Чад-Судан», «Лагос-Калабар», «Найроби-Мамбаса», «Аддис Абеба – Джибути», шоссейных дорог и модернизации авиационного сообщения, существенно изменивших логистическую ситуацию в Восточной Африке³⁰.

²⁸ Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68. [Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitaiskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1). Pp. 60-68.]

²⁹ Non-Aligned Movement. Mode of access: <http://csstc.org>

³⁰ Эти проекты стали логическим продолжением тех идей, которые в 2014 г. премьер Ли Кэцян выдвинул в ходе визита в Африку в документе «Китайско-африканский план сотрудничества в региональной авиации». Был подписан меморандум о взаимопонимании с авиационными корпорациями шести африканских стран: Анголы, Эфиопии, Зимбабве, Кабо-Верде, Гвинеи, Конго, а также с Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКО-ВАС). «Чайна Саузерн Эйрлайнс» (China Southern Airlines) и «Эйр Чайна» (Air China) открыли прямые линии воздушного сообщения из Гуанчжоу в Найроби, из Пекина – в Йоханнесбург и Аддис-Абебу. Пассажирооборот между Китаем с Африкой увеличивается еже-

²⁶ 习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间”，11.08.2014 [Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты]. Mode of access: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html>

²⁷ The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016-2018) 2015/12/10. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml

Форум в Йоханнесбурге в 2015 г. проходил под патронажем Китайского экспортно-импортного банка (*The Export-Import Bank of China*), по инициативе которого был создан Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (*China-African Industrial Capacity Cooperation Fund*), через который стало осуществляться масштабное финансирование транспортных проектов и высокотехнологичных предприятий (строительство железных дорог, автомагистралей, аэропортов, электростанций, линий электропередачи, технопарков и пр.)³¹.

Новой формой сотрудничества с африканским бизнесом стали Китайско-африканские инвестиционные форумы. Первый такой Форум прошёл в Пекине в 2014 г.³² В 2017 г. в Марокко прошел Второй такой Форум, на который собралось более 500 африканских и китайских предпринимателей и чиновников, обсуждавших последствия реализации инициативы «Пояса и пути», а также перспективы ни много ни мало «индустриализации Африки»³³.

Планируя иностранные инвестиции, в 2014 г. КНР ввела новые правила контроля за ними. Национальная комиссия по развитию и реформам (NDRC) подписала приказ о введении «Административных мер по проверке и регистрации зарубежных инвестиционных проектов», которые значительно

упростили процесс согласования инвестиционных проектов объемом до \$1 млрд.³⁴ В том же году Государственное управление валютного контроля приняло (а затем обновило в 2015 г.) «Положение о централизованном функционировании и управлении валютными фондами ТНК», которое позволило китайским компаниям самостоятельно распоряжаться валютными поступлениями до \$100 млн в год³⁵.

Годом позже в 2016 г. выявился значительный процент китайских нерентабельных инвестиций, в том числе и в африканском финансово-экономическом сегменте. С целью сокращения нерентабельных инвестиций Госсовет КНР в 2016 г. издал внутреннее распоряжение об ограничении максимального размера сделок M&A и инвестиций в непрофильные активы компаний. Государственное управление валютного контроля ввело собственные ограничения: с 2016 г. оно стало самостоятельно проверять все переводы за границу, превышающие \$5 млн (раньше лимит составлял \$50 млн). В 2017 г. и позднее принимались законы, дополнявшие и усиливавшие государственное регулирование порядка инвестирования за рубежом, в полной мере распространяющиеся и на Африку³⁶.

годно в среднем на 15%. См. Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. [Kitai i Afrika: itogi ekonomicheskogo sotrudnichestva poslednix let (China and Africa: Results of Economic Cooperation in Recent Years)]. Mode of access: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednix-let>

³¹ China and Africa Industrial Capacity Mode of Cooperation. Mode of access: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdf6518fe2.html>

³² China-Africa Investment Forum Held in Beijing. Mode of access: <https://www.sc.com/global/av/zm-news-media-140422.pdf>

³³ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

³⁴ 境外投资项目核准和备案管理办法 [Административные меры по рассмотрению, утверждению и постановке на учёт иностранных инвестиционных проектов]. Mode of access: <https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/201404/W020190909440616023780.pdf>

³⁵ Regulations on the Centralized Operation and Management of the Foreign Exchange Funds of MNCs. Mode of access: <https://www.safe.gov.cn/en/2015/1111/769.html>

³⁶ Rules and regulations / State administration of foreign exchange. Mode of access: <https://www.safe.gov.cn/en/RulesandRegulations/index.html>; 政策法规 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [Законодательная политика // Государственный комитет КНР по делам развития и реформам]. Mode of access: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/wap_index.html; Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign

Суммируя сказанное, подчеркнем, что крупное китайское инвестирование в Африку целиком и полностью находится под контролем государства. Что касается средних и мелких частных инвестиций, то там контроль государства осуществляется через кредитно-банковскую сферу, но выглядит несколько мягче. Дело в том, что механизм кредитования китайскими банками и правительствами китайских компаний, действующих в Африке, и их африканских партнеров имеет минимум четыре уровня:

1. Министерство коммерции КНР, предоставляющее беспроцентные займы и целевые гранты³⁷.

2. Китайский экспортно-импортный банк, выдающий финансовые гарантии китайским компаниям, работающим в Африке, кредиты для финансирования контрактов китайским, а через них и африканским компаниям, льготные займы помощи африканским правительствам, а также курирует созданный в 2015 г. Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (*China-Africa Industrial Cooperation Fund*) – главного оператора по финансированию строительства транспортных, иных инфраструктурных и высокотехнологичных промышленных объектов³⁸.

3. Китайский банк развития (*China Development Bank*), предоставляющий коммерческие кредиты китайским и африканским фирмам, африканским правительствам, делая это непосредственно или через подконтрольный Китайско-Африканский фонд развития³⁹.

4. Остальные китайские банки (*Bank of China, China Construction Bank, Industrial,*

Commercial Bank of China) финансируют инфраструктурные проекты китайских компаний в Африке и предоставляют займы африканским банкам-партнерам⁴⁰.

С 2000 по 2017 г. общая сумма выданных этими структурами «африканских» кредитов достигла \$143 млрд.⁴¹ Главными реципиентами этих средств были Ангола (29,9%), Эфиопия (9,6%), Кения (6,8%), Республика Конго (5,2%), Судан и Замбия (по 4,5%), Камерун (3,9%) и Нигерия (3,4%)⁴².

В последние годы важной сферой китайского проникновения в Африку с помощью инвестиций являются инфраструктурные проекты, а инструментом – Межбанковское объединение Китая и Африки (*CAIBA – China-Africa Inter Bank Association*), о создании которого было объявлено в 2018 г., и которое сегодня набирает силу⁴³.

⁴⁰ Brautigam, D.; Hwang, J. *China-Africa Loan Database Research Guidebook*. Mode of access: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/58ac6353f7e0ab024bcc665c/1487692628411/guidebook+draft+v.26.pdf>

⁴¹ Значительная часть информации о реальных объемах ПИИ подпадает под классификацию «коммерческой тайны», нет четких границ между «государственными» и «частными» инвестициями, идущими на конкретные цели в африканских странах, наконец, «круговая модель функционирования капитала» между материковым Китаем и гонконгским оффшором затрудняет определение реальных ПИИ из Китая в Африку. Например. В 2017 г. 75% ПИИ и 90% инвестиций в финансовый сектор были направлены через оффшоры Гонконга, отследить дальнейшее движение которых крайне сложно, учитывая то, что из Гонконга в материковый Китай также движется поток валютных средств. См. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. *Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China)* // *zvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

⁴² Data: Chinese loans to Africa. Mode of access: <http://www.sais-cari.org/data-chinese-loans-to-africa>

⁴³ Congo's Rawbank Signs the China-Africa Inter Bank Association Establishment Agreement.

Investment from China) // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

³⁷ 投资项目信息库// 商务部公共服务项目 [База данных инвестиционных проектов // социальные услуги министерства коммерции]. Mode of access: http://project.mofcom.gov.cn/1800000091_10000076_8.html

³⁸ 中国进出口银行2018年度报告. [Ежегодный отчет экспортно-импортного банка Китая]. Mode of access: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2018/201912/P020191216390734628082.pdf>

³⁹ China-Africa Development Fund. Mode of access: <http://www.cdb.com.cn/English/ywgl/zhjryw/zffzjyxgs/>

В сентябре 2018 г. состоялся очередной саммит ФСКА в Пекине, на котором председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил о новом пакете финансирования для Африки: за 3 ближайших года в Африку планируется инвестировать \$60 млрд., из которых государство возьмет на себя выделение \$50 млрд, а китайские частные компании – \$10 млрд. Объявленный новый пакет инвестиций призван доказать, что КНР не стремится заманить африканские страны в долговую ловушку, как это утверждают мировые СМИ, а оказывает им рациональную взвешенную финансово-экономическую поддержку в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания» (кит. 共同繁荣的和谐世界), органично связанной с коммунистическим лозунгом поддержки национально-освободительных движений – одного из отрядов глобальной социалистической революции. Подтверждением китайской щедрости и до известной степени бескорыстия стало выделение четверти от 60 млрд, то есть 15 млрд, в качестве беспроцентных кредитов (по сравнению с 5 млрд аналогичных кредитов в 2015 г.)⁴⁴, а также списание в 2018 г. части долгов Ботсване и реструктуризация долга Эфиопии⁴⁵.

Mode of access: <http://www.africanreview.com/finance/banking-a-finance/congo-s-rawbank-signs-the-china-africa-inter-bank-association-establishment-agreement>. На 2018 г. Китай финансировал в Африке свыше 3000 преимущественно крупных инфраструктурных объектов. См. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контурсы глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp.6-29.]

⁴⁴ Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // Carnegie Moscow Center, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

⁴⁵ African Countries Seek Relief from Chinese Loans // *The EastAfrican*. September 17, 2018. Mode of access: <https://www.theeastafrican.co.ke/business/African-countries-seek-relief->

Образно говоря, Китай вступает в Африку по-тигриному на четырех лапах – двух политических и двух экономических. До самого последнего времени передние лапы были экономическими – торговля и инвестиции, а задние лапы – политическими – доктрина мягкой силы и прямое военное присутствие. После анонсирования Си Цзиньпином программы «Один пояс – один путь» и его составляющей «Морского Шелкового пути в XXI в.» (2013 г.), особенно после 2017 г., когда заработала первая китайская зарубежная военная база в Джибути, ситуация стала постепенно меняться в пользу усиления силового фактора в рамках африканской стратегии КНР, но пока это лишь вектор развития, а не свершившаяся реальность.

Цели китайской политики в Африке: вчера, сегодня, завтра.

Какова цель политики Китая в Африке и что призваны решать ФСКА и программа «Один пояс – один путь» применительно к африканскому ареалу?

Прежде чем дать ответ на эти вопросы, подчеркнем, что экономический и финансово-инвестиционный интерес – не столько цель, сколько средство, инструменты решения политических задач, которые и являются драйвером китайско-африканских отношений. Судите сами: как отменялось выше, китайско-африканский товарооборот составляет не более 4,5% от общего товарооборота КНР; инвестиции Китая в африканские страны не превышают 4,25% от общего объема китайских ПИИ в зарубежные страны, а в 2013-2018 гг. они составили от 1,2% до 3,77% от общего объема китайских ПИИ⁴⁶. Китай существенно уступает в Африке по совокупному объему этих двух показателей странам условного Запада (США и Евросоюзу), выступая в роли догоняющего с неочевидными шансами на победу⁴⁷.

[from-Chinese-loans-/2560-4763776-6grapjz/index.html](http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2019/indexch.htm)

⁴⁶ 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2019/indexch.htm>

⁴⁷ Объемы товарооборота Китая с Европейскими странами и США за 2018 г. превысили объ-

Африка ни по объему товарооборота с КНР, ни по совокупному объему инвестиций не является приоритетным объектом приложения китайских экономических усилий. Можно уверенно говорить о том, что КНР обладает значительным потенциалом увеличения объема товарооборота и инвестиций в Африке, однако до настоящего времени использует его далеко не в полном объеме, что, собственно, и пугает страны условного Запада во главе с США, которые таким потенциалом не обладают.

По всей видимости, КНР только нащупывает место Африки в своей геоэкономической и геополитической стратегии. Согласимся с мнением тех экспертов, которые полагают, что для КНР африканский регион это – «тестовая площадка для относительно безопасной отработки методик и тактик геоэкономического соперничества и взаимного обмена системными ударами» с глобальными геополитическими конкурентами, в первую очередь США⁴⁸.

Ряд исследователей предполагает, что Китай видит Африку в будущем как своего «наиболее близкого партнера» по созданию альтернативного западному миропорядка с собственной финансовой и банковской системами. Напомним, что именно об этом говорилось в 2000 г. в «Декларации первого Форума сотрудничества Китая и Африки», целью которого объявлялось создание предпосылок для достижения нового международного политического и экономического

порядка⁴⁹. Речь идет о сравнительно далеком будущем: в лучшем случае о второй половине XXI в. и следующем поколении политических лидеров.

Пока же, на этапе слабо контролируемого переходного периода китайское отношение к Африке сохраняет намеренную противоречивость. С одной стороны – это прагматичное стремление в условиях острой глобальной конкуренции решить собственные экономические задачи, вызванные избытком инвестиционных капиталов и рабочих рук, недостатком природных ресурсов и кризисом перепроизводства. С другой – стремлением заполучить важного геополитического партнера с большим количеством голосов в международных организациях⁵⁰.

Китайские частные компании, которые политическое руководство КНР в массовом количестве привлекает к процессу «освоения Африки», руководствуются первым стремлением, не стесняясь используя в Африке колониальные методы эксплуатации в их самой что ни на есть жесткой капиталистической форме, что вызывает недовольство и критику ряда африканских государственных деятелей и рядовых граждан⁵¹.

Китайский частный бизнес занимается, прежде всего, доходными отраслями, концентрируясь на добыче и торговле природными ресурсами. Само же китайское политическое руководство привержено принципам партнерства и ищет способы смягчить последствия неконтролируемых действий частных китайских экономических агентов в Африке, заботясь о создании благоприятного

ем торговли со странами Африки в 4,1 и в 3,4 раза соответственно. Объемы инвестиций Китая в европейские страны и США в среднем за 2013-2018 гг. превышали объем инвестиций в страны Африки почти в 3 раза. 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

⁴⁸ Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), Pp.6-29.]

⁴⁹ 中非合作论坛北京宣言 [Пекинская декларация Форума сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm>

⁵⁰ Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia trgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

⁵¹ Hanauer, L.; Morris, L.J. Chinese Engagement in Africa. Drivers, Reactions, and Implications for U.S. Policy. Mode of access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR521/RAND_RR521.pdf

имиджа Китая в глазах африканцев и стремясь политическими средствами устранить социальные диспропорции в экономическом сотрудничестве для снижения недовольства среди африканцев. Вот так методом капиталистического кнута и социалистического пряника строятся китайско-африканские отношения.

Выделим четыре группы целей, внутри которых просматриваются конкретные задачи КНР применительно к отдельным африканским странам и регионам.

1. Первая группа целей – финансово-экономическая. Их смысл – реализовать огромный запас иностранной валюты, прежде всего долларов, скопившийся в финансовых учреждениях Китая благодаря экспортно-ориентированной экономике. Количество избыточных золотовалютных резервов Китая таково, что «переварить» их на внутрикитайском рынке без критического перегрева экономики, по-видимому, просто нет возможности. Поэтому объектом целевого инвестирования становятся иностранные рынки, в частности, такие второстепенные как африканские.

2. Вторая группа целей – торгово-логистическая, состоящая в намерении минимизировать транспортные расходы при экспорте своей продукции и импорте сырья, необходимого для развития китайской экономики. Речь идет о том, чтобы поставить страны, через которые проходят китайские торговые пути, в положение, когда они не смогут требовать высокую плату за провозимые по их территории товары китайского производства и обеспечат бесперебойный поток сырьевого импорта в КНР.

Для КНР увеличение прибыли за счет снижения транспортных тарифов – едва ли не единственная возможность удержать конкурентоспособный уровень своей продукции. По мере роста уровня жизни китайцев, трудящихся в производственных отраслях, китайские товары становятся все дороже и дороже, что побуждает ряд среднеразвитых стран, например, Мексику, искать замещение товаров китайского производства на более дешевые аналогичные товары, производимые в Индии, СРВ, Индонезии и некоторых других странах Азии. Это серьезная угроза

китайской экспортно-ориентированной экономической стратегии. Китай – это страна с самым многочисленным в мире средним классом – более 300 млн человек. В руках этой части населения КНР сконцентрированы основные финансовые ресурсы, его представители – главные потребители материальных благ в КНР. Хватит ли покупательной способности этого класса, чтобы компенсировать риски экспортно-ориентированной экономики в случае серьезного кризиса западных экономик, сказать трудно. Во всяком случае, альтернативные зарубежные рынки, такие как, африканский, обслуживающий потребности свыше миллиарда двухсот миллионов жителей, до некоторой степени могут компенсировать китайской экспортно-ориентированной экономике потери от возможного экономического кризиса в странах условного Запада⁵².

3. Третья группа целей – геополитические, которым Китай всегда уделял повышенное внимание. Речь идет о стремлении китайского руководства привлечь к себе страны с выгодным геополитическим расположением или перспективные с иных точек зрения в качестве стран-последователей, готовых плотно сотрудничать с КНР в сравнительно широком спектре направлений от экономических, вытекающих из двух первых целей, до тесного партнерского взаимодействия на площадках ООН.

4. Есть, на наш взгляд, и четвертая группа целей – политико-идеологическая, кото-

⁵² Общая численность африканского населения – около 1200 млн человек, из которых 40% – моложе 15 лет, а более 700 млн – это трудоспособное население. К 2050 г. наиболее богатые 10% африканцев (около 250 млн чел.) будут обеспечивать пятикратное увеличение спроса на товары и услуги по сравнению с сегодняшним днем, тогда как по данным ООН к 2099 г. доля африканцев может составить более 40% населения мира (Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геοэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geοekonomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3). Pp. 6-29.]

рую, как правило, игнорируют аналитики-экономисты. Дело в том, что КНР остается страной «развитого социализма», лидером группы стран, сохраняющих, в отличие от РФ, базовые принципы альтернативного капитализму социалистического вектора развития (Куба, КНДР, СРВ и др.). Напомним, что согласно официально принятой в КНР марксистской идеологии, социализм – это первая фаза коммунистической формации, возникающая и развивающаяся еще на экономическом базисе капитализма. Государственная же надстройка – социалистическое государство, опираясь на экономику капиталистического типа, должно быть уже не буржуазным, обслуживающим интересы класса капиталистов и элитарных олигархических групп, а общенародным. Оно должно действовать в интересах абсолютного большинства трудящихся собственной страны и трудящихся дружественных зарубежных стран, оказывая помощь народам, борющимся против угнетения, за свое освобождение и развитие. Доктрина «Один пояс – один путь» официально подается как программа установления партнерских отношений с теми странами, которые готовы к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству⁵³.

24 октября 2017 г. на 19 съезде КПК по предложению Си Цзиньпина в устав КПК было внесено изменение, согласно которому Китай продолжает строить социализм, но «с китайской спецификой»⁵⁴. Си Цзиньпин последовательно отстаивает идею, что в новых условиях 21 века, став, по сути, второй государственной экономикой мира, Китай продолжает развиваться по социалистическому пути, то есть строит общественный строй, альтернативный капиталистическо-

му. В 2018 г., по настоянию Си Цзиньпина, идея о социализме с китайской спецификой в новую эпоху была официально включена в конституцию КНР⁵⁵. Из сказанного вытекает, что идеи социализма для Китая актуальны, а следовательно актуальными и неизменными остаются социалистические принципы солидарности трудящихся всего мира в их борьбе за социальную справедливость и против империалистического угнетения.

Нет смысла говорить, что КНР действует в Африке не бескорыстно, напротив, китайские лидеры не скрывают, что преследуют весьма конкретные прагматичные экономические и финансовые цели, о чем говорилось выше. Инструменты западного экономического влияния в Африке – Международный банк реконструкции и развития или Международный валютный фонд подчеркивают филантропический характер своих африканских проектов – помощь слаборазвитым и нуждающимся без надежды на равноправное экономическое партнерство. В отличие от них Китай, напротив, строит бизнес более или менее органичный местными условиями, ориентированный на то, чтобы со временем обеспечить китайских предпринимателей бизнес-партнерами в африканских странах⁵⁶.

Именно четвертой группой причин объясняется высокий процент нерентабельных инвестиций в Африку, осуществляемый не частными компаниями в Африке, с чем китайские официальные власти с 2016 г. ведут борьбу, а заведомо убыточные масштабные государственные проекты инфраструктурного характера (строительство железных и автодорог, реконструкция и строительство морских и авиационных портов, строительство электростанций и линий электропередач, школ, больниц, спортивных объектов и многое другое), под которые китайские власти выделяют беспроцентные кредиты и льготные займы без малейшей надежды

⁵³ The Belt and Road Initiative Progress, Contributions and Prospects. Mode of access: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/86739.htm>

⁵⁴ Устав Коммунистической партии Китая, принятый с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 года [Ustav Kommunisticheskoj partii Kitaia, priniatyj s chastichnymi popravkami 19-m Vsekitajskim sjezdom KPK 24 oktjabria 2017 goda. (The Constitution of the Communist Party of China with amendments adopted 24 October, 2017)]. Mode of access: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507488.htm>

⁵⁵ 中华人民共和国宪法(2018年修订) [Конституция Китайской Народной Республики (с поправками 2018 года)]. Mode of access: https://chinalaw.center/china_constitution/china_constitution_revised_2018_chinese/

⁵⁶ Belt and Road Initiative drives Africa's integration, economic growth. Mode of access: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/wksl/58922.htm>

на их возвращение. В основе этой политики лежит тезис о «китайско-африканском сообществе с единой судьбой», озвученный председателем КНР Си Цзиньпином в Танзании в 2013 г.⁵⁷ Идеями «классовой солидарности» продиктованы и многие другие инициативы китайской стороны в Африке, например, стремление к установлению с африканскими странами отношений по принципу win-win (кит. 合作共赢), гарантирующих взаимный выигрыш обеим сторонам, или принцип комплексного сотрудничества по формуле «энергоресурсы в обмен на инфраструктуру», или провозглашение схожести китайских ценностей с африканскими и общности исторического прошлого, исторической судьбы, а также им подобные⁵⁸.

Многие из этих лозунгов, энергично распространяемых в Африке официальным информационным агентством КНР «Синьхуа», на самом деле подкрепляются практическим результатами – от сотрудничества с Китаем многие страны Африки действительно получают большую пользу, что признается даже на уровне официальных заявлений Афро-союза⁵⁹. Это – модернизация и строительство инфраструктуры, предоставление военной помощи, развитие медицины, образования, информационных коммуникаций и технологий, содействие в уходе от сырьевой зависимости и переходе к индустриализации, ослабление безработицы путем создания сотен тысяч новых рабочих мест для африканцев,

наконец, создание основ для политической, экономической и социальной стабильности в лишенных всего этого африканских странах. Справедливости ради отметим, что китайская политика способствует укреплению далеко не только стран с демократическими политическими режимами (ЮАР, Тунис и др.), но и африканских стран во главе с авторитарными правителями, в ряде случаев – военными диктаторами. Судя по всему, этот факт несколько не смущает коммунистическое руководство КНР, косвенно указывая на его приверженность авторитарным принципам государственного управления в принципе, и в африканской реальности, в частности.

Согласно социологическим исследованиям, более половины населения Африки положительно оценивает китайских инвесторов, считая их вклад в развитие африканских стран позитивным. В отдельных странах (к примеру, ЮАР) положительно к Китаю относится меньше 50%, но эти цифры все равно превышают процент населения, высказывающего негативную оценку КНР.⁶⁰ Достаточно широко распространены и, по некоторым оценкам, углубляются также и негативные последствия китайской экспансии в Африке, ширится и соответствующая реакция недовольных этой политикой африканцев, которые, тем не менее, пока представляют собой локальное меньшинство⁶¹.

⁵⁷ 习近平盛赞“中非命运共同体” [Си Цзиньпин восхищён «Китайско-Африканским сообществом с единой судьбой»]. Mode of access: www.12371.cn/2013/03/27/ARTI1364369490786622.shtml

⁵⁸ Beijing Declaration – Toward an Even Stronger China-Africa Community with a Shared Future. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1593686.shtml

⁵⁹ Statement by the Chairperson of the African Union Commission, Her Excellency Dr. Nkosazana Dlamini Zuma on the occasion of the visit of Li Keqiang, Premier of the State Council of the People's Republic of China, to the African Union 5 May 2014, Addis Ababa, Ethiopia. Mode of access: https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/25654-wd-statement_of_the_chairperson_on_the_visit_of_chinese_premier_-_5_may2014_-_final_checked_on_delivery.pdf

⁶⁰ China's economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence // Pew Research Center. Mode of access: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2019/12/PG_2019.12.05_Balance-of-Power_FINAL.pdf; Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68. [Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitaiskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1), pp. 60-68.]

⁶¹ Some Kenyans say Chinese-built Railway Leaves Them in the Dust // *Reuters*, 22.01.2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-kenya-railways/some-kenyans-say-chinese-built-railway-leaves-them-in-the-dust-idUSKBN1ZL1JK>

Подчеркнем, что глубинно «незападный» характер международной политики КНР многим очевиден: директор отдела политического планирования Государственного департамента США Кирон Скиннер не вполне политкорректно увидел конкуренцию США с КНР под углом зрения столкновения «фактически чуждой цивилизации, чуждой идеологии» и даже «чуждой расы». Антикитайская позиция постепенно превращается в организующий принцип американской экономической, политической, военно-стратегической политики «не только в двусторонних взаимоотношениях Вашингтона и Пекина, но и во всем мире»⁶², что делает социалистический Китай принципиальным идеологическим противником «Западного мира» под предводительством США⁶³.

Изложенные выше четыре группы целей, которыми вдохновляется китайское руководство, разворачивая грандиозный проект «Китай-Африка», концептуально «упакованы» в комплексную стратегию укрепления собственного влияния на Черном континенте. Аналогичную стратегию по Африке имеют США, и после 2017 г. к ее разработке приступила Россия. Старший научный сотрудник Фонда им. Карнеги Пол Стронски отмечает, что в отличие от международных институтов развития, Пекин не ставит африканским странам условий по прозрачности и недопустимости коррупции, и не выдвигает требований по развитию демократии, как это делают страны Запад, прежде всего США, Франция и Великобритания⁶⁴. Китай идет в африкан-

ской политике собственным путем, при этом учитывая опыт как западных колониальных и неоколониальных стран во главе с США – главных конкурентов КНР в Африке, так и опыт Советского Союза, который до 1990-х гг. имел разветвленную сеть стран-последователей на Черном континенте. У СССР и его союзников по социалистическому блоку была группа поддержки из числа африканских стран, которые неизменно солидаризировались с Советским Союзом в ООН во время принципиальных голосований. Сегодня китайские страны-последователи также ведут себя в ООН по отношению к Китаю. Главный урок, который Китай извлек из советского опыта, состоит в том, чтобы во внешней политике не ставить идеологию выше экономического интереса. Хотя политика КНР в Африке напоминает советскую политику в этой части мира, но есть и различия: больший прагматизм с китайской стороны в решении внешнеэкономических задач и большая последовательность в достижении стратегической цели по созданию нового, альтернативного капиталистическому миропорядка под предводительством Китая.

Если абстрагироваться от долгосрочных гипотетических перспектив достижения Китаем глобального политического превосходства или хотя бы паритета с США и их союзниками, то у КНР в Африке сегодня две главных цели: во-первых, удовлетворить насущные экономические потребности и, во-вторых, сформировать блок стран-последователей из числа наиболее с китайской точки зрения полезных африканских государств. Если посмотреть через эту призму на китайские инициативы в Африке, то становится понятно, что там создана бинарная конструкция: Форум сотрудничества Китай-Африка запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем

⁶² Financial Times, June 5, 2019. P. 9.

⁶³ Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp. 6-29.]

⁶⁴ Stronski P. Putin Hosts African Leaders to Rile West, but With Little to Offer Them. October 24, 2019. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2019/10/24/putin-hosts-african-leaders->

[to-rile-west-but-with-little-to-offer-them-pub-80195](https://carnegieendowment.org/2019/10/24/putin-hosts-african-leaders-to-rile-west-but-with-little-to-offer-them-pub-80195); Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // Carnegie Moscow Center, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Китай⁶⁵, а программа «Пояса и Пути» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически. Так схематично выглядит проект, именуемый «Китай-Африка». Сравнивая нынешнее состояние китайско-африканских отношений с их состоянием двадцатилетней давности, признаем качественные изменения. За прошедшие 20 лет Китай не просто упрочил свои позиции на африканском континенте, но, наряду с США, снискал себе заслуженную репутацию «панафриканского» политического актора, с той разницей, что Китай пока существенно уступает США с точки зрения его военного присутствия на континенте. Что касается гипотетического проекта «Нить жемчуга», то это – симптом перехода на новый геополитический уровень отстаивания собственных интересов и интересов союзников, то есть стран-последователей, всеми, в том числе и немирными средствами, но это предмет другого исследования.

Литература:

- Дейч Т. «Китайский век» для Африки // *Международная жизнь*, 2013. № 10.
- Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 4. С. 68-75.
- Ли Гуаньцзюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // *Вестник московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162-174.
- Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // *Вестник РУДН*. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68.
- Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // *Известия Байкальского государственного университета*. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239.
- Фитунни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29.
- Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 112-128.
- He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.
- Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>
- Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020.

References:

- Deich, T. «Kitaiskii vek» dlia Afriki ("Chinese century" for Africa) // *International affairs*, 2013. No. 10.
- Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neobipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp 6-29.
- He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.
- Li, Guan'zsiun'. Strategiiia «Nitki zhemchuga» v kontekste morskoi politiki KNR (The "String Of Pearls" Strategy in The Context of China's Maritime Policy) // *Moscow State University Bulletin, Ser. 25 International Relations And World Politics*, 2011, No. 4, pp 162-174.
- Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitaiskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1). Pp 60-68.

⁶⁵ Институт стран-последователей изобретен в рамках доктрины зависимого развития в контексте идей таких выдающихся политико-экономических фигур как Фридрих Лист, Карл Шмидт, Каноз Фумимаро, Саул Коэн и некоторых других.

Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp 112-128.

Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China) // *zvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp 227-239.

Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia torgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp 68-75.

Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

CHINESE RUSH TO AFRICA: A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

Evgeny I. Zelenev

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Maria A. Soloshcheva

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 13.08.2020</p>	<p>Abstract: In this article, the authors conduct a comparative historical analysis of the stages of Chinese penetration into Africa, the concepts, goals, means, methods and consequences of this penetration for China itself and for individual African countries. The authors conclude that compared to the period of twenty years ago, when China began to show increased interest in Africa, a new situation has now emerged. China has created a binary structure: the Forum of China-Africa cooperation launches a mechanism for selecting countries that are ready to follow the political path of the PRC with the prospect of becoming a country-follower of China, and the “One belt – one road” program de facto “forms membership” in the club of countries-followers of China, fixing these countries in the trail of Chinese influence not only politically, but also economically.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Evgeny I. Zelenev</i>, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: evzelenev@gmail.com</p> <p><i>Maria A. Soloshcheva</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: mary1685@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>China; Africa; Forum of China-Africa cooperation (FOCAC); China-Africa relations; “One Belt – One Road”; 21st century Maritime Silk Road; “String of Pearls” strategy</p>	

Для цитирования: Зеленеv Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 106-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

For citation: Zelenev, Evgeny I.; Soloshcheva, Maria A. Kitayskoye proniknoveniye v Afriku: sravnitel'no-istoricheskaya retrospektiva (Chinese Rush to Africa: a Comparative Historical Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 106-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10053

ЕАЭС: УРОКИ ПАНДЕМИИ**Леонид Эдуардович Слуцкий***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия***Елена Александровна Худоренко***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">13 июня 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: В статье проводится анализ влияния пандемии вируса COVID-19 на формирование и осуществление интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, чья деятельность является стратегически значимой для внешней политики России. Для создания более точных прогностических оценок качества и эффективности интеграции в евразийском регионе, авторы проводят исследование интеграционных процессов исходя из трех временных периодов: 1. Развитие интеграции в ЕАЭС до пандемии; 2. Осуществление и ее результативность во время пандемии; 3. Возможные сценарии развития после пандемии.</p> <p>Авторы также рассматривают состояние современных международных отношений, вызовы и проблемы, стоящие перед ЕАЭС, перспективы развития и дают рекомендации по совершенствованию деятельности Союза в качестве одного из ведущих интеграционных объединений мира.</p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Слуцкий Л.Э., д.э.н.,</i> МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: moip.msu@mail.ru</p> <p><i>Худоренко Е.А., к.п.н.,</i> доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: moip.msu@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: интеграционные процессы; ЕАЭС; глобальный кризис; национальное государство; эффективное управление; миграционная проблема; карантинно-ограничительная модель; перспективы развития; степень интеграции; полицентризм; технологическое лидерство</p>	

Представляя собой мощнейший кризис, пандемия несет в себе риски дезинтеграции для мировых и региональных экономик. Вот почему многих исследователей интересует вопрос, что будет с интеграционными объединениями после завершения эпидемии. Однако одного определенного ответа на этот вопрос не существует. Анализ высказываний на данную тематику указывает на то, что мнения экспертов сильно разнятся. Одни полагают, что пандемия ведет к ослаблению интеграционных объединений (Д. Иста-

фьев), или даже – к «развалу» некоторых из них (И. Пшеничников, Д. Сорос, Марин Ле Пен). Другие уверены, что после эпидемии все связи будут восстановлены (С. Притчин). Третьи полагают, что интеграция сохранится, но ее ждут испытания на прочность (С. Рекеда).

Попробуем и мы разобраться в данном вопросе, стратегически важном для любого интеграционного объединения, и сделать свой собственный прогноз для Евразийского экономического союза, чья деятельность яв-

ляется приоритетной для внешней политики России. Для того чтобы сделать прогноз максимально точным, разобьем исследование интеграционных процессов в регионе на три временных периода: 1. До пандемии; 2. Во время пандемии; 3. После пандемии.

До пандемии

С момента начала процесса интеграции на постсоветском пространстве прошло двадцать шесть лет и – пять после создания Евразийского экономического союза. Подводя итоги развития интеграции, на заседании Высшего евразийского экономического совета в мае 2019 г. в Нур-Султане президенты стран-членов ЕАЭС отметили, что объединенными усилиями удалось продвинуться в реализации всех приоритетов ЕАЭС и добиться серьезных успехов.

“Сегодня Евразэс – это эффективное интеграционное объединение, деятельность которого строится на принципах равноправия, взаимной выгоды и уважения интересов друг друга”, – заявил в своем выступлении Президент России В. Путин¹. Подтверждением чему стали постоянно возрастающие процессы сотрудничества стран-участниц Союза интеграция углубилась во всех направлениях, улучшились многие ключевые для экономик государств-членов показатели.

Произошел рост взаимной и увеличение объема внешней торговли, возросли темпы прироста объемов производства и продукции сельского хозяйства. Наблюдалось увеличение объема ВВП по ЕАЭС в целом и по каждому из государств-членов в отдельности. Общий рынок, сформированный в рамках ЕАЭС, охватил более 180 миллионов потребителей. Повсеместно обеспечивалась свобода движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала².

¹ Заседание Высшего Евразийского экономического совета (The Meeting of the Supreme Eurasian Economic Council). Mode of access: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/60597>

² Заседание Высшего Евразийского экономического совета (The Meeting of the Supreme

на высоком уровне держался интерес к деятельности ЕАЭС в международном пространстве. Приоритетными партнерами для ЕАЭС в 2019 г. были страны СНГ, ЕС, Китай, а также государства, с которыми были заключены или проходили переговоры по заключению меморандумов о сотрудничестве, такие как – Сингапур, Камбоджа, Таиланд, Куба, Чили, Перу, Иордания, Марокко, Фарерские острова, Республика Молдова. При этом упор во взаимодействии с иностранными государствами делался на использование инструментов «мягкой силы». Предполагалось, что взаимодействие будет осуществляться путем целенаправленной работы по популяризации идеи евразийской экономической интеграции, проведения ряда мероприятий, раскрывающих значимость интеграционных процессов и тех возможностей, которые открывает единый рынок Союза³.

Большое внимание со стороны евразийского экономического союза было привлечено к странам, участвующим в переговорах по зонам свободной торговли. В частности – к Вьетнаму, Сингапuru, Израилю, Египту, Индии, Сербии. В список приоритетов ЕАЭС также входили международные организации, и региональные экономические объединения такие как: ООН и ее региональные экономические комиссии, ОБСЕ, ШОС, АТЭС, а АСЕАН, МЕРКОСУР и т.п.⁴

Eurasian Economic Council). Mode of access: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/60597>

³ Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества. // *Вестник РУДН. Серия политология*. 2019. Том 21. № 1. С. 7-33. [Meshkova, T.A.; Izotov, V.S.; Demidkina, O.V.; Kofner, Yu.K. EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhdunarodnogo sotrudnichestva (EAEU in a Changing Geopolitical Context: International Cooperation Priorities). // *Bulletin of the RUDN University. Journal of Political Science*, 2019, Vol. 21 No. 1, pp. 7-33.]

⁴ Итоги ВЕЭС: одобрены программы формирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, подписана Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (VEES Results: Approved the Formation of Common Markets for Gas, Oil and Oil Products, Signed a Declaration on the further Development

Однако было бы неправильно заявить, что интеграционные процессы в евразийском регионе до пандемии развивались без каких-либо проблем. Все это время существование Союза проходило в период достаточно сложной международной обстановки, сильнейших геополитических потрясений, санкций, кризисных явлений и снижения темпов роста мировой экономики. Имело место и одновременное существование разно-векторных процессов: интеграции и сил ей противостоящих, осложняющих деятельность ЕАЭС, способствующих формированию внешних и внутренних проблем и противоречий. Более того, некоторые внутренние противоречия, имеющиеся в ЕАЭС, зачастую определялись сиюминутными экономическими императивами, которые ставились выше общесоюзных интересов. Существовали и вполне объективные барьеры экономического плана, периодически возникающие в работе интеграционного объединения. Так, к примеру, по данным евразийской экономической комиссии на конец марта 2019 г. насчитывалось 71 препятствие, так или иначе затрудняющее работу общего рынка ЕАЭС⁵.

Между тем все это не оказывало существенного влияния на качество интеграционных процессов в регионе. Проблемы, собственно, как вызовы и сопутствующие им дезинтеграционные процессы, есть и будут существовать в любом развивающемся интеграционном образовании, представляя собой сопровождающий развитие фактор роста. В целом же до начала пандемии вектор развития ЕАЭС был направлен в сторону укрепления и расширения интеграционного потенциала объединения.

of Integration Processes within the EAEU). Mode of access: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07_12_2018_1.aspx

⁵ Евразийский союз описал мечту об интеграции. ЕЭК разработала план снятия барьеров на пути к общему рынку // *Коммерсантъ*. 2019. № 114 (6594). С. 2. [Evraziiskii soyuz opisal mechtu ob integratsii. EEK razrabotala plan snyatiya bar'egov na puti k obshchemu rynku (The Eurasian Union Described the Dream of Integration. EEC Has Developed a Plan to Remove Barriers to a Common Market) // *Kommersant*, 2019, No. 114 (6594), p. 2.]

Во время пандемии

Являясь, по сути, обстоятельством непреодолимой силы, пандемия, формирует глобальный кризис, имеющий ряд ключевых особенностей, так или иначе воздействующих на каждое государство мира. М. Орешкин выделил следующие черты пандемии⁶:

1. Синхронность воздействия. Вирус оказывает влияние синхронно на все государства мира.

2. Скорость воздействия. Скорость распространения вируса COVID-19 чрезвычайно высока. За несколько месяцев он практически покорил весь мир.

3. Падение мирового ВВП. В результате применения жестких мер социального дистанцирования происходит снижение экономик большинства стран мира в среднем на 2% ВВП ежемесячно, сокращение международной торговли на 15%-35%⁷.

Полагаем, что к вышеприведенным показателям необходимо также добавить:

4. Системность влияния. Вирус оказывает системное воздействие на все стороны человеческой жизни.

5. Укрепление роли национального государства. Многие российские и зарубежные исследователи уверены, что под воздействием пандемии происходит крах глобализации при росте влияния национального государства

⁶ Орешкин назвал три ключевые особенности кризиса из-за коронавируса (Oreshkin Named Three Key Features of the Crisis due to Coronavirus). Mode of access: <https://www.rbc.ru/economics/25/04/2020/5ea402079a79471cceb381f3>

⁷ ЕЭК рассматривает меры макроэкономической и денежно-кредитной политики для обеспечения экономической стабильности (ECE Considers Macroeconomic and Monetary Policy Measures to Ensure Economic Stability of Countries). Mode of access: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-3.aspx>

(А. Громько⁸, А. Пушков⁹, В. Май¹⁰, С. Уолт¹¹, Б. Миланович¹², В. Ильин, М. Морев¹³ и др.) И, действительно, если с первым еще можно поспорить, то второе – неоспоримо. Только реализация совместных усилий, координация деятельности и принятие целого пакета мер на государственном уровне могут способствовать победе над COVID-19.

6. Эффективность управления стала основополагающим фактором глобальной

⁸ Громько А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 5-13. [Gromyko, A.A. Coronavirus kak faktor mirovoi politiki (Coronavirus as a Factor in World Politics) // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, 2020, No. 2(140), pp. 5-13.]

⁹ Пушков рассказал, как изменится мир после пандемии коронавируса (Pushkov Told How the World Will Change after a Pandemic). Mode of access: <https://ria.ru/20200513/1571354799.html>

¹⁰ На государство возлагаются главные надежды: Владимир Май о возможных и невозможных последствиях пандемии для экономики // *Коммерсантъ*. 2020. № 61/П. С. 2. [Na gosudarstvo vozlagayutsya glavnye nadezhdy: Vladimir Mau o vozmozhnykh i nevozmozhnykh posledstviyakh pandemii dlya ekonomiki (The State Has the Highest Hopes. Vladimir Mau on the Possible and Impossible Consequences of a Pandemic for the Economy) // *Kommersant*, 2020, No. 61/P, p. 2.]

¹¹ Каким будет мир после коронавирусной пандемии (What Will the World Be Like after a Coronavirus Pandemic). Mode of access: <https://easaily.com/ru/news/2020/03/23/foreign-policy-kakim-budet-mir-posle-koronavirusnoy-pandemii>

¹² Milanovic, Branko. The Real Pandemic Danger Is Social Collapse. As the Global Economy Comes Apart, Societies May, Too // *Foreign Affairs*, 2020, Vol. 99, No. 2. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-19/real-pandemic-danger-social-collapse>

¹³ Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9-24 [Il'in, V.A.; Morev, M.V. Effektivnost' «ruchnogo» upravleniya gosudarstvom. Proverka na prochnost' (The Effectiveness of "Manual" Government. Test of Strength) // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 9-24.]

конкуренции. Следует признать, что в условиях пандемии от качества управления и его результативности зависит целостность как национальных, так региональных и глобальных систем.

7. Усиление роли и значимости науки. В первую очередь в сферах медицины, биологии, социальных отношений.

8. «Взрывная» цифровизация коммуникаций с уходом в виртуальность как на бытовом, так и на государственном уровнях.

9. Превращением интернета в одну из базовых потребностей человеческого индивидуума, ведущую к трансформации окружающей нас реальности, имеющей далеко идущие последствия. Уже сейчас мы видим изменение понятий работы и образования.

Безусловно, все вышеперечисленные факторы действуют и на ЕАЭС, но для исследования влияния пандемии исключительно на евразийский экономический союз, необходимо рассмотреть внешние и внутренние риски, которые она несет для данного конкретного интеграционного объединения. К внешним рискам можно отнести¹⁴:

1. Падение экономической активности Евросоюза, сопровождающееся все усиливающейся с момента Brexit угрозой дезинтеграции. Следует учитывать, что с одной стороны, ЕС это – своеобразная модель, на примере и ошибках которой учится евразийское сообщество¹⁵, с другой – крупнейший экономический партнер ЕАЭС, проблемы с которым влияют и на развитие последнего.

2. Замедление роста экономики Китая в апреле на 6,8% в годовом выражении¹⁶.

¹⁴ ЕЭК рассматривает меры макроэкономической и денежно-кредитной политики для обеспечения экономической стабильности (ECE Considers Macroeconomic and Monetary Policy Measures to Ensure Economic Stability of Countries). Mode of access: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-3.aspx>

¹⁵ Лавров заявил, что ЕАЭС будет учитывать уроки ЕС в интеграционных вопросах (Lavrov Said That the EAEU Will Take into Account the Lessons of the EU in Integration Issues). Mode of access: <https://tass.ru/politika/8293557>

¹⁶ ВВП Китая в 1-м квартале снизился впервые с 1992 года [China's GDP in the 1st Quarter Declined for the First Time Since 1992]. Mode of access: <http://www.finmarket.ru/news/5218125>

Такого депрессивного состояния 2-ая экономика мира «не знала» с периода «культурной революции» конца 1970-ых. Между тем, именно на КНР приходится основная часть внешней торговли стран Союза.

3. Падение спроса на сырьевые товары и, как следствие, снижение цен на нефть. Данная проблема является весьма чувствительной для России и Казахстана, двух главных нефтяных держав ЕАЭС, чье развитие напрямую связано с эффективностью функционирующего рынка углеводородов – одного из главных источников инвестиций и рентного капитала.

К рискам, воздействующим на Союз изнутри можно отнести следующие:

1. Углубление экономического кризиса государств-участниц ЕАЭС. Все проблемы с коронавирусом в первую очередь отражаются на экономике России, – убежден В. Путин¹⁷. Между тем, Россия, это страна, чья экономика является гарантом и основой экономического благополучия всего евразийского экономического образования. По данным национального рейтингового агентства возможный ущерб экономики России от пандемии может составить 17,9 триллионов рублей¹⁸. Минэкономразвития прогнозирует падение ВВП страны на 5%¹⁹, что близко к прогнозам МВФ – 4,5-5%²⁰ и ЦБ РФ –

4-6%²¹. Но есть и более пессимистические сценарии. Так И. Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК Грант Торнтон, полагает, что в результате влияния пандемии ВВП России может упасть на целых 10-20%²².

В первую очередь это связано (и здесь мы обращаемся к предыдущей проблематике) с падением спроса на сырье и снижением цен на нефть. В бюджете России на 2020 г. была заложена цена нефти в 42,45\$ за баррель. Тогда как 01.04.20 цена российской нефти упала до 10,54\$ – минимального значения с марта 1999 г.²³ По мнению Д. Маринченко, старшего директора группы по природным ресурсам агентства Fitch, цены на российскую нефть на рынке физических поставок во время пандемии могут уйти на отметку ниже 10 долларов за баррель²⁴.

2. Следующей проблемой является миграционный вопрос – крайне серьезный для стран ЕАЭС. Вместе с развитием ЕАЭС развивались и трудовые связи с государствами евразийского пространства. Так, к примеру, в России до начала пандемии количество трудовых мигрантов составляло²⁵:

- 2,1 млн граждан Узбекистана;
- 1,3 млн граждан Таджикистана;
- 700 тыс. граждан Кыргызстана;
- 105,3 тыс. граждан Казахстана;

¹⁷ Путин: Все проблемы в связи с коронавирусом и энергоносителями отражаются на экономике РФ (Putin: All Problems Associated with Coronavirus and Energy Are Reflected in the Russian Economy). Mode of access: https://1prime.ru/state_regulation/20200317/831093960.html

¹⁸ Обзор НРА (Review of the National Rating Agency). Mode of access: <http://www.ra-national.ru/ru/taxonomy/term/134>

¹⁹ Минэкономразвития назвало сроки возврата экономики на докризисный уровень (The Ministry of Economic Development Has Announced the Timing of the Return of the Economy to a Pre-crisis Level). Mode of access: https://www.rbc.ru/economics/21/05/2020/5ec680839a7947c0c460eda1?from=from_main

²⁰ МВФ предсказал наихудший спад мирового ВВП после Великой депрессии (IMF Predicts Worst Global GDP Decline after Great Depression). Mode of access: <https://www.rbc.ru/economics/14/04/2020/5e95b6fa9a794742620aeabc>

²¹ ЦБ спрогнозировал падение ВВП России в 2020 году на 4-6% (The Central Bank Predicted a Fall in Russia's GDP in 2020 by 4-6%). Mode of access: <https://www.interfax.ru/business/705889>

²² Экономика может не пережить самоизоляцию [The Economy May not Survive Self-isolation]. Mode of access: https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/461117/

²³ Urals подорожала в Северо-Западной Европе до \$17,5 за баррель (Urals Rose in Northwest Europe to \$17.5 Per Barrel). Mode of access: <https://www.interfax.ru/business/705265>

²⁴ В Fitch оценили влияние обвала WTI на стоимость российской нефти (Fitch Assessed the Impact of the WTI Collapse on the Price of Russian Oil). Mode of access: <https://ria.ru/20200420/1570323286.html>

²⁵ Евразийский союз: испытание коронавирусом (Eurasian Union: Coronavirus Test). Mode of access: <https://www.ritimeurasia.org/news--2020-03-24--evrazijskij-sojuz-ispytanie-koronavirusom-48100>

Успешно осуществляя трудовую деятельность, мигранты укрепляли экономику стран доноров, высылая на родину²⁶:

- Граждане Узбекистана около \$4 млрд;
- Таджикистана – \$2,5 млрд;
- Киргизии – \$2,4 млрд;

Закрытие границ и иные карантинные ограничения, введенные в результате пандемии, привели к тому, что многие из трудовых мигрантов оказались в достаточно тяжелой ситуации на территории государств-участниц Союза. Сколько сейчас в России мигрантов, выяснить сложно. По данным МВД и Федерация мигрантов: от девяти до 11 миллионов человек²⁷. Сложившаяся в этих условиях ситуация может способствовать появлению целого ряда негативных последствий:

- росту дополнительной нагрузки на ресурсы принимающих стран;
- росту безработицы среди мигрантов и населения принимающих стран;
- возможности социальных взрывов и радикализации настроений.

3. В условиях пандемии проявила себя еще одна проблема, связанная со столкновением применяемых контрольно-ограничительных мер и правовой базы Союза. Возникшее противоречие спровоцировало недовольство лидеров стран-партнеров стало причиной ряда высказываний о недостаточной помощи и ее ненадлежащем качестве (к примеру, в случае с тест-системами), а также о сокращении экономических возможностей России²⁸. Одновременно с этим выявилось недоработанность законодательства в области экономического и промыш-

ленного сотрудничества стран, слабость логистических цепочек и механизмов финансовых взаиморасчетов.

Как видим, проблемы в ЕАЭС во время пандемии есть. Собственно, как уже было отмечено, они были и до нее. Между тем, все перечисленные внутренние проблемы ЕАЭС не только решаемы, но и решаются уже сейчас. Само же наличие таких проблем указывает на «живую» природу объединения, его рост и совершенствование. Беспроblemного развития не бывает, в то время как именно проблемы и вызовы способствуют формированию действенных инструментов и механизмов реализации эффективного развития.

Анализируя различные высказывания, надо понимать, что недовольство недовольству рознь. «Нет предела совершенству, – указывает министр иностранных дел России С.Лавров, – Но если в Киргизии распространяются мнения о том, что надо что-то менять (в ЕАЭС), я не исключаю, что это... отражения конкуренции за Центральную Азию, в которую активно вступили наши западные коллеги»²⁹.

Наличие же различных высказываний, не идущих в разрез с основополагающими принципами ЕАЭС, не противоречит логике единения. В столкновении мнений рождается истина, укрепляющая позиции Союза. По сути это – не что иное, как – еще одно условие нормального роста.

Решается и проблема трудовых мигрантов. Так, если говорить о России, то в апреле президент подписал указ, регулирующий правовое положение иностранцев в России. Изменены сроки временного пребывания иностранцев и лиц без гражданства в стране, а также сроки, на которые они должны быть поставлены на учет или зарегистрированы по месту жительства. Они продлены с 15 марта по 15 июня. Появилась возможность найма иностранных граждан без наличия у них патента или разрешения на ра-

²⁶ Ibid.

²⁷ Куда денутся трудовые мигранты в период массовой самоизоляции (Where Will Migrant Workers Go during the Period of Mass Isolation). Mode of access: <https://ria.ru/20200403/1569510481.html>

²⁸ Лукашенко обругал партнеров по ЕАЭС за несогласованность действий в борьбе с COVID-19 (Lukashenko Scolded Partners in the EAEU for the Inconsistency of Actions in the Fight Against COVID-19). Mode of access: https://www.znak.com/2020-04-14/lukashenko_obrugal_partnerov_po_eaes_zh_rassoglasovannost_deystviy_v_borbe_s_covid_19

²⁹ Лавров: Москва не намерена вводить пограничный режим с Беларусью (Lavrov: Moscow Does not Intend to Introduce a Border Regime with Belarus). Mode of access: <https://rg.ru/2020/04/21/lavrov-moskva-ne-namerena-vvodit-pogranichnyj-rezhim-s-belarusiu.html>

боту, а также – увеличения срока действия патента после его завершения еще на 93 дня. От агентства стратегических инициатив правительству России поступило предложение уравнивать мигрантов и россиян в социальных правах с тем, чтобы они могли получать пособия по безработице, а также ряд других льгот и выплат в рамках поддержки работников организаций на фоне борьбы с коронавирусом. С 5 мая в России стартовала открытая благотворительная инициатива «#ПомощьЕСТЬ!». Организаторами акции выступили управляющий партнер компании *First Nation Societe Bancaire*, сооснователь благотворительного фонда «Друзья» Ян Яновский и член правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Давид Якобашвили.

Реализуется и работа по восстановлению экономик стран-членов евразийской интеграции. Со стороны государства осуществляются все возможные меры вплоть до беспрецедентных по поддержанию национальных хозяйств и развитию экономического благополучия: от выделения адресной помощи наиболее уязвимым гражданам, до льгот и предоставления средств бизнесу и системообразующим предприятиям.

Однако, несмотря на все принимаемые меры, наличие внутренних и внешних рисков, а также вызывающих их проблем оказывает значительное давление на интеграционные процессы, протекающие в евразийском пространстве. Для борьбы с ними необходима объединенная работа всех стран Союза.

Между тем, следует помнить, что в настоящее время основной проблемой для ЕАЭС является сама эпидемия COVID-19. Существует две базовые модели борьбы с коронавирусом в странах ЕАЭС. Одна из них – точечная, осуществляемая в Беларуси, другая – карантинно-ограничительная, применяемая остальными странами ЕАЭС. Выбор модели определяется приоритетами стран. Модель Беларуси направлена в первую очередь на сохранение и поддержание экономики страны в период кризисных явлений. Она вызвана опасениями, что после пандемии мир может стать другим. «Боюсь, чтобы нас не перedelили без войны, – заявил президент страны А.Г. Лукашенко во

время интервью представительству межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Белоруссии³⁰.

Карантинно-ограничительная модель является более затратной, но в тоже время – максимально гуманистической. В первую очередь она направлена на сохранение населения национальных государств. Последствия применения модели мы видим в России на примере одной из самых низких смертностей от коронавируса в мире. Более того, по мнению премьер-министра России М. Мишустина, принятые меры помогли стране избежать крайне негативных сценариев развития³¹.

Однако следует понимать, что закрытием границ, блокпостами и запретом транспортных сообщений можно бороться лишь с последствиями уже повсеместно распространившейся эпидемии. Вирусы не знают границ. В этих условиях само собой напрашивается объединение усилий всех государств и развитие сотрудничества в целом. Вот почему политическая стратегия ЕАЭС во время пандемии очень проста, она направлена от разрушения, причиняемого вирусом государствам – членам Союза, к созиданию, которое может дать только совместная борьба с общим врагом.

19 марта приказом Председателя Коллегии ЕЭК М. Мясниковича был создан координационный совет по мониторингу ситуации, связанной с предотвращением распространения коронавирусной инфекции, и выработке мер оперативного реагирования. Совет осуществляет взаимный обмен информацией, содействует активизации работы и реализации в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения стран Союза.

14 апреля по инициативе А. Лукашенко был проведен высший евразийский эконо-

³⁰ Лукашенко заподозрил страны в желании «переделивать мир» из-за COVID-19 (Lukashenko Suspected Countries of “Redistributing the World” because of COVID-19). Mode of access: <https://ria.ru/20200402/1569499395.html>

³¹ Мишустин заявил, что стране удалось избежать самых негативных сценариев пандемии (Mishustin Said that the Country Managed to Avoid the most Negative Pandemic Scenarios). Mode of access: <https://life.ru/p/1324767>

мический совет (ВЕЭС). Выступая на совете, Президент России В. Путин заявил, что считает крайне востребованным тесное сотрудничество между государствами ЕАЭС, особо подчеркнув, что методы борьбы с пандемией должны быть разумными и пропорциональными и не приводить к разрыву наработанных десятилетиями кооперационных связей³².

Главным лейтмотивом встречи стало отчетливое понимание того, что в условиях кризиса именно интеграция является основным достижением ЕАЭС, способом преодолеть последствия пандемии и снизить риски ее воздействия на страны-партнеры «Мы твердо уверены в том, что преимущества интеграции помогут нашим странам и народам достойно справиться с этим испытанием», – сказано в совместном заявлении по итогам рабочей встречи ВЕЭС³³.

Лидеры стран подтвердили свою готовность к продолжению сплоченной работы для устранения негативных последствий пандемии COVID-19, сохранению достигнутого уровня интеграционного сотрудничества и дальнейшего экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза.

По итогам работы ВЕЭС были приняты основополагающие решения, охватывающие все стороны жизнедеятельности государств-партнеров. Рассмотрим их:

- Укрепление систем здравоохранения, проведение совместных научных исследований в области разработки средств профилактики, диагностики и лечения инфекций, совершенствование алгоритмов взаимодействия при реагировании на эпидемии.

- Профилактика и предотвращение распространения COVID-19 при сохранении принципа свободы передвижения товаров, включая социально значимые товары, продукты питания, медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты.

- Укрепление экономического сотрудничества стран, в т.ч. снижение влияния негативных факторов, умение действовать в условиях неопределённости на мировых рынках.

- Сохранение стабильности функционирования внутренних рынков, в т.ч. освобождение от уплаты пошлин и запрета на вывоз из ЕАЭС некоторых товаров.

- Поддержка граждан, бизнеса и системообразующих предприятий для преодоления негативных последствий, включающая в себя налоговые отсрочки, кредитные и арендные каникулы, перенос выплат страховых взносов, мораторий на штрафы и банкротство и пр.

Воспринимая пандемию как испытание для ЕАЭС, премьер-министр Республики Армения Н. Пашинян подчеркнул, что готовность стран к сотрудничеству и взаимной поддержке в эти дни свидетельствует о том, что интеграция в евразийском регионе состоялась и имеет большой потенциал развития³⁴. И, действительно, несмотря на сложную обстановку все органы ЕАЭС в этот период не только работали на преодоление кризиса, вызванного вирусом COVID-19, но и продолжали свою рутинную, ежедневную деятельность по продвижению интеграционной повестки объединения. К примеру, уже 19 мая на саммите ЕАЭС был в целом одобрен проект стратегических направлений экономического развития евразийской интеграции до 2025 года. Планируемая стратегия развития должна заложить основу для активизации процессов импортозамещения в странах ЕАЭС, развития промышленной локализации и продвижения совместных инициатив с высокой интеграционной составляющей.

Таким образом, интеграция в период пандемии не замедлилась ни на миг. Наоборот, весь Союз и каждое государство в от-

³² Вирус продолжает вносить коррективы (The Virus Continues to Make Adjustments). Mode of access: <https://politanalitika.ru/posts/2020/04/15/virus-prodolzhaet-vnosit-korrektivny.html>

³³ Вирус продолжает вносить коррективы (The Virus Continues to Make Adjustments). Mode of access: <https://politanalitika.ru/posts/2020/04/15/virus-prodolzhaet-vnosit-korrektivny.html>

³⁴ Главы государств ЕАЭС поручили Правительствам и Центробанкам координировать меры по борьбе с COVID-19 (The EAEU Heads of State Instructed Governments and Central Banks to Coordinate Measures to Combat COVID-19). Mode of access: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/glavy_gosudarstv_eaes_poruchili_pravitelstvam_i_centrobankam_koordinirovat_mery_poborbe_s_covid_19.html

дельности оказались мобилизованы и сориентированы на эффективную совместную работу. Тем более значимую, что надеяться на помощь можно только от самих себя. Так, предложение России о снятии санкционных ограничений вызвало бурную реакцию со стороны США, ЕС, Великобритании, Украины и Грузии, заблокировавших в начале апреля на Генеральной ассамблее ООН проект российской резолюции об отмене санкций, мешающим странам противостоять пандемии коронавируса. Через несколько дней Евросоюз еще и показательно одобрил абсолютно неприемлемую, антигуманистическую в период эпидемии, антироссийскую политику. «Санкции Запада против России не препятствуют борьбе российской стороны с коронавирусом COVID-19, поэтому вопрос об их отмене стоять не должен, независимо от течения пандемии», – заявил Питер Стано, официальный представитель Еврокомиссии³⁵.

На данную противоестественную позицию не способны повлиять ни огромное число заболевших, ни высокая смертность от вируса, даже в тех же самых странах, что выступают против смягчения внешнеполитической обстановки в мире, ни поддержка со стороны Генерального секретаря ООН А. Гуттереша обращения о необходимости отмены односторонних санкций на фоне пандемии коронавируса, направленного парламентским организациям, политикам США и Евросоюза от лица председателя Комитета по международным делам ГД РФ.

В период пандемии ярко высветились, приобретающие поистине грандиозный размах, вялотекущие до сих пор проблемы современных международных отношений, определяемые политикой национализма и протекционизма, сопровождающейся достаточно агрессивными попытками снижения влияния международных правительственных организаций. Так, к примеру, в середине апреля США объявили о прекращении финансирования ВОЗ. Это было сделано

³⁵ COVID-19 как предлог: в Евросоюзе одобрили санкции против России (COVID-19 as an Excuse: EU Approves Sanctions against Russia). Mode of access: <https://www.gazeta.ru/business/2020/04/06/13038445.shtml>

тогда, когда весь мир больше всего нуждался в активизации деятельности всемирной организации, а сама ВОЗ заявляла о нехватки \$900 млн для эффективной борьбы с COVID-19³⁶. Достаточно вспомнить, что подобные действия со стороны национальных государств по отношению к Лиге наций (еще к одной МПО) происходили и в первой половине XIX века. Общеизвестно, к чему это привело. В этих условиях совершенно ясно, что никакие предложения со стороны ООН, связанные с поддержкой чрезвычайно востребованных начинаний России, ее помощь другим страна, или же позитивные примеры со стороны ЕАЭС (кроме контрпродуктивной критики деятельности Союза) пока не смогут быть ни услышаны, ни поддержаны, а уж тем более, реализованы.

Будет ли на практике реализован сценарий американского политолога Я. Бреммера, директора крупнейшего международного консалтингового агентства по исследованию политических рисков Eurasia Group, о формировании многополярного мира G-Zero³⁷, способного взорваться новыми геополитическими конфликтами на фоне крайней неопределенности, нестабильности и замыкания в себе традиционных игроков современной системы международных отношений, мы не знаем. Но черты этого мира «большого нуля» уже сейчас преобладают над самыми насущными потребностями сегодняшнего мирового сообщества.

После пандемии

Исследование интеграционных процессов после пандемии, по сути, является задачей прогностического плана. И как любой прогноз оно несет в себе элемент вероятности, способный внести неточность в предполагаемый сценарий будущего развития. «Традиционные усилия по предсказанию

³⁶ В ВОЗ заявили о нехватке \$900 млн для борьбы с COVID-19 (The WHO Announced a Shortage of \$900 million to Combat COVID-19). Mode of access: <https://iz.ru/1014416/2020-05-22/v-voz-zaiavili-o-nekhvatke-900-mln-dlia-borby-s-covid-19>

³⁷ Bremmer Ian. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio Penguin, 2012. 228 p.

или прогнозированию, цель которых заключается в том, чтобы сейчас сделать точный прогноз, который сбудется в будущем, могут вводиться в заблуждение в условиях чрезвычайной неопределенности», – считают ученые из Сингапурского университета технологий и дизайна³⁸. Тем не менее, несмотря на то, что не все считают прогнозы обоснованными, попробуем дать оценку будущих событий, касающихся развития интеграционных процессов в ЕАЭС.

Итак, если до пандемии интеграционные процессы активно и целенаправленно развивались, то во время пандемии, от их развития стали зависеть не только качество интеграционных процессов, но и безопасность стран и Союза в целом. Для выхода из все углубляющегося кризиса, вызванного COVID-19, требуются серьезные усилия, преодоление внешних и внутренних вызовов и противоречий, что в одиночку сделать чрезвычайно трудно, если не невозможно. Тяжесть общей проблематики подталкивает государства к максимально более тесному сближению. Как показывают события, угроза пандемия ведет не к разъединению стран-участниц ЕАЭС, а к росту их взаимосвязи и взаимозависимости и, следовательно, сотрудничеству в гораздо больших объемах и областях при постоянно изменяющихся внешних и внутренних вызовах и угрозах. Следуя логике проведенного исследования, можно с абсолютной уверенностью заявить, что Союз не только сохранится после пандемии, но и, укрепится гораздо сильнее. Степень его интеграции возрастет.

Существует еще один весьма интересный прогноз развития системы международных отношений после завершения пандемии. Институт международных исследований МГИМО построил сценарий, согласно которому пандемия, не меняя существующую картину мира, значительно усилит существующие тренды, в результате

³⁸ Сингапурские ученые аннулировали прогнозы об окончании пандемии COVID-19 (Singapore Scientists Canceled Forecasts about the End of the Pandemic COVID-19). Mode of access: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eb8ebd09a79474739c5ad61>

чего прежние конфликты сохранятся, международная конкуренция возрастет, хотя в военном плане так и не дойдет до принятия самых рискованных решений. Итогом развития станет создание техноэкономических блоков – крупных сообществ государств, ориентированных на технологического лидера, обладающих эмиссионным центром, критической массой населения и высокотехнологичными компаниями и достаточно емким рынком³⁹.

Развитие технологий, роботизация и опережающая цифровизация, переходящие в начало формирования нового технологического прорыва, вот, что в первую очередь необходимо для максимально успешного функционирования ЕАЭС. В этом направлении пока не все так, как бы хотелось. Руководитель отдела экономики Института стран СНГ Аза Миграция уверена, что выявляя проблемы, пандемия продемонстрировала необходимость внедрения цифровых технологий в разных отраслях⁴⁰.

В этих условиях и при возможных реализациях в той или иной степени вышеуказанных прогнозов в системе международных отношений, можно предположить, что новым вектором мирового развития станет рост полицентризма при усилении влияния интеграционных образований, объединенных вокруг общего лидера, обладающего доступом к высокотехнологическим ресурсам. Данная задача не сразу, а в расчете на перспективу вполне возможна для России, великой технологической державы XX века. Хочется предположить, что именно в таком направлении и будет осуществляться развитие Евразийского экономического союза по

³⁹ Байков А.А. Международные угрозы 2020: Каждый – за себя: доклад под ред. А.А. Сушенцова. Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России. Москва, 2019. 24 с. [Baikov, A.A. *Mezhdunarodnye ugrozy 2020: Kazhdyi – za sebya: doklad pod red. A.A. Sushentsova* (International threats 2020: Everyone is for Himself: Report). Moscow, 2019. 24 p.]

⁴⁰ Какой будет жизнь после пандемии? Пояняют эксперты (What Will Life Be Like After a Pandemic? Experts Explain). Mode of access: <https://sptnkne.ws/C3u>

сле завершения пандемии и решения всем проблем, связанных с ней.

Понятно, что это – задача, рассчитанная на длительную перспективу. Тем не менее, о ее реализации необходимо задумываться уже сейчас. Кто не успел, тот опоздал, это высказывание вполне применимо и к будущим мирополитическим процессам, сценарии развития которых, несмотря на всю тяжесть кризиса, вызванного пандемией коронавируса COVID-19, надо готовить, начиная с сегодняшнего дня.

Литература:

Байков А.А. Международные угрозы 2020: Каждый – за себя: доклад под ред. А.А. Сушенцова. Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России. Москва, 2019. 24 с.

Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 5-13.

Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9-24.

Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Копнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия политология. 2019. Том 21. № 1. С. 7-33.

Bremmer Ian. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio Penguin, 2012. 228 p.

Milanovic, Branko. The Real Pandemic Danger Is Social Collapse. As the Global Economy Comes Apart, Societies May, Too // *Foreign Affairs*, 2020, Vol. 99, No. 2. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-19/real-pandemic-danger-social-collapse>

References:

Baikov, A.A. Mezhdunarodnye ugrozy 2020: Kazhdyi – za sebya: doklad pod red. A.A. Sushentsova (International threats 2020: Everyone is for Himself: Report). Moscow, 2019. 24 p.

Bremmer Ian. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio Penguin, 2012. 228 p.

Gromyko, A.A. Koronavirus kak faktor mirovoi politiki (Coronavirus as a Factor in World Politics) // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, 2020, No. 2(140), Pp. 5-13.

Il'in, V.A.; Morev, M.V. Effektivnost' «ruchnogo» upravleniya gosudarstvom. Proverka na prochnost' (The Effectiveness of "Manual" Government. Test of Strength) // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 9-24.

Meshkova, T.A.; Izotov, V.S.; Demidkina, O.V.; Kofner, Yu.K. EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhhdunarodnogo sotrudnichestva (EAES in a Changing Geopolitical Context: International Cooperation Priorities) // *Bulletin of the RUDN University. Journal of Political Science*, 2019, Vol. 21 No. 1, pp.7-33.

Milanovic, Branko. The Real Pandemic Danger Is Social Collapse. As the Global Economy Comes Apart, Societies May, Too // *Foreign Affairs*, 2020, Vol. 99, No. 2. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-19/real-pandemic-danger-social-collapse>

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10053

EAEU: PANDEMIC TAKEAWAYS

Leonid E. Slutsky

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Elena A. Khudorenko

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13.06.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract:The article analyzes the effect of COVID-19 pandemic on development and implementation of integration processes in the Eurasian Economic Union, which performs activities of strategic importance for the foreign policy of Russia. In order to figure out more precise predictive appraisals of quality and effectiveness of integration in the Eurasian region, the authors perform a research of integration processes based on 3 periods of time: 1. Development of integration processes in the EAEU before the pandemic, 2. Performance and resulting quality thereof during the pandemic, 3. Possible course of events scenario after the pandemic.</p> <p>The authors review current state of international relations, challenges and issues that EAEU is facing, prospects for further development and suggest recommendations on enhancing the organization's activities.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Leonid E. Slutsky</i>, Doctor of Economics, President of the Faculty (School) of World Politics, Head of Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University; Chairman of the Russian State Duma Committee on International Affairs</p> <p>e-mail: moip.msu@mail.ru</p> <p><i>Elena A. Khudorenko</i>, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: moip.msu@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>integration processes; EAEU; global crisis; nation state; effective management; migration problem; restrictive quarantine model; development prospects; development prospects; integration level; polycentrism; technological leadership</p>	

Для цитирования: Слуцкий Л.Э., Худоренко Е.А. ЕАЭС: уроки пандемии // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 123-134.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10053

For citation: Slutsky, Leonid E.; Khudorenko, Elena A. EAES: uroki pandemii (EAEU: Pandemic Takeaways) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 123-134.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10053

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10054

АНАЛИЗ ДИСКУССИЙ ВНУТРИ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА О ПОЛОЖЕНИИ КИТАЯ В МИРЕ НА ФОНЕ ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С США В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Андрей Ниязович Карнеев

*Институт Дальнего Востока РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Анастасия Сергеевна Пятачкова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 27 июня 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: За время пандемии китайско-американские отношения заметно ухудшились. Становится все более явной институционализация таких деструктивных практик, как ужесточение риторики в СМИ и санкции. Складывающаяся модель дисфункциональна по причине соответствующего целеполагания – пока стоит задача декаплинга, деградация китайско-американских отношений продолжится. Это неизбежно сказывается на настроениях в китайском обществе. В данной статье проанализированы мнения о внешней политике в китайском социуме в связи с обострением отношений КНР и США во время пандемии. Работа поделена на два блока: в первом дана оценка общих трендов в американо-китайских отношениях. Во второй части делается попытка проследить актуальные тенденции современной идейно-политической атмосферы в китайском обществе. В качестве кейс-стади выбран эпизод с поздравлением китайской общественности со стороны американской администрации по случаю 101 годовщины знаменитого «движения 4 мая 1919 г.». В ходе исследования было выявлено, что обозначенное событие получило неоднозначные и даже противоположные оценки: часть общества усматривала в нем попытку обвинить КНР в распространении коронавируса и навязывание западных ценностей. Другая часть акцентировала высокий уровень знания китайского языка американским чиновником М. Поттингером, а в самом факте поздравления с важным для КНР событием отметила положительный момент для двусторонних отношений. Среди формулировок встречались и компромиссные, сочетающие оба подхода. Рассмотренный кейс позволяет на практике оценить опасность начатого сторонами декаплинга. Напряженность между КНР и США дает повод расценивать намерения партнеров как заведомо враждебные даже при формально благоприятном поводе для диалога. Между тем, наличие позитивных интерпретаций также нельзя игнорировать. Хотя общественные суждения не могут быть однозначными и не всегда напрямую влияют на конкретные политические шаги, для объективного и комплексного анализа китайско-американских отношений важно учитывать полный спектр имеющихся позиций</p> <p><i>Работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 г.</i></p>
<p>Об авторах: <i>Карнеев А.Н.</i>, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН; руководитель Школы востоковедения, НИУ ВШЭ e-mail: andrei_karneev@mail.ru <i>Пятачкова А.С.</i>, младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ e-mail: apyatachkova@hse.ru</p>	
<p>Ключевые слова: пандемия коронавируса; общественные дискуссии в КНР о внешней политике; движение 4 мая; ценности и историческая память в китайском обществе; китайско-американские отношения; санкции; декаплинг</p>	

За время пандемии произошло серьезное ухудшение китайско-американских отношений. Д. Трамп 15 июля заявил о том, вторая фаза торговой сделки между КНР и США не является приоритетом и двусторонним отношениям «нанесен серьезный урон»¹, в обеих странах были показательно и избирательно закрыты дипломатические консульства. Официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь говорил, что «усилия американской стороны, пытающейся применить санкции в отношении Китая, обречены на провал»². Таким образом, коронакризис послужил триггером для дальнейшего декаплинга, который обсуждался как минимум с мая 2018 года³ (кроме того, в этот период уже заметны экспертные оценки о структурных проблемах в китайско-американских отношениях)⁴.

¹ Breuninger, Q. Trump Says U.S.-China Relationship Is 'Severely Damaged,' Phase 2 Trade Deal Not a Priority // *CNBC*, 10.07.2020. Mode of access: <https://www.cnn.com/2020/07/10/trump-says-us-china-relationship-damaged-phase-2-trade-deal-not-a-priority.html>

² 2020 ньянь 6 юэ 30 жи вайцзяо бу фаянь жэнь Чжао Лицзянь чжучи ли син цзичжэ хуэй (Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня 30 июня 2020 года) / Министерство иностранных дел КНР. 2020. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1793409.shtml [2020 nian 6 yue 30 ri waijiao bu fayan ren Zhao Lijian zhuchi li xing jizhe hui (Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on June 30, 2020) / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2020. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/t1793409.shtml]

³ Матвеев К. На грани развода: Куда приведет технологическая война между Китаем и США // РСМД, 25.06.2020. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/> [Matveev, K. Na grani razvoda: Kuda privedet tekhnologicheskaya voyna mezhdu Kitae i SShA (About to Divorce: Where the Technology War between China and the USA Will Lead) // RIAC, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/>]

⁴ Li, Wei. Towards Economic Decoupling? Mapping Chinese Discourse on the China-US

Внешнеполитический контекст оказывает сильное влияние на настроения внутри китайского общества, где в последнее время все более актуальным становится запрос на сильное лидерство, защиту китайских интересов и способность «дать отпор» Западу, в особенности, США. Новый более жесткий стиль китайской дипломатии получил название «*Wolf Warrior Diplomacy*» («дипломатия боевого волка»)⁵. Особенно четко эти видно на примере отдельных ярких эпизодов, которые имеют отношение к ключевым текущим событиям или связаны со значимыми историческими датами.

В данной статье основное внимание сосредоточено на анализе мнений о внешней политике в китайском обществе в связи с обострением отношений КНР и США во время пандемии. Работа поделена на два блока: в первом дана оценка общей динамики американо-китайских отношений. Во второй части проанализированы общественные настроения по отдельным аспектам китайско-американских отношений и внешней политики КНР. В качестве кейс-стади был выбран эпизод с «поздравлением» со стороны американской администрации по случаю 101 годовщины знаменитого «движения 4 мая 1919 г.», который будет подробно рассмотрен в текущем исследовании.

Обозначенная тема представляет интерес для России в контексте сравнительной политики и анализа китайского опыта по взаимодействию с США, в том числе по вопросу используемых санкционных механизмов и возможных ответов на экономические ограничительные меры. В условиях обострения противостояния КНР и США

Trade War // *The Chinese Journal of International Politics*, 2019, Vol. 12, Issue 4, p. 528. Mode of access: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz017>

⁵ Денисов И., Зуенко И. Почему новый язык китайской дипломатии звучит так грубо // Профиль, 25.05.2020. Режим доступа: <https://profile.ru/abroad/pochemu-novyj-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/> [Denisov, I.; Zuenko, I. Pochemu novyi iazyk kitaiskoi diplomatii zvuchit tak grubo (Why a New Language of Chinese Diplomacy Sounds so Harsh) // *Profile*, 25.05.2020. Mode of access: <https://profile.ru/abroad/pochemu-novyj-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/>]

их партнеры могут оказаться перед необходимостью выбора сторон сотрудничества: так, Д. Трамп периодически предпринимает попытки вовлечь Россию в антикитайские форматы. Один из последних примеров – приглашение на расширенное заседание G7⁶. Другим важным сюжетом является попытка через Россию вовлечь КНР в переговоры по разоружению⁷. Тенденции в китайско-американских отношениях также важны в силу влияния их динамики на международную безопасность, а также особого статуса отношений РФ с КНР.

С точки зрения российских интересов анализ внутренней динамики общественных дискуссий ценен как для понимания степени поддержки китайского курса на лидерство и взглядов на отношения с США, так и для выстраивания отношений с КНР в целом. Среди ряда специалистов популярно мнение, что жесткая риторика китайского руководства часто нацелена именно на «внутреннее потребление» и иногда ведется без оглядки на последствия для внешней политики Пекина⁸. В свете инцидента с публикацией о

юбилее Владивостока летом 2020 г., которая вызвала широкий общественный резонанс внутри Китая⁹, представляется, что учет возможной реакции китайского общества на внешнеполитические процессы становится важным фактором для позиционирования страны за рубежом.

Китай и США в процессе декаплинга

В самом начале эпидемии Китай воспринимался как жертва неизвестной болезни и получал большую поддержку из-за рубежа – например, от иностранных университетов по линии Институтов Конфуция (причем на сайте опубликованы письма и из американских университетов)¹⁰.

Однако по мере распространения эпидемии ситуация начала стремительно меняться. Особенно это коснулось отношений Китая со странами Запада, где Китай из

Quarterly, 2020, Vol. 43, No 2, p. 99. Mode of access: https://cpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/1/2181/files/2020/06/Gill_TWQ_43-2.pdf

⁶ Бочков Д. Э чжуаньця: Элосы бу хуэй чэнвэй Мэй дуй Хуа вайцзяо чжань гунцзюй (Российский эксперт: Россия не станет орудием дипломатической войны США против Китая) // Хунсэ Вэньхуа, 12.06.2020. Режим доступа: http://www.hswh.org.cn/wzzx/xxhq/oz/2020-06-11/63400.html?fbclid=IwAR0ld4PN21Idx2qxOILE2YspDeS2hz9MYiDwPuA8PHvEMZ9G242RJ9m_RW8 [Bockov, D. E zhuanjia: Eluosi bu hui chengwei Mei dui Hua waijiao zhan gongju (Russian Expert: Russian Will not Become a Tool of the US Diplomatic War against China) // *Hongse Wenhua*, 12.06.2020. Mode of access: http://www.hswh.org.cn/wzzx/xxhq/oz/2020-06-11/63400.html?fbclid=IwAR0ld4PN21Idx2qxOILE2YspDeS2hz9MYiDwPuA8PHvEMZ9G242RJ9m_RW8

⁷ Китай не намерен участвовать в переговорах России и США по ядерному разоружению // ТАСС, 13.05.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6424151> [Kitai ne nameren uchastvovat' v peregovorakh Rossii i SShA po iadernomu razoruzheniiu (China does not intend to participate in the negotiations between Russia and the USA on nuclear disarmament) // ТАСС, 13.05.2019. Mode of access: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6424151>]

⁸ Gill, B. China's Global Influence: Post-COVID Prospects for Soft Power // *The Washington*

⁹ Зуенко И. Китайцы о юбилее Владивостока: «Посольство России унизило Китай» // Ежедневник «Аргументы и Факты», 15.07.2020. № 29. Режим доступа: https://vl.aif.ru/society/a_byl_li_hayshenvay?fbclid=IwAR2ENBBvt80F7niRoWHrIC-AFGkS8Dbwzj339361-Wi0N5jbKnh117f4Mwc [Zuenko, I. Kitaitsy o iubilee Vladivostoka: «Posol'stvo Rossii unizilo Kitai» (Chinese Opinions about Vladivostok's Anniversary: «The Russian Embassy Humiliated China») // *Ezhenedel'nik «Argumenty i Fakty»*, 15.07.2020. No 29. Mode of access: https://vl.aif.ru/society/a_byl_li_hayshenvay?fbclid=IwAR2ENBBvt80F7niRoWHrIC-AFGkS8Dbwzj339361-Wi0N5jbKnh117f4Mwc]

¹⁰ “Циншань идао, гун дань фэнной”, Чжунго гаосяо чжули Кунцзы сюэюань хайвай хэцзо хобань тунсинь кан и (Вместе делить тяготы и невзгоды: Китайские университеты помогают партнерам Институтов Конфуция за рубежом бороться с эпидемией) / Ханьбань, 2020. Режим доступа: http://www.hanban.org/article/2020-03/27/content_805172.htm [“Qingshan yidao, gong dan fengyu”, Zhongguo gaoxiao zhuli Kongzi xueyuan haiwai hezuo huoban tongxin kang yi (To Share Trials and Hardships: Chinese Universities Help Confucius Institutes' Partners Abroad to Fight the Epidemic) / Hanban, 2020. Mode of access: http://www.hanban.org/article/2020-03/27/content_805172.htm]

жертвы эпидемии превратился в виновника ее распространения по всему миру. При этом Китай неоднократно обвиняли в сокрытии информации о болезни и количестве заболевших¹¹.

Мнения о китайской политике становились все более неоднозначными. Так, действия КНР часто трактовались как стремление получить преимущества в контексте изменения международного порядка, особенно с учетом ошибок администрации США. К. Кэмпбелл и Р. Доши, в частности, пишут, что «пока Вашингтон мешкал, Пекин быстро и умело воспользовался открывшейся возможностью, чтобы заполнить вакуум и стать глобальным лидером в борьбе с пандемией»¹². Одновременно они сравнивают влияние эпидемии на лидерство США с бессилием Великобритании решить Суэцкий кризис, что в итоге привело к потере ее статуса сверхдержавы.

Б. Гилл отмечал, что китайская мощь не коррелирует напрямую с привлекательностью китайской модели и «мягкой силой» КНР¹³. Ярким подтверждением служит то, что китайская помощь даже во время бедствия планетарного масштаба воспринимается скептически. Хотя Китай поставлял маски, аппараты ИВЛ, защитные костюмы и иные необходимые для борьбы с пандемией предметы в Италию, Ирак, Россию и мно-

гие другие страны мира, его участие часто оценивается критично. Те же К. Кэмпбелл и Р. Доши констатируют, что «первенство Китая в оказании материальной помощи базируется на простом факте: большая часть того, что необходимо миру для борьбы с коронавирусом, производится в Китае»¹⁴. Во многих публикациях для акцентирования корыстных намерений КНР китайскую помощь называют «масочной дипломатией»¹⁵.

Примерно то же самое касается и концепции «сообщества единой судьбы человечества», хотя она явно и активно продвигалась на уровне политического руководства и даже получила поддержку на уровне китайских экспертов. Например, научный сотрудник Национальной академии развития и стратегии Народного университета Китая Ван Ивэй подчеркивал правильность слов Си Цзиньпина о «сообществе единой судьбы» в условиях пандемии¹⁶.

Внутри КНР, в свою очередь, нередко осуждающие оценки в адрес США. Известный китайский эксперт Ван Ичжоу в своем интервью замечает, что «в критический период общей борьбы международного сообщества против коронавируса США, напротив, не выполняют принятых ранее обязательств и приостанавливают выплаты ВОЗ, а также планируют резко сократить финансирование международных проектов в области здравоохранения»¹⁷.

¹¹ Фахрутдинов Р. Заставляли «исчезать» ученых: Китай обвинили в сокрытии эпидемии // Газета.ru, 03.05.2020. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/03/13070821.shtml> [Fakhrutdinov R. Zastavliali «ischezat'» uchenykh: Kitai obvinili v sokrytii epidemii (Scientists Were Forced to “Disappear”: China Was Accused of Covering up an Epidemic) // *Gazeta.ru*, 03.05.2020. Mode of access: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/03/13070821.shtml>]

¹² Campbell, K.M.; Doshi, R. China Is Maneuvering for International Leadership as the United States Falts // *Foreign Affairs*, 18.03.2020. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>

¹³ Breslin, S. The Soft Notion of China’s “Soft Power” / Chatham House. 2011. P. 8. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/0211pp_breslin.pdf

¹⁴ Campbell, K.M.; Doshi, R. China Is Maneuvering for International Leadership as the United States Falts // *Foreign Affairs*, 18.03.2020. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>

¹⁵ Wong, B. China’s Mask Diplomacy // *The Diplomat*, 25.03.2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/03/chinas-mask-diplomacy/>

¹⁶ Ван Ивэй. Выход из кризиса и преимущества Китая // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. <https://globalaffairs.ru/articles/vygod-iz-krizisa-i-preimushhestva-kitaya/> [Wang, Yiwei. Vykhod iz krizisa i preimushchestva Kitaia (A Way out of the Crisis and China’s Advantages) // *Russia in Foreign Affairs*. 2020. No 3. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/vygod-iz-krizisa-i-preimushhestva-kitaya/>]

¹⁷ Ван Ичжоу, Ван Цзинь, Ньянь Юэ. Жэ хуати юй лэн сыкао синь-гуань фэйянь ицин юй гоцзи

Отдельного внимания также заслуживает тема «долговых ловушек»: в СМИ появлялась информация о том, что Китай будет чаще пользоваться этим инструментом¹⁸. На этом фоне крайне выгодно смотрится решение Китая отложить выплату долга для 77 стран в ответ на инициативу G20¹⁹.

Принимая во внимание сказанное выше, становится ясно, что надежды на избавление от проблем в двусторонних отношениях путем наращивания взаимозависимости экономик КНР и США, а также вовлечения Китая в международные институты, в целом не оправдались. В последнее время диалог между КНР и США носит все более конфронтационный характер. При этом внешне все часто выглядит так, что ни одна из сторон не стремится к глубокой и всесторонней деградации отношений, но тем не менее она планомерно происходит – якобы по причине провокаций и действий партнера.

гуаньси вэйлай цзоусян (Горячие темы и холодный рассудок – эпидемия новой коронавирусной пневмонии и будущий тренд международных отношений) // Современный мир и социализм. 2020. № 3. Режим доступа: <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2020/0709/c428053-31777429.html> [Wang, Yizhou; Wang, Jin, Nian Yue. Re huati yu leng sikao-xinguan feiyan yiqing yu guoji guanxi weilai zouxiang (Hot Topics and Cold Head-the New Crown Pneumonia Epidemic and a Future Trend of International Relations) // *Contemporary World and Socialism*, 2020, No 3. Mode of access: <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2020/0709/c428053-31777429.html>]

¹⁸ Mehta J. China's Growing Threat via Debt Trap Diplomacy // *Livemint*, 17.06.2020. Mode of access: <https://www.livemint.com/news/india/china-s-growing-threat-via-debt-trap-diplomacy-11592410677912.html>

¹⁹ Госиньбань фабяо “канци синьгуань фэйянь ицин дэ чжунго синдун” байпишу (Информационное бюро Госсовета опубликовало белую книгу «Борьба с COVID-19: Китай в действии») / Центральная комиссия ЦК КПК по проверке дисциплины. 2020. Режим доступа: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202006/t20200607_219645.html [Guoxinban fabiao “kangji xinguan feiyan yiqing de zhongguo xingdong” baipishu (The Information Office of the State Council Published a White Paper on “Fighting Covid-19: China in Action”) / The National Supervisory Commission of the PRC, 2020. Mode of access: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202006/t20200607_219645.html]

Эксперты приходят к выводу о необратимости декаплинга, который влечет за собой кардинальные изменения в устоявшемся мировом порядке. Об этом, например, пишут А. Кули и Д. Нексон: «Вашингтону придется привыкать к все более конкурентному и сложному международному порядку. Это нелегко исправить. Никакое количество военных расходов не сможет развернуть вспять процесс разрушения гегемонии США. Даже если Джо Байден отправит в нокаут Трамп на президентских выборах этого года или Республиканская партия отвергнет Трампа, дезинтеграция продолжится»²⁰.

Дополнительное напряжение вносит неопределенность пределов декаплинга²¹ – до какой степени стороны готовы разрывать связи и какие шаги станут приемлемыми. На данный момент обе страны используют все больше деструктивных практик в адрес друг друга. Постепенно они институционализируются и закрепляются документально. Так, реагируя на принятый закон о государственной безопасности Гонконга, США лишили его статуса привилегированного делового партнера²². Позднее Госсекретарь США М. Помпео заявил о прекращении экспорта американской военной продукции и технологий двойного назначения в Гонконг²³.

²⁰ Cooley. A.; Nexon. D. How Hegemony Ends The Unraveling of American Power // *Foreign Affairs*, 2020. Mode of access: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends?fbclid=IwAR3OLy5IDJrPR_nnvrB0VjZUthem9lKsaVgtuaqKiuMzdXD865SDaPJx7w

²¹ Ibid.

²² Строкань С. Гонконг в объятах санкций: США уходят из бывшей британской колонии // *Коммерсант*, 01.06.2020. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4364756> [Strokan', S. Gonkong v objat'jah sankcij: SSHA uhodjat iz byvshej britanskoj kolonii (Hongkong Is Bitten by Sanctions: the USA Leaves the Former British Colony) // *Kommersant*, 01.06.2020. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/4364756>]

²³ U.S. Government Ending Controlled Defense Exports to Hong Kong / US Department of State. 2020. Mode of access: <https://www.state.gov/u-s-government-ending-controlled-defense-exports-to-hong-kong/>

Китай долгое время занимал выжидательную позицию и достаточно сдержанно реагировал на выпады США, в случае необходимости ограничиваясь резкими политическими заявлениями. Президент Шанхайской академии международных исследований Ян Цземьянь объяснял существующую в двусторонних отношениях напряженность предвыборной кампанией в США, добавляя, что пространство для маневра в зависимости от победившей стороны будет разным²⁴.

Между тем, более распространенное мнение в экспертной среде заключается в том, что в США объективно сложился антикитайский консенсус. Директор Московского центра Карнеги Д. Тренин сформулировал это следующим образом: «в ходе пандемического кризиса была пройдена точка невозврата на пути от американо-китайского соперничества до конфронтации. Обозначившийся вектор отношений будет определяющим еще долгое время»²⁵.

В пользу этого утверждения говорит и то, что обострение отношений носит комплексный характер и охватило все сферы сотрудничества. Меры со стороны США затронули вопросы обучения китайских студентов, функционирования китайских военных компаний и бизнеса, отдельных чиновников, а также распространились на «болевые точки» КНР (СУАР, Гонконг, Тибет, Тайвань, Южно-Китайское море).

Китай, который ранее вел достаточно осторожную политику и даже санкции вводил неофициально, судя по его последним

действиям и заявлениям, уже вполне открыто реагирует на действия США. Так, в ответ на подписанный 17 июня Закон о санкциях против Китая за притеснение уйгуров, Китай 13 июля ввел меры против четырех американских чиновников²⁶.

Параллельно пересматривается и практическая сторона взаимодействия – США решают вопросы переноса производств из КНР, а в Китае ищут пути диверсификации поставок и делают запасы важных для производства товаров запчастей. Характерно, что эти процессы начались еще до пандемии: так, например, уже в 2019 году во время торговых споров между странами появлялись сообщения о том, что такие компании, как Apple, ставят задачу переноса производств из Китая²⁷.

Иногда в декаплинге пытаются найти позитивные моменты: так, Чэнь Сяогун отмечал, что фактор торговой войны необходимо использовать как драйвер для позитивных изменений²⁸. Д. Трамп, в свою очередь,

²⁴ The Joint Session of the Eurasian Online-Seminar and China Seminar with Yang Jiemian / The School of International Affairs (Youtube account). 2020. Mode of access: <https://youtu.be/xkGQIB3TS6U>

²⁵ Роль Америки в самоусилении России: Онлайн-лекция Дмитрия Тренина / Фонд Горчакова. 2020. Режим доступа: <https://gorchakovfund.ru/news/view/rol-ameriki-v-samousilenii-rossii-onlayn-lektsiya-dmitriya-trenina/> [Rol' Ameriki v samousilenii Rossii: Onlajn-lekcija Dmitrija Trenina (The US Role in Russia's Self-Empowerment: Online Lecture by Dmitry Trenin) / Gorchakov Fund. 2020. Mode of access: <https://gorchakovfund.ru/news/view/rol-ameriki-v-samousilenii-rossii-onlayn-lektsiya-dmitriya-trenina/>]

²⁶ Вайцзяобу сюаньбу чжунфан дуй Мэйго и цзигоу цзи 4 мин гэжэнь шиши дуй дэн чжицай (Министерство иностранных дел объявило, что Китай наложит ответные санкции на одно американское учреждение и 4 американских граждан) // Сина, 13.07.2020. Режим доступа: <https://finance.sina.com.cn/world/gcj/2020-07-13/doc-iivhvpwx5124493.shtml> [Waijiaobu xuanbu zhongfang dui Meiguo yi jigou ji 4 ming geren shishi dui deng zhicai (The Ministry of Foreign Affairs Announced That China Would Impose Reciprocal Sanctions on 1 US Institution and 4 US Citizens) // Sina, 13.07.2020. Mode of access: <https://finance.sina.com.cn/world/gcj/2020-07-13/doc-iivhvpwx5124493.shtml>]

²⁷ Хуан Д. Торговые споры США и Китая приводят к переводу производств из КНР // Голос Америки, 24.06.2019. Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-china-trade-dispute-triggering-production-exodus/4971262.html> [Huang, J. Torgovye spory SShA i Kitaja privodjat k perevodu proizvodstv iz KNR (Trade disputes between the USA and China lead to the transfer of production from the PRC) // Voice of America, 24.06.2019. Mode of access: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-china-trade-dispute-triggering-production-exodus/4971262.html>]

²⁸ Is the US Seeking to Decouple from China // Global Times, 25.11.2019. Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/content/1171165.shtml>

заявлял, что разрыв с экономикой Китая позволит США сэкономить 500 млрд долл.²⁹

В то же время высказываются мнения, что именно взаимозависимость не дает сторонам вводить друг против друга более жесткие меры, чем задействованные на текущий момент. В частности, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что несмотря на последствия пандемии, 74% американских компаний планируют расширить инвестиции в КНР³⁰. Иногда озвучиваемые шаги и вовсе остаются на уровне политической риторики³¹.

Проблема в том, что санкции, взаимные обвинения и иные похожие практики действительно можно было бы расценивать как деструктивные, если бы страны планировали углублять сотрудничество. Но раз они решают вопрос декаплинга, подобные

²⁹ Лю Чэнхуй. Мэйцайчжанюти ЧжунМэйцзинцизи “тогу”, хуаньлэ гэ шофа (Министр финансов США вновь упомянул «разрыв» экономик Китая и США и изменил свое мнение) // Гуаньча, 24.06.2020. Режим доступа: https://www.guancha.cn/international/2020_06_24_555271.shtml [Liu, Chenghui. Mei caizhang you ti Zhong Mei jingji “tuogou”, huanle ge shuofa (The U.S. Treasury Secretary again Mentioned the «Decoupling» of the Sino-U.S. Economy, and Changed His View) // GuanCha, 24.06.2020. Mode of access: https://www.guancha.cn/international/2020_06_24_555271.shtml]

³⁰ Ван И: Чжун Мэй гуаньси бу ин линцилуцао, бунэн цянсин тогу, эр ин цзиванкайлай, юй ши цзюй цзинь (Ван И: Китайско-американские отношения не нужно начинать с нуля, и они не могут принудительно разорваны, необходимо опираться на предыдущий опыт и постепенно развивать их) // Синьхуа, 09.07.2020. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2020-07/09/c_1126216289.htm [Wang, Yi: Zhong Mei guanxi bu ying lingqiluzao, buneng qiangxing tuogou, er ying jiwangkailai, yu shi ju jin (Wang Yi: Sino-American Relations Should not be Started from Scratch, and They Cannot Be Forcibly Decoupled, It Is Necessary to Rely on Previous Experience and Gradually Develop Them) // Xinhua, 09.07.2020. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/2020-07/09/c_1126216289.htm]

³¹ Lardy, N.R.; Huang, T. Despite the Rhetoric, US-China Financial Decoupling Is not Happening / PIIE. 2020. Mode of access: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening>

инструменты выглядят вполне эффективными. Уместность применения этих методов целесообразно оценивать именно с этой точки зрения.

Таким образом, сложившаяся модель взаимодействия между двумя странами дисфункциональна именно по причине соответствующего целеполагания. Пока стоит задача декаплинга, деградация китайско-американских отношений продолжится. Это будет оказывать дестабилизирующее влияние на международное сотрудничество, разрушая достигнутые ранее договоренности, а также отвлекая ресурсы от урегулирования назревших вопросов.

Какие ценности важнее? Пекин и Вашингтон спорят не только о геополитике, торговле и коронавирусе

Рассмотренные выше тенденции и тренды можно дополнительно проиллюстрировать конкретным кейсом из событий весны-лета текущего года.

Когда два года назад, задолго до нынешнего американо-китайского состязания во взаимных обвинениях из-за пандемии коронавируса, а также общей атмосферы нарастающей конфронтации во всех сферах, раздавались первые раскаты американо-китайской торговой войны, в Китае сравнивали атаку Трампа с нападением на страну милитаристской Японии, открывшей в 1937 г. дальневосточный театр Второй мировой войны. Другое популярное сравнение, которым тогда запестрели статьи и комментарии в китайском интернет-пространстве – опиумные войны середины XIX века, ввергнувшие Китай в «столетний период национального унижения». Использование событий истории (преимущественно второй половины XIX – первой половины XX в., когда Китай был слаб и страдал от гнета европейского и японского империализма и колониализма) – распространенная практика в КНР в идеологических спорах с зарубежными партнерами, особенно по вопросам прав человека, отсутствия демократии внутри страны и чрезмерно напористой политики вовне.

Но вот теперь «использовать древность на пользу современности», как говаривал

Председатель Мао, посчитала необходимым и американская сторона. Немалый резонанс произвело состоявшееся в начале мая этого года выступление видного представителя нынешней команды в Белом доме, заместителя Советника Президента по национальной безопасности Мэтью Поттингера, посвященное 101-ой годовщине знаменитого Движения 4 мая 1919 г. в Китае. Выступление было озаглавлено «Дух «4 мая» с точки зрения американца».

Как известно, когда в 1919 г. на Версальской мирной конференции было решено «уважить» тайные договоренности Японии с союзниками по Антанте и передать японцам бывшие германские владения в пров. Шаньдун, а китайское правительство, представленное тогда так называемыми «бэй-янскими милитаристами», не имело сил противодействовать этому, сотни студентов столичных китайских вузов вышли протестовать на площадь Тяньаньмэнь в Пекине. События этого дня и последующих недель и месяцев вызвали мощный подъем патриотических общественных настроений, радикализовали политическую жизнь страны и в то же время многократно усилили начавшееся еще в разгар Первой мировой войны «движение за новую культуру», называемое иногда «китайским Просвещением». Вышедшие с требованиями демократии и борьбы с коррупцией на ту же самую площадь спустя 70 лет студенты считали себя наследниками «движения 4 мая».

Многие комментаторы были удивлены тем, что занимающий столь высокую должность чиновник американской администрации вообще что-то знает об этом движении столетней давности. Мало того, Поттингер произнес свою речь на очень неплохом разговорном китайском языке, что само по себе было весьма неожиданно и поэтому привлекло внимание к этому выступлению. Занявший свою должность осенью 2019 года М. Поттингер, оказывается, изучал китайский язык в университете, учился в Китае и затем, перед тем как уйти на государственную службу, семь лет проработал в Поднебесной корреспондентом ряда крупнейших западных СМИ. Открывалась речь Поттингера, записанная для конференции по совре-

менному состоянию американо-китайских отношений в Центре Миллера в Университете Виргинии, заявлением о том, что он хотел бы поздравить с годовщиной «движения 4 мая» китайских пользователей Интернета от имени непосредственно Президента Д. Трампа.

С одной стороны, на фоне самых плохих, как считается, отношений США и КНР за последние 40 лет и продолжающейся кампании с требованиями масштабных финансовых компенсаций от КНР за неспособность предотвратить распространение эпидемии коронавируса за пределы Китая, поздравительное выступление высокопоставленного чиновника трамповской администрации, да еще и на китайском языке, возможно, надо воспринимать как некий позитивный сигнал, посланный с целью продемонстрировать уважение к китайской стороне и несколько стабилизировать находящиеся в режиме скольжения в пропасть двусторонние отношения.

Однако с другой стороны, при просмотре записи, выложенной на *Youtube*³², сразу становится понятно, что по своему содержанию «поздравительная речь» Мэта Поттингера вряд ли будет с восторгом воспринята в Пекине. Заместитель Советника по нацбезопасности предлагает вспомнить о том, что в «движении 4 мая», которое в КНР много десятилетий пропагандируется в качестве отправной точки современного китайского патриотизма (национализма), распространения коммунистических и других радикальных идей и таким образом подготовительным этапом для основания Коммунистической партии Китая, не менее важными были идеи «науки и демократии», заимствования лучших достижений передового Запада, либерализма и дружбы с Соединенными Штатами. В движении за новую культуру, которое фактически получило дополнительную энергию после 4 мая 1919 г.,

³² Battle Symposium: U.S.-China Relations in a Turbulent Time: Can Rivals Cooperate / Miller Center (YouTube account). 2020. Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=ywjQF3s1NhA&t=1310s&fbclid=IwAR1cK2J60L_QuLpvRG6I2SCmc-t5nPMldl8FCYrOuyAAhql0j-1QZDeo5UI

важной составной частью были также идеи о необходимости избавления от пут традиционного конфуцианского мировоззрения, старой идеологии, устаревших и отживших социальных норм, необходимости всеобъемлющей трансформации китайской политики, социума и культуры.

Значительное время в выступлении Поттингера посвящено нескольким ведущим фигурам либерального направления, сыгравшим заметную роль в развитии Китая до 1949 г. Это, в частности «апостол китайского либерализма», философ, литературовед, общественный деятель Ху Ши (胡适), бывший учеником Джона Дьюи и ведущей публичной фигурой, выступавший за демократию и права человека, и (несколько менее известный) режиссер и дипломат Чжан Пэнчунь (张彭春). В деятельности Ху Ши в речи Поттингера особо выделяется, помимо прочих заслуг, продвижение реформы китайского языка, открывшей доступ к знаниям и информации, и тем самым, к участию в делах управления государством широким слоям населения за счет перехода прессы и литературы на разговорный китайский язык (байхуа взнь, 白话文). Чжан Пэнчунь же, также получивший образование в США, прославился тем, что будучи представителем гоминьдановского правительства Китая, участвовал в составлении принятой затем ООН Универсальной декларации прав человека. Те ценности, которые символизировали своей деятельностью Ху Ши, Чжан Пэнчунь и др. М. Поттингер находит и в современном Китае, перебрасывая таким образом мостик к современным коронавирусным баталиям.

Противопоставляя узкому национализму подлинным, с его точки зрения, ценности, такие как модернизация, открытость, реформы и наука, опирающаяся на широкие народные массы демократическая политика, дух «4 мая» он видит, например в деятельности китайских врачей в Ухани, пытавшихся в момент зарождения эпидемии предупредить общественность об этой страшной угрозе (в американских СМИ этих людей называют whistleblowers (досл. «тот, кто подает сигнал свистком»), что не очень просто перевести на русский язык, так как в российском контексте неизбежно получают ассоциации

с доносительством). Он, предсказуемо, посвящает панегирик доктору Ли Вэньяну, офтальмологу, ставшему объектом преследования полиции за «распространение слухов» и скончавшемуся в начале февраля с.г., упоминает еще нескольких врачей, а также журналистов, занимавшихся сбором независимой информации о происходившем в Ухани (Чэнь Цюйши, Фан Бинь, Ли Цзэхуа). Находит он в своем выступлении место для того, чтобы отметить деятельность известных критиков китайского правительства, а также не идущих в ногу со всеми остальными публичных интеллектуалов, таких как Сюй Чжанжунь (профессор ун-та Цинхуа, известный несколькими эссе систематически критикующими политику Си Цзиньпина)³³, Жэнь Чжицян (предприниматель, девелопер, опубликовавший по сведениям зарубежных СМИ, открытое письмо с критикой политики Си)³⁴, Ильяхам Тохти (экономист, правозащитник, выступающий против политики властей в СУАР), Фан Фан (писательница, автор нашумевшего «Уханьского дневника», вызвавшего острейшие споры в китайском интернет-пространстве) и др.; а также оказать моральную поддержку участникам продемократических демонстраций в Гонконге.

Реакция китайской стороны на выступление Мэтью Поттингера показывает, что

³³ Прим.: в июле 2020 г. проф. Сюй Чжанжунь был арестован по обвинению в нарушениях этических норм, выразившихся в «использовании услуг проституток». После недели пребывания под арестом был отпущен на свободу, но при этом уволен из Университета Цинхуа. [Rui Guo. China Leadership Critic Xu Zhangrun Sacked One Day after Release, Friends Say // *South China Morning Post*, 14.07.2020. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3093119/china-leadership-critic-xu-zhangrun-sacked-one-day-after>]

³⁴ Прим.: По сведениям СМИ, был в середине лета этого года исключен из партии, против него собираются выдвинуть обвинения в уголовных преступлениях. [Mai Jin, Rui Guo. Tycoon Ren Zhiqiang who criticised Chinese leadership facing prosecution // *South China Morning Post*, 24.07.2020. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3094542/tycoon-ren-zhiqiang-who-criticised-chinese-president-xi-jinping>]

в Пекине лингвистические усилия заместителя Советника по нацбезопасности не оценили. Скорее это выступление было воспринято как составная часть пропагандистского наступления команды Д. Трампа. Тон критике был задан в заявлении официального представителя китайского МИДа Хуа Чуньин. В ее комментарии было отмечено, что «Мэт Поттингер, считающий что знает Китай хорошо, на самом деле знает его не так уж хорошо, и ровным счетом ничего не понимает в том, что касается «духа 4 мая»³⁵. «Это было патриотическое революционное движение, направленное против империализма и феодализма», разъяснила, словно открыв китайский школьный учебник для 8-го класса, госпожа Хуа Чуньин. «Сердцевиной «4 мая» был патриотизм, поэтому подлинными наследниками движения 4 мая являются китайские граждане, стоящие на патриотических позициях». «Если кто-то в Вашингтоне пытается переложить ответственность за начало коронавирусной эпидемии на Китай и давить на Китай, то 1,4 млрд китайцев никогда не согласятся с этим, и душа доктора Ли Вэньляна тоже не примет этого»³⁶.

Фигура Ли Вэньляна, который в изображении Поттингера стал олицетворением «людей, вооруженных духом гражданственности и совершающих повседневные небольшие акты героизма», для Пекина – достаточно удобная мишень контрпропаганды, так как, понимая высокую степень эмоциональной реакции китайского населения на

смерть 34-летнего офтальмолога, китайские власти еще в разгар эпидемии в Китае включили Ли Вэньляна в число «героев, внесших вклад в борьбу с COVID-19».

Интересно, что в потоке критических комментариев в китайских СМИ и в Интернете особо выделяется то, что Поттингер критикует политику КНР не с позиции ценностей классического либерализма, привычной американской озбоченности состоянием прав человека и демократии, как это было, например, при Президенте Обаме, а на базе «популизма», являющегося идеологическим основанием трамповского правления³⁷. «Наиболее радикальное в позиции Поттингера», – отмечает газета *Хуаньюю шибао (Global Times)* – это попытка связать «дух 4 мая» с идеологией Президента Трампа с его лозунгом «Америка прежде всего», а также британского Брексита. В комментарии китайской телекомпании CGTN отмечается что «либерально настроенные ученые как в США, так и в Китае были разочарованы и расстроены тем, что М. Поттингер представил либерализм как идеологию элитизма и одновременно попытался переосмыслить популизм как на народо-центричное течение, опирающееся на мнение и пожелания масс простых людей»³⁸.

Впрочем, здесь в рассуждениях китайских публицистов проскальзывают и некие нотки одобрения, так как в построениях Поттингера они видят указания на то, что последний видит в этой близости основу для нахождения точек соприкосновения и сотрудничества между Америкой и Китаем даже в разгар нынешнего противостояния и соперничества. Отмечается, что сама постановка вопроса Поттингером – о том, что Китай в течении последних ста лет долгое время учился у Америки – не отрицает возможности того,

³⁵ Хуа Чуньин тань мэй фу го ань гувэнь яньшо: та бу дун усы цзиншэнь (Хуа Чуньин комментирует выступление заместителя советника по нацбезопасности США: он ничего не понимает в духе «4 мая») // Чжунго ляован, 06.05.2020. Режим доступа: <http://news.creaders.net/china/2020/05/06/2221909.html> [Hua Chunying tan Mei fu guo'an guwen yanshuo: ta bu dong wusi jingshen (Hua Chunying commented on the speech of Deputy National Security Advisor of the USA: He does not understand the spirit of the May Fourth Movement) // Zhongguo Liaowang, 06.05.2020. Mode of access: <http://news.creaders.net/china/2020/05/06/2221909.html>]

³⁶ Pottinger's Wrong on May 4th Movement, Should Mind Own Business: FM // *Global Times*, 06.05.2020. Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/content/1187568.shtml>

³⁷ Yuan Sha. Matt Pottinger's Remarks Misread the May Fourth Spirit // *CGTN*, 10.09.2020. Mode of access: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-10/Matt-Pottinger-s-remarks-misread-the-May-Fourth-spirit-Qnldv1ECsM/index.html>

³⁸ Jia Wenshan. Matt Pottinger and the next 100 years of U.S.-China relations // *CGTN*, 11.09.2020. Mode of access: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-11/Matt-Pottinger-and-the-next-100-years-of-U-S-China-relations-Qnnsf0p7Bm/index.html>

что опыт Китая (прежде всего опыт вызволения из нищеты и бедности сотен миллионов граждан) может быть полезным для изучения в США. «Будут ли США и Соединенное Королевство настолько гибкими, чтобы в предстоящие 100 лет перенять у Китая некоторые моменты, связанные с народо-центричной политикой? Это зависит в том числе и от таких политиков как Мэтью Поттингер», заключается в комментарии.

В то время как одни китайские комментаторы приходят к выводу о том, что демарш М. Поттингера, которого некоторые называют ястребом и одним из ведущих разработчиков стратегии Белого дома на китайском направлении³⁹, подталкивает китайско-американские еще ближе к конфликту и конфронтации, другие отмечают что «между строк» этого послания можно прочесть и некие позитивные сигналы и смыслы.

В конце концов, как ни оценивай полемику вокруг речи заместителя советника по нацбезопасности, резонанс, ради которого Мэтью Поттингер так сильно старался, мобилизовав свои познания в истории Китая столетней давности и в китайском языке, произошел. И это, возможно, внушает надежду десяткам тысяч изучающих китайский в американских университетах амбициозных студентов, да и в университетах по всему миру.

Заключение

Негативная динамика в американо-китайских отношениях, безусловно, будет оказывать сильное влияние на международное сотрудничество. Пространство для

маневра может меняться в зависимости от текущей конъюнктуры, но (по крайней мере в ближайшей перспективе) не само направление на декаплинг. Это ставит совсем иные вызовы для руководства обеих стран в плане развития двусторонних отношений и определения их нового формата.

Уже сейчас наблюдается институционализация таких деструктивных практик, как ужесточение риторики в СМИ и санкции, интенсифицируются противоречия в области обмена технологиями, поднимаются чувствительные политические вопросы. Происходит комплексный пересмотр форм сотрудничества, особенно в экономической плоскости: рассматриваются варианты изменения цепочек поставок, переноса производств и т.д.

Немалую роль в эволюции двусторонних отношений играет и внутривнутриполитическая динамика в обеих странах. Политика США во многом подчинена логике предвыборной кампании, а также движется в русле двухпартийного антикитайского консенсуса. Внутри КНР, в свою очередь, есть запрос на лидерство, «сильный Китай». При этом жесткую линию китайских дипломатических ведомств и публикаций в СМИ часто объясняют не столько «имперскими амбициями» руководства КНР, сколько необходимостью ответа на подобные настроения внутри страны для сохранения легитимности власти.

Анализ общественных настроений внутри КНР подтверждает, что несмотря на накопленный в американо-китайских отношениях запас прочности, декаплинг серьезно подрывает доверие между сторонами. Одна из основных опасностей – комплексный характер и неочерченные границы «расщепления» отношений. Актеры, нащупывая пределы допустимого на практике, могут незаметно начать делать политические ошибки и пересекать «красные линии», повинуясь наметившейся инерции взаимодействия и неверно истолковывая мотивы партнера. Подобные примеры мы уже наблюдали и в отношениях с другими странами, в том числе Россией.

Рассмотренный в данном исследовании кейс показывает, что в восприятии США в

³⁹ Мэй мэй пилу: Мэй дуй Хуа “ин пай” хо жэнь байгун фу го’ань гувэнь (Американские СМИ сообщают: занимающий по отношению к КНР ястребиную позицию чиновник вероятно будет назначен заместителем Советника по нацбезопасности США) // Соху, 23.09.2019. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/342738125_114911 [Mei mei pilu: Mei dui Hua “ying pai” huo ren baigong fu guo’an guwen (U.S. Media Disclosed: one of the U.S. «Hawks» on China May Serve as White House Deputy National Security Advisor) // Sohu, 23.09.2019. Mode of access: https://www.sohu.com/a/342738125_114911]

КНР ярко выражены разнонаправленные тенденции, которые характерны для двустороннего взаимодействия в целом. С одной стороны, обозначившаяся в отношениях напряженность дает повод интерпретировать намерения сторон как заведомо враждебные. Вместе с тем, качественно подготовленное выступление М. Поттингера демонстрирует глубокое знание партнерами особенностей друг друга и тесный уровень взаимных контактов. Позитивные оценки в части уровня владения американского чиновника китайским языком и сам факт поздравления со значимой в истории КНР датой также потенциально способны укрепить двустороннее сотрудничество. Хотя общественные суждения не могут быть однозначными и далеко не всегда напрямую оказывают воздействие на конкретные политические решения, представляется, что при наличии общего тренда на ухудшение отношений внимание к различным интерпретациям, не только сугубо негативным (или, наоборот, позитивным), позволяет более объективно и комплексно анализировать динамику развития китайско-американских отношений.

Литература:

Ван Ивэй. Выход из кризиса и преимущества Китая // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. <https://globalaffairs.ru/articles/vygod-iz-krizisa-i-preimushhestva-kitaya/>

Матвеев К. На грани развода: Куда приведет технологическая война между Китаем и США // РСМД, 25.06.2020. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/>

Breslin, S. The Soft Notion of China's "Soft Power" / Chatham House. 2011. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/0211pp_breslin.pdf

Campbell, K.M.; Doshi, R. China Is Maneuvering for International Leadership as the United States Falts // *Foreign Affairs*, 18.03.2020. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>

Cooley, A.; Nexon, D. How Hegemony Ends The Unraveling of American Power // *Foreign Affairs*, 2020. Mode of access: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends?fbclid=IwAR3OLy5IDJ0rPR_nnvrB0VjZUthem9IKsaVgtuaqKiuMzdXD865SDaPjx7w

Lardy, N.R.; Huang, T. Despite the Rhetoric, US-China Financial Decoupling Is not Happening / ПИЕ. 2020. Mode of access: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening>

Li, Wei. Towards Economic Decoupling? Mapping Chinese Discourse on the China-US Trade War // *The Chinese Journal of International Politics*, 2019, Vol. 12, Issue 4. Mode of access: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz017>

References:

Breslin, S. The Soft Notion of China's "Soft Power" / Chatham House. 2011. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/0211pp_breslin.pdf

Campbell, K.M.; Doshi, R. China Is Maneuvering for International Leadership as the United States Falts // *Foreign Affairs*, 18.03.2020. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>

Cooley, A.; Nexon, D. How Hegemony Ends The Unraveling of American Power // *Foreign Affairs*, 2020. Mode of access: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends?fbclid=IwAR3OLy5IDJ0rPR_nnvrB0VjZUthem9IKsaVgtuaqKiuMzdXD865SDaPjx7w

Lardy, N.R.; Huang, T. Despite the Rhetoric, US-China Financial Decoupling Is not Happening / ПИЕ. 2020. Mode of access: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening>

Li, Wei. Towards Economic Decoupling? Mapping Chinese Discourse on the China-US Trade War // *The Chinese Journal of International Politics*, 2019, Vol. 12, Issue 4. Mode of access: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz017>

Matveenkova, K. Na grani razvoda: Kuda privedet tekhnologicheskaya voyna mezhdu Kitaem i SShA (About to Divorce: Where the Technology War between China and the USA Will Lead) // RIAC, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/>

Wang, Yiwei. Vykhod iz krizisa i preimushchestva Kitaia (A Way out of the Crisis and China's Advantages) // *Russia in Foreign Affairs*. 2020. No 3. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/vygod-iz-krizisa-i-preimushhestva-kitaya/>

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10054

ANALYSIS OF DISCUSSIONS WITHIN THE CHINESE SOCIETY ON CHINA'S POSITION IN WORLD IN THE CONTEXT OF SINO-AMERICAN RELATIONS DETERIORATION DURING THE PANDEMIC PERIOD

Andrey N. Karneev

*Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Anastasia S. Pyatachkova

*Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 27.06.2020 <i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: During the pandemic, Sino-US relations have remarkably deteriorated. The institutionalization of such destructive practices as toughening rhetoric in the media and sanctions is becoming obvious. As the model of bilateral relations is now aimed at decoupling the degradation will continue. These trends inevitably affect the mood of the Chinese society. The article analyzes opinions on foreign policy in Chinese society in the context of Sino-American relations within the pandemic period. The work is divided into two parts: the first assesses general trends in US-China relations. The second part traces the current trends in the modern ideological and political atmosphere in Chinese society. The episode with congratulations to the Chinese public from the American administration on the occasion of the 101st anniversary of the famous «May 4, 1919 movement» is analyzed as a case study. The research shows that this event received ambiguous and even opposite assessments: part of the society saw in it as an attempt to accuse China of the spread of coronavirus and the imposition of Western values. Another part emphasized M. Pottinger's rather high level of spoken Chinese and noted that the very fact of congratulation can be viewed as a positive moment for bilateral relations. There were also positions combining both approaches. The case under consideration reveals the danger of decoupling initiated by the parties. The tension between the PRC and the United States leads to the fact that the partners are starting to interpret each other's intentions as presumably hostile, even taking into account such a formally favorable occasion as congratulations on a significant historical date. Meanwhile, it seems that the presence of positive interpretations against the background of a general deterioration in bilateral relations also cannot be ignored. Although public opinion cannot be unambiguous and does not always directly influence specific political steps, it is important to take into account the full range of opinions for an objective and comprehensive analysis of Sino-American relations.</p>
<p>About the authors: <i>Andrey N. Karneev</i>, Candidate of Historical Science, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the HSE School of Asian Studies e-mail: andrei_karneev@mail.ru <i>Anastasia S. Pyatachkova</i>, Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics e-mail: apyatachkova@hse.ru</p>	<p><i>Acknowledgements: the article was prepared with the grant support of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics in 2020.</i></p>
<p>Key words: coronavirus pandemic; foreign policy discussions within Chinese society; May 4th Movement; values and historical memory in Chinese society; Chinese foreign policy; Sino-American relations</p>	

Для цитирования: Карнеев А.Н., Пятачкова А.С. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии // *Сравнительная политика.* – 2020. – № 4. – С. 135-147.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10054

For citation: Karneev, Andrey N.; Pyatachkova, Anastasia S. Analiz diskussiy vnutri kitayskogo obshchestva o polozhenii Kitaya v mire na fone obostreniya otnosheniy s SSHA v period pandemii (Analysis of Discussions within the Chinese Society on China's Position in World in the Context of Sino-American Relations Deterioration during the Pandemic Period) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 135-147.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10054

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10055

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ С МНОГОСТОРОННИМИ ИНСТИТУТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИНСТИТУТАМИ ООН)

Сергей Владимирович Михневич

*Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 июня 2020 <i>Принята к печати:</i> 1 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты политики КНР в сфере международного сотрудничества по проблематике развития, в том числе мотивация Китая, приоритетные направления и форматы взаимодействия с 25 ведущими многосторонними институтами международного сотрудничества (МИМС), входящими в число органов и организаций системы ООН. Хронологические рамки работы охватывают период с момента принятия международной повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка 2030) по 2019 год. На основе анализа ресурсного вклада Китая в деятельность МИМС выделяются приоритетные направления и сектора сотрудничества, а также осуществляется категоризация отдельных органов и организаций системы ООН по их важности с точки зрения китайской внешней политики. В основе работы лежит базовая посылка, согласно которой, ресурсное участие страны в деятельности международного института находится в прямой зависимости от ее заинтересованности в сотрудничестве. Первая часть статьи посвящена идеологическим аспектам и мотивации КНР в международном сотрудничестве по вопросам развития. Во второй части статьи рассматривается ресурсное участие Китая в работе ключевых международных органов и организаций системы ООН, в число приоритетов деятельности которых входит реализация международной повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В заключении содержатся основные выводы, включая категоризацию МИМС, входящих в систему ООН, с учетом приоритетности сотрудничества с ними для КНР, а также рекомендации для Российской Федерации.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., директор Центра многостороннего сотрудничества и евразийской интеграции, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) e-mail: sxzex@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; КНР; внешняя политика; содействие международному развитию; ООН; многостороннее сотрудничество; многосторонние институты международного сотрудничества</p>	

Идеологические основы и мотивация китайской политики в области СМР

В основе китайских подходов к содействию международному развитию (СМР) лежат принципы «взаимной выгоды и обоюдного выигрыша» и «невмешательства во внутренние дела и необусловленности сотрудничества». Это повышает привлекательность партнерства с КНР для многих развивающихся государств, не соответствующих условиям, предъявляемым западными партнерами. А Китай благодаря взаимности

получает возможности для максимизации выгод от сотрудничества.

В результате основной объем предоставляемого КНР международного содействия представляет собой связанную помощь. Так, по экспертным оценкам, из 60 млрд долл.¹ китайского содействия развитию Африки, обещанного в ходе Форума китайского-африканского сотрудничества (ФОСАС) в 2015 г., лишь 5 млрд долл. соответствовали критериям ОЭСР

¹ Здесь и далее под долл. понимаются долл. США.

для официальной помощи развитию². Китайские экономические операторы, участвующие в реализации СМР, не только извлекают прибыль из реализации зарубежных проектов, но и способствуют решению ключевых социально-экономических задач в самом Китае – через поддержание занятости, загрузку производственных мощностей, обеспечение устойчивых цепочек поставок и т.д.³

Рамочной основой для реализации китайской политики в сфере СМР сегодня также выступает инициатива «Пояса и пути» (ПИП, ОПОП), нацеленная на комплексное развитие ключевой транспортно-логистической и производственной инфраструктуры. Немаловажно, что данная инициатива находит серьезную поддержку не только со стороны правительств заинтересованных стран, но и ведущих многосторонних институтов международного сотрудничества (МИМС), центральное положение среди которых занимает ООН и входящие в ее систему органы и организации.

Наряду с прямыми социально-экономическими результатами для Китая участие в СМР – важнейший механизм укрепления международного влияния и создания условий для установления в качестве легитимного глобального центра силы.

Ввиду того, что КНР не была членом ООН до 1971 г., а политика последней зачастую носила недружественный характер по отношению к КНР, Китай в течение длительного времени практически не предоставлял помощь через многосторонние механизмы и не отличался высокой активностью в рамках организации после своего присоединения⁴. Помимо недоверия к международным агентствам, в Китае хотели сохранять максимальный контроль над процессом оказания помощи. А это было затружено из-за того, что КНР не принимала участие в создании многих МИМС ООН⁵.

Ситуация существенно изменилась с началом 1990-х гг. и пересмотром внешнеполитических подходов КНР к многостороннему сотрудничеству вкупе с накоплением значительного опыта взаимодействия на площадках ООН. Китай научился извлекать преимущества не только из своего статуса члена Совбеза ООН и связанных с этим преимуществ, таких как право вето при голосовании, использованное в общей сложности 14 раз, из которых в 11 случаях позиция КНР совпадала с российской⁶.

Основной мотивацией для наращивания активности на международных площадках стала высокая имиджевая результативность предоставления помощи. Кроме того, поменялась модальность отношений КНР с международными организациями: из получателя помощи Китай стал донором. Это довольно удачно совпало с активизацией международной повестки дня в области устойчивого развития и принятием Целей развития тысячелетия (ЦРТ), а затем и Целей устойчивого развития (ЦУР) и Повестки 2030. Тогда же началось постепенное увеличение размера взноса Китая

² Zheng, Yu. China's Aid and Investment in Africa: A Viable Solution to International Development? Mode of access: <https://www.hhs.se/contentassets/bc7089cd2c364b2cae4c287184ad743b/you-zheng---chinas-aid-and-investment-in-africa-.pdf>

³ Подробнее об объемах китайского СМР и механизмах взаимодействия см.: Михневич С.В. Стремясь к балансу: анализ деятельности КНР по решению торгово-инвестиционных задач ЦУР на примере сотрудничества с ключевыми партнерами из числа наименее развитых стран (НРС) // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 84-119. [Mikhnevich, S.V. Stremias' k balansu: analiz deiatel'nosti KNR po resheniiu torgovo-investitsionnykh zadach TsUR na primere sotrudnichestva s klyuchevymi partnerami iz chisla naimenee razvitykh stran (NRS) (Pursuing Balance: Analysis of the PRC's Implementation of Trade and Investment SDGs in Cooperation With Leading Partners From the Least Developed Countries) // *International Organizations Research Journal*, 2020, Vol. 15, No 1, pp. 84-119.]

⁴ Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН. 2013. С. 54. [Portiakov, V.I. Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy. (China's Rise as the Responsible Global Nation). Moscow: IDV RAN. 2013. P. 54.]

⁵ Copper J. F. Aid and Investment Diplomacy in Northeast and Central Asia. // *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Volume II History and Practice in Asia, 1950-Present*. NY: Palgrave Macmillan, 2016. P. 17.

⁶ Security Council – Veto List /UN Library. Mode of access: <http://research.un.org/en/docs/sc/quick/veto>

в бюджет ООН после его существенного снижения в 1980-х гг., достигшего к 2018 г. 7,921% от общего бюджета организации или 213 млн долл. США в год⁷. С перераспределением в соответствии с резолюцией ГА ООН от 22 декабря 2018 г. квота КНР в бюджете увеличилась до 12,005% 367,9 млн долл. США в год на бюджетный цикл 2019-2021 гг.⁸

Сотрудничество КНР с ключевыми международными органами и организациями системы ООН

Одним из ключевых направлений многостороннего аспекта внешней политики КНР в МИМС ООН является сотрудничество «Юг-Юг». Так, КНР является крупнейшим донором в Специальном фонде ООН для сотрудничества «Юг-Юг», действующем с 1996 г.⁹ В сентябре 2015 г. Си Цзиньпин сообщил, что КНР создаст специальный Фонд содействия сотрудничеству «Юг-Юг» в размере 2 млрд долл.¹⁰ В мае 2017 г. Китай сообщил о его докапитализации на 1 млрд долл.¹¹ А в сентябре 2017 г. Си Цзиньпин на саммите БРИКС в г.Сямэне объявил, что Ки-

тай направит в фонд ещё 500 млн долл. для реализации проектов¹².

Что касается непосредственно МИМС системы ООН, то одним из ключевых традиционных организаций-партнеров КНР является Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), с которой Китай сотрудничает с начала 1981 г. За эти годы он проделал путь от крупнейшего бенефициара организации к одному из крупных доноров. По данным ПРООН, в 2018 г. объем китайского финансирования проектов составил 10,54 млн долл. (30,88 млн долл. – в 2017 г.). В 2019 г. финансовое участие КНР в работе ПРООН вновь возросло после падения в 2018 г., достигнув 26,71 млн долл. Китай посредством прямого финансирования в 2019 г. поддержал 36 проектов (28 проектов – в 2018 г., 31 проект – в 2017 г.)¹³. При этом крупнейшим бенефициаром сотрудничества КНР с ПРООН стабильно является сам Китай.

Несмотря на кажущиеся значительными объемы финансового участия в работе ПРООН, Китай существенно уступает не только традиционным донорам, таким как Германия (400,69 млн долл. – в 2019 г.), Япония (294,83 млн долл. – в 2019 г.), США (219,43 млн долл. – в 2019 г.), но и таким странам как Украина (109,99 млн долл. – в 2019 г.), Аргентина (94,85 млн долл. – в 2019 г.), Колумбия (33,05 млн долл. – в 2019 г.)¹⁴.

При этом ПРООН является крупным партнером КНР в продвижении инициативы ПИП. В сентябре 2016 г. ПРООН и правительством КНР был подписан меморандум о взаимопонимании в реализации инициативы ПИП и осуществлении Целей устойчивого развития ООН (ЦУР). Он стал первым документом подобного рода, заключенным между правительством КНР и международной организацией.

В структурах, где Китай по тем или иным причинам не может выполнять функ-

⁷ Assessment of Member States' Advances to the Working Capital Fund for the Biennium 2018-2019 and Contributions to the United Nations Regular Budget for 2018: ST/ADM/SER.B/973 / UN, 2017. Mode of access: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/ST/ADM/SER.B/973>

⁸ Assessment of Member States' Contributions to the United Nations Regular Budget for the Year 2019: ST/ADM/SER.B/992 / UN, 2018. Mode of access: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/ST/ADM/SER.B/992>

⁹ The United Nations Office for South-South Cooperation /UNOSSC. Mode of access: <https://www.unsouthsouth.org/partner-with-us/un-fund-for-ssc/>

¹⁰ Xi Jinping Delivers Important Speech at UN Sustainable Development Summit, Stressing to Realize Common Development of All Countries from New Starting Point of Post-2015 Development Agenda /Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2015. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdmgjxgsfwbxclhgcl70znlfh/t1302359.shtml

¹¹ Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road /Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2017. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1465819.shtml

¹² Xi pledges US\$500m for South-South cooperation // *China Daily*. 2017. Mode of access: <https://chinadailyasia.com/articles/122/58/177/1504581713131.html>

¹³ China – Donor Profile /UNDP. Mode of access: <https://open.undp.org/profile/CHN/donorprofile>

¹⁴ Donors /UNDP. Mode of access: <https://open.undp.org/donors>

ции лидера, его вклад ниже, нежели у других партнеров (например, в бюджет Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и в рамках сотрудничества КНР с Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО)).

По направлению многостороннего сотрудничества в сфере здравоохранения КНР активно развивает отношения со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Взнос Китая в организацию в рамках двухлетнего бюджетного цикла 2018-2019 гг. достиг 67,64 млн долл. за два года или 33,82 млн долл. в год¹⁵ при совокупном бюджете организации на 2018-2019 гг. в 4 340,4 млн долл.¹⁶ В последние годы Китай акцентировано наращивает сотрудничество с ВОЗ. В ноябре 2016 г. в Шанхае прошла 9-я Глобальная конференция, посвященная укреплению здоровья в контексте реализации ЦУР, в которой приняли участие руководители международных организаций системы ООН, а также ряд глобальных лидеров¹⁷. В январе 2017 г. главный офис ВОЗ в Женеве посетил Си Цзиньпин¹⁸, а в августе того же года Китай подписал с ВОЗ меморандум о выделении организации 20 млн долл.¹⁹. Наряду с политическими целями расширения влияния в ключевой международной организации, занимающейся проблемами здо-

ровья, Китай также заинтересован в расширении использования китайских препаратов и вакцин в проектах и программах ВОЗ, а также в трансфере технологий для внедрения в КНР.

Продвижению китайских препаратов также способствует руководство других структур ООН в сфере здравоохранения, таких как Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС). По его мнению, лекарства от ВИЧ/СПИД, производимые и применяемые в КНР, должны получить соответствующие разрешения ВОЗ для использования в Африке, что позволит обеспечить необходимым лечением большое число не охваченных лиц²⁰. Кроме того, он отмечал особое значение ПИП в улучшении взаимодействия в здравоохранении, особенно между КНР и Африкой, что нашло отражение в меморандуме о взаимопонимании, подписанном ЮНЭЙДС и Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения КНР в 2017 г. Пятилетнее соглашение предусматриваются ежегодные инвестиции в пользу ЮНЭЙДС в размере 1 млн долл.²¹

В многостороннем сотрудничестве КНР уделяет большое внимание разрешению проблемы голода и укреплению продовольственной безопасности, в том числе в рамках сотрудничества с Международным фондом сельскохозяйственного развития (МФСР), Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО) и Всемирной продовольственной программой (ВПП).

В течение длительного времени Китай был одним из крупнейших бенефициаров МФСР: с 1981 г. МФСР мобилизовала более 2,7 млрд долл. (1 млрд долл. – собственные средства МФСР) для реализации 31 проекта в 28 провинциях КНР, в которых приняли

¹⁵ Contributors /WHO, Mode of access: <http://open.who.int/2016-17/contributors?name=China>

¹⁶ Programme budget 2018-2019 /WHO, 2017. P. 5. Mode of access: https://www.who.int/about/finances-accountability/budget/PB2018-2019_en_web.pdf

¹⁷ 9th Global conference on health promotion: Global leaders agree to promote health in order to achieve Sustainable Development Goals / WHO, 2016. Mode of access: <http://www.who.int/en/news-room/detail/21-11-2016-9th-global-conference-on-health-promotion-global-leaders-agree-to-promote-health-in-order-to-achieve-sustainable-development-goals>

¹⁸ Visit by the President of the People's Republic of China to WHO /WHO, 2017. Mode of access: <http://www.who.int/en/news-room/feature-stories/detail/visit-by-the-president-of-the-people-s-republic-of-china-to-who>

¹⁹ New Vision and Strengthened Partnership for WHO and China /WHO, 2017. Mode of access: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/vision-partnership-china/en/>

²⁰ Wang Xiaodong. UNAIDS Asks Chinese to Produce Drugs // *China Daily*, 2017. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-09/11/content_31834032.htm

²¹ China's Belt and Road Initiative to Play a Key Role in Overcoming Global Health Challenges /UNAIDS, 2017. Mode of access: https://www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2017/august/20170821_belt-and-road

участие 4,5 млн домохозяйств (около 20 млн фермеров). Совокупный объем средств, предоставленных Китаем МФСР за это время, достиг 247,7 млн долл. В ходе 10-го пополнения средств МФСР (2016-2018 гг.) взнос КНР составил 60 млн долл. США, увеличившись в ходе 11-го пополнения средств МФСР (2019-2021 гг.) до 81 млн долл. Кроме того, в 2018 г. КНР и МФСР создали фонд трехстороннего сотрудничества «Юг-Юг» в размере 10 млн долл. Ранее КНР выделяла дополнительные 5 млн долл. в ходе 10-го пополнения средств МФСР на развитие трехстороннего сотрудничества «Юг-Юг»²².

Совместно с ФАО КНР учредила трастовый фонд сотрудничества по линии «Юг-Юг» для финансирования проектов, направленных на укрепление производственного потенциала и компетенций для обеспечения продовольственной безопасности в развивающихся государствах. В 2009 г. КНР направила в Фонд 30 млн долл.²³. А в 2015 г. он был докапитализирован еще на 50 млн долл.²⁴ Одновременно КНР является третьим по величине донором регулярного бюджета ФАО с 21 444 814 долл. и 14 910 115 евро в 2018 и 2019 гг. ежегодно²⁵.

С 2005 г. по начало 2017 г. КНР направила в качестве взносов по линии ВПП более 138 млн долл.²⁶ Китайские средства использовались для закупок такого продовольствия как рис, пшеничная мука, подсолнечное

масло, бобы, сахар. В 2017 г. Китай резко увеличил объем взносов в ВПП ООН: до 75,918 млн долл. США, с учетом регулярных и дополнительных взносов. Однако затем объем участия в деятельности ВПП снизился. Общий объем регулярного финансового вклада КНР в бюджет ВПП составил в 2018 и 2019 гг. – 30,545 млн долл. ежегодно. Дополнительно правительство КНР внесло в бюджет ВПП еще 1,2 млн долл. в 2018 г. и 0,5 млн долл. – в 2019 г. Но и суммарно вклад Китая существенно меньше, нежели взносы как традиционных, так и новых доноров, например, России (36,943 млн долл. в 2018 и 2019 гг., ежегодно), Колумбия (32,902 млн долл. – в 2019 г.), Республика Корея (74,879 млн долл. в 2018 и 2019 гг., ежегодно).

Примечательно, что КНР активно использует ОПОП для доставки продовольственной помощи ее адресатам. В частности, в 2017 г. по маршрутам инициативы началась доставка закупленного в КНР риса (2871,75 метрические тонны) в качестве продовольственной помощи в Сомали, что должно способствовать улучшению продовольственной ситуации для 223 500 человек в 18 регионах страны²⁷.

Помимо продовольственной помощи существенные объемы средств для улучшения положения беженцев КНР направляет по линии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). В частности, взнос в бюджет Управления в 2019 г. по линии правительства КНР составил 1,9 млн долл. Еще 11,668 млн долл. были направлены из китайских частных фондов²⁸. Ранее – в 2018 г. частные доноры направили в УВКБ 8,127 млн долл. против 1,2 млн долл. китайского правительства. Но даже при суммировании взносов Китай находится в середине третьего десятка доноров УВКБ.

Но КНР умело пользуется возможностями сотрудничества с УВКБ для продвижения своих инициатив, несмотря на

²² The China-IFAD Partnership /IFAD, 2020. Mode of access: <https://www.ifad.org/web/knowledge/publication/asset/39451247>

²³ FAO-China Joint Efforts through South-South Cooperation /FAO. Mode of access: <http://www.fao.org/china/programmes-and-projects/success-stories/south-south-cooperation/en/>

²⁴ China Signs \$50 Million South-South Cooperation Agreement with FAO /FAO, 2015. Mode of access: <http://www.fao.org/news/story/en/item/289386/icode/>

²⁵ Hundred and Seventy-third Session: Rome, 12-16 November 2018: Liquidity Status of the Organization /FAO, 2018. Mode of access: <http://www.fao.org/3/my071en/my071en.pdf>

²⁶ China Contributes US\$34 Million to WFP for Emergency Food Assistance in Six Countries /WFP, 2017. Mode of access: <http://www.wfp.org/news/news-release/china-contributes-us34-million-wfp-emergency-food-assistance-six-countries>

²⁷ China Delivers Food Assistance to Somalia through the “Maritime Silk Road” /WFP, 2017. Mode of access: <http://www.wfp.org/news/news-release/china-delivers-food-assistance-somalia-through-maritime-silk-road>

²⁸ Donor Profiles /UNHCR. Mode of access: <http://reporting.unhcr.org/donor-profiles>

ограниченное финансовое участие. Верховный комиссар ООН по делам беженцев выразил мнение, что вклад КНР в разрешение проблемы беженцев может заключаться в расширении сотрудничества и реализации инвестиционных проектов по линии ОПОП непосредственно в целевых странах. Любопытно: руководитель одной из структур ООН не просто выражает поддержку китайской инициативе ОПОП, но и призывает к ее использованию для развития двустороннего сотрудничества²⁹.

Помимо УВКБ КНР работает по проблемам беженцев с такой структурой ООН как Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). В 2018 – 2019 гг. КНР направила в бюджет БАПОР 2,35 млн долл. и 1 млн долл., соответственно. При этом ранее финансовое участие КНР было менее значительным: 300 тыс. – в 2016 г, 350 тыс. – в 2017 г., соответственно³⁰. Впрочем, несмотря на позитивную динамику данная организация не входит в число приоритетных партнеров Китая: в рейтинге доноров КНР занимает места в третьем-четвертом десятках.

По линии Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) взнос КНР в 2018 г. составил 1,772 млн долл. (0,4% от общего бюджета УНП ООН), из которых 328 тыс. долл. было направлено в качестве средств общего назначения, а 1,444 млн долл. – средств специального назначения³¹.

В рамках сотрудничества с Программой Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) взнос КНР последовательно уменьшался: с 1,579 млн долл. – в 2017 г. до 0,8 млн долл. – в 2018 г. и 0,5 млн долл. – в 2019 г.³²

²⁹ Научно-исследовательский проект РАНХиГС.

³⁰ 2016-2019 Pledges to UNRWA's Programmes (Cash and In-kind) – Overall Donor Ranking / UNRWA. Mode of access: <https://www.unrwa.org/how-you-can-help/government-partners/funding-trends/donor-charts>

³¹ UNODC annual report 2018 /UNODC. Mode of access: https://www.unodc.org/documents/AnnualReport/Annual-Report_2018.pdf

³² Governments: Total Contributions / UNHABITAT. Mode of access: <https://donors.unhabitat.org/government-donors>

Сотрудничество КНР с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), основное финансирование которой выделяется в рамках регулярного бюджета ООН, также уступает по масштабу многим другим направлениям. В 2018 г. Китай выделил на реализацию проектов технического содействия 550 000 долл. В общей же сложности за все время сотрудничества с ЮНКТАД с 1983 по 2016 гг. КНР направила 3,804 млн долл. на организацию предоставления технического содействия³³.

В ООН-Женщины Китай также не входит в число ключевых партнеров: взнос страны в 2018 и 2019 гг. составлял немногим более 2 млн долл.: 2,05 млн долл. и 2,01 млн долл., существенно уступая другим донорам³⁴. Но для продвижения своих инициатив Китай осуществляет серьезные разовые интервенции, как, например, взнос в 10 млн долл. на реализацию Пекинской декларации и Плана действий Повестки 2030³⁵.

Взнос КНР в регулярный бюджет Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) в 2019 г. составил 1,6 млн долл. (1,7 млн долл. – в 2018 г., 2,2 млн долл. – в 2017 г.)³⁶ При этом КНР не вошла в число ключевых доноров по иным статьям, на которых приходится основной объем бюджета Фонда.

Взаимодействие КНР с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) включало реализацию в 2019 г. 10 проектов общей стоимостью 2,84 млн долл., фактические затраты на реализацию которых составили 1,7 млн долл.). Это меньше, чем, например, в 2017 г., когда было реализова-

³³ Country Detail: China /UNCTAD. Mode of access: <http://unctad.org/projects/tc/en/Pages/CountryDetail.aspx?tab=contributions&country=CN>

³⁴ Annual Report /UN Women. Mode of access: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/annual-Report>

³⁵ China Pledges USD 10 Million Commitment to UN Women, Assistance for other Developing Countries to Build 100 Health Projects for Women and Children (updated) /UN Women. Mode of access: <https://www.unwomen.org/en/get-involved/step-it-up/commitments/china>

³⁶ UNFPA Annual Reports 2017, 2018, 2019 / UNFPA. Mode of access: <https://www.unfpa.org/>

но 9 проектов, средства на которые общим объемом в 4,256 млн долл. были выделены китайским правительством (фактические затраты на реализацию проектов в 2017 г. составили 2,675 млн долл.). Кроме того, 607 тыс. долл. были направлены китайскими неправительственными организациями. Одновременно на территории самого Китая в 2019 г. реализовывалось 24 проектов, общей стоимостью 862 тыс. долл. (фактические затраты в 2019 г. – 602 тыс. долл.)³⁷. То. в рамках сотрудничества с ЮНЕСКО КНР выступает в качестве чистого донора.

КНР является 5-м крупнейшим донором в Международной организации труда (МОТ). Во Всемирной туристской организации (ЮНВТО) КНР также входит в число крупнейших плательщиков: ежегодный взнос КНР в бюджет организации в 2017 г. составил 342,77 тыс. евро (408 тыс. долл.)³⁸

КНР направляет значительные ресурсы в бюджет Международной морской организации (ИМО), занимающейся повышением надежности и безопасности судоходства в области международной торговли и предотвращением загрязнения моря с судов. Его взнос в бюджет организации последовательно увеличивается с 1,165 млн фунтов стерлингов (1,43 млн долл.) – в 2016 г. до 1,236 млн фунтов стерлингов (1,517 млн долл.) – в 2017 г. и – 1,328 млн фунтов стерлингов (1,63 млн долл.) в 2018 г.³⁹ Также правительство Китая в 2016 г. направило 247 тыс. фунтов стерлингов (303 тыс. долл.) на развитие стажировок при Всемирном морском университете и Институте международного морского права, контроль над которыми осуществляет ИМО.

³⁷ Beneficiary Country: China /UNESCO Transparency Portal. Mode of access: <https://opendata.unesco.org/country/CN/>

³⁸ Report of the Secretary-General: Part II: Programme of Work (b) Draft Programme of Work and Budget of the Organization for 2018-2019 // 105th Executive Council (Documents in English) /UNWTO, 2017. Mode of access: <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/unwt.oecd.2017.1.g51w645001604510>

³⁹ Financial Statements Summary (2016, 2017, 2018) /IMO. Mode of access: <http://www.imo.org/en/OurWork/Pages/Financial-Statements-Summary.aspx>

Доля КНР в бюджете Всемирной метеорологической организации (ВМО), являющейся авторитетным источником информации для всей системы международных организаций и органов системы ООН – 5,07% на бюджетный период 2016-2019 гг. – 13,497 млн шв. франков (14,2 млн долл.) или около 3,55 млн долл. в год⁴⁰.

На фоне существенных китайских ассигнований ВМО незначительными кажутся взносы КНР в бюджет Управления Организации Объединенных Наций по вопросам уменьшения опасности стихийных бедствий (МСУОБ ООН), которые с 2016 по 2019 гг. составляют порядка 300 тыс. долл. ежегодно⁴¹. Это удивительно с учетом большого значения проблематики нетрадиционной безопасности и борьбы со стихийными бедствиями в политике КНР, а также центральной ролью МСУОБ ООН в реализации Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015-2030 гг.

По линии Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) совокупный объем взносов КНР в бюджет ЮНЕП с 2016 по 2019 гг. составил 4 млн долл., из которых взносы в 2016 и 2017 гг. равнялись 0,5 млн долл. В 2018 и 2019 гг. произошло увеличение размера ежегодного взноса до 1,5 млн долл.⁴² Также, с 2012 г. действует Трастовый фонд Китай – ЮНЕП, созданный для организации взаимного содействия и укрепления возможностей развивающихся государств по противодействию изменениям климата, устойчивому развитию экономик и повышению публичной осведомленности относительно экологических вызовов. Географические рамки работы фонда включа-

⁴⁰ Author's calculations based on Seventeenth World Meteorological Congress: Abridged final report with resolutions /WMO, Geneva, 2015. Pp. 577, 583. Mode of access: https://library.wmo.int/?lvl=notice_display&id=18648#.XxlGruHVJnI

⁴¹ UNISDR/UNDRR Annual Reports 2017-2019 / UNDRR. Mode of access: <https://www.undrr.org/publication/undrr-annual-report-2019>

⁴² Check Your Contributions /UNEP. Mode of access: <https://www.unenvironment.org/about-un-environment/funding-and-partnerships/check-your-contributions>

ют в себя африканские страны, государства АСЕАН и Центральной Азии. Китайская сторона обязалась ежегодно перечислять в указанный фонд средства в объеме 2 млн долл. (12 млн долл. в 2013–2018 гг.). В 2018 г. завершилась вторая трехлетняя фаза деятельности фонда, включающая в числе приоритетов в том числе сотрудничество в сфере зеленого развития и формирования зеленого ПИП⁴³.

С вопросами охраны окружающей среды тесно связана проблематика изменений климата – одна из наиболее важных и актуальных тем в повестке дня китайских властей. Еще до заключения Парижского соглашения, заключенного в декабре 2015 г., на полях 70-й сессии ГА ООН 25 сентября 2015 г. Си Цзиньпин объявил о планах КНР по учреждению Специального фонда климатического сотрудничества «Юг-Юг» в размере 3,1 млрд долл. (20 млрд юаней)⁴⁴. Затем в ходе своего выступления на Парижском климатическом саммите, предварившем подписание Парижского соглашения, Си Цзиньпин сообщил о запуске КНР с 2016 г. инициативы международного сотрудничества под названием «10-100-1000». Она подразумевает реализацию проектов по созданию 10 низкоуглеродных промышленных парков, запуск 100 программ в развивающихся странах, направленных на смягчение последствий климатических изменений и адаптацию к ним, а также проведение 1000 тренингов и семинаров по вопросам изменения климата⁴⁵. Размер средств, выделяемых на реализацию мероприятий, составит около 45 млн долл. (300 млн юаней) в год⁴⁶.

Осознание Китаем роли ООН как эффективного механизма презентации внешней политики проявилось и в расширении его участия в миротворчестве под эгидой организации, ставшего одним из магистральных направлений сотрудничества с ООН. По мнению В.Я. Портякова, «активное участие Китая в миротворческих операциях отражает усилия страны по выполнению своих обязательств в деле обеспечения международной безопасности. Одновременно оно помогает Пекину лучше интегрироваться в международный режим обеспечения безопасности и тем самым содействовать собственной безопасности. Наконец, поскольку участие в миротворческих операциях позволяет Китаю проецировать вовне имеющуюся и потенциальную мощь, оно может служить важным стратегическим ресурсом страны»⁴⁷.

В 2017 г. размер взноса КНР на проведение операций по поддержанию мира составил более 807 млн долл. или 10,2502% от общего объема финансирования, которое на указанный период составило 7,874 млрд долл.. Размер взноса КНР на 2018 г. сократился как в долевом (до 10,2377%), так и в абсолютном выражении – до 696,4 млн долл. США, что связано с уменьшением общего бюджета на операции по поддержанию мира до 6,803 млрд долл. В 2019 г. после пересмотра размера квот в бюджете ООН увеличилась и доля КНР в бюджете миротворческих организаций – до 15,2197% или 1 018,28 млн долл.⁴⁸ Среди всех постоянных

com/news/china-s-global-climate-battle-90680; Научно-исследовательский проект РАНХиГС.

⁴³ China Trust Fund /UNEP. Mode of access: <https://www.unenvironment.org/about-un-environment/funding/china-trust-fund>

⁴⁴ China South-South Climate Cooperation Fund Benefits Developing Countries // *China Daily*, 2015. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/XiattendsParisclimateconference/2015-11/30/content_22557413.htm

⁴⁵ Full Text of President Xi's Speech at Opening Ceremony of Paris Climate Summit // *China Daily*, 2015. Mode of access: www.chinadaily.com.cn/world/XiattendsParisclimateconference/2015-12/01/content_22592469.htm

⁴⁶ Arkin F. China's Global Climate Battle // *Devex*, 2017. Mode of access: <https://www.devex.com/news/china-s-global-climate-battle-90680>

⁴⁷ Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН. 2013. С. 58. [Portiakov, V.I. Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy. (China's Rise as the Responsible Global Nation). Moscow: IDV RAN. 2013. P. 58.]

⁴⁸ Author's Calculations Based on the UN documents A/C.5/70/24 of 22 June 2016 (Approved Resources for Peacekeeping Operations), A/C.5/71/24 of 30 June 2017 (Approved Resources for Peacekeeping Operations) and A/70/331/Add.1, A/70/331/Add.1 of 28 December 2015 (Effective Rates of Assessment for Peacekeeping Operations, 1 January 2016 to 31 December 2018; A/C.5/72/25 of 5 July 2018 (Approved Resources for Peacekeeping Operations)) and /73/350/

членов Совбеза ООН Китай сейчас является страной, которая отправила наибольший контингент для участия в миротворческих организациях⁴⁹. В настоящий момент 2458 миротворца из КНР принимают участие в 8 миротворческих миссиях⁵⁰.

В ходе выступлений на 70-й сессии ГА ООН и на Саммите миротворчества ООН в сентябре 2015 г. Си Цзиньпин объявил о дополнительных обязательствах Китая в отношении миротворчества под эгидой ООН. Китай создаст Совместный фонд мира и развития Китая и ООН размером в 1 млрд долл., часть средств которого будет в том числе направлена и на миротворческие операции⁵¹. Тогда же было озвучено решение КНР о формировании постоянного контингента полицейских подразделений и миротворческих сил численностью 8 тыс. человек⁵². Си Цзиньпин сообщил, что в последующие 5 лет Китай подготовит 2 тыс. миротворцев из других стран, развернет 10 проектов по разминированию, включая обучение и спецтехнику, а также предоставит Африканскому союзу безвозмездную военную помощь в размере 100 млн долл., в рамках поддержки

в формировании и подготовке постоянного контингента полицейских и воинских подразделений быстрого реагирования в кризисных ситуациях.

Заключение

Сотрудничество с ООН и входящими в ее систему институтами является важным направлением многостороннего сектора китайской внешней политики, что находит отражение в постепенном увеличении ресурсного участия КНР в деятельности отдельных МИМС системы ООН и ключевых программ. В общей сложности совокупный объем ежегодного взноса КНР по 25 ключевым органам и организациям, включая регулярный бюджет ООН и без учета целевых фондов, сегодня составляет 1120,19 млн долл. США.

Однако, несмотря на то, что данные суммы кажутся значительными в абсолютном выражении, в относительном вкладе Китая часто не столь значителен. Можно проследить следующую тенденцию: В институтах, которые Китай не может использовать как площадки для активного продвижения своего лидерства, его взнос, как правило, относительно не велик по сравнению, как с традиционными донорами, так и «новыми» из числа государств бывшего СССР, Латинской Америки и Африки.

Вместе с тем КНР весьма успешно использует возможности даже тех площадок, в работе которых не принимает серьезного финансового участия, для продвижения собственных флагманских международных инициатив, в первую очередь, ОПОП. Для этого активно используются связи с руководством организаций, разовые целевые взносы, а также различные форматы «дипломатии на своем поле» – организация значимых мероприятий по повестке дня МИМС на территории Китая.

Add.1 of 24 December 2018 (Effective Rates of Assessment for Peacekeeping Operations, 1 January 2019 to 31 December 2021).

⁴⁹ Китай в миротворческой деятельности ООН // CCTV, 2016. Режим доступа: <http://russian.cctv.com/2016/07/20/VIDEkXwlJDxcWlV9KNO4swqB160720.shtml> [Kitaj v mirotvorcheskoj dejatel'nosti OON (China in the UN Peacekeeping) // CCTV, 2016. Mode of access: <http://russian.cctv.com/2016/07/20/VIDEkXwlJDxcWlV9KNO4swqB160720.shtml>]

⁵⁰ China /United Nations Peacekeeping. Mode of access: <https://peacekeeping.un.org/en/china>

⁵¹ Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind: Statement. by H.E. Xi Jinping President of the PRC At the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly: New York, 28 September 2015 /UN, 2015. Mode of access: www.gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_ZH_en.pdf

⁵² Xi Jinping: China is here for peace. Remarks by H.E. Xi Jinping President of the PRC At the UN Peacekeeping Summit /Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 2015. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1320127.shtml>

Таблица 1.

Международные органы и организации системы ООН по приоритетности в политике КНР*

Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
1. Организация Объединенных Наций (ООН)	1. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)	1. Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)
2. Специальный фонд ООН для сотрудничества «Юг-Юг»	2. Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС)	2. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)
3. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)	3. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ)	3. Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат)
4. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО)	4. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)	4. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД)
5. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	5. Всемирная туристская организация (ЮНВТО)	5. ООН-Женщины
6. Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР)	6. Международная морская организация (ИМО)	6. Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА)
7. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО)	7. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП)	7. Управление Организации Объединенных Наций по вопросам уменьшения опасности стихийных бедствий (МСУОБ ООН)
8. Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП)		
9. Международная организация труда (МОТ)		
10. Всемирная метеорологическая организация (ВМО)		
11. Миротворчество		

* Оценка приоритетности осуществлялась на основе трех основных критериев: величины взноса КНР в бюджет МИМС (в сравнении с другими институтами и в сравнении КНР с другими донорами в рамках соответствующего МИМС), динамики ее изменения: стабильное уменьшение или увеличение демонстрируют рост приоритетности, объема проектов, реализуемых МИМС на территории КНР.

Table 1. International bodies and organizations of the UN system on priority in PRC policy

Основные усилия Китая в МИМС системы ООН нацелены на развитие сотрудничества с развивающимися странами, а также в рамках форматов «Юг-Юг». Однако демонстрация лидерства по ряду актуальных международных тем, таких как климатические изменения, способствует укреплению позиций КНР и в развитых государствах. Так, в продвижении своих подходов к климатическим изменениям Китай имеет возможность создать тактический союз с ЕС, заинтересованным в поддержании договоренностей Парижского соглашения после выхода из него США⁵³. И шансы Китая занять место

США в качестве международного лидера в определении климатической повестки дня оцениваются высоко как в экспертном сообществе, так и в политических элитах многих зарубежных государств⁵⁴.

Что касается возможности использования китайского опыта Российской Федерацией, то имеет смысл отметить необходимость следующих действий.

1. Оптимизировать участие в рамках МИМС, сконцентрировав основной объем выделяемых ресурсов на приоритетных на-

<https://www.theguardian.com/environment/2017/may/31/china-eu-climate-lead-paris-agreement>

⁵⁴ Worland, J. It Didn't Take Long for China to Fill America's Shoes on Climate Change // *Time*, 2017. Mode of access: <http://time.com/4810846/china-energy-climate-change-paris-agreement/>

⁵³ Boffey, D.; Neslen, A. China and EU Strengthen Promise to Paris deal with US Poised to Step away // *The Guardian*, 2017. Mode of access:

правлениях, одновременно диверсифицировав сеть партнерств (даже малое участие в работе ценно);

2. Разработать широкую и необязательно детализированную инициативу по развитию международного сотрудничества с планом действий и набором рекомендаций и позиций для скоординированного продвижения на площадках отдельных МИМС;

3. Нарастить использование форматов «дипломатии на своем поле» и иных ресурсов публичной дипломатии и «мягкой силы» с широким вовлечением не только властного и экспертного, но и делового сообщества;

4. Активизировать информационную работу, включая продвижение и обнародование результатов российского участия в программной и проектной работе МИМС, в первую очередь в целевых странах;

5. Стимулировать использование сотрудничества по линии МИМС для «выхода вовне» российского бизнеса с использованием механизмов международных органов и организаций системы ООН.

Литература:

Михневич С.В. Стремясь к балансу: анализ деятельности КНР по решению торгово-инвестиционных задач ЦУР на примере сотрудничества с ключевыми партнерами из числа наименее развитых стран (НРС) // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 84-119.

Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН. 2013.

Arkin, F. China's Global Climate Battle // Devex, 2017. Mode of access: <https://www.devex.com/news/china-s-global-climate-battle-90680>

Boffey, D.; Neslen, A. China and EU Strengthen Promise to Paris deal with US Poised to Step away // The Guardian, 2017. Mode of access: <https://www.theguardian.com/environment/2017/may/31/china-eu-climate-lead-paris-agreement>

Copper, J.F. Aid and Investment Diplomacy in Northeast and Central Asia. // China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Volume II History and Practice in Asia, 1950-Present. NY: Palgrave Macmillan, 2016.

Wang Xiaodong. UNAIDS Asks Chinese to Produce Drugs // China Daily, 2017. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-09/11/content_31834032.htm

Worland, J. It Didn't Take Long for China to Fill America's Shoes on Climate Change // Time, 2017. Mode of access: <http://time.com/4810846/china-energy-climate-change-paris-agreement/>

Zheng, Yu. China's Aid and Investment in Africa: A Viable Solution to International Development? Mode of access: <https://www.hhs.se/contentassets/bc7089cd2c364b2cae4c287184ad743b/you-zheng---chinas-aid-and-investment-in-africa-.pdf>

References:

Arkin, F. China's Global Climate Battle // Devex, 2017. Mode of access: <https://www.devex.com/news/china-s-global-climate-battle-90680>

Boffey, D.; Neslen, A. China and EU Strengthen Promise to Paris deal with US Poised to Step away // The Guardian, 2017. Mode of access: <https://www.theguardian.com/environment/2017/may/31/china-eu-climate-lead-paris-agreement>

Copper, J.F. Aid and Investment Diplomacy in Northeast and Central Asia. // China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Volume II History and Practice in Asia, 1950-Present. NY: Palgrave Macmillan, 2016.

Mikhnevich, S.V. Stremias' k balansu: analiz deiatel'nosti KNR po resheniiu torgovo-investitsionnykh zadach TsUR na primere sotrudnichestva s kliuchevymi partnerami iz chisla naimenee razvitykh stran (NRS) (Pursuing Balance: Analysis of the PRC's Implementation of Trade and Investment SDGs in Cooperation With Leading Partners From the Least Developed Countries) // International Organizations Research Journal, 2020, Vol. 15, No 1, pp. 84-119.

Portiakov, V.I. Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy. (China's Rise as the Responsible Global Nation). Moscow: IDV RAN. 2013.

Wang Xiaodong. UNAIDS Asks Chinese to Produce Drugs // China Daily, 2017. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-09/11/content_31834032.htm

Worland, J. It Didn't Take Long for China to Fill America's Shoes on Climate Change // Time, 2017. Mode of access: <http://time.com/4810846/china-energy-climate-change-paris-agreement/>

Zheng, Yu. China's Aid and Investment in Africa: A Viable Solution to International Development? Mode of access: <https://www.hhs.se/contentassets/bc7089cd2c364b2cae4c287184ad743b/you-zheng---chinas-aid-and-investment-in-africa-.pdf>

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10055

CHINA'S COOPERATION WITH MULTILATERAL INSTITUTIONS
OF INTERNATIONAL COOPERATION ON DEVELOPMENT ISSUES
(ON THE EXAMPLE OF INTERACTION WITH THE UN INSTITUTIONS)

Sergey V. Mikhnevich

*Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.06.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 01.09.2020</p>	<p>Abstract: The article examines main aspects of the PRC's policy on international development cooperation, including China's rationales, priority spheres and formats of interaction with 25 leading multilateral institutions of international cooperation (MIIC) representing the United Nations system. The chronology covers period starting since the adoption of the 2030 Agenda for Sustainable Development to 2019. Based on the analysis of the China's resource contribution to the MIIC activities the author defines key areas of cooperation and categorizes the UN agencies with regard to their importance for the China's foreign policy. The main assumption of the current article stipulates that the resource contribution of the country to the MIIC activities is directly related to the countries interest in collaboration. The first part is dedicated to the PRC's ideology and rationales for cooperation on international development issues. The second part considers the China's contribution to the major UN agencies mandates of which covers the 2030 Agenda for Sustainable Development to 2019. The conclusion contains the main findings and the categorization of the UN MIIC importance for China, and recommendations for the Russian Federation.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Director of the Center for Multilateral Cooperation and Eurasian Integration, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP) e-mail: sxzex@yandex.ru</p>	
<p>Key words: China; the PRC; foreign policy; international development assistance; multilateral cooperation; multilateral institutions of international cooperation; United Nations</p>	

Для цитирования: Михневич С.В. Сотрудничество Китая с многосторонними институтами международного сотрудничества по проблематике развития (на примере взаимодействия с институтами ООН) // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 148-159.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10055

For citation: Mikhnevich, Sergey V. Sotrudnichestvo Kitaya s mnogostoronnimi institutami mezhdunarodnogo sotrudnichestva po problematike razvitiya (na primere vzaimodeystviya s organami i organizatsiyami sistema OON) (China's Cooperation with Multilateral Institutions OF International Cooperation on Development Issues (on the Example of Interaction with the UN Institutions)) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 148-159.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10055

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ КНР И ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Иван Владимирович Данилин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 20 августа 2020 Принята к печати: 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Американо-китайская технологическая «война» в 2019-2020 гг. вышла на новый уровень. Помимо существующих и новых ограничений на доступ технологических компаний КНР на рынок США, Вашингтон ввел новые меры, нацеленные на предотвращение доступа китайских корпораций к наиболее передовым технологиям, «умному» капиталу и научным ресурсам. Для КНР и китайского технологического сектора этот процесс стал сильным ударом, существенно осложнившим средне- долгосрочные перспективы развития. Ответом стала активизация политики импортозамещения, взаимосвязанная с форсированным научно-технологическим развитием и активизацией международного научно-технического сотрудничества (МНТС). Пока наблюдается очевидная нехватка компетенций и времени для того, чтобы компенсировать действия США, поэтому идут активные усилия по развитию научно-технологической и кадровой базы для последующего «рывка». Долгосрочные последствия данных процессов неоднозначны. Прямым следствием являются существенные риски развития КНР, а также возможности создания альтернативного США полноценного научного и технологического центра. Более существенны региональные и глобальные последствия. В отличие от иных случаев санкций, меры США направлены не только на ограничение потенциала развития страны-оппонента, но также на воспроизводство на рынках высоких технологий доминирования американских компаний в отдельных ключевых сферах, позволяющим им оставаться структурообразующими игроками глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ), рынков и отраслей. Эти действия и ответные меры КНР ведут к беспрецедентному переформатированию международных научно-технологических процессов, включая создание системы параллельных ГСЦ, отход от «открытой» логики развития сектора хай-тек, смещения акцентов МНТС. На перспективу эти процессы будут иметь и предметные геополитические последствия, так как новая система ГСЦ и рынков будут дополнительными факторами структурирования альянсов, влияния и силы – в т.ч. учитывая акцент на наиболее важных, структурообразующий для экономики будущего технологиях (от 5G до искусственного интеллекта).</p>
<p>Об авторе: Заведующий Отделом науки и инноваций, ИМЭМО РАН e-mail: danilin.iv@imemo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: американо-китайская технологическая война; цифровые технологии; электроника; санкции</p>	

Политика администрации Дональда Трампа серьезно изменила динамику как внутренней, так и международной политики США. Одним из важнейших направлений стала борьба с растущей китайской мощью – особенно экономической. Давление на Пекин выразилось во введении тарифов и нетарифных ограничений на импорт, поддержке создания альтернативных производственных цепочек и локализации производств в США, а также к иным решениям в идеологии «развода» («*decoupling*») двух экономик¹.

¹ См. хронологию и основные вехи «торговой войны» в: Виноградов А.О.; Салицкий А.И.;

Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35-46. [Vinogradov, A.O.; Salickij, A.I.; Semenova, N.K. Amerikano-kitajskaja jekonomicheskaja konfrontacija: ideologija, hronologija, zhanenie (American-Chinese Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning) // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2019, Vol. 19 (1), pp. 35-46.]; Новоселова, Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 6. С. 76-84. [Novoselova, L. Jekonomika

В числе основных приоритетов оказались прорывные (*emerging*) технологии и, прежде всего, мощный и быстрорастущий сектор информационно-коммуникационных (ИКТ) – цифровых технологий КНР. Выбор неслучаен. С одной стороны, персональная электроника и полупроводники, а также интернет-рынки являются наиболее значимыми сегментами китайской экономики знаний и основой ее технологического экспорта. Причем Китай уже вышел на передовые позиции по целому ряду направлений и подготовил условия для научно-технологического «рывка»². С другой стороны, передовые цифровые технологии (стандарт связи 5G, Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект и пр.) имеют принципиальное значение для рынков будущего и, шире, для экономического развития. И, одновременно, для расширения глобального влияния стран, формирующих перспективные технологические платформы и стандарты.

В силу значения прорывных технологий как для экономического, так и для геополитического влияния США и КНР, технологическая «война» двух стран привлекает все большее внимание исследователей. В данной статье помимо общего обзора динамики двусторонних отношений вокруг технологической «войны» США и КНР мы рассмотрим основные проблемы, динамику и перспективы этого нового технологического конфликта с учетом специфики сектора «хай-тек» (основу которого как раз формируют цифровые технологии), экономики и инновационных систем обеих стран и существующего опыта санкционных режимов.

В рамках подготовки статьи помимо кабинетного исследования автор также провел летом 2020 г. серию неориентированных

экспертных интервью на условиях анонимности с представителями российского сектора ИКТ, имеющих опыт работы с крупными китайскими цифровыми компаниями. Выбор в пользу российских специалистов был обусловлен закрытостью цифрового сектора КНР для экспертных инсайтов; высоким уровнем понимания текущих процессов российскими специалистами и экспертами; сложностью диалога с западными специалистами после 2014 г.

Хроника конфликта: от ограничений к «технологической войне»

Первые серьезные шаги по ограничению технологического трансфера в сектор ИКТ КНР и доступа китайских компаний к американской научно-технологической базе были инициированы еще в начале 2010-х годов при Б. Обаме. В частности, были блокированы попытки китайских корпораций приобрести американские компании в сфере электроники и иных цифровых технологий³. Но при Д. Трампе данная политика была институционализирована и приобрела характер комплексного режима технологических санкций.

В соответствии с «лучшими практиками» санкционных режимов (принцип «удара» вместо «завертывания гаек»⁴) базовая

KNR v uslovijah trgovoj vojny (China's Economy in a Trade War) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2020, Vol. 64 (6), pp. 76-84.]

² См., например: Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // *Вопросы экономики*. 2020. № 6. С. 104-120. [Kheyfets B.A. Tehnologicheskoe vozvyshenie Kitaja: novye vyzovy dlja Rossii (China's Technological Rise: New Challenges for Russia) // *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 6, pp. 104-120.]

³ U.S. Weighs Restricting Chinese Investment in Artificial Intelligence // *Reuters*, 13.06.2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-artificialintelligence/u-s-weighs-restricting-chinese-investment-in-artificial-intelligence-idUSKBN1942OX>; Segal, A. When China Rules the Web // *Foreign Affairs*, 2018, September/October. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-08-13/when-china-rules-web>; Mascitellia, B.; Chung, M. Hue and Cry over Huawei: Cold War Tensions, Security Threats or Anti-Competitive Behaviour? // *Research in Globalization*, 2019, Vol. 1, 6 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2019.100002>; Riecke, T. Resilience and Decoupling in the Era of Great Power Competition // *China Monitor*; MERICS, 20.08.2020. Mode of access: https://merics.org/sites/default/files/2020-08/Merics_ChinaMonitor_PowerCompetition.pdf.

⁴ Hufbauer, G.C.; Schott, J.; Elliott, K.L.; Oegg, B. *Economic Sanctions Reconsidered* / G.C. Hufbauer et al. 3rd Edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008. 248 p.

архитектура технологических ограничений формировалась быстро и скачкообразно, но последовательно⁵. Объектами санкций выступают, прежде всего, крупные китайские компании (изначально против Huawei, в меньшей мере ZTE), имеющие структурообразующее значение для технологического развития Китая. Что понятно, учитывая ставку КНР на «национальных чемпионов» для развития перспективных направлений.

Рост давления начался еще в 2017 г., но реальные ограничения были введены в 2018 г. по итогам реформирования законодательства по экспортному контролю (ECRA). Так, с фокусом на крупные китайские компании и КНР в целом был ограничен экспорт технологий в сфере искусственного интеллекта, квантовых компьютеров и иных перспективных решений.

С 2019 г. санкционный режим приобрел полноценный характер, а ключевой целью

этого этапа стало предотвращение тиражирования китайского телекоммуникационного стандарта 5G в США, странах-союзниках и партнерах (от Великобритании до Индии и иных развивающихся стран) и доступ субъектов из КНР к передовым электронным компонентам и полупроводниковым технологиям.

Помимо запрета на поставки телекоммуникационного оборудования Huawei в США и программу замены уже установленных решений, были введены ограничительные меры, призванные не допустить компании к приобретению сторонних передовых чипов и развитию собственного потенциала в сфере разработки и выпуска сложных полупроводниковых систем, что затронуло и потребительский бизнес Huawei. Режим лицензирования фактически остановил экспорт американских технологических компонентов и программного обеспечения (включая чипы Qualcomm и операционную систему Android). Отношения с Huawei разорвал крупный подрядчик, сингапурско-американская Flex (второй после тайваньской TSMC глобальный контрактный производитель электроники и сопутствующей продукции). С учетом негативных рыночных последствий и для продвижения диалога с Пекином весной же 2019 г. режим был смягчен за счет системы временных разрешений Минторга США на сотрудничество с Huawei. Но несмотря на этот шаг и безотносительно к соглашению двух стран в январе 2020 г. было понятно, что возврат к нормальности невозможен и технологический сектор Китая останется на санкционном радаре Белого дома – хотя бы в логике силового давления на Пекин в пользу новых уступок.

Уже в середине мая 2020 г. против Huawei были введены новые ограничения. Под ударом оказались сторонние компании, использующие американские технологии для выпуска чипов, разработанных Huawei – или по ее техническим спецификациям. Фактически, это означало полное отсечение Huawei от возможностей развития электроники. Китайские компании не владеют наиболее передовыми технологиями производства полупроводников, хотя

⁵ Mascitella, B.; Chung, M. Op.cit.; Данилин, И.В. Новый этап американо-китайской технологической войны: Huawei и другие цели США // Российский совет по международным делам, 27.05.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-amerikano-kitayskoy-tekhnologicheskoy-voyny-huawei-i-drugie-tseli-ssha/>; [Данилин, И.В. Новый этап американо-китайской технологической войны: Huawei и другие цели США [A New Stage in the US-China Technological War: Huawei and Other US Targets] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 05/27/2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-amerikano-kitayskoy-tekhnologicheskoy-voyny-huawei-i-drugie-tseli-ssha/>]; Матвеев, К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? // Российский совет по международным делам, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdukitaem-i-ssha/>]; Матвеев, К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? (On the Verge of Divorce. Where Will the Technology War between China and the United States Lead?) // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdukitaem-i-ssha/>].

могут их разрабатывать, используя в т.ч. американские программные средства⁶. Зато почти все ведущие компании мира, способные выпускать сложные чипы, используют американские решения. Одновременно, было заявлено о прекращении к концу года действия системы временных разрешений. В совокупности это привело к досрочному разрыву отношений TSMC с Huawei и фактическиму закрытию программы выпуска по-настоящему передовых процессоров Huawei (линейка Kirin).

На фоне попыток Huawei создать складские запасы чипов сторонних производителей, в августе 2020 г. санкционный режим был вновь расширен, закрывая для китайского гиганта и этот обходной путь. Тогда же смартфоны китайской компании были отключены от Android. Под вопросом оказались не просто конкурентоспособность, но и сама выживаемость потребительского бизнеса и Huawei – как и ZTE.

Смежным направлением стали санкции против полупроводниковой отрасли КНР – также с прицелом на Huawei с учетом усилий компании по превращению в разработчика передовых процессоров. Помимо давления на TSMC и иных контрактных производителей это касалось фактического запрета на экспорт в Китай передового производственного оборудования американских и европейских (особенно голландской ASMC) поставщиков, способного обеспечить печать чипов 7 нм и ниже (технология EUV)⁷, а также иных программных и аппаратных решений. Последовательны были и попытки в отношении отраслевых компаний в самой КНР. В июне 2019 г. были введены санкции против предприятий, связанных с дизайном и разработкой полупроводников (*Higon*,

Chengdu Haiguang Integrated Circuit, Chengdu Haiguang Microelectronics Technology, Wuxi Jiangnan Institute of Computing Technology, THATIC – совместное предприятие американской AMD с консорциумом китайских компаний)⁸. Одновременно, в санкционный список попала и головная компания части этих предприятий – Sugon, производитель суперкомпьютеров и иных сложных цифровых решений.

Растет внимание США и к иным сегментам перспективных цифровых технологий в КНР. Под предлогом нарушения прав уйгурского меньшинства и по иным обвинениям с октября 2019 г. под санкциями США оказались как специализированные компании в сфере безопасности – прежде всего, Hikvision, но также стартапы-лидеры в сфере искусственного интеллекта (*SenseTime Group Ltd и Megvii Technology Ltd*) и иных технологий⁹, которые, скорее всего, и были реальной целью Вашингтона. В мае 2020 г. в новом санкционном списке (всего 33 малых, средних и крупных компаний) оказались другие передовые стартапы, связанные с разработкой искусственного интеллекта, облачных технологий и других цифровых решений, включая *CloudWalk Technology u NetPosa*.

Наконец, с середины 2020 г. началось распространение ограничительного режима США и на крупнейшие Интернет-компании КНР. Заявления об их опасности для США делались еще осенью 2019 г.¹⁰ Но первым

⁶ См., например, обзор: Lapedus, M. China Speeds Up Advanced Chip Development // *Semiconductor Engineering*, 22.06.2019. Mode of access: <https://semiengineering.com/china-speeds-up-advanced-chip-development/>.

⁷ Trump Administration Pressed Dutch Hard to Cancel China Chip-equipment Sale: Sources // *Reuters*, 6.1.2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-asml-holding-usa-china-insight/trump-administration-pressed-dutch-hard-to-cancel-china-chip-equipment-sale-sources-idUSKBN1Z50HN>

⁸ Swanson, A.; Mozur, P.; Lohr, S. U.S. Blacklists More Chinese Tech Companies Over National Security Concerns // *The New York Times*, 21.06.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/06/21/us/politics/us-china-trade-blacklist.html?auth=login-email&login=email>.

⁹ Shepardson, D.; Horwitz, J. U.S. Expands Blacklist to Include China's Top AI Startups ahead of Trade Talks // *Reuters*, 7.10.2019. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-exclusive/us-expands-blacklist-to-include-chinas-top-ai-startups-ahead-of-trade-talks-idUSKBN1WM25M>; US Adds 33 Chinese Companies, Institutions to Economic Blacklist // *Reuters*, 22.05.2020. Mode of access: <https://www.voanews.com/usa/us-adds-33-chinese-companies-institutions-economic-blacklist>

¹⁰ Li, J. A US Official Says Tech Giants Alibaba and Tencent Present Similar Risks as Huawei //

по-настоящему серьезным шагом стал запрет Д.Трампа в августе 2020 г. на операции в США *WeChat* (принадлежит Tencent, активно используется в т.ч. в бизнес-целях, для покупок и пр.) и сервиса коротких видео *TikTok* (изначально американская *Musical.ly*, купленная *ByteDance*) из-за угроз безопасности, якобы связанных с передачей важных данных китайским властям¹¹.

Другой крупный блок усилий был связан с поэтапным прекращением кооперации китайской науки и корпораций с академическим сектором США¹². В частности, ужесточается контроль над участием американских ученых и специалистов в программе «Тысяча талантов». Растут визовые ограничения для китайских ученых и студентов, а их деятельность оказывается под пристальным вниманием властей. С конца 2019 г. идут проверки университетов на предмет иностранных (читай – китайских) источников финансирования и давление в пользу отказа от любых крупных китайских пожертвований, программ и прочих видов поддержки. Свернуты совместные научные мероприятия по линии Национальных лабораторий США. И даже с учетом негативной реакции

американского научного сообщества на политику Белого дома, эти меры несут в себе серьезные долгосрочные репутационные риски для китайской стороны¹³.

Наконец, власти США последовательно отсекают Китай от американского рынка венчурных и иных «умных» инвестиций, до сих пор играющих огромную роль в становлении технологического сектора КНР.

В рамках Закона «О модернизации оценки рисков иностранных инвестиций» (*FIRIMA*) был ужесточен контроль над сделками в сфере критических технологий или инфраструктуры США со странами, «вызывающими особую обеспокоенность». Ряд уже закрытых венчурных сделок оказалась или под скрупулезным изучением властей, или прямо заблокирован американскими регуляторами. В некоторых случаях китайские инвесторы были вынуждены продать свои доли в стартапах. Помимо собственно технологий предметом опасения властей США стал доступ КНР к «чувствительной» персональной информации американцев (от здравоохранения до данных об ЛГБТ-сообществе)¹⁴. В итоге, китайские венчурные инвестиции стали «токсичными» и стали стремительно падать. Только в 2019 г. более чем на 30% сократилось число сделок с хотя бы одним китайским инвестором, на 40% упал их объем¹⁵. На этом фоне «просел» и венчурный рынок самой КНР. В 2018 г. он

Quartz, 13.09. 2019. Mode of access: <https://qz.com/1708662/chinese-tech-giants-tools-of-the-communist-party-us-official/>.

¹¹ Bing, F.; Xu, A.; Dao, J. A Ban on WeChat and TikTok, a Disconnected World and Two Internets // *Voice of America*, 10.08.2020. Mode of access: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/voa-news-china/ban-wechat-and-tiktok-disconnected-world-and-two-internets>; Wong, A.; Hautala L.; Morse, A. TikTok Sues Trump Administration: Everything You Need to Know // *CNet*. Aug. 24, 2020. Mode of access: <https://www.cnet.com/news/trump-vs-tiktok-everything-you-need-to-know/>.

¹² Silver, A.; Tollefson, J.; Gibney, E. How US-China Political Tensions Are Affecting Science // *Nature*, 18.04.2019. Mode of access: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-01270-y>; Benderly, B.L. U.S. Academics, Make Sure You Know the Rules about Foreign Funding and Affiliations // *Science*, 11.09.2019. Mode of access: <https://www.sciencemag.org/careers/2019/09/us-academics-make-sure-you-know-rules-about-foreign-funding-and-affiliations>; Evans, P. Techno-nationalism in China-US Relations: Implications for Universities // *East Asian Policy*, Vol. 12, No. 02, pp. 80-92.

¹³ Этот феномен известен по иным кейсам академических ограничений: Bezuidenhout, L.; Karrar, O.; Lezaun, J.; Nobes, A. Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-term Consequences // *PLoS ONE*, 2019, Vol. 14, №10. Mode of Access: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222669>

¹⁴ Chinese Money in the U.S. Dries Up as Trade War Drags On // *The New York Times*, 21.07.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/07/21/us/politics/china-investment-trade-war.html>; How the US-China Trade War Has Starved Some Silicon Valley Start-ups // *CNBC*, 1.2.2020. Mode of access: <https://www.cnb.com/2020/01/31/chinese-venture-capitalists-draw-back-silicon-valley-investments.html>

¹⁵ How the US-China Trade War Has Starved Some Silicon Valley Start-ups // *CNBC*, 1.2.2020. Mode of access: <https://www.cnb.com/2020/01/31/chinese-venture-capitalists-draw-back-silicon-valley-investments.html>

вырос до рекордных 107 млрд. долл. (пик роста – во втором квартале). Однако уже с третьего квартала 2018 г. началось быстрое падение числа и объема сделок, а в 2019 г. рынок перешел к плавному снижению, опустившись, по разным оценкам, до 35–49 млрд долл. Причем данная динамика объяснялась именно санкциями: так, венчурный рынок США за тот же 2019 г. пусть и немного, но все же вырос – как и финансовые показатели крупнейших китайских цифровых корпораций, ключевых инвесторов и покупателей цифровых стартапов в КНР.

Взаимосвязанным направлением стало ужесточение правил доступа и операций китайских – прежде всего, высокотехнологичных – компаний на американские биржи. Данные идеи прорабатывалось Сенатом и Минфином США как минимум с весны 2020 г. Причиной стало то, что у китайских компаний действительно возникали проблемы с выполнением требований отчетности американских регуляторов (в т.ч. из-за противоречий американского и китайского законодательства). В августе 2020 г. Минфин США утвердил новые подзаконные акты, согласно которым акции компаний, не отвечающих требованиям американских регуляторов, будут сняты с торгов с начала 2022 г.¹⁶ Под угрозой оказались даже такие гиганты, как Alibaba, Baidu и Sina Corporation¹⁷. Впрочем, эти меры двойственный эффект. Если крупные компании задумались о переводе на Гонконгскую и (возможно) Шанхайскую биржи, то китайские стартапы, стремясь успеть до возможного нового ужесточения правил, ускорили свои IPO в США. По ряду оценок, к середине 2020 г. их IPO привлекли более 5,2 млрд долл. по сравнению с около

2,5 млрд за аналогичный период 2019 г.¹⁸ Однако риски отложенных негативных эффектов и дальнейших ограничений более чем реальны и могут быть достаточно чувствительны для китайского сектора «хайтек». Ведь несмотря на последовательное развитие в последние годы рынка капитала КНР, включая биржу технологических акций в Шанхае и усиление Гонконгской биржи, глубина рынка капитала и условия в КНР все еще отстают от таковых в США¹⁹.

Финансовые последствия технологических санкций: степень критичности для КНР

На основе анализа существующей (крайне небогатой) литературы по технологическим санкциям²⁰ известно, что их воздействие на ключевые отрасли и/или экономику имеют значимый характер (хотя, конечно, их

¹⁶ Chinese Firms That Fail U.S. Accounting Standards to Be Delisted as of 2022: Mnuchin // Reuters, 11.08.2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-companies/chinese-firms-that-fail-us-accounting-standards-to-be-delisted-as-of-2022-mnuchin-idUSKCN2562QX>

¹⁷ Rapoza, K. Why 200 Chinese Companies May Soon Delist From The U.S. Stock Exchange // *Forbes*, 19.08.2020. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2020/08/19/why-200-chinese-companies-may-soon-delist-from-the-us-stock-exchange/#23d194b53fe7>

¹⁸ Murdoch, S.; Wu, K.; Zhu, J. Chinese Firms Flood into U.S. IPOs Despite Delisting Threat // *Reuters*, 13.08.2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-china-usa-listing/chinese-firms-flood-into-u-s-ipos-despite-delisting-threat-idUSKCN25925C>

¹⁹ Новоселова, Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020. Т. 64. № 6. С. 76–84. [Novoselova, L. Jekonomika KNR v uslovijah trgovoj vojny (China's Economy in a Trade War) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2020, Vol. 64 (6), pp. 76–84.]; Rapoza, K. Why 200 Chinese Companies May Soon Delist From The U.S. Stock Exchange // *Forbes*, 19.08.2020. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2020/08/19/why-200-chinese-companies-may-soon-delist-from-the-us-stock-exchange/#23d194b53fe7>

²⁰ Рогов М.И. Международные экономические санкции: анализ кейса с Россией в 2014 году // *Журнал Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием*. 2016. № 2. С. 133–157. [Rogov, M.I. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii: analiz keisa s Rossiei v 2014 godu // *Zhurnal Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriiatiem*, 2016, Issue 2, pp. 133–157.]; Vatansever, A. Put over a Barrel? “Smart” Sanctions, Petroleum and Statecraft in Russia // *Energy Research and Social Science*, 2020, Vol. 69, 10 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>. См. также частично: Eichengreen, B. Why Hasn't the Impact of the Trade War Been Greater? // *Journal of Policy Modeling*, 2020, Vol. 42, pp. 820–828.

сложно вычленив из общих санкционных режимов)²¹. Но основные результаты проявляются в средне- долгосрочной перспективе и имеют накопительный эффект. Что же касается кратко- и частично среднесрочного горизонта, то негативные последствия могут быть не выражены или же объекты санкций вообще могут демонстрировать умеренно-положительную динамику за счет успешного импортозамещения, финансовой и иной помощи правительства и т.д.²²

Поскольку полноценное ограничение экспорта технологий, оборудования и компетенций в КНР нереалистично, основным результатом санкций должно стать существенное удорожание развития передовых цифровых технологий. Во-первых, это рост цены импорта – включая премию партнерам за риск – технологий и компетенций, специализированного оборудования и услуг, промежуточных товаров. Во-вторых – более масштабные внутренние инвестиции с целью форсирования импортозамещения и формирования знаний и компетенций в условиях ограничений доступа к необходимым внешним научно-техническим ресурсам.

Все это уже хорошо наблюдаемо как на государственном, так и на корпоративном уровне. Например, с 2018 г. идет ускоренная накачка финансовыми ресурсами корпорации-производителя полупроводников SMIC. Не считая различных госльгот на развитие производства, только в мае 2020 г. национальный и шанхайский региональный инвестфонды вложили в компанию около 2,25 млрд долл., а благодаря IPO в Шанхае SMIC привлекла 6,5 млрд долл. Рост инвестиций (в т.ч. через IPO) налицо и для менее

крупных технологических и производственных фирм и стартапов – не в последнюю очередь за счет ожиданий инвесторами новых мер господдержки отрасли²³. Если говорить о корпоративном уровне, то Huawei пришлось срочно дорабатывать свою операционную систему, ускорить развитие экосистемы создания сервисов (в т.ч. в партнерстве с Tencent) и иные мероприятия по замещению «выпадающих» американских наукоемких продуктов и услуг.

Сопутствующим вызовом оказывается снижение финансовых возможностей государства и бизнес-сектора по компенсации внешних технологических ограничений – в т.ч. вследствие действия рамочных торгово-экономических санкций. На перспективу основной проблемой является ускорение падения темпов роста и так замедляющейся экономики Китая и сопутствующие вопросы (снижение налоговых поступлений, рост поддержки прочих отраслей, выполнение сообразительств и пр.). Свою роль играет и уменьшение притока прямых иностранных инвестиций, которые являются в т.ч. источником важных знаний, навыков, технологий и ноу-хау. Для бизнес-сектора наиболее актуальной проблемой остается снижение доступа к рынку капитала США и экспортных доходов. Помимо запретов и иных ограничений на импорт китайской цифровой продукции и услуг третьими странами под давлением США, речь идет о негативном действии американских импортных тарифов. Как показывает эконометрический анализ и моделирование, доля КНР на американском (и мировом) рынках действительно снижается – как и прибыль китайских компаний²⁴.

²¹ Рогов М.И. Международные экономические санкции: анализ кейса с Россией в 2014 году // Журнал Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2016. № 2. С. 133-157. [Rogov, M.I. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii: analiz keisa s Rossiei v 2014 godu // Zhurnal Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriatiem, 2016, Issue 2, pp. 133-157.]

²² McLeary, P. Did Western Sanctions Actually Help the Russian Military? // *Foreign Policy*, 23.01.2017. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2017/01/23/did-western-sanctions-actually-help-the-russian-military/>.

²³ Huawei's Chinese Chip Supplier SMIC to Raise USD 2.25bn from Chinese State-backed Investors // *AnalyzeMarkets*, 18.05.2020. Mode of access: <https://www.analyzemarkets.com/en/intelligence/huawei-s-chinese-chip-supplier-smic-to-raise-usd-bn-from-chinese-state-backed-investors>; Sino-US Tech Race Turbocharges China Chip Investment, Triggering Bubble Fear // *South China Morning Post*, 25.06.2020. Mode of access: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3090507/sino-us-tech-race-turbocharges-china-chip-investment-triggering>

²⁴ Higgins, M.; Klitgaard, T.; Nattinger, M. Who Pays the Tax on Imports from China? // *Liberty*

Однако до какой степени критичен для Китая рост затрат?

Принципиально учитывать тот факт, что американские ограничения реализуются в условиях давно и последовательно проводимой политики импортозамещения и развития цифрового сегмента КНР²⁵. В полупроводниковой промышленности быстрый рост интенсивности усилий начался с 2014 г., важной вехой здесь стала известная программа «*Made in China – 2025*», утвержденная в 2015 г. Интернет- и иные цифровые технологии стали фокусом внимания китайской политики примерно в то же время, включая программу «Интернет плюс» и иные мероприятия. С 2018 г. прорабатывается амбициозный план развития т.н. «новой», цифровой инфраструктуры, включая сети 5G, дата-центры и пр. Даже вне санкций на эти мероприятия предполагалось затратить сотни миллиардов долларов – в т.ч. на НИОКР²⁶.

Китайские цифровые корпоративные гиганты также активно наращивают свои инновационные усилия с начала 2010-х годов. Даже не считая «бума» корпоративных венчурных инвестиций с 2010 г. НИОКР у

Huawei увеличились в 13,4 раз до более чем 18,5 млрд долл., у Alibaba – в 42 раза до 3,6 млрд долл. и т.д.²⁷

Конечно, повторимся, новые вызовы приведут к росту «цены» научно-технологических, инновационных и производственных мероприятий. Но с точки зрения объемов поддержки и учитывая все еще серьезный финансовый потенциал центрального и региональных (играют огромную роль в технологическом развитии КНР) правительств и самих компаний они не представляются закритичным по сравнению с «базовым» сценарием – по крайней мере, на среднесрочную перспективу.

Более серьезным вопросом оказываются долгосрочные возможности технологического прорыва, который может компенсировать немалую часть возникающих проблем, вынудить США пойти на уступки, а иные страны – на рост кооперации с КНР. Рост сложности физического доступа к некоторым важнейшим знаниям, технологиям и производствам на фоне сохраняющегося серьезного отставания по ряду ключевых технологий может существенно ослабить китайский «рывок» в цифровой сфере. Тем более, что высокий динамизм инноваций в ИКТ-секторе не допускает инновационных «пауз». И в этом отношении основным вопросом оказывается эффективность научно-технологической, инновационной, а также институциональной политики КНР. Здесь проявляется серьезнейшая дилемма развития, имеющая комплексный экономический и политический характер, а также важные внешнеэкономические и внешнеполитические импликации.

Долгосрочные ответы Китая на вызовы технологической войны

Реакция КНР – прежде всего, в сфере научно-технологической и кадровой политики – позволяет охарактеризовать китайскую стратегию как образец т.н. «умного ответа» («*smart response*») на санкции²⁸.

Street Economics, Federal Reserve Bank of New York, 25.11.2019. Mode of access: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2019/11/who-pays-the-tax-on-imports-from-china.html>; Li, M.; Balistreri, E.J.; Zhang, W. The U.S.–China Trade War: Tariff Data and General Equilibrium Analysis // *Journal of Asian Economics*, 2020, Vol. 69, 13 p. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1016/j.asieco.2020.101216>; Eichengreen, B. Why Hasn't the Impact of the Trade War Been Greater? // *Journal of Policy Modeling*, 2020, Vol. 42, pp. 820-828.

²⁵ Yu, H. Pivot to Internet Plus: Molding China's Digital Economy for Economic Restructuring? // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp.1486-1506; Yu, H. Reading the 13th Five-Year Plan: Reflections on China's ICT Policy // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp. 1755–1774; Zenglein, M.J.; Holzmam, A. Evolving made in China 2025 // MERICS Papers on China, 2019, No 8. 78 p. Mode of access: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/MPOC_8_MadeinChina_2025_final_3_0.pdf

²⁶ Для сравнения: в целом НИОКР КНР с 2009 по 2018 гг. в постоянных ценах выросли в почти в 2,6 раз до около 554,3 млрд долл. по ППС (данные ЮНЕСКО: Mode of access: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en#).

²⁷ Рассчитано автором на основе годовых корпоративных отчетов, представленных на официальных веб-сайтах компаний.

²⁸ См. о концепции «умной» ответной политики на санкции: Vatansever, A. Put over a Barrel?

Во-первых, четко просматривается ставка на развитие знаний и кадрово-компетенционного потенциала по передовым направлениям – как за счет наращивания внутренних расходов, так и проактивного международного научно-технического сотрудничества (МНТС), в т.ч. по фундаментальной науке.

Учитывая специфические условия, сформированные технологическими санкциями и сокращением взаимодействий с США, об МНТС хотелось бы сказать отдельно. Фиксируется развитие научного диалога со странами Европы и рядом иных государств, включая Россию (хотя из-за бюрократизма и иных проблем двусторонний научный диалог имеет менее выраженный характер). Наиболее интересная динамика наблюдается по линии корпоративных усилий. Китайские субъекты не только продолжают финансирование существующих центров, проектов и партнерств, но и иницируют новые. Крупнейшим является Кембриджский центр Huawei в сфере оптоэлектронных технологий, ориентированный на НИОКР и передовое производство (с 2017 г.; старт активных работ с 2020 г.)²⁹. Только его первая фаза, по оценкам самой Huawei, будет стоить свыше 1,3 млрд долл. В самом Китае и за рубежом развиваются корпоративные научно-инновационные экосистемы, активизируется работа с открытыми инновациями³⁰. Растет интерес к РФ³¹. Лидером здесь

²⁹ “Smart” Sanctions, Petroleum and Statecraft in Russia // *Energy Research and Social Science*, 2020, Vol. 69, 10 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>

²⁹ Huawei to Build an Optoelectronics R&D and Manufacturing Centre in Cambridge // Huawei, 25.06.2020. Mode of access: <https://www.huawei.com/en/news/2020/6/huawei-optoelectronics-rd-manufacturing-centre-cambridge>

³⁰ См., например: Meinhardt, C. Open Source of Trouble: China’s Efforts to Decouple from Foreign IT Technologies // *Merics*, 18.03.2020. Mode of access: <https://merics.org/en/analysis/open-source-trouble-chinas-efforts-decouple-foreign-it-technologies>

³¹ Данилин И. Диалог России и Китая в сфере инновационных технологий // Российский совет по международным делам, 6.05.2020. Mode of access: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tekhnologiy/)

также выступает Huawei: объем и глубина ее НИОКР по открытым данным и по мнению опрошенных экспертов выросли с 2017-2018 гг. взрывными темпами. Постепенно увеличивается интерес к инновационному диалогу с РФ и со стороны иных китайских частных субъектов.

Одновременно, государством и компаниями привлекаются лучшие умы – как через мягкие формы научной кооперации (совместные проекты и т.д.), так и за счет прямого «импорта» специалистов (от массового «ввоза» инженеров по полупроводниковым технологиям с Тайваня³² до программы «Тысяча талантов»). Дополнительным ресурсом для кадровой накачки китайской науки и технологий видимо станут и китайские специалисты-репатрианты – если логика кадровой и визовой политики США сохранится или по крайней мере не нормализуется до предконфликтного уровня. Кроме того, по оценкам опрошенных экспертов, сохраняется привлекательность локализации в Китае стартапов и иных малых и средних технологических компаний из третьих стран – за счет получения доступа к рынку и разветвленной системе льгот и грантов.

Отдельно следует сказать о «тайваньском факторе», имеющем выраженную политическую составляющую. По мнению ряда опро-

[i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tekhnologiy/\[Danilin, I. Dialog Rossii i Kitaja v sfere innovatsionnykh tehnologij // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 6.05.2020. Mode of access: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tekhnologiy/\]](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tekhnologiy/)

³² Taiwan Yahoo News, 03.12.2019. Mode of access: [https://asia.nikkei.com/Business/China-tech/China-hires-over-100-TSMC-engineers-in-push-for-chip-leadership](https://tw.news.yahoo.com/%E4%B8%AD%E5%9C%8B%E4%BC%81%E6%A5%AD%E9%96%8B%E5%87%BA2%E8%87%B33%E5%80%8D%E8%96%AA%E8%B3%87%E6%8C%96%E8%A7%92-%E5%8F%B0%E7%81%A3%E5%B7%B2%E6%B5%81%E5%A4%B13000%E5%A4%9A%E5%90%8D%E5%8D%8A%E5%B0%8E%E9%AB%94%E6%A5%AD%E4%BA%BA%E6%89%8D-051742517.html; Cheng, T.-F. China Hires over 100 TSMC Engineers in Push for Chip Leadership // <i>Nikkei Asian Review</i>, 12.08.2020. Mode of access: <a href=)

шенных автором российских специалистов и в полном согласии с оценками (в открытых источниках) зарубежных аналитиков, в последующие годы Тайвань и TSMC по чисто экономическим причинам и под «благожелательным давлением» китайского правительства будут вынуждены сформировать некие компенсационные механизмы взаимодействия с КНР³³. В качестве опций называются выстраивание параллельной или альтернативной, не подпадающей под санкции США производственно-технологической инфраструктуры (обеспечит «мягкий» трансфер технологий, в т.ч. через кадровые обмены и иные эффекты перелива), или менее формальные каналы технологического «донорства». Учтем в этой связи, что TSMC последовательно укрепляет лидерство в сфере производства наиболее передовых чипов³⁴, а также пообещала «взятку» Вашингтону в виде строительства новой фабрики в Аризоне.

Взаимосвязанным важным направлением являются системные усилия по развитию внутреннего рынка передовых цифровых технологий. Здесь следует обратить внимание на реализацию программы «Интернет плюс» и уточненные в мае-июне 2020 г. параметры плана развития «новой» инфраструктуры (до 2,5 трлн долл. до 2025 г.)³⁵.

³³ Pham, S. Taiwan Could Become the Next Flashpoint in the Global Tech War // *CNN Business*, 01.08.2020. Mode of access: <https://edition.cnn.com/2020/07/31/tech/tsmc-intel-semiconductors-hnk-intl/index.html>; U.S.'s Huawei Sanctions Are a New Headache for Emerging Market Investors // *Barron's*, 21.08.2020. Mode of access: <https://www.barrons.com/articles/u-s-s-huawei-sanctions-are-a-new-headache-for-emerging-market-investors-51598005800?refsec=technology>

³⁴ В частности, Intel испытывает проблем с запуском процессоров от 7 нм и ниже и, видимо, будет развивать отношения с TSMC: Sag, A. Intel Is Down In Processors, Not Out With 7nm Delays // *Forbes*, 31.07.2020. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/moorinsights/2020/07/31/intel-is-down-in-processors-not-out-with-7nm-delays/#7437a5107e19>

³⁵ Economic Watch: China steps up new infrastructure investment to empower cities of the future // *Xinhua*, 03.06.2020. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/03/c_139111001.htm.

Мероприятия, в частности, предусматривают рост диффузии цифровых технологий в экономике, поддержку цифровой трансформации бизнеса КНР и общественного сектора. Важным процессом стало формирование государственно-частных партнерств по цифровизации с участием крупнейших китайских интернет-корпораций (Alibaba, Tencent и др.) – включая развитие инновационной инфраструктуры (технопарки, цифровые промышленные кластеры, исследовательские центры и пр.)³⁶. Представляется, что все это не только обеспечит компании и научно-технический сектор КНР дополнительными ресурсами, но и повысит потенциал и экономическую рациональность цифрового развития КНР в логике балансирования экспортной и внутрьориентированной моделей развития. А заодно станет новым фактором роста привлекательности китайского рынка для западных игроков, что может объективно привести к смягчению санкций или их саботажу со стороны, например, европейских стран, Р. Кореи, Японии.

Даже с учетом «кадрового голода» и компетенционных «провалов» КНР по перспективным технологиям, все эти усилия представляются значимыми – тем более с учетом качественных, накопительных эффектов на перспективу.

Но при всем позитиве этого «умного» ответа нельзя преуменьшать и вызовы, стоящие перед КНР. Основные из них, на наш взгляд, имеют не так ресурсный как политический (в широком смысле слова) и институциональный характер.

Опыт Ирана, России и иных стран, так или иначе столкнувшихся с проблемой внеш-

³⁶ China's Got a New Plan to Overtake the U.S. in Tech // *Bloomberg News*, 21.05.2020. Mode of access: [http://www.xinhuanet.com/english/2020-05/31/c_139102970.htm](https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-20/china-has-a-new-1-4-trillion-plan-to-overtake-the-u-s-in-tech#:~:text=In%20the%20masterplan%20backed%20by,develop%20AI%20software%20that%20will; Tencent to Invest 500 bln Yuan on New Infrastructure in Next 5 years // <i>Xinhua</i>, 31.05.2020. Mode of access: <a href=); Private sector set to drive investment in industrial upgrade // *China Daily*, 16.06.2020. Mode of access: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202006/16/WS5ee83040a310834817253531.html>

них ограничений развития, демонстрирует, что одним из значимых источников опосредованных негативных эффектов технологических санкций являются следствия политики импортозамещения и, шире, расширения роли государства в научно-технологической сфере³⁷.

Это, прежде всего, проблема оптимального распределения ресурсов. Китаю потребуется четкий выбор приоритетов (с возможным сокращением их числа); развитие инструментов господдержки (в т.ч. чтобы не допускать «пузырей» импортозамещения или «отчетных» инноваций); корректный баланс между «техно-национализмом» и рационализацией внешнеэкономических связей с поправкой на санкции. Построение технологически «самодостаточного» цифрового сектора вызывает серьезные сомнения. Зато абсолютизация логики импортозамещения и «массовых прорывов» чревата как потерями из-за рентного поведения субъектов, так и рисками снижения конкурентоспособности и динамизма отдельных направлений.

Особенно остро вопрос о рациональности политики стоит в силу фокуса текущей «войны» на передовых коммерческих цифровых технологиях. К сожалению, государственные структуры далеко не всегда оказываются наиболее эффективными субъектами в данной сфере – наилучшим примером чему служит история цифровой экономики самой КНР и госполитики по ее развитию³⁸.

³⁷ Eichengreen, B. Why Hasn't the Impact of the Trade War Been Greater? // *Journal of Policy Modeling*, 2020, Vol. 42, pp. 820-828.

³⁸ Yu, H. Pivot to Internet Plus: Molding China's Digital Economy for Economic Restructuring? // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp. 1486-1506; Данилин И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 6. С. 246-267. [Danilin, I.V. Razvitie cifrovoj jekonomiki SShA i KNR: faktory i tendencii // *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2019, No. 12 (6), pp. 246-267]; Sino-US Tech Race Turbocharges China Chip Investment, Triggering Bubble Fear // *South China Morning Post*, 25.06.2020. Mode of access: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3090507/sino-us-tech-race-turbocharges-china-chip-investment-triggering>;

Едва ли не более важным вопросом оказывается способность выстроить замещающие институты инновационного развития (от бирж и «умного» капитала до новых регуляторных и, главное, культурных норм и неформальных институтов), что позволило бы купировать часть указанных рисков. Это крайне непростая задача в силу временного фактора и чисто экономических причин. Показательно, что хотя Китай приступил к последовательному развитию институтов современной национальной инновационной системы более 10 лет назад – причем в гораздо более благоприятных условиях – высокая зависимость китайского «хай-тек» от американских и иных западных инновационных институтов, в т.ч. финансовых, все еще налицо.

Все это приводит нас к ключевому вопросу о потенциале корректировки текущей модели развития КНР и обеспечивающей ее госполитики. Ответ на него тесно связан с идеологическими, политическими и институциональными вызовами. Готовность экспериментировать с научно-технологической и инновационной политикой налицо, как и стремление к умеренной либерализации экономической жизни, а также к иным вполне разумным, но, скорее, «техническим» шагам. Но возможны ли и целесообразны более глубокие перемены – в существующих условиях и с учетом изменений технологической геополитики – пока неочевидно. Однако именно от этих политических решений и институциональных перемен будет, в конечном счете, зависеть успех КНР в ответе на технологический вызов США, так как (оценочно) сохранение текущей динамики ведет почти в любом сценарии к существенным потерям КНР при снижении качества развития.

Рынки «хай-тек» и геополитика: растущее взаимовлияние

Фокус нынешней «войны» на передовых коммерческих цифровых технологиях предполагает необходимость соотношения специфики глобальных рынков высоких

Tracking China's Tech Policies // *The Economist Intelligence Unit*. 14.06.2019. Mode of access: <http://www.eiu.com/industry/article/478123231/tracking-chinas-tech-policies/2019-06-14>.

технологий со стратегиями США и ответными действиями китайских властей. Ведь и сама рассматриваемая санкционная война строится не только вокруг традиционной логики нанесения ущерба, ограничения роста отдельных отраслей или совокупного национального потенциала КНР, но и переформатирования сектора высоких технологий и доминирования на рынках будущего.

Центральным вопросом в данном отношении оказывается нарастающее противоречие техно-националистических подходов обеих сторон³⁹ (от секьюритизации данных до проактивного технологического протекционизма и концепций цифрового суверенитета) с логикой функционирования и архитектурой рыночных и производственно-технологических процессов в сфере цифровых технологий.

США как текущий лидер и Китай как страна-претендент на лидерство реализуют стратегии формирования зон цифрового влияния – технологических режимов – на основе перспективных стандартов, платформ и экспансии цифровых компаний⁴⁰. При этом

Китай, например, еще и наращивает цифровую составляющую своего важнейшего геоэкономического проекта «Пояс и путь» – от создания интернет-инфраструктуры до систем сбора и анализа гео- и климатических данных в поддержку экономических задач⁴¹. США при Д. Трампе в большей мере акцентируют ad-hoc взаимодействия с партнерами по цифровой повестке, но, скорее всего, в конечном счете также вернуться к логике широких партнерств и режимов.

Эти процессы связаны как с конвенциональными целями поддержки экспорта и усиления позиций крупнейших корпораций, так и с расширением экономического влияния, усилением взаимосвязи со странами-акцепторами технологий, получением асимметричных конкурентных преимуществ – в т.ч. за счет доступа к большим данным как ключевому ресурсу цифровой экономики⁴² и важному стратегическому ресурсу. Иными словами, стратегия в сфере передовых технологий (от 5G до Интернета вещей) в любом случае предполагает геоэкономические и геополитические соображения.

Учитывая фактор усиливающего противостояния США и КНР и параллели с традиционной логикой «сфер влияния», применение техно-националистического подхода и инструментария становится понятным, определяя жесткость экспансии и защиты новых – технологических – «границ». Свою

³⁹ Manning, R. Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution // *Global Asia*, March 2019. Mode of access: <https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution-robert-a-manning>; Capri, A. Techno-nationalism: The US-China Tech Innovation Race. New Challenges for Markets, Business and Academia // *Hinrich Foundation Report*, Aug. 2020. 40 p. Mode of access: [https://research.hinrichfoundation.com/hubfs/White%20Paper%20PDFs/US-China%20innovation%20race%20\(Alex%20Capri\)/Hinrich%20Foundation%20-%20Techno-nationalism%20and%20the%20US-China%20tech%20innovation%20race%20-%20Alex%20Capri%20-%20August%202020.pdf](https://research.hinrichfoundation.com/hubfs/White%20Paper%20PDFs/US-China%20innovation%20race%20(Alex%20Capri)/Hinrich%20Foundation%20-%20Techno-nationalism%20and%20the%20US-China%20tech%20innovation%20race%20-%20Alex%20Capri%20-%20August%202020.pdf); Evans, P. Techno-nationalism in China–US Relations: Implications for Universities // *East Asian Policy*, 2020, Vol. 12, No. 2, pp. 80-92.

⁴⁰ Аналогичную цель преследует ЕС, но иными средствами. См.: Europe's digital sovereignty: from rulemaker to superpower in the age of US-China rivalry. Hobbs, C. (ed.). *The European Council on Foreign Relations*, 2020. 99 p. Mode of access: https://www.ecfr.eu/page/-/europe_digital_sovereignty_rulemaker_superpower_age_us_china_rivalry.pdf; Данилин И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рын-

кам? // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 1. С. 100-116. [Danilin, I.V. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na liderstvo v global'nykh protsessakh: ot platform k ryнкam? (The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 100-116.]

⁴¹ Guo H. et al. The Digital Belt and Road Program in Support of Regional Sustainability // *International Journal of Digital Earth*, 2018, Vol. 11, No. 7, pp. 657-669; Greene, R. Will China Control the Global Internet Via its Digital Silk Road? / *Carnegie Endowment for International Peace*. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/05/08/will-china-control-global-internet-via-its-digital-silk-road-pub-81857>

⁴² См., например: Sadowski, J. When Data is Capital: Datafication, Accumulation, and Extraction // *Big Data & Society*, 2019, Vol. 6 (1), 12 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1177/2053951718820549>

роль, видимо, играют также регуляторный опыт и политические установки обеих сторон. С одной стороны, это экстернализация техно-националистических подходов КНР (защита внутреннего рынка ради развития отечественного научно-технического потенциала)⁴³. С другой – симметричная реакция США как следствие прихода к власти администрации Д. Трампа, склонной к (условно) «националистическим» подходам в экономике и международной политике.

Между тем, реализация подобной техно-националистической стратегии чревата серьезными рисками для цифрового сектора. Формирование двух самостоятельных технологических центров экономически приемлемо, а в некоторых сценариях даже может повысить качество и стабильность развития цифровых рынков за счет роста конкуренции. А вот появление двух отдельных (хотя и пересекающихся) рынков ИКТ-продукции и систем глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ), а также частичная ревизия «открытой» логики развития индустрии (гармонизированные глобальные стандарты, высокий уровень интернационализации и аутсорсинга, открытые инновации и пр.) опасны и для «хай-тек», и для мировой экономики. Подобная ситуация предполагает гигантские дополнительные инвестиции и затраты отраслевых игроков и правительств США и КНР⁴⁴; рост ограничений развития циф-

рового сектора за счет сокращения эффектов перелива и иных вызовов; нарушение стабильности производственных цепочек и иные негативные последствия – вплоть до «нормализации» феномена технологических и торгово-экономических «войн».

Существует и страновое измерение рисков цифровых сегментов «хай-тек».

Для КНР это, прежде всего, сохраняющееся американское доминирование в сфере наиболее передовых цифровых технологий, особенно связанных с созданием перспективной полупроводниковой продукции⁴⁵. Здесь против КНР работает само время – с учетом уже отмеченной неприемлемости для отрасли инновационных «пауз» и в условиях снижения доступа к инновационным ресурсам и институтам западных стран, формирующих серьезные вызовы качеству национального научно-технологического и инновационного развития. Кроме того, даже небольшие задержки в продвижении стандартов 5G, Интернета вещей и пр. могут привести к потере огромных рынков, критически важных для обеспечения благоприятных условий цифрового развития и влияния КНР.

Для США значимым оказывается фактор рыночных потерь. Китай – как и в иных случаях⁴⁶ – в условиях высокой зависимости

⁴³ Liu, J. China's Data Localization // *Chinese Journal of Communication*, 2020, Vol. 13, Issue 1, pp. 84-103; Seaman, J. China and the New Geopolitics of Technical Standardization. Notes de IFRI, IFRI, January 2020. 31 p. Mode of access: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/seaman_china_standardization_2020.pdf; Kim, M.-j.; Lee, H.; Kwak, J. The Changing Patterns of China's International Standardization in ICT under Techno-nationalism: A Reflection through 5G Standardization // *International Journal of Information Management*, 2020, Vol. 54, 8 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102145>

⁴⁴ По оценкам Bank of America – Merrill Lynch перенос производств из КНР в третьи страны потребует до 1 трлн долл. в последующие несколько лет. Цифровые производства в силу дороговизны и сложности составляют значительную часть этих затрат. См.: The USD 1 Trillion Cost of Remaking Supply Chains: Significant but

not Prohibitive // *BofA Securities*, 23.07.2020. 6 p. Mode of access: https://www.bofam.com/content/dam/boamlimages/documents/articles/ID20_0734/cost_of_remaking_supply_chains.pdf; См. также: Farrell, H.; Newman, A. The Folly of Decoupling From China // *Foreign Affairs*, 03.06.2020. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-06-03/folly-decoupling-china>

⁴⁵ Fuller, D.B.; Akinwande, A.I.; Sodini, C.G. The Globalization of R&D's Implications for Technological Capabilities in MNC Home Countries: Semiconductor Design Offshoring to China and India // *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, Vol. 120, pp. 14-23; Production and Trade of Knowledge- and Technology Intensive Industries. Science & Engineering Indicators, NSB-2020-5. Alexandria, VA: National Science Board, 2020. 65 p. Mode of access: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/#>

⁴⁶ Кашин, В.Б.; Пятчкова, А.С.; Крашенинникова, Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // *Сравнительная политика*. 2020. № 2.

от американского капитала, потребителей и технологий избегает симметричных санкций. Но потеря огромного китайского рынка сбыта, значимого даже для крупнейших американских цифровых компаний (от Apple до Qualcomm)⁴⁷, и затраты, связанные с необходимостью выстраивания новых производственных цепочек, слишком чувствительны. Что уже вызывает беспокойство у американского бизнес-сообщества и финансового сектора⁴⁸. Еще большими рисками чревато создание в КНР по-настоящему альтернативного центра технологий.

Иными словами, сама архитектура рынков и специфика инновационных и производственно-технологических процессов в сфере цифрового «хай-тек» предполагают слабую реалистичность полного «развода» или балканизации цифровых сегментов обеих стран – что бы ни говорил Д. Трамп. И, как следствие, безальтернативность в будущем некой новой американо-китайской цифровой «сделки».

Выводы

Технологическая война стала сильным ударом для КНР, существенно осложнившим средне- долгосрочные перспективы ее развития. Первый ответом является скорее пролонгацией уже реализуемых мер – хотя

и в логике т.н. «умного» ответа на санкции (помимо активизации импортозамещения форсированное научно-технологическое развитие и пр.). Пока что сказывается нехватка компетенций и времени для того, чтобы компенсировать действия США, но на перспективу важнейшим вопросом оказывается институционально-экономическое развитие КНР как залог технологического «рывка» и формирования успешного альтернативного центра инновационного и научно-технологического развития. При этом помимо чисто странового измерения налицо определенное переформатирование международных научно-технологических и инновационных процессов в цифровом секторе, включая коррекцию его прежней, условно-открытой логики развития на базе либеральной модели глобализации. На перспективу эти процессы будут иметь и предметные геополитические последствия, так как новая система ГСЦ и рынков будут дополнительными факторами структурирования альянсов, влияния и силы – особенно учитывая акцент на прорывных цифровых технологиях.

Не менее интересен более широкий контекст американо-китайской «технологической войны». Она может показаться лишь одним (пусть и важным) направлением противостояния сверхдержав или еще одним кейсом санкционных режимов, популярность которых с конца «холодной войны» растет. Но в реальности она имеет уникальный характер. Это первый случай, когда одной из ключевых областей геополитической конкуренции сверхдержав оказываются коммерческие технологии. Все прочие случаи санкций и иных научно-технологических ограничений имели либо иные цели (геополитические – СССР, Иран, Россия с 2014 г., частично, КНДР; международно- или военно-политические – КНДР, Китай после событий на пл. Тяньаньмэнь; экономические – Япония в 1980-х годах), либо иной объект и масштаб действия (например, военные технологии; нефтегазовый сектор как основа экономики РФ и т.д.) и/или были направлены против несопоставимого по совокупному потенциалу оппонента.

Мы наблюдаем рост геополитического значения прорывных, особенно цифровых

С. 123-138 [Kashin, V.B.; Pyatachkova, A.S.; Krashenninnikova, L.S. Kitayskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsiy: teoriya i praktika [Chinese Policy in the Application of Economic Sanctions: Theory and Practice] // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 123-138.]

⁴⁷ См., например: 10 US Companies With Highest Revenue Exposure To China // Yahoo Finance, 03.08.2020. Mode of access: <https://finance.yahoo.com/news/10-us-companies-highest-revenue-225350456.html>

⁴⁸ Lapedus, M. Impact Of U.S.-China Trade War / *Semiconductor Engineering*, 23.05.2019. Mode of access: <https://semiengineering.com/impact-of-u-s-china-trade-war/>; Bain, B. Wall Street Pushes Back on US Threats to Delist Chinese Firms from American Exchanges, Calling Legislation a 'Blunt Tool' // *Bloomberg*, 09.07.2020. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-07-09/vanguard-nyse-set-to-weight-in-on-u-s-crackdown-on-china-firms>

коммерческих технологий – в определенном смысле встречное движение относительно секьюритизации цифровой тематики, наблюдаемой в последнее десятилетие. Как следствие, происходит постепенная институционализация технологической повестки как элемента геополитической и геоэкономической стратегии игроков – вплоть до формирования комплексных цифровых режимов/зон влияния, включающих элементы технического регулирования, модельные регуляторные документы и практики, этические нормы (по образцу ЕС) и иные аспекты. При этом помимо чисто научно-технологических аспектов новое значение в этой «технологической геополитике» получают обеспечивающие экономические феномены и процессы, от рынков капитала до институтов и культуры инноваций. Которые также, в свою очередь, получают более широкое региональное и глобальное значение (например, биржи высокотехнологичных компаний и рынки венчурного капитала).

В свою очередь, на международно-политические отношения держав и их геополитические стратегии все большее влияние оказывают специфические проблемы сферы «хай-тек».

Несмотря на остроту текущего конфликта, наше исследование показывает, что на средне-долгосрочную перспективу в силу специфики инновационных и производственно-технологических процессов в цифровом секторе и с учетом техноэкономических рисков и ограничений обеих сторон неизбежно нахождение компромисса и некоего равновесного состояния двух формирующихся техно-экономических режимов.

Конкретные параметры этой будущей «новой нормальности» пока сложно определить. Но очевидно, что ее важной частью станут торгово-экономические режимы, которые получают новую жизнь в качестве базовой архитектуры режимов техноэкономических. Для Китая это явно будет «Пояс и путь». США после прихода к власти Д. Трампа отказались от многосторонних форматов Транстихоокеанского (ТРО) и Трансатлантического торгового и инвестиционного (ТТИИ) партнерств в пользу односторонней политики и ad-hoc взаимодействием с партнерами.

Но это, все же, скорее политическая флуктуация, а не долгосрочный тренд, что предполагает новые и крайне динамичные события, связанные с взаимосвязанными процессами структуризации цифровых рынков и ГСЦ и международно-экономических союзов и организаций обеих сверхдержав.

Литература:

Виноградов, А.О.; Салицкий, А.И.; Семенова, Н.К. Америко-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35-46.

Данилин, И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 1. С. 100-116.

Данилин, И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т.12. № 6. С. 246-267.

Данилин, И.В. Новый этап американо-китайской технологической войны: Huawei и другие цели США // Российский совет по международным делам, 27.05.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-amerikano-kitayskoy-tehnologicheskoy-voyny-huawei-i-dругие-tseli-ssha/>

Кашин, В.Б.; Пятчкова, А.С.; Крашенинникова, Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 123-138.

Матвеевков, К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? // Российский совет по международным делам, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/>

Новоселова, Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. №6. С. 76-84.

Рогов М.И. Международные экономические санкции: анализ кейса с Россией в 2014 году // Журнал Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. 2016. № 2. С. 133-157.

Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 104-120. [Kheyfets B.A. Tehnologicheskoe vozvyshenie Kitaja: novye vyzovy dlja Rossii (China's Technological Rise: New Challenges for Russia) // *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 6, pp. 104-120.]

Bezuidenhout, L.; Karrar, O.; Lezaun, J.; Nobes, A. Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-term Consequences // *PLoS ONE*, 2019, Vol. 14, № 10. Mode of Access: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222669>

Chung, M. Hue and Cry over Huawei: Cold War Tensions, Security Threats or Anti-Competitive Behaviour? // *Research in Globalization*, 2019, Vol. 1, 6 p.

Eichengreen, B. Why Hasn't the Impact of the Trade War Been Greater? // *Journal of Policy Modeling*, 2020, Vol. 42, pp. 820-828.

Evans, P. Techno-nationalism in China–US Relations: Implications for Universities // *East Asian Policy*, 2020, Vol. 12, No. 2, pp. 80-92.

Fuller, D.B.; Akinwande, A.I.; Sodini, C.G. The Globalization of R&D's Implications for Technological Capabilities in MNC Home Countries: Semiconductor Design Offshoring to China and India // *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, Vol. 120, pp. 14-23

Guo H. et al. The Digital Belt and Road Program in Support of Regional Sustainability // *International Journal of Digital Earth*, 2018, Vol. 11, No. 7, pp. 657-669.

Hufbauer, G.C.; Schott, J.; Elliott, K.L.; Oegg, B. Economic Sanctions Reconsidered / G.C. Hufbauer et al. 3rd Edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008. 248 p.

Kim, M.-j.; Lee, H.; Kwak, J. The Changing Patterns of China's International Standardization in ICT under Techno-nationalism: A Reflection through 5G Standardization // *International Journal of Information Management*, 2020, Vol. 54, 8 p.

Li, M.; Balistreri, E.J.; Zhang, W. The U.S.–China Trade War: Tariff Data and General Equilibrium Analysis // *Journal of Asian Economics*, 2020, Vol. 69, 13 p. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1016/j.asieco.2020.101216>

Liu, J. China's Data Localization // *Chinese Journal of Communication*, 2020, Vol. 13, Issue 1, pp. 84-103.

Sadowski, J. When Data is Capital: Datafication, Accumulation, and Extraction // *Big Data & Society*, 2019, Vol. 6 (1), 12 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1177/2053951718820549>

Vatanssever, A. Put over a Barrel? "Smart" Sanctions, Petroleum and Statecraft in Russia // *Energy Research and Social Science*, 2020, Vol. 69, 10 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>

Yu, H. Pivot to Internet Plus: Molding China's Digital Economy for Economic Restructuring? // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp. 1486-1506; Yu, H. Reading the 13th Five-Year Plan: Reflections on China's ICT Policy // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp. 1755-1774;

Zenglein, M.J.; Holzmann, A. Evolving made in China 2025 // MERICS Papers on China, 2019, No 8. 78 p. Mode of access: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/MPOC_8_MadeinChina_2025_final_3_0.pdf

References:

Bezuidenhout, L.; Karrar, O.; Lezaun, J.; Nobes, A. Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-term Consequences // *PLoS ONE*, 2019, Vol. 14, № 10. Mode of Access: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222669>

Chung, M. Hue and Cry over Huawei: Cold War Tensions, Security Threats or Anti-Competitive Behaviour? // *Research in Globalization*, 2019, Vol. 1, 6 p.

Danilin, I.V. Novyi etap amerikano-kitaiskoi tekhnologicheskoi voyny: Huawei i drugie tseli SSHa [A New Stage in the US-China Technological War: Huawei and Other US Targets] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 05/27/2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyj-etap-amerikano-kitayskoy-tekhnologicheskoy-voyny-huawei-i-drugie-tseli-ssha/>

Danilin, I.V. Razvitiye cifrovoy jekonomiki SSHa i KNR: faktory i tendencii // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2019, No. 12 (6), pp. 246-267.

Danilin, I.V. Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na liderstvo v global'nykh protsessakh: ot platform k rynkam? (The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 100-116.

Eichengreen, B. Why Hasn't the Impact of the Trade War Been Greater? // *Journal of Policy Modeling*, 2020, Vol. 42, pp. 820-828.

Evans, P. Techno-nationalism in China–US Relations: Implications for Universities // *East Asian Policy*, 2020, Vol. 12, No. 2, pp. 80-92.

Fuller, D.B.; Akinwande, A.I.; Sodini, C.G. The Globalization of R&D's Implications for Technological Capabilities in MNC Home Countries: Semiconductor Design Offshoring to China and India // *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, Vol. 120, pp. 14-23

Guo H. et al. The Digital Belt and Road Program in Support of Regional Sustainability // *International Journal of Digital Earth*, 2018, Vol. 11, No. 7, pp. 657-669.

Hufbauer, G.C.; Schott, J.; Elliott, K.L.; Oegg, B. Economic Sanctions Reconsidered / G.C. Hufbauer et al. 3rd Edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008. 248 p.

Kashin, V.B.; Pyatachkova, A.S.; Krasheninnikova, L.S. Kitayskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsiy: teoriya i praktika [Chinese Policy in the Application of Economic Sanctions: Theory and Practice] // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 123-138.

Kheyfets B.A. Tehnologicheskoe vozvyshenie Kitaja: novye vyzovy dlja Rossii (China's Technological Rise: New Challenges for Russia) // *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 6, pp. 104-120.

Kim, M.-j.; Lee, H.; Kwak, J. The Changing Patterns of China's International Standardization in ICT under Techno-nationalism: A Reflection through 5G Standardization // *International Journal of Information Management*, 2020, Vol. 54, 8 p.

Li, M.; Balistreri, E.J.; Zhang, W. The U.S.–China Trade War: Tariff Data and General Equilibrium Analysis // *Journal of Asian Economics*, 2020, Vol. 69, 13 p. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1016/j.asieco.2020.101216>

Liu, J. China's Data Localization // *Chinese Journal of Communication*, 2020, Vol. 13, Issue 1, pp. 84-103.

Matveenkova, K. Na grani razvoda. Kuda privedet tekhnologicheskaja vojna mezhdru Kitaem i SSHa? (On the Verge of Divorce. Where Will the Technology War between China and the United States Lead?) // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 25.06.2020. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdru-kitaem-i-ssha/>

Novoselova, L. Jekonomika KNR v uslovijah torgovoj vojny (China's Economy in a Trade War) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, Vol. 64 (6), pp. 76-84.

Rogov, M.I. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii: analiz keisa s Rossiei v 2014 godu // *Zhurnal Marketing MVA. Marketingovoe upravlenie predpriatiem*, 2016, Issue 2, pp. 133-157.

Sadowski, J. When Data is Capital: Datafication, Accumulation, and Extraction // *Big Data & Society*, 2019, Vol. 6 (1), 12 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1177/2053951718820549>

Vatansever, A. Put over a Barrel? “Smart” Sanctions, Petroleum and Statecraft in Russia // *Energy Research and Social Science*, 2020, Vol. 69, 10 p. Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>

Vinogradov, A.O.; Salickij, A.I.; Semenova, N.K. Amerikano-kitajskaja jekonomicheskaja konfrontacija: ideologija, hronologija, znachenie (American-Chinese Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2019, Vol. 19 (1), pp. 35-46.

Yu, H. Pivot to Internet Plus: Molding China’s Digital Economy for Economic Restructuring? // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11. pp.1486-1506; Yu, H. Reading the 13th Five-Year Plan: Reflections on China’s ICT Policy // *International Journal of Communication*, 2017, Vol. 11, pp. 1755-1774;

Zenglein, M.J.; Holzmann, A. Evolving made in China 2025 // *MERICS Papers on China*, 2019, No 8. 78 p. Mode of access: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/MPOC_8_MadeinChina_2025_final_3_0.pdf

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056

THE U.S.-CHINA TECHNOLOGY WAR: RISKS AND OPPORTUNITIES FOR P.R.C. AND GLOBAL TECH SECTOR

Ivan V. Danilin

*Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO),
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: US-China Technology War in 2019-2020 reached a new level. Washington introduced new measures aimed at preventing Chinese corporations from access to the emerging technologies, «smart» capital, and academic sector. For the PRC and Chinese technology sector this process was a severe blow, significantly complicating medium-to-long term development prospects. In response, PRC intensified import substitution, scientific and technological development – also through international scientific and technical cooperation (ISTC). China still lacks competencies and time to compensate the U.S. actions, so it concentrates on science and human capital development for the future breakthroughs. We envision significant economic risks for the PRC including its ability to recreate itself as a new science and technology center, alternative to the U.S.A. Regional and global implications are not less significant. Unlike other cases of sanctions, U.S. measures are aimed not only at impairing economic potential of an opponent nation, but also at supporting dominance of the U.S. entities in some key high-tech processes, conserving their key role in global value chains (GVC), markets, and industries. These actions and the PRC’s response may lead to reformatting of global S&T processes, including rise of parallel GVCs, alienation from an «open» logic of high-tech development, and shift in the focus of ISTC. In future, this will also have important geopolitical implications, since the new system of GVCs and markets will structure alliances, influence and strength – especially considering emphasis on emerging technologies of key importance for the future economy (from 5G to artificial intelligence)</p>
<p>About the author: Head of Department, Department of Science and Innovation, IMEMO</p> <p>e-mail: danilin.iv@imemo.ru</p>	
<p>Key words: U.S.-China technology war; digital technologies; electronics; sanctions</p>	

Для цитирования: Данилин И.В. Американско-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 160-176.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056

For citation: Danilin, Ivan V. Amerikano-kitajskaja tekhnologicheskaja vojna: riski i vozmozhnosti dlya KNR i global'nogo tekhnologicheskogo sektora (The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 160-176.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10057

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЕ «ПОЯС И ПУТЬ»: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Андрей Владимирович Губин

*Российский институт стратегических исследований /
Дальневосточный федеральный университет,
Москва/Владивосток, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 августа 2020 <i>Отправлена на редактирование:</i> 28 августа 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы сопряжения китайской инициативы «Пояс и путь» и продвигаемого Россией Евразийского экономического союза в части возможного использования потенциала дальневосточных субъектов федерации для содействия интеграции. В контексте выдвинутой Президентом РФ В.В. Путиным идеи создания «Большого Евразийского партнёрства» планы Москвы и Пекина приобретают особое значение как потенциально способные перестроить геополитический и геоэкономический ландшафт Евразии в интересах двух стран и сформировать так называемое большое пространство (Grossraum). При этом подобный вектор интеграции станет альтернативным западноцентристской модели сотрудничества. В работе даётся обзор потенциала российского Дальнего Востока, а также отмечается роль Северо-Востока Китая в «Поясе и пути». При этом отмечается, что усилия двух стран по развитию данных регионов всё ещё не скоординированы должным образом. В этой связи подходы к данному вопросу со стороны центральных властей и местных администраций нуждаются в изменениях для содействия процессу интеграции и получения синергетического эффекта. Одна из задач исследования заключается в суммировании опыта ранее инициированных двусторонних проектов с КНР, включая неудачные их стороны, а также представлении сегодняшних предложений по активизации сотрудничества. Кроме того, существенная часть статьи посвящена вскрытию осложнений торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия России и Китая в особенности касающегося использования возможностей приграничных территорий двух стран.</p> <p><i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 20-51-00001</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, эксперт Российского института стратегических исследований, доцент кафедры международных отношений, Восточный институт, Дальневосточный федеральный университет e-mail: andrey.gubin@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Дальний Восток России; Китай; инициатива Пояс и путь; российско-китайское сотрудничество; Большое Евразийское партнёрство; интеграция; стратегическое партнёрство</p>	

В современных геополитических условиях российско-китайские отношения приобретают новые качества, позволяющие говорить о постепенном формировании пространства «Большой Евразии» сообразно с идеей Президента России В.В. Путина. Пекин и Москву объединяет взаимодополняемость экономик, общее понимание угроз и схожие интересы в соседних регионах. При этом КНР выступает в роли экономического лидера, предлагая модели взаимодействия, а РФ концентрируется на обеспечении региональной безопасности.

По мнению ряда исследователей, если Россия и Китай преуспеют в выработке единой политики на евразийском пространстве, это бросит вызов западноцентричному порядку и перераспределит влияние в их пользу в целом ряде регионов¹. Одним из клю-

¹ Cau, Enrico. The Geopolitics of the Beijing-Moscow Consensus // *The Diplomat*, January 4, 2018. Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus/>; Васильев Л.Е. Взаимодействие России и Китая в решении проблем по обеспечению безопасности в Евразии / Китай

чевых мотивов заинтересованности Китая в связях с Россией является устремление других держав в регионы, жизненно важные для Пекина. По мере расширения американского военного присутствия в Восточной Азии и ввиду наличия межгосударственных противоречий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях могут возникнуть очаги нестабильности, что рискует поставить под угрозу безопасность морских коммуникаций КНР. При этом ключевым регионом «Большой Евразии» является российский Дальний Восток (РДВ), который представляет своего рода экономический континент, богатый природными ресурсами и занимающий выгодное географическое положение. В случае опоры на РДВ при сопряжении ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» (ИПП), Пекин сможет перенаправлять через эту территорию трансконтинентальные транзитные потоки, в том числе через Северный морской путь (СМП), а также сформировать устойчивую ресурсную базу в интересах безопасности и развития².

Председатель КНР Си Цзиньпин на пленарном заседании IV Восточного экономического форума в сентябре 2018 года заявил, что «Китай всегда был и остается активным сторонником и участником развития Дальнего Востока. Мы располагаем уникальными географическими возможностями для этого, поскольку Китай и Россия являются близкими соседями»³.

в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 52-63 [Vasil'ev, L.E. Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v reshenii problem po obespecheniyu bezopasnosti v Evrazii / Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Volume XXIII: annual edition. Edited by E.I. Safronov. Moscow, IFE RAS, 2018. Pp. 52-63.]

² 高际香. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年)述评 // 俄罗斯汉学刊. (Гао Цзисян. Обзор Программы развития китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке РФ на 2018-2024 гг. // Академический журнал России) 2019. №. 1. С. 48-61 (на китайском)

³ Китай поддержит Дальний Восток // Российская газета. 2018. 12 сентября (Kitaj podderzhit Dal'nij Vostok // Rossijskaya gazeta.

Институциональный базис российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке России

В 2015 г. по итогам встречи президента России В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина в Москве был создан Совет сотрудничества между регионами Северо-восточного Китая и Дальнего Востока РФ. В основу повестки нового формата взаимодействия легли вопросы развития международных транспортных коридоров, трансграничной инфраструктуры, расширения масштабов туристических связей, сотрудничества в агропромышленной сфере, развития внешней торговли, сотрудничество в рамках территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ).

Далее совет был преобразован в Межправительственную комиссию по сотрудничеству и развитию российского Дальнего Востока и Северо-восточных регионов КНР в рамках встречи глав государств (МПК). Цель работы комиссии заключается в повышении доли межрегионального взаимодействия в общем объеме торгово-экономического, научно-технического, гуманитарного и иного сотрудничества между двумя странами⁴. Одной из ключевых задач является привлечение и поддержка крупных китайских инвесторов, участвующих в создании и реализации мегапроектов на Дальнем Востоке. Повестка заседаний комиссии, в частности, включала в себя развитие международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», острова Большой Уссурийский, строительство скоростной магистрали между Владивостоком и городами северо-восточных провинций Китая и целлюлозно-бумажного комбината в Хабаровском крае, изучение возможности

2018, September 12). Режим доступа: <https://rg.ru/2018/09/12/reg-dfo/kitaj-podderzhit-dalnij-vostok.html>

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. 2018. 28 июня. (Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki // President of the Russian Federation: official website. 2018, June 28). Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5312>

создания совместных предприятий сельского хозяйства, завершение и эксплуатация мостовых переходов Нижнеленинское-Тунцзян и Благовещенск-Хэйхэ и др.

В целях налаживания работы бизнес-кругов двух стран в сентябре 2018 г. во Владивостоке был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Министерством коммерции КНР по вопросу создания Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР⁵. В марте 2019 года в Пекине состоялось заседание данного органа с участием Управления по содействию инвестициям при Министерстве коммерции КНР (секретариат совета китайской стороны) и других членов, представляющих органы различных министерств, провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Автономный район Внутренняя Монголия и предприятия центрального подчинения⁶. Однако пока стороны не пришли к консенсусу относительно принципов работы и полномочий Делового Совета. Как показала работа секций ВЭФ, основная дискуссия развернулась относительно роли государственных органов в работе данной структуры. Так, китайская сторона настаивает на наделении Делового Совета полномочиями выработки рекомендаций ответственным министерствам и ведомствам сторон, тогда как российские эксперты предлагают ограничиться только обменом наиболее успешными практиками сотрудничества.

⁵ Документы, подписанные в ходе рабочего визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Российскую Федерацию // Президент России. 2018. 28 июня. (Dokumenty, podpisannye v hode rabocheho vizita Predsedatelya Kitajskoj Narodnoj Respubliki Xi Jingpin'a v Rossijskuyu Federaciju // President of the Russian Federation: official website. 2018, June 28). Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5341/print>

⁶ 中国东北地区及俄罗斯远东及贝加尔地区实业理事会中方单位会议在京召开 // 商务部. (Заседание китайской части Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР состоялось в Пекине // Минкоммерции), 2019. 21 марта. Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/article/shangwubangzhu/201903/20190302845422.shtml> (на китайском)

Базовыми документами, фиксирующими основные направления российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества, являются «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009-2018 гг.)» и «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018-2024 годы». По мнению ряда экспертов, несмотря на попытки правительств РФ и КНР актуализировать реализацию положений через определение «приоритетных списков», выполнение этих программ затруднено. Среди недостатков документов специалисты выделяют отсутствие прописанных механизмов реализации, слабую проработанность инвестиционного списка, а также размытость критериев оценки и наличие большого количества «бессодержательных пунктов»⁷.

Стороны также подписали «Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством регионального развития РФ и Госкомитетом по развитию и реформам КНР», «Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством экономического развития РФ и Госкомитетом по развитию и реформам КНР»⁸, «Меморандум о взаимопонимании

⁷ Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая 2009-2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). С. 1-26 [Zuenko, I.Yu., Ivanov S.A., Lun Changhai, Ma Yujun, Olejnikov I.V., Cin' Dun. Programma sotrudnichestva vostochnyh regionov Rossii i severo-vostochnogo Kitaya 2009-2018: itogi i dal'nejshie perspektivy // U karty Tihogo okeana, 2018, No 3 (251), pp. 1-26.]

⁸ Россия и Китай подписали Меморандум о приграничном сотрудничестве // Министерство экономического развития РФ. 2015. 3 сентября (Rossiya i Kitaj podpisali Memorandum o prigranichnom sotrudnichestve // Ministry of Economic development of Russian Federation. 2015, September 3). Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015030902>

по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке»⁹. В данных документах дополнены направления сотрудничества, в том числе совместное освоение Северного морского пути, развитие МТК, привлечение инвестиций в территории опережающего развития.

В сентябре 2019 г. в рамках 24-й регулярной встречи глав правительств в Санкт-Петербурге подписан меморандум о взаимопонимании и содействии в открытии представительств по привлечению и продвижению инвестиций между Минвостокразвития России и Минкоммерции КНР. Представительство Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (АНО АПИ) в Китае будет содействовать укреплению сотрудничества и взаимных контактов, в том числе с деловым сообществом, ведомствами и организациями КНР; предоставлять китайскому бизнес-сообществу информацию о возможностях инвестирования в Дальний Восток, оказывать консультации для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, проводить семинары и презентации торгово-экономических и инвестиционных возможностей региона¹⁰.

В дальневосточных субъектах федерации действует механизм регулярных встреч с руководителями китайских приграничных провинций, проводятся периодические встречи с руководителями провинций Ляонин, Гуандун и Автономного района

⁹ Минвостокразвития и Государственный комитет КНР по развитию и реформе подписали Меморандум о сотрудничестве на Дальнем Востоке // Минвостокразвития. 2015, 17 декабря (Minvostokrazvitiya i Gosudarstvennyj komitet KNR po razvitiyu i reforme podpisali Memorandum o sotrudnichestve na Dal'nem Vostoke // Ministry of Far East Development of the Russian Federation. 2015, December 17). Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/1866/>

¹⁰ В Китае откроется представительство АНО АПИ // Минвостокразвития России. 2019. 17 сентября. (V Kitae otkroetsya predstavitel'stvo ANO API // Ministry of Far East Development of the Russian Federation. 2019, September 17). Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/23443/>

Внутренняя Монголия. В составе местных администраций функционируют органы, осуществляющие в рамках своих полномочий государственное управление в сфере международной и внешнеэкономической деятельности. Кроме того, содействие в поиске иностранных партнёров и консультировании по правовым и процедурным вопросам оказывают отделения Торгово-промышленной палаты РФ и представительства МИД в дальневосточных субъектах федерации.

Правительственные органы Китая, занимающиеся отношениями с российским Дальним Востоком, сосредоточены, в основном, в приграничных провинциях – Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренняя Монголия. Данные структуры ориентированы на сотрудничество не только с дальневосточными регионами, но и с Россией в целом. Все они подчинены Канцеляриям по иностранным делам, Комитетам по развитию и реформам, Департаментам коммерции и Комитетам содействия развитию международной торговли соответствующих провинций.

Ввиду того, что провинция Ляонин напрямую не граничит с РФ, там нет отдельного органа, отвечающего за отношения с Россией. Приоритетом для внешних связей этого самого развитого района Дунбэя является развитие связей с Японией, Южной Кореей, США и членами Евросоюза. Инициативы по сотрудничеству с РФ здесь продвигаются по линии Ассоциации российско-китайского сотрудничества провинции Ляонин, которая действует по поручению регионального правительства, но не входит в структуру властных органов. По информации китайских СМИ, в июне 2018 года дополнительно к железнодорожному маршруту Ляонин – Европа по данному направлению был открыт и международный морской транспортный маршрут через Северный морской путь¹¹.

В провинции Хэйлунцзян Отдел по содействию строительству ОПОП и Отдел

¹¹ См.: Транспортные проекты провинции Ляонин – курс на Европу // CHINALOGIST. 2019, 27 августа. (Transportnye proekty provincii Liaoning – kurs na Evropu // CHINALOGIST, 2019, August 27). Режим доступа: <https://chinalogist.ru/news/transportnye-proekty-provincii-lyaonin-kurs-na-evropu-16942>

нефти и газа Комитета по делам развития и реформ ориентированы на сотрудничество с Россией в рамках инициативы «Пояс и Путь», включая взаимодействие в сферах развития инфраструктуры и энергетики. Отделы по торговле с РФ и по экономическому сотрудничеству с РФ Департамента коммерции сфокусированы на общие вопросы торгово-экономического взаимодействия. В провинции Цзилинь Отдел по содействию проектам «Чан-Цзи-Ту»¹² Комитета по делам развития и реформ отвечает за взаимодействие с Россией в рамках МТК «Приморье-2». Отдел Восточной Европы и Центральной Азии Канцелярии по иностранным делам, Отдел Европы и Азии и Отдел по приграничному развитию и открытости Департамента коммерции занимаются общими вопросами приграничного сотрудничества.

Многие города и уезды (Харбин, Муданьцзян, Цзиси, Хэйхэ, Цзямусы, Ичунь, Хэган, Яньбянь-Корейский автономный округ, Суйфэнхэ, Хунчунь) открыли свои представительства в разных городах РДВ. Основные их задачи – продвижение продукции производителей двух стран на национальные рынки, содействие развитию приграничного сотрудничества, изучение возможностей для инвестиций. Данные структуры существуют в виде коммерческих структур (в основном, как ООО), что связано с пробелом в российском законодательстве относительно статуса представительств зарубежных территорий в российских субъектах федерации. Работа такого рода представительств пока не оказывает существенного влияния на качественную сторону двустороннего сотрудничества и носит скорее символический характер.

¹² Согласно решению Госсовета КНР, г. Цзилинь, г. Чанчунь и районы бассейна реки Туманган определены как «экспериментальные районы освоения и открытости», а стратегия развития этого региона получила название проект «Чан-Цзи-Ту». См.: 国务院正式批复《中国图们江区域合作开发规划纲要—以长吉图为开发开放先导区》 // 商务部. (Официальный письменный ответ Госсовета на реализацию проекта «Чан-Цзи-Ту») // Минкоммерции. 2009. 2 ноября. Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/resume/n/200911/20091106621371.html> (на китайском)

Подходы КНР к сотрудничеству с Дальним Востоком в рамках инициативы «Пояс и путь»

В марте 2015 г. Госкомитет по развитию и реформе, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции совместно опубликовали документ «Видение и действия по продвижению совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»¹³. В данных проектах участвуют три северо-восточных провинции Китая и Автономный район Внутренняя Монголия, выступая в роли своеобразного «окна на Север» инициативы «Один пояс, один путь». Согласно тексту, приоритетной задачей является развитие сотрудничества в области сквозных перевозок по суше и морю между провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и российским Дальним Востоком.

Провинция Хэйлунцзян традиционно является ключевым регионом Китая в отношениях с Россией и её дальневосточными территориями. Статус региона как «плацдарма для сотрудничества с Россией» определяют 15 переходов на границе с РФ, доля в 20-25% от всей внешней торговли Китая с Россией, доля в 30% в суммарных инвестициях, знание российского рынка представителями её деловых кругов и существование тесных политико-административных связей¹⁴.

В ноябре 2014 г. властями провинции Хэйлунцзян было объявлено о запуске «Рабочей программы строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового пути». Важнейшей составляю-

¹³ 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 // 新华网. («Видение и действия по продвижению совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”») // Синьхуа Ван.) 2015. 28 марта. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986.htm (на китайском)

¹⁴ Иванов С.А. Перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Приморским краем // Общество и государство в Китае. 2018. №. 1. С. 416-424 [Ivanov, S.A. Perspektivy sotrudnichestva provincii Heilongjiang s Primorskim kraem // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2018, No. 1, pp. 416-424.]

щей проекта стало развитие трансграничной транспортной инфраструктуры¹⁵. Власти провинции надеялись в краткие сроки наладить регулярные грузоперевозки по двум маршрутам: «Харбин – Маньчжоули – Россия – Европа» и «Харбин – Суйфэньхэ/Тунцзян – Дальний Восток – Дунбэй / страны Северо-Восточной Азии». В 13-м пятилетнем плане провинции (2016-2020 гг.) Россия упоминается 60 раз. В качестве одной из приоритетных задач называется формирование системы всесторонней внешней открытости с приоритетным развитием сотрудничества с Россией, включая решительную реализацию проекта Лунцзянского¹⁶ пояса Шёлкового пути» и существенное продвижение строительства в рамках проекта «Три моста, один остров» (железнодорожный мост Тунцзян – Нижнеленинское, автомобильные мосты Хэйхэ – Благовещенск и Дунин – Полтавка, остров Большой Уссурийский) в целях заметного повышения пропускной способности трансграничных транспортных коридоров. В документах также отмечается необходимость создания ориентированной на весь Китай платформы услуг и каналов взаимодействия с РФ, активного развития трансграничных производственных цепочек и кластеров для углубления комплексного двустороннего сотрудничества¹⁷.

Для содействия трансграничному сотрудничеству правительствами двух стран было принято решение преобразовать Хэйлуцзянскую торгово-экономическую яр-

марку в регулярное мероприятие для презентации промышленного и инвестиционного потенциала российских и китайских регионов, демонстрации продукции и инвестиционных проектов, установления деловых контактов и обмена мнениями о перспективах сотрудничества. С 2014 года в Харбине и Екатеринбурге проводится «Российско-китайское ЭКСПО»¹⁸. Для содействия трансграничному сотрудничеству правительствами двух стран было принято решение преобразовать Хэйлуцзянскую торгово-экономическую ярмарку в регулярное мероприятие для презентации промышленного и инвестиционного потенциала российских и китайских регионов, демонстрации продукции и инвестиционных проектов, установления деловых контактов и обмена мнениями о перспективах сотрудничества. С 2014 года в Харбине и Екатеринбурге проводится «Российско-китайское ЭКСПО».

В декабре 2015 г. Госсоветом КНР был утвержден новый Харбинский экономический район¹⁹. Это единственное образование такого рода полностью ориентированное на сотрудничество с Россией. Национальная комиссия по развитию и реформам г. Харбин разработала «Трехлетний план действий по продвижению строительства «Один пояс, один путь» в рамках города (2019-2021 гг.)», согласно которому Харбин определен в качестве главного города Китая в процессе сотрудничества с Россией. План укрепляет статус Харбина в инициативе и программе «Экономического коридора Китай – Монголия – Россия».

Поскольку основные трансграничные проекты сотрудничества проходят через про-

¹⁵ Ставров И.В. Экономический коридор Китай–Монголия–Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлуцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2(79). С. 47-48. [Stavrov, I.V. Ekonomicheskij koridor Kitaj–Mongoliya–Rossiya v strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya provincii Heilongjiang // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2017, No. 2(79), pp. 47-48.]

¹⁶ Лунцзян здесь синонимичен провинции Хэйлуцзян.

¹⁷ 黑龙江省国民经济和社会发展第13个5年规划纲要 // 黑龙江政府 (13-ый пятилетний план провинции Хэйлуцзян // Официальный сайт правительства провинции Хэйлуцзян.) 2016. 17 февраля. Режим доступа: <http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2016/02/17/010761251.shtml> (на китайском)

¹⁸ Российско-китайское ЭКСПО // Россия и Китай. №. 24. [Rossijsko-kitajskoe EKSPo // *Rossija i Kitaj*, No. 24]. Режим доступа: <http://ruchina.org/366/org/12.html>

¹⁹ Новый район – структурная единица, создающаяся на уровне Государственного совета для решения стратегических задач национально-го развития, а также реформ и открытости. Государственный совет одобрил создание нового Харбинского района / Правительство КНР. 22.12.2015. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-12/22/content_10466.htm (на китайском)

винцию Хэйлунцзян, взаимодействие с РДВ традиционно находилось в ведении властей данной провинции и рассматривалось ими лишь как вспомогательный инструмент развития собственной экономики. При этом наблюдалась конкуренция с провинцией Цзилинь, выдвигавшей собственные предложения по развитию сотрудничества. Сегодня наиболее компетентным органом, отвечающим за развитие связей с российским Дальним Востоком, является китайская часть Межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию российского Дальнего Востока и северо-восточных регионов КНР во главе с вице-премьером (на данный момент – Ху Чуньхуа). Вероятно, подобная централизация позволит китайской стороне подойти к вопросу трансграничного взаимодействия комплексно с учётом реальных потребностей и потенциала территорий.

Вместе с тем, помимо китайской части Межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию российского Дальнего Востока и Северо-восточных регионов КНР, которую возглавляет вице-премьер, в Китае нет специального органа, который развивал бы связи с Дальним Востоком на уровне министерства. При этом даже в рамках данной комиссии упор делается на межрегиональное сотрудничество, а не межгосударственное. РДВ является приоритетом не столько Пекина, сколько Харбина, то есть развитие Дальнего Востока и отношений Дунбэя с РДВ пока рассматриваются лишь как вспомогательный инструмент развития экономики северо-восточных провинций.

Основные сложности двустороннего сотрудничества

Полная и достоверная статистика относительно суммарного объема китайских инвестиций на РДВ фактически отсутствует. Среди фигурирующих в открытом доступе цифр существуют значительные расхождения между российскими ведомствами. Так, по информации Минвостокразвития, резиденты дальневосточных территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) с участием китайского капитала реализуют более 30 проектов стои-

мостью около 4,2 млрд долл., что составляет всего около 7 % всех инвестиций в регион²⁰. В июне 2019 года В.В. Путин во время государственного визита Си Цзиньпина в Россию отметил, что китайские партнеры и китайский капитал приняли участие примерно в 30 проектах на сумму 22 млрд долл., в том числе китайские инвестиции в проекты на РДВ составили 3,5 млрд²¹. По данным генерального консула КНР во Владивостоке Янь Вэньбиня, в реализацию проектов СВП и ТОР на Дальнем Востоке вовлечены 49 предприятий с участием китайского капитала с общей суммой инвестиций 2,7 млрд долл., что составляет 59,1% от всех иностранных инвестиций в этих форматах²².

Китай является лидером по объему внешней торговли для Приморского, Хабаровского, Камчатского, Забайкальского краев, а также Амурской области, Еврейской автономной области, Республики Бурятия, Чукотского автономного округа. Для остальных субъектов ДФО (Сахалинской области, Республики Саха и Магаданской области), КНР также важный торговый партнер. В свою очередь, в 2018 г. Россия стала главным торговым партнёром провинции Хэйлунцзян, а в статистике Автономного района Внутренняя Монголия и провинции Цзилинь заняла соответственно второе и третье место. У остальных провинций КНР доля торговли с РФ довольно скромная, ввиду чего сведения о торговле с ней зачастую даже не отражаются в официальных

²⁰ Китайские инвесторы по-новому открывают для себя Дальнего Востока // ТАСС. 2018. 24 августа. (Kitajskie investory po-novomu otkryvayut dlya sebya Dal'nego Vostoka // TASS. 2018, August 24). Режим доступа: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5486435>

²¹ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Президент России. 2019. 5 июня. (Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-kitajskih peregovorov // President of the Russian Federation: official website. 2019, June 5). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60672>

²² Выступление генерального консула КНР во Владивостоке Янь Вэньбиня перед студентами и преподавателями Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Владивосток. 07.11.2019.

данных. В 2018 году объём торговли между ДФО России и Китаем превысил 9,8 млрд долл., что на 26,2% больше по сравнению с предыдущим годом и составил почти 30% от всего объема внешней торговли ДФО²³.

Вместе с тем, в настоящее время большинство проектов с китайскими инвестициями на территории РДВ существуют только в виде заявлений и протоколов о намерениях: лишь четыре крупных проекта уже введены в строй или находятся на этапе строительства. Это игорная зона под Владивостоком; компания IRC, добывающая железную руду в Еврейской автономной области; разработка золоторудного месторождения и добыча угля в Забайкальском крае). Ещё порядка 70 предложений китайского бизнеса находятся на стадиях обсуждения и согласования. Исходя из этого можно судить, что в дальневосточные коммерческие проекты пока невыгодны для китайских инвесторов.

Одна из причин незначительного количества реализованных китайских инвестиционных предложений кроется в сохраняющихся барьерах на привлечение китайской рабочей силы, поскольку для них крайне важно использование труда своих рабочих и специалистов. Согласно официальной точке зрения, «основное правило в проектах, которые реализуются и российскими, и иностранными инвесторами: российская рабочая сила должна составлять не менее 80%»²⁴. В некоторых случаях главы российских регионов сами отказывают работодателям в привлечении граждан КНР. Например, в 2019 г. в Читинской области не был удовлетворён запрос о повышении квоты на 700 человек. Однако китайских работников даже в небольших количествах затрудни-

тельно задействовать в проектах, главным образом из-за низкой заработной платы по сравнению с Северо-Востоком Китая, в особенности для квалифицированного персонала. По данным Приморскстата, в 2019 г. средняя зарплата жителей Приморского края составила 36,8 тыс. рублей, тогда как в провинции Хэйлунцзян этот показатель достиг 6 тыс. юаней (около 65 тыс. рублей)²⁵. В итоге в Приморском крае в течение 2019 г. трудилось только 11 тыс. граждан КНР (при этом, не все из них находились на территории одновременно), по большей части в сельском хозяйстве и розничной торговле²⁶.

Серьёзной проблемой является слабый уровень развитости транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке, который является самым низким среди всех российских регионов. Если на юге ДВ есть железнодорожная и автомобильная сеть, то на севере практически отсутствует нормальное транспортное сообщение. Плотность дорожной сети составляет менее 20% от общероссийского показателя. Два основных железнодорожных маршрута – Транссибирская и Байкало-Амурская магистраль – нуждаются в модернизации. Эксперты из Хэйлунцзянского университета считают, что трудности с высокими транспортными расходами снижают конкурентоспособность продукции, также регион не имеет полного покрытия необходимой электрической и газовой инфраструктурой²⁷. Сопутствующей проблемой является отсутствие на российской сто-

²³ Углубляется торгово-экономическое сотрудничество между регионами России и Китая // РКДС. 2019. 19 апреля. [Uglublyaetsya torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo mezhdunarodnyimi regionami Rossii i Kitaya // RKDS. 2019, April 19]. Режим доступа: <http://rcbc.ru/12932>

²⁴ Галушка А. Дальний Восток – приоритет развития России в 21 веке // Международная жизнь, 2016. 29 декабря. [Galushka, A. Dal'nij Vostok – prioritet razvitiya Rossii v 21 veke // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, December 29]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/printable/16678>

²⁵ См., например: Средняя заработная плата в Китае в 2019 году. Издание «Всё о Китае». [Srednyaya zarabotnaya plata v Kitaj v 2019 godu. Izdanie «Vsyо o Kitae»] Режим доступа: <https://mychinaexpert.ru/srednyaya-zarplata-v-kitae/>; Приморский край занял 19-е место в рейтинге уровня заработных плат в России [Primorskij kraj zanyal 19-e mesto v rejtinge urovnya zarabotnyh plat v Rossii]. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/883766/>

²⁶ Журман О. Кадровый резерв // «Российская газета». 2020, 19 марта. № 59 (8113) [Zhurman, O. Kadrovyy rezerv // «Rossijskaya gazeta», 2020, March 19. No. 59 (8113).]

²⁷ 俄罗斯东部地区投资环境研究 // 俄罗斯斯学刊 (Инвестиционная среда на Дальнем Востоке РФ // Академический журнал российских исследований). 2017. №. 3. С. 5-17 (на китайском)

роне современных пунктов пропуска через государственную границу, которые позволили бы существенно нарастить объёмы перевозок пассажиров и грузов.

Китайские предприниматели сталкиваются с чрезмерной бюрократией, неблагоприятными условиями страхования и финансирования, несовершенными и нестабильными законами и правилами, сложными процедурами регистрации предприятий, высокими издержками трансграничной торговли. Однако и сами они нередко просто рассчитывают на быструю и легкую прибыль, и не удосуживаются представить долгосрочную бизнес-стратегию²⁸. Кроме того, как отмечают авторы из КНР, в мышлении российских властей не наблюдается принципа взаимной выгоды, они чрезмерно концентрируются лишь на максимальном достижении своих собственных интересов²⁹.

Стоит учитывать, что после финансового кризиса 2008 года Дунбэй столкнулся с серьезными проблемами. Чрезмерная доля тяжёлой промышленности привела к избытку производственных мощностей, утечке высококвалифицированных кадров, трудностям в привлечении капитала. Кроме того, огромный объем «безнадежных долгов» на уровне провинций и муниципалитетов КНР породил системные финансовые риски. Значительная часть этой задолженности образовалась вследствие непродуманных, неэффективных и высокорискованных инвестиций. Вышнее китайское руководство осознало, что воспроизводить ту же инвестиционную модель за рубежом крайне опасно, потому инвестиционная политика стала бо-

лее осторожной, а самостоятельность провинций была резко ограничена³⁰.

Китайские инвестиции на Дальнем Востоке, как правило, вкладываются в отрасли с традиционными технологиями и продуктами с низкой добавленной стоимостью, что не привлекательно для богатых южнокитайских консорциумов. Ограничивающим фактором для них является и незначительный внутренний спрос на РДВ³¹. Рассмотрение и утверждение проектов российскими административными органами зачастую занимает очень длительное время, что вызывает чувство незащищенности у инвесторов. Среди недостатков работы в России называют также отсутствие способности региона налаживать связи с китайскими инвесторами, в том числе представлять возможности на официальных сайтах, поддерживать связь в приложении WeChat, участвовать в выставках и презентациях в КНР.

Достаточно спорным моментом представляется отсутствие безвизового режима с КНР для краткосрочных индивидуальных поездок граждан. Если ранее инициатором сохранения ограничений действительно была российская сторона, то сегодня и китайские уполномоченные органы не выражают готовности к существенной либерализации режима въезда, во многом из-за ужесточения внутреннего контроля. Тем не менее, визовый барьер и невозможность пересечения госграницы на личных автомобилях действительно доставляют неудобства китайским и российский инвесторам и бизнесменам, препятствуя ведению ими дел.

* * *

Несмотря на то что курс на сопряжение Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь» был взят Москвой и Пекином ещё в 2015 г., а попытки гармонизировать развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая предпринимаются с 2009 г., реальные успехи пока довольно

²⁸ 王宪举. 抓住远东发展机遇需中俄齐心协力 // 环球网. (Ван Сяньцзюй. Совместное усилие России и Китая по развитию российского Дальнего Востока // Хуаньцю Ван) 2016. 23 июня. Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-06/9072154.html> (на китайском)

²⁹ 陆南泉. 俄罗斯加速开发远东地区国内外因素 // 中俄资讯网. (Лу Наньцюань. Факторы ускорения развития Российского Дальнего Востока в России и за рубежом // Российско-китайское интернет-обозрение). 2014. 29 мая. Режим доступа: <http://www.chinaru.info/News/gaoduanluntan/27576.shtml> (на китайском)

³⁰ Шёлковый путь в никуда // Ведомости. 2017. 14 мая (SHyolkovyy put' v nikuda // Vedomosti. 2017, May 14). Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put>

³¹ Выступление генерального консула КНР во Владивостоке Янь Вэньбиня.

скромны. В целом, можно утверждать, что сегодня российский Дальний Восток не является приоритетным направлением сотрудничества между РФ и КНР. С одной стороны, это объясняется политикой Москвы преимущественно самостоятельного освоения стратегически важного региона. С другой – традициями сотрудничества РДВ, в основном, с китайским Дунбэем, ресурсы которого ограничены, а также недостаточной мотивацией более развитых и богатых провинций КНР на реализацию крупных совместных проектов. Для того, чтобы Дальний Восток действительно стал опорным регионом евразийской интеграции требуется продолжение системной работы центральных властей на аналитическом, экспертном, законодательном и практическом уровнях.

В последнее время прирост количества китайских инвестиций на российском Дальнем Востоке незначителен, однако число направлений и конкретных проектов сотрудничества постепенно увеличивается. Это говорит о влиянии двустороннего диалога на уровне лидеров государств, глав правительств и их заместителей, а также профильных министерств и ведомств по вопросам поддержки совместных инициатив, реализуемых на российской территории.

По мнению китайских авторов, центральные и местные власти в России могли бы активно улучшать инвестиционную среду, снизить давление на бизнес, устранить визовые ограничения. Важной для них представляется также всемерная поддержка нескольким китайским инвестиционным проектам на российском Дальнем Востоке, чтобы они стали своеобразными «историями успеха» и привлекли других инвесторов из КНР.

Вместе с тем, следует учитывать, что сами китайские инвесторы при негласной поддержке официальных властей склонны к участию в управлении проектами и установлению контроля над объектами инфраструктуры, целыми отраслями производства или экономическими районами. Это уже подтвердилось на примере некоторых стран Юго-Восточной и Южной Азии, Африки и Латинской Америки. Кроме того, сложившаяся модель российско-китайского

сотрудничества, характеризующаяся крупными поставками преимущественно сырьевой продукции в КНР, затрудняет развитие комплексного взаимодействия и достижения синергетического эффекта. Фактически, китайские компании инвестируют только в обеспечение стабильных поставок товаров в интересах укрепления безопасности или получения ими коммерческой выгоды.

Прогресс может быть достигнут только при непосредственном содействии центральных властей и обеспечении с их стороны должного контроля за местными администрациями, ответственными органами и участниками хозяйственной деятельности. Выработка и развитие новых направлений взаимодействия, а также повышение качества китайского делового присутствия сегодня возможны через механизмы Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР и Делового совета Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР.

Литература:

- Васильев Л.Е.* Взаимодействие России и Китая в решении проблем по обеспечению безопасности в Евразии / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание / сост. отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 52-63.
- Галушка А.* Дальний Восток – приоритет развития России в 21 веке // Международная жизнь, 2016. 29 декабря. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/printable/16678>
- Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун.* Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая 2009-2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). С. 1-26.
- Иванов С.А.* Перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Приморским краем // Общество и государство в Китае. 2018. №. 1. С. 416-424.
- Ставров И.В.* Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2(79). С. 47-48.
- 俄罗斯东部地区投资环境研究 // 俄罗斯罗* 斯学刊 (Инвестиционная среда на Дальнем Востоке РФ // Академический журнал российских исследований). 2017. №. 3. С. 5-17 (на китайском)
- 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 // 新华网.* («Видение и действия по продвижению совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»» // Синьхуа Ван.) 2015.

28 марта. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986.htm (на китайском)

王宪举. 抓住远东发展机遇需中俄齐心协力 // 环球网. (Ван Сяньцзюй. Совместное усилие России и Китая по развитию российского Дальнего Востока // Хуаньцю Ван) 2016. 23 июня. Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-06/9072154.html> (на китайском)

高际香. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年)述评 // 俄罗斯学刊. (Гао Цзисян. Обзор Программы развития китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке РФ на 2018-2024 гг. // Академический журнал России) 2019. № 1. С. 48-61 (на китайском)

References:

Galushka, A. Dal'nij Vostok – prioritet razvitiya Rossii v 21 veke // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, December 29. Mode of access: <https://interaffairs.ru/news/printable/16678>

Ivanov, S.A. Perspektivy sotrudnichestva provincii Heilongjiang s Primorskim kraem // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2018, No. 1, pp. 416-424.

Stavrov, I.V. Ekonomicheskij koridor Kitaj–Mongoliya–Rossiya v strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya

provincii Heilongjiang // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2017, No. 2(79), pp. 47-48.

Vasil'ev, L.E. Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v reshenii problem po obespecheniyu bezopasnosti v Evrazii / Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. Volume XXIII: annual edition. Edited by E.I. Safronov. Moscow, IFE RAS, 2018. Pp. 52-63.

Zuenko, I.Yu., Ivanov S.A., Lun Changhai, Ma Yujun, Olejnikov I.V., Cin' Dun. Programma sotrudnichestva vostochnyh regionov Rossii i severo-vostochnogo Kitaya 2009-2018: itogi i dal'nejshie perspektivy // *U karty Tihogo okeana*, 2018, No. 3 (251), pp. 1-26.

俄罗斯东部地区投资环境研究 // 俄罗斯学刊. 2017. №. 3. P. 5-17 (Chinese)

推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 // 新华网. 2015. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986.htm (Chinese)

王宪举. 抓住远东发展机遇需中俄齐心协力 // 环球网. 2016. Mode of access: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-06/9072154.html> (Chinese)

高际香. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年)述评 // 俄罗斯学刊. 2019. №. 1. P. 48-61 (Chinese)

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056

RUSSIAN FAR EAST IN CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE: PROSPECTS AND PROBLEMS

Andrey V. Gubin

Russian Institute for Strategic Studies / Far Eastern Federal University, Moscow/Vladivostok, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.08.2020</p> <p><i>Sent for editing:</i> 28.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the conjugation and harmonizing of Chinese Belt and Road Initiative with Russian-led Eurasian Economic Union focusing on maximal utilizing of Russian Far Eastern part's capacity for integration purpose. Moscow and Beijing plans obtain new sense and extraordinary importance within the President Putin's idea of 'Grand Eurasian Partnership'. It means that both parties are able and thus striving to reshape Eurasian geopolitical and geo-economic landscape according to their respective interests and form so called <i>Grossraum</i>. Considering this, such an integration process is designed as a alternative to the cooperation mechanisms offered by the global West. There is a review of Russian Far East as well as Chinese North-East's respective capacities for the implementation of the Belt and Road initiative in a given text. However we are to admit that all the efforts made by both Russia and China to develop their respective border territories are still nor coordinated enough. Thus approach of local authorities and government strategies are strongly recommended to be reviewed in a while in order to contribute properly into integration process and achieve synergy effect. Also, one of the tasks of this research is to sum up and analyze all the collected experience of formerly initiated bilateral projects, including negative sides and drawbacks. Besides that, the feasible part of the article is devoted to unveiling all the emerged impediments in trade, investment, industrial and other forms of Sino-Russian cooperation. Therefore, potential of border areas deserves a special and thorough attention.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Senior Expert, Russian Institute for Strategic Studies; Associate Professor, International Relations Department, Oriental Studies Institute, Far Eastern Federal University</p> <p>e-mail: andrey.gubin@mail.ru</p>	<p>Key words: Russian Far East; Belt and Road initiative; China, Sino-Russian cooperation; Grand Eurasian Partnership; integration; strategic partnership</p>
	<p><i>Acknowledgments:</i> The reported study was funded by RFBR and CASS, project number 20-51-00001</p>

Для цитирования: Губин А.В. Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 177-188.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10057

For citation: Gubin, Andrey V. Dal'niy Vostok Rossii v kitayskoy initsiative «Poyas i put'»: vozmozhnosti i problemy (Russian Far East in Chinese Belt and Road Initiative: Prospects and Problems) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 177-188.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10057

ЗАЧЕМ АВТОКРАТАМ ВЫБОРЫ? ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА О РОЛИ ВЫБОРОВ ПРИ АВТОРИТАРИЗМЕ

Юрий Семенович Медведев

*Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 марта 2019 <i>Принята к печати:</i> 1 июля 2020</p>	<p>Аннотация: Еще сравнительно недавно исследователи авторитаризма не уделяли серьезного внимания институтам. Считалось, что поскольку авторитарная власть – это по большей части произвол, ее институциональное оформление не имеет большого значения. Современный подход, однако, заключается в том, что институты в авторитарных режимах не менее важны, чем при демократии. Это относится и к такому традиционно ассоциируемому с демократией политическому институту, как выборы. Последние работы по сравнительному авторитаризму дают все больше подтверждений того, что проведение выборов может способствовать выживанию автократов. Начиная с «третьей волны» демократизации все большее распространение получают политические режимы «электорального авторитаризма», т.е. режимы, авторитарные по своей природе, однако успешно имплементирующие исходно демократические политические институты, в том числе выборы. Регулярное проведение умеренно конкурентных выборов характерно для обеих важнейших разновидностей электорального авторитаризма – как гегемонистских, так и конкурентных авторитарных режимов. В настоящей статье предпринимается попытка обобщить и систематизировать имеющиеся в литературе концептуальные представления о роли выборов в авторитарных режимах. Выделяются и анализируются четыре основные функции авторитарных выборов: легитимация, демонстрация силы, кооптация и сбор информации.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, руководитель образовательного направления «Политология» e-mail: ymedvedev@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: выборы; политические институты; электоральный авторитаризм; гибридные режимы; легитимация; демонстрация силы; кооптация; сбор информации</p>	

В течение долгого времени исследователи недемократических типов правления не придавали большого значения политическим институтам, действующим при авторитаризме. Считалось, что поскольку сама природа авторитарной власти характеризуется предопределенностью политических результатов, то любые институты, независимо от конкретных форм их воплощения, работают на сохранение власти автократа, и в этом смысле вариации между ними несущественны. Еще К. Фридрих и З. Бжезинский в своей легендарной монографии писали: «Читатель может удивиться, почему мы не обсуждаем «структуру правительств» или, допустим, «конституции» таких тоталитарных систем. Причина заключается в том, что эти структу-

ры имеют очень небольшое значение»¹. И такой подход преобладал до самого недавнего времени. Однако уже с первой половины 2000-х годов стремительно увеличивается количество работ, авторы которых исходят из того, что авторитарные институты не являются пустой формальностью. Ибо, как выразились Дж. Ганди и А. Пшеворский, если институты для автократов – не более чем украшенные витрины, «то зачем бы им беспокоиться об их украшениях»². Недавние ис-

¹ Friedrich, C.; Brzezinski, Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. New York: Praeger, 1961. P. 18.

² Gandhi, J.; Przeworski, A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*, 2007, Vol. 40, No. 11, p. 1292.

следования дают все больше подтверждений того, что институты, в том числе те, которые традиционно ассоциируются с демократическими практиками – такие как законодательные органы, политические партии, выборы – в условиях авторитаризма могут способствовать выживанию автократов.

Из истории концептуализации «электорального авторитаризма»

Политические режимы, сочетающие авторитаризм с некоторыми важными составляющими демократии – выборами, партиями, парламентами – появились не вчера³. Хрестоматийными примерами такого рода правления считаются Мексика при гегемонном правлении Институционно-революционной партии (ИРП), Сингапур при Ли Куан Ю и его преемниках. Однако по-настоящему массовым явлением они становятся только во время т.н. «третьей волны» демократизации⁴. «Третья волна» характеризовалась беспрецедентным ростом демократических тенденций в мире. Известно, например, что именно в этот период число демократических государств в мире впервые в истории существенно превысило число автократий⁵. Политология отреагировала на этот «прорыв» разработкой теории демократических транзитов, которая даже приобрела статус особой субдисциплины в рамках политической науки – «транзитологии». Но в 90-е гг. XX в., уже на спаде «третьей волны», обнаружилось, что в целом ряде государств, первоначально декларировавших курс на демократизацию (и прежде всего в

странах бывшего СССР), получившиеся в итоге режимы по многим важным критериям не дотягивают до демократии. В этот период в литературе появляется большое количество концепций, которые Д. Кольтер и С. Левицкий объединили под общим названием «демократии с прилагательными»⁶. «Неопатримониальная демократия», «военная демократия», «протодемократия» и даже «авторитарная демократия» (всего к моменту написания своей работы ученые насчитали более 550 таких подтипов) – все эти концепции фиксируют наблюдаемый факт взаимоналожения авторитарных и демократических элементов, но исходят при этом из прежних оптимистических ожиданий продолжения общемирового тренда на демократизацию. Предполагалось, что указанные «дефектные» демократии все же сохраняют демократическую природу и будут развиваться в направлении подлинной демократии. Реальность, однако, оказалась сложнее. Примеры полноценной демократизации таких режимов существовали, но гораздо многочисленнее были случаи, когда инсталляция демократических элементов приводила к тому, что они оказывались не более чем внешними атрибутами авторитарного по своей сути правления.

Гибридный режим vs электоральный авторитаризм

Результатом научной рефлексии этого обстоятельства стало появление терминов «гибридный режим»⁷ и «электоральный авторитаризм»⁸. Концепция «гибридного

³ Miller, M.K. Democratic Pieces: Autocratic Elections and Democratic Development since // *British Journal of Political Science*, 2015, Vol. 45, No. 3.

⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. [Huntington, S. *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka* (The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century). Moscow: ROSSPEN, 2003].

⁵ Харпфер К.В., Бернхаген П., Инглхарт Р.Ф., Вельцель К. (ред.). Демократизация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 32. [Harper, C.W.; Bernhagen, P.; Inglehart, R.F.; Welzel, C. (red.). *Demokratizatsiia* (Democratization). Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. P. 32.]

⁶ Collier, D.; Levitsky, S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*, 1997, Vol. 49, No. 3.

⁷ Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Levitsky, S.; Way, L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

⁸ Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, ed. by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.

режима» избегает однозначного ответа на вопрос о демократическом или недемократическом характере власти в таких системах, предпочитая говорить о смешении элементов демократии и авторитаризма. В настоящее время она продолжает использоваться рядом исследователей, в том числе и для анализа российской политики⁹, однако ее все больше теснит содержательно близкая и потому в значительной мере конкурирующая концепция «электорального авторитаризма».

По мнению Г. Голосова, понятие «гибридного режима», хотя и имеет право на существование, но отличается концептуальной нечеткостью. Его уместно использовать либо как «зонтичный» термин, который охватывает такие разнородные явления, как несовершенная демократия и авторитаризм, включающий в себя номинально демократические институты, либо как остаточную категорию, обозначающую эмпирически трудно идентифицируемые случаи¹⁰. Концепция «электорального авторитаризма», напротив, гораздо яснее. В отличие от «гибридного режима», концепция «электорального авторитаризма» недвусмысленно подчеркивает авторитарный характер такого рода режимов. Электоральный авторитаризм – это именно авторитаризм, в котором, однако, присутствуют институты, заимствуемые из демократической реальности – уже упоминавшиеся парламенты, партии, выборы. Но наличие таких институтов не должно вводить в заблуждение. Основные механизмы воспроизводства власти в таких режимах авторитарны. Выборы при электоральном

авторитаризме характеризуются высокой степенью включенности (проводятся при всеобщем избирательном праве), а также некоторым уровнем плюралистичности (допуском к участию оппозиционных сил), конкурентности (оппозиции дозволяется получать голоса и даже места) и открытости (оппозиция не подвергается масштабным репрессиям). Однако государство осуществляет настолько серьезное, широкое и систематическое манипулятивное вмешательство в электоральный процесс, что ни о каком демократическом характере выборов говорить не приходится¹¹. В арсенале правителей при таком режиме есть целое «меню манипуляций», в том числе электоральные фальсификации, ограничения электоральной активности оппозиции, контроль над СМИ. Применяя подобные инструменты, авторитарные правители стремятся избежать неопределенности электоральных исходов, свойственной выборам в условиях демократии. «Мечта [таких режимов] – это пожинать плоды электоральной легитимности, не подвергая себя рискам демократической неопределенности»¹². Иными словами, разница между электоральным авторитаризмом и электоральной демократией определяется качеством электоральной конкуренции. Электоральные авторитарные режимы позволяют оппозиционным партиям участвовать в выборах, но при явно несправедливых условиях.

Электоральные авторитарные режимы могут подразделяться на два подтипа в зависимости от степени электорального доминирования инкумбента¹³: соревновательный (или конкурентный) авторитаризм – и гегемонистский авторитаризм. В гегемонистских авторитарных режимах инкумбент (правящая партия) побеждают на выборах с

⁹ См., напр.: Colton, T.J.; Hale, H.E. The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // *Slavic Review*, 2009, Vol. 68, No. 3; Hale, H.E. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies*, 2010, Vol. 1, No. 1; Petrov, N.; Lipman, M.; Hale, H.E. Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet Affairs*, 2014, Vol. 30, No. 1.

¹⁰ Голосов Г. Россия: «электоральный авторитаризм» или «гибридный режим» // *Republic*, 24.02.2015. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/1607> [Golosov, G. Rossiia: «elektoral'nyi avtoritarizm» ili «gibridnyi rezhim» (Russia: 'Electoral Authoritarianism' or 'Hybrid Regime') // *Republic*, 24.02.2015. Rezhim dostupa: <https://republic.ru/posts/1607>]

¹¹ Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. P. 3.

¹² Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 37.

¹³ Brownlee, J. Portents of Pluralism: How Hybrid Regimes Affect Democratic Transition // *American Journal of Political Science*, 2009, Vol. 53, No. 3; Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

огромным отрывом, в соревновательных авторитарных режимах выборы служат «ареной, на которой оппозиционные силы могут создавать властям ощутимые проблемы - и порой реально делают это»¹⁴. Конвенционально считается, что если инкумбент (правящая партия) получают на выборах 70-75% и более голосов (или мест), то это гегемонистский режим, тогда как в соревновательных авторитарных режимах оппозиция находится в более благоприятных условиях¹⁵.

Но между гегемонистскими и конкурентными разновидностями электорального авторитаризма есть и качественное различие. Гегемонистский авторитаризм при усвоении демократических институтов радикально меняет их природу. Такие режимы совершенно не соответствуют минимальному, шumpетерианскому критерию демократии¹⁶. А именно, власть по итогам таких выборов в принципе сменится не может¹⁷.

Напротив, концепция конкурентного электорального авторитаризма допускает, что несмотря на общий авторитарный характер власти – злоупотребления со стороны инкумбентов, попрание ими гражданских свобод, нарушения демократических

процедур или манипуляции ими – имеющиеся фасадные политические институты (парламенты, выборы, партии) при таких режимах не утрачивают полностью своей демократической природы и при определенных обстоятельствах могут работать так, как они это делают при демократии. В том числе и выборы, несмотря ни на что, сохраняют роль важного инструмента получения и осуществления власти. Их нельзя считать полностью декоративными. На электоральной арене разворачивается вполне реальная политическая борьба, которое осложняется лишь тем, что игровое поле «наклонено» в пользу действующей власти. Отсюда логически следует, что такие «неполноценные» выборы при определенных условиях могут обретать реальный демократический смысл. Внешняя форма может наполняться содержанием, так что под институциональным прикрытием выборов может происходить организация и координация оппозиционных сил в борьбе против режима. В частности, выборы могут приводить и к смене власти. Обычно в этой связи ссылаются на данный С. Хантингтоном анализ некоторых показательных случаев т.наз. «опрокидывающих» или «ошеломляющих» выборов (stunning election)¹⁸, которые организуются авторитарными правителями ради стандартных целей легитимации режима, однако неожиданно приводят к поражению автократии и тем самым открывают возможности демократизации (которые, впрочем, не всегда реализуются).

Но не являются ли в таком случае конкурентные авторитарные режимы некими специфическими демократиями? При внимательном рассмотрении обнаруживается, что нет. Дело в том, что вероятность «либерализующих электоральных исходов» (liberalizing electoral outcomes) в таких режимах становится отличной от нуля, лишь когда авторитарный потенциал режима осла-

¹⁴ Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 54.

¹⁵ Donno, D. Elections and Democratization in Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2013, Vol. 57, No. 3.

¹⁶ Ср. известное афористичное выражение А. Пшеворского: «демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы».

¹⁷ Это и неудивительно, если учесть, что широкое распространение клиентелизма и патронажа на таких выборах может подменять сам предмет электорального решения избирателя. Вместо альтернатив политического курса – представляемых ли политическими партиями или индивидуальными кандидатами – критерием выбора часто становятся возможности доступа кандидатов к государственным ресурсам. Тем самым у граждан появляются серьезные стимулы голосовать за политиков, близких к режиму, возможно, даже вопреки собственным симпатиям и убеждениям, а у властей – эффективный инструмент удержания власти, не прибегая к насилию и мошенничеству. Очевидно, что смена власти в таких условиях невозможна.

¹⁸ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 189-196. [Huntington, S. Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka (The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century). Moscow: ROSSPEN, 2003. Pp. 189-196.]

бевае¹⁹. Это означает, что опрокидывающие выборы в действительности являются «не причиной, а следствием распада авторитарных режимов»²⁰. Сначала – ввиду массовых протестов, раскола элит или каких-то других причин – власть утрачивает контроль над ситуацией. И только потом – возможно, надеясь восстановить этот контроль с помощью выборов – проигрывает их.

Функции авторитарных выборов

В этом контексте закономерно возникает вопрос: для чего вообще автократы проводят выборы? Несмотря на некоторые риски, которые несут в себе электоральные процедуры, современные авторитарные правители научились так искусно пользоваться этим исходно демократическим институтом, что в настоящее время большинство диктатур сохраняют устойчивость и удерживают своих лидеров у власти во многом благодаря выборам. Так, Дж. Браунли утверждает, что, вопреки известному тезису С. Хантингтона, выборы это не «смерть диктатуры», а источник ее существования. Они «не являются крышкой ящика Пандоры, которая открывает поток политических перемен, они – предохранительный клапан для регулирования общественного недовольства и ограничения оппозиции»²¹.

Выборы нужны автократическим режимам, потому что они выполняют в них ряд важных функций. Конечно, как правило, они не способны выполнять важнейшую функцию

выборов в демократических системах: смену власти. Принципиально смена власти по итогам выборов в условиях авторитаризма возможна, но если такое происходит, это свидетельствует о «сбое» режима, о том, что тот на какое-то время сократил или утратил свой авторитарный потенциал. Но при минимальной стабильности автократий проведение регулярных выборов в среднем повышает их выживаемость, способствуя сохранению инкубентов у власти²².

В литературе по авторитарным выборам выделяется целый ряд механизмов, с помощью которых выборы укрепляют власть автократов. В целом эти механизмы можно свести к четырем основным: легитимация, демонстрация силы, кооптация и сбор информации. Ниже мы рассмотрим эти механизмы и соответствующие им функции выборов в авторитарных системах.

Легитимация. Ссылка на то, что автократические режимы допускают проведение выборов и могут сознательно имплементировать эту практику ради повышения своей легитимности, является одним из наиболее ранних предложенных объяснений распространения электорального авторитаризма²³ и в настоящее время – одним из наиболее распространенных²⁴. Действия такого рода могут быть адресованы как внутренней, так и внешней аудитории, т.е. иметь целью легитимацию режима как внутри страны, в глазах

¹⁹ Donno, D. Elections and Democratization in Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2013, Vol. 57, No. 3; Howard, M.M.; Roessler, Ph.G. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.

²⁰ Голосов Г. Россия: «электоральный авторитаризм» или «гибридный режим» // *Republic*, 24.02.2015. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/1607> [Golosov G. Rossiia: «elektoral'nyi avtoritarizm» ili «gibridnyi rezhim» (Russia: 'Electoral Authoritarianism' or 'Hybrid Regime') // *Republic*, 24.02.2015. Rezhim dostupa: <https://republic.ru/posts/1607>]

²¹ Brownlee, J. *Authoritarianism in an Age of Democratization*. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 8.

²² Geddes, B. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised version of a paper presented at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC, 2006. P. 6.

²³ Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

²⁴ Levitsky, S.; Way, L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Morgenbesser, L. Elections in Hybrid Regimes: Conceptual Stretching Revived // *Political Studies*, 2014, Vol. 22, No. 1; Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006; Seeberg, M.B. State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections // *Democratization*, 2014, Vol. 21, No. 7.

собственных граждан, так и за рубежом – перед лицом, например, международных доноров. И действительно, какова бы ни была степень искажения волеизъявления граждан на авторитарных выборах, они, тем не менее, могут свидетельствовать об определенной поддержке власти гражданами. Такого рода легитимность может возникать в случае, если режиму удастся выстроить эффективную систему государственного управления. Иначе говоря, она может основываться на способности режима обеспечивать приемлемый уровень безопасности, добиваться устойчивого экономического роста, отвечать народным чаяниям в перераспределительной политике и т.д., т.е. в конечном итоге связана с тем, что С. Хантингтон называл «степенью управляемости»²⁵. Эффективность государственного управления может позволять авторитарным режимам даже не прибегать на практике к репрессиям, цензуре и электоральным фальсификациям, однако, учитывая природу авторитаризма, где сохранение инкубентов у власти является приоритетом и достигается «любой ценой», такие инструменты всегда должны сохраняться в арсенале авторитарного режима. Таким образом, в целом мера осуществления легитимирующей функции авторитарных выборов зависит от способности режима имитировать их демократический характер²⁶. Важно, однако, и то, что «открывая вершины государственной власти многопартийным выборам, электоральные авторитарные режимы устанавливают примат демократической легитимации»²⁷, несмотря на то, что на практике его нарушают.

²⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 21. [Huntington, S. *Politicheskii poriadok v meniaiushchikhsia obshchestvakh* (Political Order in Changing Societies). Moscow: Progress-Traditsiia, 2004. P. 21.]

²⁶ Об имитационном характере авторитарных институтов см.: Ginsburg, T.; Elkins, Z.; Melton, J. *The Content of Authoritarian Constitutions* / In *Constitutions in Authoritarian Regimes*, edited by T. Ginsburg and A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

²⁷ Schedler, A. *The Logic of Electoral Authoritarianism* / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. P. 13.

Чтобы авторитарные выборы способствовали легитимации инкубентов, те должны одерживать электоральные победы без явных злоупотреблений. В этом смысле противоположностью легитимационной функции авторитарных выборов является функция демонстрации силы.

Дело в том, что авторитарные режимы нередко стремятся не просто победить на выборах, но победить со значительным, подавляющим преимуществом²⁸. Такой результат призван сигнализировать и оппонентам, и широкой общественности о бесперспективности сопротивления режиму. Перед лицом беззастенчивых манипуляций и угроз граждане и элиты должны прийти к мысли, что действующий авторитарный режим является «единственной игрой в городе». Для достижения такого результата могут использоваться как совместимые с демократическими нормами приемы политической борьбы, так и откровенные электоральные фальсификации и репрессии в адрес оппозиции, а также авторитарная мобилизация избирателей с применением государственного принудительного потенциала и государственных ресурсов. Более того, демонстрация силы будет тем более впечатляющей, чем менее режим будет пытаться скрывать злоупотребления на выборах. Порой авторитарные правители даже намеренно выпячивают такие злоупотребления. Логика здесь такова: режим воспринимается как действительно неуязвимый, если он основывает свою власть не только на поддержке народа – реальной или мнимой – но также способен безнаказанно использовать самые разные способы достижения необходимого результата – в т.ч. явные подтасовки, а также запугивание и подкуп избирателей²⁹.

²⁸ Geddes, B. *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Revised version of a paper presented at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC, 2006; Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

²⁹ Geddes, B. *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Revised version of a paper presented at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington,

Электоральные мероприятия, призванные сигнализировать оппоненту о непобедимости режима, широко используются авторитарными властями по всему миру. Сокрушительные победы режиссируются именно с целью ошеломить соперников, а не просто удержать власть, о чем свидетельствует, в частности, практика мексиканской ИРП, которая, как показала Б. Магалони, прилагала значительные усилия для мобилизации избирателей даже в те годы, когда оппозиция не представляла для нее серьезной угрозы³⁰.

Сценарий демонстрации силы наиболее характерен для гегемонистских авторитарных режимов, тогда как конкурентный авторитаризм чаще склонен проводить выборы, на которых стремится не столько подавить оппозицию, сколько создать такие условия, в которых часть оппозиции может склониться к сотрудничеству с ним. В этом состоит *кооптивная функция* авторитарных выборов.

В наиболее общем виде кооптацию можно определить как «формализованное включение претендентов в оспариваемую ими систему власти»³¹. Вместе с тем, термин «кооптация» может использоваться в весьма различных конкретных значениях. В частности, говоря о кооптивной функции авторитарных выборов, различные исследователи имеют в виду кооптацию элит³², в т.ч. членов правящей партии³³; кооптацию оппо-

зиции³⁴; кооптацию более крупных сегментов общества³⁵.

Дефицит легитимности, ощущаемый при любой диктатуре, приводит к тому, что диктатор всегда находится под угрозой свержения. Опасность может исходить от правящей элиты, от оппозиции, а также от более широких общественных групп. Поэтому залог выживаемости автократа состоит в его умении выстраивать отношения с различными элитными и общественными группами, формируя эффективные коалиции, в том числе кооптируя потенциальных оппонентов.

Что касается элит, то поскольку инкубенты при авторитаризме часто побеждают на выборах с ошеломляющим результатом, это может предотвращать расколы элит, удерживая членов правящей коалиции от дезертизма путем сигнализирования о том, что переход в лагерь оппозиции не дает никаких перспектив. Кроме того, выборы для диктатора – достаточно эффективный способ создания надежных обязательств (*credible commitments*) во взаимоотношениях с ними в контексте известной проблемы принципала-агента³⁶, в том числе по причине того, что выборы могут восприниматься элитами как более справедливый, объективный и в конечном счете более эффективный по сравнению с назначением способ распределения власти (*power-sharing*) между правителем и элитами. Так, Б. Магалони, исследовавшая гегемонистское правление Институционально-революционной партии

Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

³⁴ Albrecht, H. How Can Opposition Support Authoritarianism? Lessons from Egypt // *Democratization*, 2005, Vol. 12, No. 3; Lust-Okar, E. Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

³⁵ Gandhi, J.; Przeworski, A. Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship // *Economics & Politics*, 2006, Vol. 18, No. 1.

³⁶ См., например: Laffont, J.-J.; Martimort, D. *The Theory of Incentives: The Principal-Agent Model*. Princeton: Princeton University Press, 2002; Hawkins, D.; Jacoby, W. *How Agents Matter / In Delegation and Agency in International Organizations*, edited by D. Hawkins, D. Lake, D. Nielson and M. Tierney. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

DC, 2006; Simpser, A. *Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications*. New York: Cambridge University Press, 2013; Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006; Weeden, L. *Peripheral Visions: Publics, Power, and Performance in Yemen*. Chicago: University Chicago Press, 2008.

³⁰ Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 46.

³¹ Coy, P.G. Co-optation / In *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Malden, MA: Wiley, 2013. P. 280.

³² Boix, C.; Svoblik, M. The foundation of limited authoritarian government: institutions and power-sharing in dictatorships // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2.

³³ Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*.

в Мексике, писала: «Автократические выборы призваны установить упорядоченный метод разделения власти между политиками правящей партии... Автократические режимы вознаграждают властью должностями тех политиков, которые наиболее способны мобилизовать граждан на митинги партии, привлечь избирателей на избирательные участки и предотвращать социальные беспорядки в своих районах. Таким образом, автократия вынуждает политиков работать на благо партии и иметь личную заинтересованность в выживании режима»³⁷.

Выборы как инструмент в руках диктатора также важны для выстраивания отношений с оппозицией. Контролируемые выборы открывают доступ потенциальным противникам в легислатуры, которые тоже контролируются и в которых политическая активность может удерживаться в определенных рамках. Представители оппозиции могут кооптироваться на таких выборах, если соглашаются играть по навязываемым им правилам в обмен на ограниченный доступ к принятию решений. Польза для авторитарного режима здесь двоякая: раскалывая тем самым ряды оппозиции, он делает ту ее часть, которая принимает правила игры, неизбежно более лояльной себе, а остальных маргинализирует, постепенно лишая какого бы то ни было политического влияния. Лишенная шансов сменить власть, оппозиция, тем не менее, получает некоторое представительство и может удовлетвориться ролью сателлита. Если такое происходит, оппозиция становится «ручной», а авторитарный режим получает дополнительный источник легитимности.

Нетрудно заметить, что кооптивная функция авторитарных выборов внешне похожа на функцию рекрутирования политической элиты, которую выполняют демо-

кратические выборы. Однако реализация этой функции при демократии зависит от фундаментального принципа, лежащего в основе демократической системы: народного суверенитета. Фактическое или формальное отсутствие такого принципа при авторитарном правлении делает кооптивную функцию характерной чертой именно авторитарных выборов.

Важными стратегиями, которые в рамках авторитарных выборов могут использоваться для кооптивных целей, является создание и поддержание патронажных и клиентелистских сетей³⁸. Так, с помощью распределения патронажа выборы могут использоваться авторитарными режимами для покупки лояльности как представителей элит, так и простых граждан. Э. Ласт-Окар, изучая случай Иордании, показывает, что в этой стране избиратели отдают предпочтение кандидатам, которые имеют больше связей с режимом и за счет этого способны «выбить» больше предпочтений для своего округа³⁹. Более того, и сами кандидаты на иорданских выборах афишируют отнюдь не свои политические взгляды, даже если таковые имеются, а свои лоббистские возможности. Л. Блейдс, исследуя выборы в Египте при Мубараке, утверждает, что распределение патронажа через выборы вносит свой вклад в стабильность режима, поскольку воспринимается и гражданами, и элитами как справедливое и тем самым предотвращает возможные вспышки недовольства: «Соревновательные парламентские выборы в Египте служат наиболее важным устройством, используемым режимом для распре-

³⁸ Gerschewski, J. The three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*, 2013, Vol. 20, No. 1.

³⁹ Ласт-Окар Э. Выборы в авторитарных режимах: уроки Иордании // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Lust-Okar, E. Vybory v avtoritarnykh rezhimakh: uroki Iordanii (Election under Authoritarianism: Preliminary Lessons from Jordan) // Patron-klientskie otnosheniia v istorii i sovremennosti: khrestomatia (Patron-Client Relations in History and Modernity: A Reader). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016.]

деления ренты и поощрений среди важных групп в политически влиятельных классах Египта, включая глав кланов, бизнесменов и партийных аппаратчиков»⁴⁰.

Выборы в авторитарных режимах выполняют также *функцию сбора информации*, и это особенно значимо ввиду того, что существенную часть политических взаимодействий при авторитаризме образуют игры с неполной информацией⁴¹. Беда многих авторитарных правителей состоит в том, что отсутствие или затрудненность обратной связи с обществом помещает их как бы в информационный вакуум, в силу чего они, как подчеркивал еще Р. Уинтроуб, никогда не могут знать, что на самом деле о них думает население⁴². Результаты конкурентных выборов, даже если степень конкуренции ограничена, позволяют выявлять территориальные базы поддержки режима и оппозиции⁴³. Основываясь на этой информации, а также исходя из ряда других факторов, режим может решить, стоит ли наказывать оппозиционные территории или, наоборот, есть смысл попытаться их «задобрить», сокращая, или, наоборот, увеличивая государственные вложения, принимая какие-то иные меры. И, соответственно, опираясь на эту информацию, режим может вырабатывать соответствующую политику в отношении лояльных территорий. Так, например, Б. Магалони показала, что ИРП инициировала повышение государственных расходов на избирательные округа с повышенной долей оппозиционно настроенного населения⁴⁴.

Информационная функция предполагает также, что результаты выборов могут давать лидерам национального уровня информацию о популярности, а следовательно, в косвенном смысле, и о компетентности функционеров режима на местах, которых трудно контролировать напрямую. При демократии политики тоже, как правило, анализируют уровень поддержки и шансы на избрание. Разница, однако, состоит в том, что на демократических выборах такого рода информация используется в целях честной конкурентной борьбы, и при авторитаризме – для удержания политической монополии.

Информационная роль выборов заключается еще и в том, что они предоставляют автократам информацию о лояльности и компетентности представителей режима на местах, отчасти решая уже упоминавшуюся проблему принципал-агентских отношений. В этом, в частности, состоит один из ответов на вопрос, почему китайская политическая система, в целом плохо совмещающаяся с институтом выборов, не только мирится с их проведением на местном уровне, но и поощряет эту практику⁴⁵.

⁴⁰ Blaydes, L. Authoritarian Elections and Elite Management: Theory and Evidence from Egypt. Paper presented at Princeton University Conference on Dictatorships, Princeton, NJ, 2008. P. 1.

⁴¹ Little, A.T. Elections, Fraud, and Election Monitoring in the Shadow of Revolution // *Quarterly Journal of Political Science*, 2012, Vol. 7, No. 3.

⁴² Wintrobe, R. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁴³ Miller, M.K. Elections, Information, and Policy Responsiveness in Autocratic Regimes // *Comparative Political Studies*, 2015, Vol. 48, No. 6.

⁴⁴ Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic*

Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 98-121.

⁴⁵ Gandhi, J.; Lust-Okar, E. Elections under authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 12. Palo Alto, CA: Annual Reviews, 2009.

Литература:

- Ласт-Окар Э.* Выборы в авторитарных режимах: уроки Иордании // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
- Харпфер К.В., Бернхаген П., Инглхарт Р.Ф., Вельцель К.* (ред.). Демократизация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Albrecht, H.* How Can Opposition Support Authoritarianism? Lessons from Egypt // *Democratization*, 2005, Vol. 12, No. 3.
- Blaydes, L.* Authoritarian Elections and Elite Management: Theory and Evidence from Egypt. Paper presented at Princeton University Conference on Dictatorships, Princeton, NJ, 2008.
- Boix, C.; Svolik, M.* The Foundation of Limited Authoritarian Government: Institutions and Power-Sharing in Dictatorships // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2.
- Brownlee, J.* Authoritarianism in an Age of Democratization. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Brownlee, J.* Portents of Pluralism: How Hybrid Regimes Affect Democratic Transition // *American Journal of Political Science*, 2009, Vol. 53, No. 3.
- Collier, D.; Levitsky, S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*, 1997, Vol. 49, No. 3.
- Colton, T.J.; Hale, H.E.* The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // *Slavic Review*, 2009, Vol. 68, No. 3.
- Coy, P.G.* Co-optation / In *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Malden, MA: Wiley, 2013.
- Diamond, L.* Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Donno, D.* Elections and Democratization in Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2013, Vol. 57, No. 3.
- Friedrich, C.; Brzezinski, Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. New York: Praeger, 1961.
- Gandhi, J.; Lust-Okar, E.* Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 12. Palo Alto, CA: Annual Reviews, 2009.
- Gandhi, J.; Przeworski, A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*, 2007, Vol. 40, No. 11.
- Gandhi, J.; Przeworski, A.* Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship // *Economics & Politics*, 2006, Vol. 18, No. 1.
- Geddes, B.* Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised version of a paper presented at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC, 2006.
- Gerschewski, J.* The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*, 2013, Vol. 20, No. 1.
- Ginsburg, T.; Elkins, Z.; Melton, J.* The Content of Authoritarian Constitutions / In *Constitutions in Authoritarian Regimes*, edited by T. Ginsburg and A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Hale, H.E.* Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies*, 2010, Vol. 1, No. 1.
- Hawkins, D.; Jacoby, W.* How Agents Matter / In *Delegation and Agency in International Organizations*, edited by D. Hawkins, D. Lake, D. Nielson and M. Tierney. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Howard, M.M.; Roessler, Ph.G.* Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.
- Laffont, J.-J.; Martimort, D.* The Theory of Incentives: The Principal-Agent Model. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Levitsky, S.; Way, L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Levitsky, S.; Way, L.* The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Little, A.T.* Elections, Fraud, and Election Monitoring in the Shadow of Revolution // *Quarterly Journal of Political Science*, 2012, Vol. 7, No. 3.
- Lust-Okar, E.* Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Magaloni, B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.
- Miller, M.K.* Democratic Pieces: Autocratic Elections and Democratic Development since // *British Journal of Political Science*, 2015, Vol. 45, No. 3.
- Miller, M.K.* Elections, Information, and Policy Responsiveness in Autocratic Regimes // *Comparative Political Studies*, 2015, Vol. 48, No. 6.
- Morgenbesser, L.* Elections in Hybrid Regimes: Conceptual Stretching Revived // *Political Studies*, 2014, Vol. 22, No. 1.
- Petrov, N.; Lipman, M.; Hale, H.E.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet Affairs*, 2014, Vol. 30, No. 1.
- Schedler, A.* The Logic of Electoral Authoritarianism / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.
- Schedler, A.* The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Seeberg, M.B.* State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections // *Democratization*, 2014, Vol. 21, No. 7.
- Simpser, A.* Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications. New York: Cambridge University Press, 2013.
- Weeden, L.* Peripheral Visions: Publics, Power, and Performance in Yemen. Chicago: University Chicago Press, 2008.
- Wintrobe, R.* The Political Economy of Dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

References:

- Albrecht, H.* How Can Opposition Support Authoritarianism? Lessons from Egypt // *Democratization*, 2005, Vol. 12, No. 3.
- Blaydes, L.* Authoritarian Elections and Elite Management: Theory and Evidence from Egypt. Paper presented at Princeton University Conference on Dictatorships, Princeton, NJ, 2008.

- Boix, C.; Svolik, M. The Foundation of Limited Authoritarian Government: Institutions and Power-Sharing in Dictatorships // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2.
- Brownlee, J. *Authoritarianism in an Age of Democratization*. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Brownlee, J. Portents of Pluralism: How Hybrid Regimes Affect Democratic Transition // *American Journal of Political Science*, 2009, Vol. 53, No. 3.
- Collier, D.; Levitsky, S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*, 1997, Vol. 49, No. 3.
- Colton, T.J.; Hale, H.E. The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // *Slavic Review*, 2009, Vol. 68, No. 3.
- Coy, P.G. Co-optation / In *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Malden, MA: Wiley, 2013.
- Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Donno, D. Elections and Democratization in Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2013, Vol. 57, No. 3.
- Friedrich, C.; Brzezinski, Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. New York: Praeger, 1961.
- Gandhi, J.; Lust-Okar, E. Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 12. Palo Alto, CA: Annual Reviews, 2009.
- Gandhi, J.; Przeworski, A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*, 2007, Vol. 40, No. 11.
- Gandhi, J.; Przeworski, A. Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship // *Economics & Politics*, 2006, Vol. 18, No. 1.
- Geddes, B. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised version of a paper presented at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC, 2006.
- Gerschewski, J. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*, 2013, Vol. 20, No. 1.
- Ginsburg, T.; Elkins, Z.; Melton, J. The Content of Authoritarian Constitutions / In *Constitutions in Authoritarian Regimes*, edited by T. Ginsburg and A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Haerpfer, C.W.; Bernhagen, P.; Inglehart, R.F.; Welzel, C. (red.). *Demokratizatsiia (Democratization)*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015.
- Hale, H.E. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies*, 2010, Vol. 1, No. 1.
- Hawkins, D.; Jacoby, W. How Agents Matter / In *Delegation and Agency in International Organizations*, edited by D. Hawkins, D. Lake, D. Nielson and M. Tierney. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Howard, M.M.; Roessler, Ph.G. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.
- Huntington, S. *Politicheskii poriadok v meniaiushchikhsia obshchestvakh (Political Order in Changing Societies)*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2004.
- Huntington, S. *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka (The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century)*. Moscow: ROSSPEN, 2003.
- Laffont, J.-J.; Martimort, D. *The Theory of Incentives: The Principal-Agent Model*. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Levitsky, S.; Way, L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Little, A.T. Elections, Fraud, and Election Monitoring in the Shadow of Revolution // *Quarterly Journal of Political Science*, 2012, Vol. 7, No. 3.
- Lust-Okar, E. *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Lust-Okar, E. *Vybory v avtoritarnykh rezhimakh: uroki Iordanii (Election under Authoritarianism: Preliminary Lessons from Jordan)* // *Patron-klientskie otnosheniia v istorii i sovremennosti: khrestomatiiia (Patron-Client Relations in History and Modernity: A Reader)*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016.
- Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.
- Miller, M.K. Democratic Pieces: Autocratic Elections and Democratic Development since // *British Journal of Political Science*, 2015, Vol. 45, No. 3.
- Miller, M.K. Elections, Information, and Policy Responsiveness in Autocratic Regimes // *Comparative Political Studies*, 2015, Vol. 48, No. 6.
- Morgenbesser, L. Elections in Hybrid Regimes: Conceptual Stretching Revived // *Political Studies*, 2014, Vol. 22, No. 1.
- Petrov, N.; Lipman, M.; Hale, H.E. Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet Affairs*, 2014, Vol. 30, No. 1.
- Schedler, A. *The Logic of Electoral Authoritarianism / In Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.
- Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.
- Seeberg, M.B. State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections // *Democratization*, 2014, Vol. 21, No. 7.
- Simpser, A. *Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications*. New York: Cambridge University Press, 2013.
- Weeden, L. *Peripheral Visions: Publics, Power, and Performance in Yemen*. Chicago: University Chicago Press, 2008.
- Wintröbe, R. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10058

WHY DO AUTOCRATS NEED ELECTIONS? POLITICAL SCIENCE ABOUT THE ROLE OF ELECTIONS IN AUTHORITARIANISM

Yuri S. Medvedev

*North-West Institute of Management of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА),
St. Petersburg, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 13.03.2019 <i>Accepted:</i> 01.07.2020</p>	<p>Abstract: Relatively recently, students of authoritarianism have not paid much attention to institutions. It was believed that since authoritarian rule is generally an arbitrariness, its institutionalism is not really important. Modern approach, however, is that institutions in authoritarian regimes are no less important than in a democracy. This is also applicable to such a political institution traditionally associated with democracy as elections. Recent works on comparative authoritarianism provide more evidence that holding election may help autocrats to survive. Starting from the “third wave” of democratization, the political regimes of “electoral authoritarianism,” that means regimes that are authoritarian in nature, but successfully implementing initially democratic political institutions including elections, are becoming more widespread. The regular holding of moderately competitive elections is characteristic of two the most important types of electoral authoritarianism, both hegemonic and competitive authoritarian regimes. This article attempts to generalize and systematize the conceptual views available in literature on the elections role in authoritarian regimes. Four main functions of authoritarian elections are identified and analyzed: legitimization, display of strength, co-optation and information acquisition.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Educational Program in “Political Science” e-mail: ymedvedev@yandex.ru</p>	
<p>Key words: elections; political institutions; electoral authoritarianism; hybrid regimes; legitimization; display of strength; co-optation; information acquisition – acquisition</p>	

Для цитирования: Медведев Ю.С. Зачем автократам выборы? Политическая наука о роли выборов при авторитаризме // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 189-200.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10058

For citation: Medvedev, Yuri S. *Zachem avtokratam vybory? Politicheskaya nauka o roli vyborov pri avtoritarizme (Why Do Autocrats Need Elections? Political Science about the Role of Elections in Authoritarianism)* // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 189-200.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10058

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

БЮРОКРАТИЯ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ БЮРОКРАТИИ: РЕЦЕНЗИЯ НА СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В.П. МАКАРЕНКО

Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т.
Ростов-на-Дону; Таганрог:

Издательство Южного федерального университета, 2019.

- T.1: *Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. Власть и легитимность. Нелобимый рекорд и проблема отношения к чемпионам. Нереализованная идея столетней давности.* 492 с.
- T.2: *Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России?* 474 с.
- T.3: *Что такое троевластие? Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность.* 599 с.

Светлана Сергеевна Неретина

*Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 сентября 2020 <i>Принята к печати:</i> 10 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на книги: Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. Рассматривается трехтомник В.П.Макаренко – автора свыше 500 оригинальных трудов, доктора философских и политических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика Академии педагогических наук Украины, главного научного сотрудника, руководителя Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Это – произведение человека, посвятившего жизнь исследованию социально-политических процессов, происходящих на его глазах, которые требовали осмысления с точек зрения времени, истории, цивилизации. Собрание сочинений состоит из работ 1980-2010-х годов, которые автор включил в собрание для иллюстрации его сквозной идеи соотношения власти, бюрократии и общества. Отмечаются удаchi и просчеты автора. В.П.Макаренко понимает бюрократию как «превращенную форму выражения всеобщих интересов», социальный организм-паразит на всем протяжении его исторического существования, отражение социальных противоречий и конфликтов, материализацию политико-управленческого отчуждения. Разъяснению этого феномена посвящена методологическая мысль Макаренко, задача которого состоит в разработке собственной концепции и разрушении долговременных мифов о бюрократии как образце «рационального управления обществом». Макаренко исходит из различия между именем и дескрипцией и на этом основании описывает бюрократическую онтологию, гносеологию и аксиологию. Концепцию бюрократии В.П.Макаренко можно понимать как вариант теории, которая может попасть под статус ошибки (по теории К. Поппера). Речь идет о преобразовании общего блага как идеального представления в воплощенное всеобщее зло, частным случаем которого являются цивилизация и любая власть. Описаны ошибки различных теорий государственных структур, отношений, власти. Созданное Лениным и Сталиным бюрократическое государство есть формально разработанная система тотальной лжи, следствия и воплощения которой существуют в России до сих пор.</p>
<p>Об авторе: д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник, Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук, Институт философии РАН e-mail: abaelardus@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Виктор Павлович Макаренко; бюрократия; власть; государство; общество; постсоветский мир</p>	

Анализировать трехтомник трудно. Не только потому, что это – итог долговременной работы: это произведение человека, посвятившего жизнь исследованию социально-

политических процессов, происходящих на его глазах, которые требовали осмысления с точек зрения времени, истории, цивилизации. Его надо медленно читать.

Виктор Павлович Макаренко – философ, политолог и социолог, организатор и главный редактор онлайн-журнала междисциплинарных исследований «Политическая концептология». Он сам себя назвал радикальным контекстатором – тем, кто последовательно и доказательно опровергает позиции оппонентов относительно того или иного политического, социального или философского события. Обладатель внутренней свободы и соответственного объема знания, позволяющего ему судить о правомочности/неправомочности тех утверждений, которые удостоверяют истину или ложь провозглашаемой в данный момент идеологии, – он стоит в позиции стороннего наблюдателя, дистанцированного от предмета анализа, и – вместе с тем – находящегося в боевой готовности теоретически сразиться за чистоту и правильность рассуждения. Платон, Аристотель, Г.В. Лейбниц, Ж.Ж. Руссо, Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Вебер, К. Поппер, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, В.И. Ленин, К. Ясперс, М.К. Петров, А.С. Панарин, Г.Д. Гачев, В.А. Подорога, А.П. Огурцов и многие-многие другие философы, политики и политологи, социологи – его собеседники. Это собеседование делает книгу интересной, наполненной живой мыслью и живыми эмоциями.

У трехтомника нет общего названия. Это собрание сочинений, состоящее из работ разных лет, начиная с 1980-х годов, которые автор счел нужным включить в собрание как работающие на его сквозную идею соотношения власти, бюрократии и общества, относительно которого и во взаимосвязи с которым осуществляются и власть, и бюрократия. В первый том включена монография «Вера, власть и бюрократия: критика социологии М. Вебера», впервые изданная в 1988 г., три статьи, тема которых – легитимность власти и перевод главы из книги С. Андрески «Озарения и ошибки Макса Вебера». Во второй вошла монография 1989 г. «Бюрократия и сталинизм: расплата за непооследовательность»; часть тома посвящена, помимо отмеченного соотношения, анализу вопроса о политической инерции и легитимности государственной службы России. Тре-

тий назван «Что такое троєвластие? Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Проблема общего зла: расплата за непооследовательность». В качестве приложения помещен перевод работы А.С. Хиршмана «Рыночное общество: противоположные точки зрения», где рассматривается понятие *doux-commerce*, первоначально означавшее «не только торговлю, но и приятную беседу и другие формы любезного общения людей, в том числе между мужчиной и женщиной» (3, с. 511).

Такой состав собрания сочинений и удача и просчет автора. Удача в том, что это создает представление об этапах большого пути, а просчет в том, что автор не дал своим старым идеям нового комментария, чтобы получился диалог с самим собой. Он словно себя распределил по томам: марксист в первом томе, яростный антисталинист во втором, отстаивающий при этом, подобно многим людям 1960-1970-х годов, многие ленинские позиции, и критический антиэтатист в третьем. Но во всех трех перед нами – философ, стремящийся постичь начала того мыслительного предмета, который он взялся прояснить. Он относится к той породе людей, которые, отвечая на исторические вызовы, может осуществлять собственную мировоззренческую переориентацию. И все же о новых поворотах мышления иногда при чтении надо было догадываться, например, что мысль Маркса сместилась с анализа «теории труда как источника стоимости и понятия прибавочной стоимости» (1, с. 445) к анализу социальных причин появления «бюрократического» сознания. Здесь хорошо было бы не просто рассказать, что сместилось в сознании при рассматривании «взаимосвязи между всеобщими, особыми и единичными интересами в государстве» (2, с. 6), а как сместилось, как стало возможным переплетение интересов по сохранению «частной собственности с выполнением государственных функций и реализацией частных интересов множества бюрократов в качестве всеобщих» (2, с. 7). Ответа на этот вопрос нет, хотя Макаренко обращает внимание на «взаимосвязь разума и интереса» в момент, когда Маркс «наметил свое решение вопроса о природе всеобщего ин-

тереса и описал природу бюрократической всеобщности в категории «государственного формализма» (2, с. 6).

Анализ бюрократии, понимаемой Макаренко как «превращенная форма выражения всеобщих интересов», одним из которых является такая потребность в управлении, при которой всеобщие интересы подменяются узкогрупповыми и индивидуальными (1, с. 12) – это то, что склеивает все три тома. Разъяснению этого феномена посвящена методологическая мысль Макаренко, задача которого, помимо выражения собственной концепции, состоит в том, чтобы разрушить долговременные мифы об этом предмете, затрудняющие и не стимулирующие восприятие новых идей, показать разницу между именем и дескрипцией, незнание которой ведет к искажению истинного состояния дел.

Этот раздел – один из самых интересных в работе. Ибо при правильном употреблении имен, т.е. при их соответствии существованию именуемого предмета, нельзя было бы принимать в расчет ни одну теорию: все они принадлежали бы области идей. Так, «моральное возмущение Маркса привело его к конструированию идеального типа капитализма, в котором существуют только эксплуататоры и эксплуатируемые» (3, с. 91). Мы не могли бы называть государство социалистическим, поскольку в нем не было социализма. Дескрипция же не подчиняется такому ограничению, а потому вполне реально говорить о бюрократии социалистического государства, наделяя статусом существования то, чего нет. Это значит, мы существуем или существовали, были счастливы или несчастливы, получали награды, подвергались репрессиям в том, имя чего не соответствовало нашим понятиям о том, в чем мы живем или жили: это как бы параллельные миры. Такой парадокс, свойственный любому проекту государства (диктатуры ли пролетариата, казарменного коммунизма, града земного или небесного), обуславливает его легитимность/нелегитимность, его добро и зло, свободу, равенство/неравенство, социальный порядок/беспорядок. Язык – полновластный представитель человека – обеспечивает господство одних идеалов и принципов и ущемление других,

лишая то и другое надежного критерия «теоретического описания социополитического мира» (3, с. 10).

Исходя из этой методологии, Макаренко пытается строить «бюрократическую онтологию», обнаружить ее слагаемые, показать чиновника как социального типа, выставить «бюрократический принцип типологии граждан», добавить к видам познания еще и бюрократическое познание действительности. Его концепцию бюрократии можно понимать как некий вариант теории, вполне могущий попасть под статус ошибки (по теории К. Поппера), позволяющей преобразовывать общее благо как идеальное представление в воплощенное – вследствие пространственно-временного искривления – во всеобщее зло, частным случаем которого являются цивилизация (3, с. 10) и любая власть (3, с. 163). Уже в силу этого представленная концепция антиэтистская, не говоря уже о вскрываемых ошибках (прежде всего у Маркса и Ленина) в разных теориях государственных структур, отношений, власти.

Именно Маркс сформулировал идею бюрократии как «организма-паразита». Сам Макаренко нашел в этом точку опоры, которая, на его взгляд, требовала уже не философско-методологического анализа, что делал Маркс, а практически-политического анализа, осуществленного Лениным, решавшим задачи революционного преобразования буржуазного общества. Здесь требовался комплекс конкретных мер: реформирования законодательства, суда и полиции в первую очередь, выработки «принципов отбора судей», «минимализации и максимализации наказаний за уголовные преступления», выяснения «причин сакрализации государственного аппарата и влияния политических традиций страны на отношения между гражданами и карательно-репрессивными органами государства» (2, с. 14).

Макаренко обращает внимание, что содержание, требуемое от философско-методологического рассуждения, ориентировано на правовые возможности, развязывающие и позволяющие репрессивные деяния, во время революций выходящие на первый план. Смысл высказываний Макаренко именно в этом: при допущении столь

высокоразвитой всепоглощающей бюрократии, обладающей средствами насилия, любые попытки ее разрушить обречены на провал. Все же он согласен с Лениным, который «считал, что только социалистическая революция создает политические предпосылки для преодоления бюрократии» (2, с. 16), хотя это слова, усыпляющие разум. Впрочем, он и сам говорит, что «при социализме укрепляется бюрократия» и «среди факторов, способствующих сохранению и укреплению» ее «в процессе социалистического строительства», называет «возрастание роли государства».

Высказывания Макаренко о политической и экономической прозорливости Ленина и о политэкономической тупости Сталина, постоянно перекрываемые его же утверждениями, что речь у Ленина идет только о практическом решении действительно экономических вопросов (НЭП) при соединении личной власти с диктатурой неграмотного большинства, представленного пролетариатом, на мой взгляд, есть остаточное нежелание заявить о себе как сменившем точку опоры, ибо никакой прозорливости в создании экономики средствами террора нет. Речь или о противоречивости взглядов Макаренко, либо об их радикальной смене. Весь третий том – свидетельство нового концептуального выбора, состоявшего в признании тотального государственного контроля, метафорически называемого автором «командно-бюрократическим управлением» и установленного при сталинизме. Макаренко описывает созданное Сталиным бюрократическое государство как формально разработанную систему тотальной лжи, состоявшей в частности в том, «чтобы связать сталинизм с марксизмом. И возложить вину за его извращения, которые были и остаются по сей день делом рук и рассудка конкретных людей, на основателей» (с. 132). Вся сложившаяся система управления способствовала развитию и упрочению деспотических склонностей Сталина, содействовала огосударствлению марксизма и превращению его в государственную религию.

Создавая свою концепцию Макаренко видит эвристические возможности разрешения конфликта имен и дескрипций в

«традиции аксиологического нейтралитета, восходящей к М. Веберу» (3, с. 90). Потому он и начинает книгу с анализа идей Вебера – «чемпиона социологии», который представлял «бюрократию воплощением принципов рационализма и “господства на основе знаний”... в отличие от господства на основе традиций, харизмы, старшинства или обладания собственностью, как в случае патриархальной власти».

Вебер оказался для Макаренко ключевой фигурой и для демонстрации нераздельности материальных интересов и идей. Существовая изолированно, они тем не менее взаимодополнительны друг другу. Вебер выводил развитие рационального стремления из «духа протестантизма» – трагедийного учения о предопределении, смысл которого сводился к образованию однородно-рационального стиля жизни, свидетельствовавшего об освобождении человека от грешных земных забот без надежды на воздаяние. Макаренко определил исследовательскую программу Вебера как попытку выйти за пределы одностороннего препарирования истории, смещая внимание с понятия на понимание.

Именно в этом в акценте на понимание помощь Вебера оказалась весьма действенной, важнее упования на экономику и прочие материальные интересы. Макаренко полагает, что «метод понимания определяет специфику гуманитарного знания» не только Германии конца XIX – начала XX в., но и нынешней России: термин «понимание» многозначен, и веберовская концепция – частный случай многозначности, способствующий выявлению мотивов, которыми руководствуются индивиды в своем поведении и деятельности. Но процесс понимания, заметим, как раз и способствует формированию концептов, природу которых забыл пояснить автор, а концепт мотива оказался выведенным за рамки психологии, приобретает общеметодологическое значение.

Но миф Вебера о бюрократии, анализу которого посвящен специально весь первый том, оказался, однако, совершенно непригоден для понимания и российской власти и теории этой власти, «в которой сила и террор государства полагаются главным

фактором» (1, с. 12). Соответственно речь не может идти об ее универсальной значимости. Для Макаренко российская бюрократия – это социальный организм-паразит, в XX в. полностью сросшийся с партийно-государственным аппаратом, а сейчас с государственно-политическим. Она стала представлять собой суперклассовое¹ образование, в котором сосредоточены экономические, политические, социальные и духовные статусы. Потому говорить о власти ли, государстве, политике – это говорить о бюрократии, которая выступает в этом перечне на первый план, ибо именно она конкретно, именами, материально олицетворяет эту троицу. Разговор о бюрократии – это теоретический разговор, предполагающий предельные основания, и разговор, адресованный к носителям власти, принимающим конкретные решения.

Для анализа российской бюрократии, Макаренко вводит важные для его концепции понятия: «политическое отчуждение», «понимающая интерпретация», «интерес», «мотивация» и механизмы ее складывания.

Мотив – нечто зыбкое, способствующее выявлению политического отчуждения, понятия, весомого для Гегеля, Маркса, Хайдеггера, под воздействием которого сформировались два противоположных «политических чувства»: равнодушие к судьбам государства и пиетет к нему. Именно мотив способствует разделению общества, закрепляя его идеологические формы, сбивая людей в определенные группы, деятельность которых и сознание в которых окостеневает. Вот тогда «отчуждение становится тотальной характеристикой буржуазного периода развития человеческой истории» (1, с. 364), не исчезнувшее и по сей день. «Отчуждение» – термин, заставляющий совершать подмену понятий, имен, определений. Макаренко полагает, что всем обществам и государствам свойственна социальная мимикрия, влияющая и на политический интерес.

¹ Думаю, что это не слишком верное именование, ибо у нас приставка «супер» имеет статус превосходной степени; здесь же она употреблена только и исключительно в значении «сверх», что вообще придает бюрократии метафизический статус.

Политическое отчуждение определяется им так: «это целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий» (3, с. 12). Это не «идеи “естественных прав”, “общественного договора”, “прав человека”, “законов истории” и вытекающие из них концепции власти» (там же). Политическое отчуждение связано с самой плотью бытия, жизненного мира, оно «обусловлено формированием государств. В его состав входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами» (там же). Это формы естественно складывающейся, пусть и оказывающейся иллюзорной, «общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство)» (там же), преобладание этнической, национальной солидарности «над духовными связями людей; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики» (там же). Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления, определяя его содержание (см.: 3, с. 11-12).

Предлагаемое определение, на наш взгляд, все же несколько размывает смысл отчуждения, в котором корневым является вопрос о чуждости, разделении, ибо, и по словам Макаренко, власть происходит от «соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции мышлением» (3, с. 12). Но потому и договорные отношения не могут быть исключены из содержания понятия «отчуждение», поскольку договор на то и договор, что его заключают *разные* общественные группы, слои, классы, определяющие в нем свои условия. Весь пафос последующего изложения автором отчуждающего процесса, связанного в том числе с гражданским сопротивлением, заключен именно в этом сегментирующем процессе. Ибо, как он пишет, «любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления» (там же), и «за-

дача социальных наук – распределение любых форм политического и гражданского отчуждения», ибо народ испытывает необходимость в гражданском сопротивлении там и тогда, «где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции» (3, с. 15). Поскольку же «в СССР после 1917 г.» – и это факт – «сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть» (там же), то естественно возник антагонизм между интересами трудового народа и этого класса, затушевываемый и даже скрывающийся властью, как скрывалось за разного рода политическими метафорами и инверсиями явно существующая в СССР эксплуатация человека человеком. Именно в поисках начал жесткого отделения власти от нужд человеческой жизни – исследовательский пафос Макаренко. И, как обычно, эти поиски ведут в сторону «татаро-монгольского ига», политический смысл которого объясняется, однако, не как обычно.

Макаренко оспаривает идею, что от «ига» ведутся традиции российского государства: ссылка на эти традиции, на его взгляд, «стала общим местом государственной идеологии, историографии и пропаганды». Он дает совершенно иной взгляд на это событие, интерпретируя почти трехсотлетнее господство монголов над русскими землями, князья которых находились в тесном сотрудничестве с поработителями, раболепствуя, угождая, предавая друг друга, как возможность «искусственного отбора» лиц, обладающих низкими моральными качествами, пользовавшихся чужой военной силой, сплетавших свои интересы с интересами врагов (3, с. 233). Эти процессы, на взгляд Макаренко, «повлияли на становление русского национального характера» (3, с. 255), более того, они привели к тому, что «причиной различных форм классовой борьбы в русской истории» стало государство. «Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения» (3, с. 22-23). Это позволило ему – и справедливо – не согласиться с оценкой А.С. Пушкина и считать русский бунт «бессмысленным и беспощадным» (см.: 3, с. 23).

«В любом восстании был смысл, поскольку оно позволяло скорректировать политику государства. За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости». Главное здесь – смычка власти князей с собственностью. Потому «бессмысленной и беспощадной была политика государства, которая никогда не отличалась смыслом и милосердием» (там же).

Макаренко показывает этапы скрепления власти с экономикой, политикой и социальными структурами. Одним из основных методологических оснований у Макаренко является утверждение границы между философской рефлексией и мифологизацией, причем под мифом он понимает, как правило, систему ложных представлений. Не входя в разбор этого понятия, я сошлюсь на книгу М.Я. Гефтера «Третьего тысячелетия не будет»², посвященную во многом тем же проблемам, что книга Макаренко.

Гефтер прорывал другое русло. Задолго до заявлений о желании возродить 1000-летнюю Россию он утверждал их тщетность, поскольку русская история не является непрерывной, она – цепочка цезур. «Ни один квалифицированный историк не скажет, что маленькие славянские княжества простым “ходом исторического развития” могли за столетие вырасти в державу, простершуюся до Тихого океана. Эту возможность открыло Москве сокрушительное событие нашествия монголов. Последний центральноазиатский кочевой выброс – не простая пауза в сплошном процессе, а цивилизационная катастрофа домонгольской Руси». В отличие от Макаренко Гефтер не считал, что таким образом складывается русский национальный характер. Напротив, это «обвал русскости, а там уже – возобновление русской истории заново из руин, в ипостаси *российской*... Если у политика-лидера нет сознания этой опасной *прерывности* русской истории, он сам опасен для России»³. Гефтер считает, что Россию создавали беглые крепостные, заполнявшие просторы, оставленные

² Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. М.: Европа, 2015.

³ Ibid.

татаро-монголами, оседавшие на этих просторах, где жили люди других этносов. Они, смешиваясь с ними, могли называть себя вольными, или казаками. Они бежали от власти, а та их «догоняла, вбирала в себя – и они становились субстратом власти. Оттого из их среды мог выйти человек, объявивший себя императором Петром III. Все его окружение знало, что он Емелька Пугачев, их это устраивало. Они уже вошли в контекст русской власти-самозванки». Нагоняя беглецов, царь “нахлобучивал” на них “государев двор с холопьями”... Это опрокидывание холопства на Евразию – гениальная политическая импровизация... Парадигма Грозного – это холопский оттиск, который он оставил России»⁴.

Размышления Гефтера по поводу российской истории имели целью то же, что имел в виду и Макаренко, даже антиэтатизм тот же и тот же вопрос: можно ли отсрочить ее новый обвал, но только для Гефтера это означало – в отличие от Макаренко, – что даже при численном превосходстве русских ими завоеванное пространство не становилось русским ни в национальном, ни в этническом отношении, оно сразу становилось Миром, который можно назвать русским миром, которого жаждал Ф.М. Достоевский, П.Я. Чаадаев, народоволец А.Д. Михайлов и Ленин, к которому Гефтер, не прекращавший им интересоваться как историк до конца дней, относился как к продолжателю этого направления мысли: Россия Ленину была важна именно как то, что выстраивает универсальную историю, на этом завершающуюся. Россия понималась не как экспериментальная площадка для последующего прыжка в европейское пространство, а как втягивание в себя этого пространства. Именно такого рода экспансию Гефтер считал началом конца истории, в качестве причины которого называл «гибридные» основания: смешение абсолютного зла с абсолютным добром. В этом – перекрестье с Макаренко.

Если посмотреть на идеи бюрократической власти с двух точек зрения (в данном случае Гефтера и Макаренко), тогда завязывающийся узел проблем предстает в большем динамизме, который свидетельствует о

⁴ Ibid.

возможных точках слома, ибо мы находимся уже не в «обстоятельствах XIX в., даже не XX в., а в гибридной цивилизации XXI в., включающей в себя петрогосударство, коммерческое государство, институты сетевых структур. *Этому* миру не менее присущ рост социальной напряженности, обезличенности: люди в масках, сериалы с одинаковыми сюжетами, странные войны – все это усиливает и как бы выставляет напоказ ту самую трехголовую властную бюрократизацию, о которой пишет Макаренко, с одной стороны, а с другой – рождает быстро разваливающиеся концепты власти, потому что они меняются с той скоростью, которую допускают новые технологии. Власть уже выполняет другие функции, осуществляя, например, милитаризацию сознания и ставит под вопрос саму необходимость философии как действительно дающей обоснование бытию и мышлению и как свободомыслие. Философ старается вмешаться в социальный процесс, не будучи готов к изменившимся обстоятельствам. Он старается вернуться в цивилизованное русло, хотя цивилизация попорана, или (см. Гефтер) ее у нас и не было, а потому вместо того, чтобы составлять уставы “новых Атлантис”, мы все еще пытаемся понять старые – через Платона ли, Маркса, Вебера. Но это в «той» жизни за опытом прыгали. В цифровую эпоху вопрос стоит иначе: в какой мере вообще нужен прошлый опыт?

Нынешние «обстоятельства» разрушили старую матрицу. Отсюда и ощущение полного отчуждения от цивилизации или: требование нового прочтения истории. Она не стагнации требует, а именно перечитывания. В этом смысле книга Макаренко как нельзя более злободневна – сталкивая позиции, она высекает искру нового понимания.

Литература:

Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019.

References:

Makarenko, V.P. Sobr. soch.: v 3-kh t. [Coll. cit. : in 3 volumes]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

BUREAUCRACY OF POWER AND OF THE POWER BUREAUCRACY. REVIEW ON THE COLLECTION OF ESSAYS BY V.P. MAKARENKO

Makarenko, V.P. *Sobr. soch.:* v 3-kh t. [Coll. cit. : in 3 volumes].
Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019.

Svetlana S. Neretina

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 05.09.2020 <i>Accepted:</i> 10.09.2020</p>	<p>Abstract: Review of the books: Makarenko, V.P. <i>Sobr. soch.:</i> v 3-kh t. [Coll. cit. : in 3 volumes]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019. This is the review of the three-volume book by V.P. Makarenko, the author of over 500 works, Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Chief Researcher, Head of the Center for Political Conceptology of the Institute of Philosophy, Social and Political Sciences of the Southern Federal university. This is the work of a person who devoted his life to the study of socio-political processes taking place before his eyes, which required understanding from the point of view of time, history, and civilization. This collection comprises essays written from 1980s to 2010s. The author included them to illustrate his cross-cutting idea of the relationship between power, bureaucracy and society. The author's successes and failures are also noted. V.P. Makarenko understands bureaucracy as a 'transformed form of expression of universal interests', a social organism-parasite throughout its historical existence, reflection of social contradictions and conflicts, materialization of political and managerial alienation. The methodological thought of Makarenko is devoted to the explanation of this phenomenon, whose task is to develop his own concept and destroy long-term myths about bureaucracy as an example of 'rational management of society'. Makarenko proceeds from the difference between name and description and on this basis describes bureaucratic ontology, epistemology and axiology. V.P. Makarenko's concept of bureaucracy can be understood as a version of a theory that can fall under the status of error (according to K. Popper's theory). It implies the transformation of the common good as an ideal idea into an embodied common evil, a particular case of which is civilization and any power. The errors of various theories of state structures, relations and power are also described. The bureaucratic state created by Lenin and Stalin is a formally developed system of total lies, the consequences and incarnations of which still exist in Russia.</p>
<p>About the author: Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences e-mail: abaelardus@mail.ru</p>	
<p>Viktor Pavlovich Makarenko; bureaucracy; power; state; society; post-Soviet world</p>	

Для цитирования: Неретина С.С. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В.П. Макаренко // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 201-208.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

For citation: Neretina, Svetlana S. *Byurokratiya vlasti i vlast' byurokratii: retsenziya na sobraniye sochineniy V.P. Makarenko (Bureaucracy of Power and of the Power Bureaucracy: Review on the Collection of Essays by V.P. Makarenko)* // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 201-208.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sgavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sgavnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
 - About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
 - Title in Russian in capital letters;
 - Surname and author(s) initials (Russian transcription);
 - Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.